

Радуга Крови

Иной вход в их окраинный дом был со стороны открытого, диковатого поля — скрыт от чужих глаз; а далее — редколесье, а в нём — заброшенный форт Легаты, но его надо знать, как искать. Но Арад понял, что по дороге сюда его всё равно заметили, и он уже пожалел, что не дождался темноты. Уж точно надо было пробираться со стороны поля, да и вообще — лучше было сегодня не идти.

Он постучал в дверь, и в груди всё скрутило, как обычно бывает, если стучишь в чужие двери и мучительно ждёшь входа.

Несколько мгновений, никто не открывает, и он осторожно попробовал поправить невероятно цветной, яркий *ном* — знак дома, надлежащего сестре Ашаи-Китрах — ибо стоял тот косо, а не ровно. Тщетно — тот так оказался вкопан, под углом, намертво. Естественно, ном его не интересовал, он просто занимал руки и ум чем-нибудь посторонним, делал изнутри и снаружи занятой, суровый, скрытно-угрожающий вид, как подобает самцам.

«Наверное, её нет», — подумал Арад, размышляя, какой ответ можно придумать для отца с матерью: почему он вдруг подошёл к дому Ашаи-Китрах? И тут вдруг услышал шаги; засов за дверью открывался со страшной решительностью, и это точно не могла быть Симсана, нет, львица в пятнадцать не имеет такой резкой силы и безнежного обращения с миром. Причём, да, вот что: никто не спросил «кто там?»; никто не поинтересовался гостем.

— Красивого дня, велико... превосходная, — он сначала хотел сказать «великосиятельная», но вмиг передумал, и почему-то сказал «превосходная», а ещё совершил то ли глубокий кивок, то ли очень нерешительный поклон. Что-то такое. Великопревосходная. Кошмар.

— Ваал хранит день, — бесстрастно смотрела на него Ашаи-Китрах, в глубоком возрасте силы. — Чем могу служить?

— Я пришёл к Ваалу-Симсане, — сказал Арад как можно чётче, увереннее. Он подготовился. Он должен был готовиться — в его доме ни разу в жизни не была львица сестринства Ашаи-Китрах. Он знал, что *номен* должен быть всегда, не имя, а номен; ещё раз: не имя — номен... — Мы договаривались, о встрече, — теперь уже как можно беззаботнее, буднично, и глядя ей прямо в глаза.

Проклятье, но кому «ей»? Арад забыл имя наставницы Симсаны; а это была она, собственной персоной. Имя её, оно было простое и милое, оно не

вязалось с её обликом: грубое серое платье с брутально массивным — как для самки — поясом, хищные восточные глаза (ямрийка, что ли?), резкие черты, тёмное золото окраса, огромное железное кольцо в ухе. В рост ему, почти ровня. С такой шутки плохи.

— Её нет. Но скоро будет, — кивнула она головой, приглашая. — Зайдёшь?

Предложение звучало необязательно, непринуждённо; скорей, даже из вежливости, вполне возможно (хотя и непонятно до конца). От такого легко отказываются. Такими предложениями все бросаются каждый день направо и налево. Пожалуй, сейчас и стоит отказаться: всё-таки Симсаны нет, а есть только её наставница, а она тут ни к чему, вообще ни к чему, она всё даже портит; ну, а раз нет, то что тут поделаешь, на «нет» и суда нет, как очень любит приговаривать отец.

— Спасибо, — вошёл Арад.

Её надо дожидаться. Не отступать!

Его встретила небольшая предвхожая. Чан для лап — огромный, деревянный и грубый, как корыто, он такого никогда не видел; снял кнемиды, которые всегда называл легатными, хотя никакие они не легатные, как ему объяснили однажды, смеясь, старшие львы. Покосился: хозяйка не стала стоять подле него, а, закрыв дверь, вошла вовнутрь дома. Нарочито тщательно вымыл лапы, потом руки, потом по привычке умыл морду, а потом и загривок, прошёлся когтями по уже хорошо ощутимой рыжей гриве, потом ещё, потом ещё. Посмотрелся в зеркало — выглядел серьёзным и растерянным; как всегда, в общем. Полотенец возле чана было какое-то невероятное количество, штук десятков, не меньше, и это определённо что-то значило или чему-то служило (у них дома-то, как у всех — два: для лап, для рук и вообще верха), висели они в три этажа, а не два. Взял нижнее, вытер лапы, взял верхнее, весь им взъерошился, посмотрелся в зеркало, почувствовал себя глупо. Зачем зашёл? Как-то это всё неверно. Мог и на улице подождать. Ему, наверное, здесь не очень рады — наставница ведь *знает*, кто он, откуда, из какого дома и рода.

Ну хорошо. Приоткрытую внутридомную дверь, лёгкую, деревянную, с прорезами, открывал нарочито медленно. Вошёл.

Комната, эта главная комната оказалась больше, куда больше, чем он ожидал. Обилие вещей, которые здесь были повсюду, атаковало его; это не был беспорядок, нет, было видно, как тут упорно пытаются держать всё в порядке, но именно обилие вещей, настолько разных, что ты терялся. Сразу слева небрежно отдыхали две совны, известное оружие самок, которое брать львам не подходит. Под ними — мешки, много мешков. Затем, по кругу: кровать, дверь, какой-то вход на какой-то чердак, длинная столешница, печь, снова стол, снова кровать. Четыре люльки, такие, что под пото-

лок подвешиваются, стояли в углу, прямо одна на другой. Но также, посередине комнаты, как исполинский алтарь — ещё одна, огромная кровать, на высоких ногах; на ней свободно можно спать и вдоль, и поперёк; застелена она всем белым, и...

— Будем знакомы. Я — Ваалу-Миресли, я наставница...

— ...наставница Симсаны, она рассказывала о сиятельной, — очень живо подхватил он, и сразу пожалел, ведь прямо перебил. — Ваалу-Симсаны, прошу извинить, — впился когтями себе в ладонь, сжав кулак.

— Верно. Садись, приглашаю тебя, — властно указала наставница на длинную лаву за длинным столом, а сама пошла к печи, возле противоположного окна; вид у неё был сосредоточенный, жёсткий, сомкнутые уста, уклонённые уши.

Мельком проводил её взглядом. Кинжал прямо за спиной, горизонтально, просто и небрежно привязан к этому сильному поясу. Длинное, грубоватое, серое платье ниже колен; Арад не знал, как такие называются; он примерно знал и издали отмечал, что Ашай-Китрах носят, и у него всегда было впечатление, что одеваются они нарядно и любопытно, а иногда — как говорил отец — шлюхоподобно (Арад запомнил это слово и пару раз, при случае, бросался им в компании, и всех оно смешило, и это было хорошо). Но это — некое суровое, грубое одеяние, и на поясе — три или четыре полотенца (тряпки?), чистые и очень белые.

Что-то она там хозяйничает возле печки и стола. Ладно.

Сел, скрестив руки на столе, и лапы под столом. Осмотрелся, подобрал запах дома — пахнет травами, какими-то то ли лекарствами, то ли ещё чем, едой, самками; смесь была эклектичной, непонятной, но приятной.

И вдруг заметил, что они тут — не одни. В другом углу стола, прямо у стены, сидела какая-то хаману; её было не видеть из-за занавеси на окне и высокой, огромной вазы на столе.

Ой, нет. Не какая-то.

— Хаману Ульра, хорошего дня! Прошу прощения, не заметил.

Та кивнула. О, да. Он отвёл глаза и впился взглядом в кружечку на столе. Его мать и Ульра вместе учились в сепаратной Галленской школе для львён, и хорошо знали. Ульра была самкой в самом прямом, самом непосредственном значении и назначении: она бесконечно рожала детей своему мужу, известному фискалу, папиному партнёру по игре во флис и спорах, она сама, без прислуги (но с бездетной сестрой), содержала дом, она всё знала и всё, что знала, рассказывала множественным подругам, таким же, как она.

Ульра тяжело встала, держась за живот. Она не была ни крупной, ни высокой, ни толстой, но она была... такой беременной. Иной мысли Арад

не мог подобрать. В детстве ему говорили, что беременные львицы съели арбуз, так вот эта съела их много.

— Ваал мой. Най, жара, — она сделала себе веер из пустой, мелкой тарелки, и так обмахивалась. — Спаси, мать-Ахлия. Най... Так что, послезавтра?

— Да, — не оборачиваясь, молвила Ваалу-Миресли, продолжая стучать посудой. — Завтра.

— Арад, когда у тебя будет благоверная, то не делай ей трёх сыновей сразу. Бывай силён. Ахлия-праматерь! Ой...

Поправила подол. Из-за положения хаману Ульра ходила в совсем свободной длинной тунике, немного смешной, без пояса и без обязательных для каждой найсагрийки шнуров на нём — *катены*. Прямо как по дому, но беременным так позволительно, даже положено.

— Разреши, мастерица, — необычно, очень просяще сказала Ульра, необычно и для себя, и вообще; Арад невольно навострил уши.

Ваалу-Миресли подошла, их руки встречаются в затейливом, особом объятии, понятном только львицам, что давали жизнь и встречали жизнь — ладонь мастерицы жизни бережно обнимает локоть хаману, а потом сильно, весьма сильно сжимает его, как оно всегда бывает, когда львица должна принести миру жизнь, а мастерица жизни должна ей помочь, и в мире есть только они двое, и больше никого.

Ладонь львицы безвольно расслабляется на предплечье мастерицы, повинувшись сильной и нежной хватке.

— Ваал разрешит, — утвердила Ваалу-Миресли.

Арад диковато отвернулся. Наверное, не стоило на это смотреть, или даже нельзя. Кружка (пустая), тарелка (кто-то что-то ел), книга (большая, дорогая — сразу видно, красивая), накрытая цветной тканью с их родными найсагрийскими узорами (солнечные спирали повсюду). Всё-таки зря зашёл. Это ведь дом мастерицы жизни, считай — дом повитухи (отец иногда говорил «эти повитухи», имея в виду Ашаи-Китрах вообще, всех, без разбору, и в эти слова он вкладывал всё презрение самца к чудовищно детским, ограниченным и недалёким делам иного пола); чего льву делать в доме самок?

Тем временем наставница Симсаны провожала хаману; они встали где-то на улице, у порога, и хаману что-то смеялась. Всё, теперь шансов, что каким-то чудом не узнают о его визите, нет. Никаких. Арад, сын судьи Нергима-Синая, из рода Каризиан-Руст — и у мастерицы жизни, Ашаи-Китрах Ваалу-Миресли! Превосходные новости, высшего качества, то, что надо для слухов, обсуждений, догадок, всего такого, всего такого.

Наконец, они попрощались, и входные двери закрылись, снова резко треснул засов. Арад прислушался. Мгновение тишины. Потом какое-то шуршание одежд.

Проклятье. Арад вспомнил. Она представилась. Он — нет!

Так, надо продумать, что сказать. Да, где-то так: «Прошу простить, наверное, я помешал великосиятельной, я не знал, что есть гостья. Меня зовут Арад. С Ваалу-Симсаной мы узнались, когда была поездка в Муур. Мы договорились, что я зайду, и вот — я зашёл сегодня. Кстати, завтра — ярмарка в центре. Может, Ваалу-Симсана пожелает со мной?». Да, такая речь будет подобать образованному льву из хорошего рода.

Это была почти вся правда. Во-первых, они договаривались, но иначе; но это, право, неважно. Во-вторых, познакомились они не на поездке в Муур (тогда он уже знал её, и нарочно подсел по дороге назад, не без труда и не без хитростей, совсем ненадолго, потому что кругом неё крутились шумные хвостки-подружки, вредноватые, всё оценивающие взглядом и со всего смешливые; в итоге он и она смогли перекинуться парой слов, о всякой ерунде. Арад раз пошутил, и вроде неплохо, она хихикала, даже раз засмеялась).

А на самом деле познакомились они, когда — не так давно, луны две назад — произошёл пожар в больнице (большое дело было), устроенный сумасшедшим. Тогда их всех, всю гимназию, всех гимназийных львов, попросили помочь разобрать погреб больницы, и Арад никогда бы не подумал, что в больнице может быть столько всякого винного и спиртового добра. Они складывали бутылки в повозки и смеялись; досмеялись до того, что разбили их, да немало так, и Арад порезал руку осколком, вдоль предплечья. Больно не было, но крови так-то оказалось немало, и Арад пошёл вовнутрь больницы — поискать что-нибудь для перевязки. И Симсана как раз выходила из неё, и — немного помедлив — сама остановила жестом (Арад очень хорошо помнил её медлительность, её сомнение, словно она решалась, надо ли ей связываться с этим кровавым делом). Всё было молча, совершенно. Она перемотала ему руку, причём так ловко, обыденно и непринуждённо, словно делала это каждый день многим Арадам, и у неё оказалось с собой много белой, хлопковой ткани, а перед этим всё залила жгучим спиртом, которого вокруг было сколько хочешь. Ну а то, что она оказалась возле больницы, или в ней, — Арад так никогда и не спросил, что она там делала — так ничего странного, Ашаи-Китрах и больницы всегда где-то друг подле друга, а особенно мастерицы жизни, а Симсана, она ведь именно такова — ученица мастерицы жизни: повитухи, которая одновременно и жрица Ашаи-Китрах (или наоборот — кто их там разберёт).

Арад, сначала посчитав, что Симсана — служанка больницы, хорохорился и строил вид, что всё нипочем (было нетрудно, не очень болело):

— Распробуем? — начал дерзить, держа бутылку красного вина в здоровой, левой руке.

— Нельзя, оно чужое. Кража, — ответила, не глядя, осматривая и осторожно трогая свою работу.

— А я куплю.

Она не ответила. Он засмотрелся на её железное кольцо в ухе, большое, только теперь его заметив: странное, большое, грубое. А потом заметил, как она одета, эта львёна примерно его возраста. Этот большой пояс. Подол странноватый у её платья, и платье вообще взрослое, плотное, грубое какое-то. На шее цепь: кажись, амулет, но спрятан одеждой.

Лёгкий книксен, ни слова больше, полуоборот, её первый шаг...

— Мне прощение! — ухватил он её за локоть, вышло резковато, но уж как получилось. — Как маасси зовут? Огненную маасси. Огненную. Маасси Ашаи-Китрах... Прошу прощения... я, — пригладил он гриву, отпустив львицу. — Прошу прощения за неловкость манер.

— Что юнсиру ещё надобно? — чуть нахмурилась она, отводя уши.

— Я никогда не имел чести беседовать с львицей сестринства с глазу на глаз. Пусть, — небольшая заминка, ибо он вспоминал, как именно надо говорить с ними, — огненная поймёт меня.

Она уставилась на него, в явном удивлении, и Арад очень запомнил одну вещь — её сжатые, необычно тёмные уста; её осторожный, немного обвиняющий взгляд.

— Это как?

— Мой отец — судья, — с извинением сказал он. — Поэтому я рос в обстановке, в которой не... не... — приставил руку к виску. — Не было сестринства, — только с этим нашёлся он.

Он говорил с ней, вовлёкши всё, что знал из риторики и просто опыта хороших манер, которые ему и братьям прививали отец с матерью; они были вхожи к местной элите (и, что таить, сами являлись ею, не самой высокой, но всё же), и Арад знал, как оно в патрицианском доме и целовал руку маасси высокого рода. Он решил избрать самый безопасный путь, и беседовать с нею самым обходительным и высоким образом. Потому что просто не знал, как иначе с её сестринским сословием. Не имел опыта. Только на книжке, только на словах.

Пятнадцать лет жить Сунгом — и не общаться с жрицами Ваала! Да, такое возможно, если ты рождён в определённом круге.

— А, так юнсир — Арад, из рода Каризианов? — наострила она уши.

— Верно, — удивился: ей ведомо, кто он такой.

— Ваалу-Симсана. *Сталла* сестры Ваалу-Миресли, мастерицы жизни... Предлагаю без номена.

Потом, в ретроспекции, Арад вспоминал, что это последнее, это «...без номена», она молвила после сиюмгновенной задержки, будто выжидала, или раздумывала, или даже сомневалась. Потом он ясно определил, что эти три слова: открыли путь; изменили мир; сделали «до» и «после».

— Моё внимание? — использовал Арад высокую форму для обычного «Что-что?».

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты можешь звать меня Симсаной.

— Польщён, — Арад уловил переход на «ты»; по правилам, если маасси его предлагает первой, как и должно быть, то нужно предлагать это с благодарностью, ни в коем случае не игнорировать (чудовищная бестактность). Разумно предположив, что-то же самое работает и с Ашаи-Китрах, продолжил: — Я...

Он забыл о бутылке в руке, она упала и разбилась.

— Я ещё одну украду, — предложил Арад. Это была безумно глупая фраза; он даже не знал, зачем это сказал, снова опустив манеру их диалога.

Симсана прыснула, помогла ему убрать осколки, ссылаясь на его раненую руку (по сути, убрала их сама), и попрощалась.

...Шаги сзади, стук когтей по полу. Всё, Ваалу-Миресли, наконец-то, кажется, вошла. Так, Арад продумал, что скажет. Он обернулся. Ашаи прошла мимо него, он провожал взглядом её спину, потом обернулась, скрестив руки, и прислонилась боком к столу. Он встал, хорошо, что ровно, но больше не совершил ничего значительного, потому что встретил её взгляд; хорошо, что сделал это не во время вставания, а то бы так застыл, или упал, или случилось бы ещё нечто подобное.

Дело в том, что Арад таки не знал, как ведутся Ашаи; неоткуда, просто неоткуда. О них дома не говорили (если только не смеялись или критиковали), домой не приглашали, они не принимали участия ни в чём, им не было места. Он не знал вживую, вблизи, подолгу, их повадок и манер, помимо — уже — Симсаны. Он, безусловно, чувствовал и заметил разницу между нею и сверстницами, несмотря на то, что Симсана, кажется, пыталась рядом с ним пригасить надлежность к сестринству. Может, иллюзия, но в любом случае — это точно — Симсана этим не кичилась и не блистала при удобном случае. Но, в целом, её повадки, её штуки умещались в границы знамого, понятного; Арад знал, что ничего о ней не знает всерьёз, но что поделаешь — в конце-концов, у самок кругом тайны.

Тут с ним заговорили на ином языке. Даже не на другом — *ином*. Доселе Арад жил и никак не подозревал, что такое может существовать в мире; ему словно вытащили вату из ушей, и тогда звуков мира даже не столько становится больше, нет, они меняются качеством. Её глаза не просто что-то знали о нём, они вошли в беседу с его сознанием напрямую, минуя услов-

ности ума. Взгляда было не просто много, нет, он был иной, это был способ общения, язык, сообщение, сжатое в блеск и огни её глаз в законном свете послеполудня. Всё вокруг стало ненастоящим. В мире вечного солнца, в котором он беспечно прожил эти годы, появилась луна, с обоими сторонами — Луаной и Сикстимой. И поскольку это открытие было слишком завораживающим, то наверняка многое из того, что она ему поведала — растерялось.

Но кое-что Арад понял: «Ты не бойся».

Она отвела взгляд к окну. Отпустило. Потом снова посмотрела, но уже ничего; то ли привык, то ли всё, то ли.

Да. Надо всё-таки довести дело до конца и представиться.

— Я забыл... — искренне приложил он руку к груди. — Меня зовут Арад.

— Мне приятно, Арад. Видишь ли, мы уже знакомы через чужие уши, — села за стол, поорудовала тарелками. Книгу в цветной ткани придвинула, то ли за неимением места, то или ещё зачем, ближе к нему, к краю стола. — Симсана рассказывала о тебе.

— Правда? — изумился он, честно. Почувствовал волну крови. — А что именно? — дрогнул голос (хорошо, что не сломался на визг, как часто бывало раньше), эти проклятые слова вырвались сами, их никто не просил, но это было слишком важно, это было... что она могла о нём рассказать?

— Что тебя зовут Арад, и что ты ей нравишься.

— Вот как... — хотел он что-то сказать, но что тут скажешь.

— Может, поешь чего? — встала она, как-то необычно вытянулась, сомкнув вверху ладони вытянутых рук, необычно в смысле для львицы её возраста, которые обычно уже не совершают таких экзерсисов. Потом резко опустила их и смело подбоченилась, с выдохом.

Арад решительно отнекивался, качал головой, прижатые уши:

— Нет-нет, большое спасибо, я только недавно поел. Благодарю сиятельную.

— Хорошо. Раз поел, то попьёшь, — пошла она к длинному столу возле печи, и быстро вернулась с большим, мятым, кривым и вообще старым чайником, блестящим и тусклым одновременно, и простой деревянной кружкой. Обхватив ручку чайника толстой тряпкой, снятой прямо с пояса, она налила ему нечто пенящееся, тёмное и красное, и явно горячее; наливала сзади от него; он чувствовал мягкое прикосновение к правому плечу.

Запах сильный, и отдалённо, но знакомый.

— Горячее вино? — немного удивился он.

— Оно слабенькое, чтоб согреться в прохладе, — заткнув тряпку с другой, левой стороны пояса, молвила Ваалу-Миресли, и села обратно напротив. — И на живот хорошее.

— Аааа... — протянул Арад, словно всё понял. Да и не прохладно было-то особо, и с животом вроде порядок. Понюхал; острый, пряный аромат, сладкий. Попробовал: горячее! Терпкое. Непонятно, сильное ли. Сладкое, вкусное вообще-то. Отпил чуть ещё, поставил кружку. Посмотрел на неё. Сидит вполоборота, смотрит в окно, сидит ровно, правая рука на столе, вторая держит палец. «Стал гостем у Ашай-Китрах», — подумал Арад. — «Конец».

— А когда Ваалу-Симсана придёт?

— Скоро должна, — подарила мимолётный взгляд, и снова в окно, серьёзная, яростная, такая сожрать может.

Вино в чайнике. Забавно, Арад такого ещё не видел; он пил вино, только не вот такое, горячее. А отец с матерью и гостями такое пили, но из специального толстого кувшинчика. Ему стало любопытно. Ему вообще всё стало любопытно.

— А можно вопрос?

— Слушаю.

— А эта кровать, посередине? Что... на ней как бы рожают?

— Нет, обычно нет, — подумала наставница Симсаны, облизалась. — Если львица разрешается у меня дома, то там, — показала на дверь сзади от себя, не глядя. — Тут нехорошо.

— А почему?

— Что «почему»?

— Почему тут нехорошо разрешаться... рожать? — показал вокруг Арад, отпивая.

— Кухня, грязно, — посмотрела она на него, прищурилась, ощутил давление. — Где рожают, там чистота нужна. В тех кроватях, если хорошо разродится, — отпустила его, — можно уже на следующий день лежать. Тогда берут вот люльку такую, видишь, — показала она на те самые люльки в углу, — вешают к потолку, ну и всё.

— Вижу, сегодня как бы никого нет, — отпил он ещё, потёр нос: запах вина дразнился и шутил.

— Никого. Да так-то все любят дома рожать, — посмотрела на него, и теперь ему стало действительно хорошо от её взгляда. — Вкусно тебе?

— Да, вкусно, нравится.

Она облизалась, и это учинило с Арадом очень странную штуку — ему это ещё больше понравилось. Прямо что-то случилось.

— Мне надо уйти, — мгновенно сказала она. — Ты перебудь, Симсана скоро придёт. Скажешь ей, Арад, что я к ночи приду?

— Да, сиятельная Ваалу-Миресли, скажу.

Она встала, и через мгновение сборов, очень быстрое, ушла в прихожую. Там что-то снова стукнуло, шелест пряжек кнемид, потом решитель-

ный засов, и пока Арад думал, стоит ли ему прощаться первым или как, она выглянула в комнату:

— До встречи, добрый Сунг.

— Хорошего дня, сиятельная! — охотно подхватил он, заулыбавшись, закивав. В неловком жесте ещё почему-то схватил кружку, и с той чуть не пролилось; хорошо, что она не заметила.

Осмотрев напоследок комнату, Ваалу-Миресли решительно удалилась, и Арад остался сам, в звонкой тишине чужой обители. Почесал, потрогал нос, отпил ещё чуть этого вина, выловил оттуда когтем звёздочку аниса; не решившись оставить её на столе и наделать потёков, поставил обратно. Дела...

Когда же она придёт? Как вообще объяснить ей, почему он здесь? Может, просто сказать правду?

У него есть план. В плане есть, что она дома есть. Тогда приглашение, и они идут. Или обстоятельный отказ (возможно, ещё и возмущение) — такое тоже предусматривалось, ну занята, что-то срочное, ну всяко бывает, мало ли — и он разворачивается, словно Легата, которую в последний момент отозвали с войны, что не началась. В плане есть, что её дома нету (кстати, «дома» или «у наставницы», задумался Арад? Кажись, Симсана всё говорила «у нас», но не «дома»). Тогда он разворачивается, словно Легата, не заставшая противника на поле битвы. В плане даже был безусловный отказ, без сослательств на всякие обстоятельства: ты мне не то говорил, ты завтра должен был придти, не пойду с тобой, не хочу, чего мне с тобой идти, куда, ты о чём вообще, и хлоп дверью. Это было, считай, невозможно, но Арад был хороший стратег, и предусматривал даже невозможное. Тогда он возвращается, словно Легата, разбитая противником, поверженный Сунг, с волочащимся копьём, весь в крови и уже навсегда другой.

То, что её наставница пригласит в дом, как-то ещё умещалось в план. Но ненадолго: он подождёт, Симсана соберётся, оденется, что-то там ещё сделает, ну что там львицы делают, выходя их дому (и если та вмиг будет готова, станет ясно, что — даже сегодня! — точно ждала его), они уйдут. С наставницей он будет многозначителен, молчалив, холодно-вежлив и солиден, старше своих лет на два, а то и три года, и это будет заметно; настоящий лев.

«Я ей даже не сказал, зачем пришёл к Симсане!», — вдруг вспомнил Арад. — «А наставница и не спрашивала. А если не спрашивала, значит... знала. Если знала, значит, Симсана рассказала всё, включая то, что я приду за нею. Чтобы мы пошли в места. Ей неизвестные», — поражался Арад трансцендентальным колоннам логики своих заключений. — «Значит, она готовилась и ждала. Значит — хорошо. Предвещается успех». В целом, границы успеха сегодняшнего дня и вечера очерчивались смутно, но Арад

знал, что они включают в себя поцелуй, настоящий, так, чтобы его язык встретил её; но более полной целью был не поцелуй, этот только первый форпост, а смесь из долгих поцелуев, из них многие в шею, в уши и за ними (совет от друга, согласно его разведанным, львицы без ума от такого), объятий (чем сильнее — тем лучше), и — важно — её запаха, и чем больше последнего, чем лучше; его интересовала наибольшая возможная площадь, которую он сможет завоевать для поцелуев и обоняния. Он знал, куда и как они со Симсаной пойдут для этих целей, потому что всё это решительно невозможно ни на какой публике, они ведь добрые Сунги; их не должны видеть. Без чужих глаз.

То, что он вошёл в отсутствие Симсаны, как-то в план уже не влезало. Требовались новые карты и новые стратегии. Хотя...

Арад покачал кружкой, сощурился в окно.

Тут надо просто подождать, Симсана придёт, и они уйдут. Так даже лучше: наставницы не будет, Ваалу-Миресли не будет, она не будет мешать. Это ничего не меняет.

Определение целей куда легче, подумал Арад, если есть опыт прежних боевых действий: надо не только хотеть, но и знать, чего ты хочешь; и Арад его имел, и опыт этот оставил на нём шрамы. В общем, Арад неплохо представлял, что будет считаться сегодня победой, но надо было внутренне собрать воедино весь прежний опыт, чтобы сделать всё как можно лучше и взрослее.

**

Во-первых, очень давно, три года назад, на праздник Ай-Юлассай, который вот теперь недавно снова прошёл, он впервые поцеловался с троюродной сестрой. Ей тоже было двенадцать (такое совпадение), к ним приехали родственники по роду отца, в личных дилижансах, много, всяких, голов десять (папа всё конфидентно говорил маме о скороспелом богатстве и внезапном нобилитете, за столом, Арад всё подслушал), и она затерялась среди них, троюродная сестрица; они оказались совсем сами, на качели в саду, посреди вечероночи, и заговорили о любви: Арад залихватски, словно уже знал всё, она — осторожно, готовая в любой миг отшутиться или возмутиться. Арад брал вежливостью и умом, заоткровенничались, впервые в жизни вообще, по крайней мере, он — точно. Арад честно признался, что влюблён в одну львёну, что с ним училась в школе, а теперь они не видятся, а он хотел... ну... он хотел «что-то вместе с ней делать», как Арад то ли бестолково, то ли точно выразился, а она ушла в ткацкую школу. Он же ушёл в гимназию; сестра, оказалось, тоже. Она сказала, что у неё есть тоже всякие симпатии, но есть одна неприятная штука, а именно: что она никогда

не целовалась ни с кем; само по себе не страшно, ибо когда-то ведь поцелуют, в самом-то деле, но факт этот далеко не на руку: львёны между собой говорят о любви и симпатиях, много и обстоятельно, и так может случиться, что её спросят, что у неё было с львами, и если она скажет «ничего», то все будут смеяться (наверное). Время неизбежно летит вперёд, а ещё никто не решился выразить к ней чувств, потому что «кругом одни трусы». Сестра ещё усомнилась в своей красоте, Арад рассыпал несколько неуклюжих комплиментов, и один — хороший. Сказал, что тоже ни с кем не целовался. Не вышло как-то.

Подумали. Арад отметил, что везёт тем, у кого есть сёстры, в шутку, конечно, в шутку. Она — неожиданно — отметила, что если бы у неё был брат, то, возможно, она бы попросила поцеловать её, чтобы вообще знать, чего ждать; или хотя бы старшая сестра, она объяснила бы всё, но у неё только две младших; мама ей несколько раз намекала, что бывает любовная игра, но вдаваться в детали не стала, попросив ещё подрасти; в книгах ничего не написано, да она и не особо читать любит; подружки тоже пару раз рассказывали, что между львом и львицей происходит всякое, и есть всякие игры, и вообще многое, но толку, если всё начинается с поцелуя, и надо хотя бы о нём иметь представление. Арад, даже не чрезмерно взволновавшись (хотя волнение — честно — было), снова пошёл путями шуток, и намекнул, что он — троюродный, но брат; и раз уже они признались друг другу в своих бедах, то:

— Может, попробуем? Как бы упражнение сделаем, как в школе.

— Фу, — ответила, — ты что, дурак? — сморщила мордочку, полууклон ушей.

— Да, — вдруг сказал он. — Полный.

Мгновение подумала, глянула себе под лапы, болтающиеся с качели.

— Тебе что, так хочется попробовать? Ну, знаешь ли...

— Слушай, — оглянулся он, наострив уши, словно пытаюсь что-то своровать, — давай зайдём за это дерево. Там никто не увидит, мы никому не скажем. И будем знать, что ждать, когда будет по-настоящему.

Мгновения напряжения. Арад усомнился. Стало больше страшно, чем охотно. Потом вообще страшно — он пожалел. Он думал, что пронесло, и не надо будет ничего делать, может правильно всё оставить, как есть, как тут:

— Какой же ты настырный. Ладно, один раз. Только вот кровью поклянись, что никому не скажешь.

— Клянусь кровью, — сказал он, само-собой.

Дай ей руку, она соскочила с качели. Там, за удивительным деревом с двумя стволами и одним основанием, всё и случилось. Они встали друг напротив друга (она меньше, ниже); Арад не знал, как вообще всё это

начать, как вообще лезть с нежностью к львице, точнее, умом-то представлял, видел пару раз, читал, но вживую... Взял за руки, она приснула со смеху, он и сам пустил пару смешков, руки её отпустил.

— Прости, я просто... Как-то... — прикрыла рот и нос ладонью. — Это так глупо.

«Сделай это!», — вдруг сжался весь он. Просто сделай. Он взял её за плечи. Потом за шею, потом за скулы, очень осторожно; не нежно — нежно ещё не получалось и не умелось, а именно осторожно, как берут в руки очень ценную статуэтку. Он почувствовал, как ей страшно, как она затихла. Сердце билось бешено и невероятно громко. Он посмотрел: она закрыла глаза, замерла, и стала такой серьёзной. Всё стало другим: звуки мира изменились, они стали близкими и громкими; запахи стали острее. Он поцеловал её в подбородок, потом выше; она не ответила никак, он сделал это ещё раз, и она вдруг ответила, быстро поняв, как всё самки быстро понимают, что нужно отвечать, и это было такое жаркое, горячее, жгучее ощущение от её языка, что у него прошла сильная волна от затылка к хвосту, самая сильная в его жизни. Это требовало передышки, ибо можно было задохнуться. Арад отпрянул немного, посмотрел на неё — она открыла глаза, полные ужаса.

— Ещё, — указал он.

Они сомкнулись устами снова; умудрённые первой попыткой, сделали это немного смелее; одна, вторая, третья жгучая волна, он опустил руки ей на плечи и сжал их; она поставила свои ему на грудь; учёба шла быстро — наклонили головы, поняв, что так удобней. Не хватало воздуха, никак, он снова отпрянул; оказывается, львицы любят закрывать глаза в мгновения нежности, заключил он; кажется, ей понравилось, она вроде хотела ещё. Но Арад решил, что сегодня достиг невероятного достижения; это были столь важные и сильные открытия, что он не смел просить у судьбы большего.

— Кажется, я понял.

Она открыла глаза, словно ожив от долгого сна, убрала руки с его груди. Схватила за пояс, начала поправлять. Вдруг оттолкнула, вдобавок ко всему, но обидно Араду не стало. Не сговариваясь, они начали идти к дому. Всё это время сестра что-то поправляла на себе.

— Неплохо, правда? — смеющимся, веселоватым тоном молвил он, хотя всё было всерьёз.

Сестра не ответила.

Они вышли на небольшую парадную дорожку, у входа никого не было. Встали на фасадной лестнице, возле скульптур в виде остромордых, поджарых псов, — она остановила его:

— Только никому не говори. У меня мать — андарианка. У нас в роду львицы не играют с братьями, родственниками, это нам — *хуст*.

Он подумал, посмотрев в сторону. Заметил:

— Я же троюродный.

— Всё равно брат, — озлилась она, что он ещё решил спорить.

— Я пообещал, не переживай. Но мы же не играли.

— Поцелуй — уже Игра. Так и подружки, и мама говорили. Так что мы играли, Арад, — обвиняюще заключила она, будто он — и только он — во всём виноват.

— Ладно. Я пообещал, — повторился.

Об Игре он где-то что-то уже слышал, от друзей и сверстников, и так, по случайности. Но почти ничего толком не знал. Знал только, что обо всём должен рассказать отец, но с этим вопросом он к нему подойти никак не решался, да и не хотел. А братья были младше, что с них взять. «Надо же», — подумал Арад, ворочаясь с бока на бок, и почему-то думая о том, что где-то наверху, в гостевой комнате, наверное, не спит троюродная сестра, — «значит, я уже играл с львицей? Это тоже считается?».

Он таки соврал сестре Сарабанде. Он через пару лун поделился опытом с доверенным другом Крресом, приукрасив и добавив несколько деталей.

— Не-не, хвостато, но это не было Игррой, — отрицал Кррес, втыкая ножик в деревяшку; Кррес, сын отставного воина Легаты (пьющего) и помощницы хозяйки гостдвора (та ещё).

— Почему? Она сказала, что лизаться — уже Игра, — сказал Арад, и по усмешке друга понял, что проявил провальную наивность.

— Тебе безгривые ещё не то скажут, ты уши только востри. Им только хвост поджимать со страху. Тебе что, папа не рассказывал?

— Не рассказывал ещё.

— Спроси его, пусть расскажет. А то те покажут под хвостом, а ты будешь думать, что поиграл, — засмеялся Кррес; посмеялся и Арад.

— Это тоже неплохо, если покажут.

— Ага, — кивнул Кррес и метнул ножик сильнее. Пришлось с силой вытаскивать.

— А тебе отец уже рассказывал? — спросил его Арад.

Тот молча кивнул.

— И что?

Тот многозначительно помолчал, метнул ножик пару раз. Потом спря-тал; сидя, сомкнул руки на коленях и посмотрел вдаль.

— Игру ты начинаешь, ты же и заканчиваешь. Понял?

По глазам Кррес понял, что Арад не понял.

— Ну ты начал сам к ней лезть, верно?

— Ага. Как бы предложил.

— Ну вот, это правильно. Отец сказал: если сама лезет, значит что-то не то. Или шлюха. Или... там... в общем, шлюха.

— Ага.
— Ну и закончить ты должен.
— Так я и закончил сам. Мы ушли, когда я сказал.
— Арад, — постучал Кррес когтем по лбу. — Закончить. На неё. Или на её одежду, тоже сойдёт. Но лучше на неё. Прямо в морду, — смачно протянул он «ррр», и снова метнул ножик. В деревяшку не попал, а в песок.
— Ну да, да, — поспешно согласился Арад.
— Туда всовывать ей нельзя. Никуда нельзя. Да она и не даст. Хвост подожмёт.
— Это ясное дело... — кивнул Арад, зная Родовой Закон, даже помня многое наизусть. — А что делать тогда?
Кррес почесал нос, цыкнул.
— Она те покажет, как ей удобно, — подумав, ответил.
— В смысле?
— Что в смысле, Арад? Она те покажет, как готова дать. Это её дело. Сложно! Сложно.
— И что? Ты так играл?
— Да, с тремя, — спокойно сказал Кррес.
— Ого, — завистливо протянул Арад. — Серьёзно?
Вдруг тот запустил пальцы в короткую светлую гриву, прочесался когтями, взъерошившись.
— Не. Я пошутил, — и стало ясно, что он действительно пошутил. — Почти с одной получилось. Спугнули нас.
Вот так. Все вокруг, в итоге, то ли шутили, то ли всерьёз. Такой хаос, такой беспорядок, попробуй разберись.

**

...Арад повертел кружкой, болтая подпитое вино; оно уж успело остыть от горячего к тёплому, осталась треть. Посмотрел в окно, посмотрел на люльки, вздохнул. Встал, прошёлся, сел. Снова вздохнул, обратил внимание на книгу в ткани, придвинул к себе. Задумался, комкая, сжимая найсагрийские узоры...

**

...После этого первого, ценного опыта, и последующей не менее ценной дискуссии с Крресом, он особо ничего нового не узнал (хотя и пытался). Друзья или молчали, или бессовестно ввали. Родителей он спрашивать не мог. С братьев толку нет, сестёр — нет. Кое-чем однажды поделился двоюродный брат матери, выпив на свадьбе, но его советы были малопонятны

(«Не слушай, что говорит, а смотри, что делает», «Не спрашивай дичь, как её ловить»), касались укращения и подчинения самок вообще, и явно назначались львам постарше. Противоположный пол был неуловим, смертельно серьёзен или бесконечно смешлив, прелестен, оставлял за собой шлейф аромата и сбивался в стайки.

Львицы не давались поимке и оказались недоступны.

Но лун шесть назад с ним произошло нечто важное, превосходное и чудовищное одновременно, это был его первый, настоящий шрам и истинная мука (разве стоит причислять к шрамам несколько разбитых симпатий и недолгих влюблённостей, а ещё его скандальную выходку с львёной Джульной, которую он «шутя» прижал к стенке?).

У отца есть друг. Вообще, у отца много друзей, он же судья. Но этот друг важен — магистр их городка Галлена. Несколько раз в год он приглашает всяких приближённых, куда входит и отец Арада; вот так снова случилось луны четыре назад. Обычно мать брала всех трёх братьев, но сейчас пошёл только Арад. Взрослые засели на террасе, а вот молодёжь устроилась в большом саду магистра. Гости на этот раз были настолько пёстрые, насколько вообще возможно, и привели с собой своё наследие, а некоторые были уж на два поколения старше — праматери и праотцы своим подросткам; в итоге их собралась приличная компания, от лет тринадцати до почти восемнадцати. Львичек было шесть, львин — пять. Это всё было явно получше прежних визитов: постреляли из лука, потом арбалета, потом выпросили тяжёлый арбалет, но Арад авторитетно определил, что он оказался сломанным, и хозяйственник обвинил их с этим сломе, и все возмутились; посмотрели самку фиррана в фиррарии магистра, очень злую, потому что самцов у него не было (разводил и продавал); выпрашивали лошадей у хозяйственника магистра, но он разумно решил, что эта орава львиц замукает коней до смерти, погода уже была жарка, и не дал. Делать нечего, пошли драться шестами на перекладине «до тычка», как говорится (упал — проиграл), навывлет, обычная забава, все её любят, и тут Арад проявил себя хорошо, он совсем разбил этого дегенерата (а ещё старше на два года, ха), имя которого забыл, который всё нам ним подтрунивал без всякой причины, пытался поддеть злой шуткой и взглядом с издевкой. Пришли львёны, посмотреть, Арад выиграл, хотя вообще был и не самый старший, и не самый сильный, и они ему похлопали в ладоши. Дело склонилось к вечеру, уселись на коврах.

Когда успокоились, то Арад не мог не заметить — да и никто не мог не — что в компании маасси явилась прибавка. Но какая! Какое это было дополнение... Это была сунгкомнаасская львица, и без следа примеси чего другого. Чистая Сунгкомнааса. Этой маасси было то ли шестнадцать, то ли уже совершеннолетие — семнадцать, вряд ли больше, но Арад видел-

чувствовал, что она немного старше его; сложно было сказать точно о её совершеннолетию, так как в отличие от сложных, устойчивых правил в нарядах львиц прайда Найсагри, его родного, она оделась воистину, как «северольвица в югах» (хоть Найсагри не такие уж юга) — в простейший, короткий хитон, только до колен, весь белый, как и хозяйка, с чисто символическим пояском, с рукавами, которые словно кто ножом порезал вдоль, и — вдобавок — почти хвостосвободный. Белое пятно. При неискущённости его можно спутать с ночным одеянием. Такое прощается северольвицам, тепло им, жар от них. Эта длинная белая шерсть, голубые и изумрудные глаза, длинный хвост с не менее торжественным окончанием, эти уши с каймой, эти ровные, белые, влажные зубы, эти безупречные, ровные лапы, Ваал мой, превосходные симметрии, ещё более прекрасные асимметрии, я не могу больше на это смотреть... Ну усадите напротив себя любого Сунга, любого прайда, любого положения, и пытайте его вопросами о красоте львиц, и каждый раз, когда он определит идеал, нажимайте «а дальше?», и неминуемо, в изнеможении, все придут к одному, к ней — к Сунгкомнаасе, к чистым львицам севера; дальше идти будет просто некуда. Потом пойдут шутки и приговорки, те самые, да, об их смешливости, холерическом нраве, какой-то удивительной смеси разборчивости и неразборчивости, мстительности, способности впадать в ярость любого качества, нежности шерстки, удивительном наречии и удивительных словах, и о том, что ночью жарко под одеялом, и о льду между лап, но не будем об этом, не будем...

Именно такая сидела напротив Арада: совершенно бескомпромиссный Север. К магистру пожаловали некие гости из Сунгкомнаасы, и вот их дочь теперь играла всем на цимлатине, и притом ещё рассказывала, что играет:

— Цай, слушаем: сир Сольс был суров, немеланхол, он нъенавидел сантимент, но ему нрявилось чувство. Межда сантиментом и чувством — воооон столько, — раскинула она руки, и Арад открыл рот, а потом закрыл, потому что представил её без такой лишней одежды, в этом помогло закатное солнце сзади; он сел поудобнее, чтобы скрыть свою пробуждённую заинтересованность, и сделал задумчивый вид, чтобы скрыть свои мысли, когда она играла, а сам смотрел на ручеёк её превосходного хвоста, успокоившегося у ног; кончик шевелился в такт музыке. Играла она очень хорошо; кто-то из знатоков, среди львиц, чрезвычайно похвалил её, да её и было слышно, что занимается с самого малого детства.

Её представили раньше (комнаасская патрицианка), как только львины присоединились к маасси после своих активных забав, но Арад ничего не запомнил, кроме первого имени (без второго-третьего, имён родов и прочей чепухи): Аршайя.

Потом сели играть в карточную игру — флис, простой, чтобы игры были покороче. Стемнело уже порядком, и кто-то предложил последнюю

игру, а потом — в дом. Согласились, но тут вдруг дегенерат и хулиган, ненавидимый Арадом, предложил:

— Последняя партия пойдёт с прятками, — и заулыбался. Арад заметил, что заулыбались ещё двое львин. — Кто пас, то прошу понять... — тасовал он большие флисовые карты, смотря на всех эдак полувопросительно.

— И простить! — весело вдруг добавила маасси, та, что сразу возле северной красоты сидела, такая тоже ничего, дочь местного оружейника, Ленайна. Как-то Арада удивила эта весёлая интонация; даже не сама весёлость, а что-то под ней. А потом она посмотрела на Арада, но он не заметил, ибо если на кого и смотрел, то на Аршайю, но так: то вскользь, то украдкой.

Он почувствовал некую агитацию в воздухе. Но не мог понять, отчего она появилась. Оказалось, что игра разделится на партии, и самки будут играть свою партию, а самцы — свою.

Соревнование было бешеным. Арад не знал, что творилось в стане львиц, но у них был суший кошмар и битва насмерть. Его взял азарт, он тоже всерьёз решил выиграть, даже не зная, зачем. Не знал не только он, но и ещё один, самый младший из них, но он вылетел первым. В итоге карты остались у него и дегенерата, и делом принципа было сначала его сегодня столкнуть с перекладки, а потом — нахлобучить в карты. Во флисе надо уметь считать, и Арад умел: строгий склад ума, понимание случайности и закономерности, зодчий, будущий архитектор. И он выиграл.

— Ленайна, я слышал, ты вторая, — обратился к дочери оружейника противник Арада. — Знаешь, я тоже.

— Нет. Не вторая. И не третья, — ответила она ему, с хорошей издевкой.

— Ну, удачи, — похлопали тем временем Арада по плечу, посмеиваясь, партнёры по игре (кроме хама, конечно). — Кто там у них выиграл? — и все вопросительно уставились на сидящих маасси.

Оказалось, что у львиц выиграла северная красота. Другая маасси что-то шептала ей на ухо как раз в этот момент, и Араду подумалось, что она тоже не знает дальнейших правил игры, которая — кажется — ещё не кончилась.

— Меня найти посреде тьмы, — показала она на себя, и все засмеялись. — Невозможное дело, — посмотрела на Арада. — Не смотреть! Фальшь! Мухлёж!

Араду закрыли глаза другие маасси, смеясь; усадили, начали считать долго, до ста, кажется. Он так и сидел в приятных самочьих объятиях, в этой нежной компании, в невидимых руках и коготках, ничего не видя; а тем временем среди самцов кто-то протянул «Ууу...», кто-то присвистнул, кто-то залихватски засмеялся. Он ощутил вдруг, кто нежные пальцы на глазах вдруг сжались сильнее, и даже вроде как острота когтей на лбу. Наконец-то, его отпустили, стало ещё темнее, чем было, все встали; прошла

мимо него, задев локтем, дочь оружейника — видимо, по неосторожности; он оглядывался, но Аршайя пропала. Двое львиц из компании, хорошие гривы, показывали пальцами в сад, улыбаясь.

— Сейчас, я быстро, — сказал всем Арад, мол, найду без труда, и всем стало очень смешно.

Пошёл. Он начал что-то подозревать. Вообще-то, очень даже подозревать. Он начал понимать... Сердце застучало, кровь прилила. Дыхание. Игра. Ваал мой, Игра. Вот оно. Я готов. Нет, я не готов. Я же не знал, я не готовился. Но я вроде всё знаю... Проклятье, я ничего не знаю... Да что там знать! Пользуй её и оставь на ней, как должен! Бред, так всё с насоку не делается! Как, что, как мне начать, что делать?.. Я сплю. Не может быть. Эта северольвица? Нет, я не так хорош. Да кто я? Не может быть. Она не... Но она же *пошла* сюда! Она сказала Игре «Да»! Она же ничего не перепутала? Ничего не перепутала? Нет, самки ничего не путают. А особо в таком деле.

Он нашёл её, глубоко, в конце сада, где она сидела под кустами роз, подогнув лапу и обняв её руками, на интересном южном коврике (контраст), что очевидно прихватила с собой с последнего, картёжного места.

— «Всё знаем мы в прошлом будущем». Цанна, знай правила этого флиса с пряткой, отдала победу той, закрывшей тебя ладонями.

— А кто это была? — присел он напротив неё, вбирая её облик в себя. Это бедро из-под туники. Хвост вдоль, вскользь ковра. Ваал, я хочу избавиться от бремени прямо на это.

— Не знать, — посмотрела, смерила взглядом его, сидящего. Засмешилась, потом продолжила: — Она тебя не против.

— А ты?

Аршайя усмехнулась. Потом улыбнулась, и снова влажные белые зубы; это могло означать что угодно, да почти всё. Арад ждал. Он даже сглотнуть не мог, потому что прямо боялся шевелиться, побоялся выглядеть желающим, жадным, и слюна вдруг сошла невольно, сама, не спрашивая, с угла его рта, и она это заметила. Он утёрся, медленно, потому что быстро уж не имело смысла.

— Аряд, будет так нелепо. Ты, и я.

Он задумался. Она всё так же сидела, поболтала лапой (отметил: коленом вправо-влево). Сжал перед собой пальцы, сцепил, поставил на них подбородок. Самочки игры, хорошо. Что ещё ожидать, кроме самочьих игр, если ты идёшь к самке? Но львица не должна называть льва нелепым. Или то, что он собрался делать — нелепым.

— Тогда зачем ты пошла в сад? Могла пойти и в дом, верно? — тёр он нос сложенными пальцами, раскладывая вещи перед собою умом. На неё не смотрел.

— Ой, сразу злой. Я — помощница доброму, младшему Сунгу, — кивнула она головой, посмотрела вверх, махнула снова лапой, ох уж этот беспокойный хвост. — Победил — заслужил. Это поможет тебе с другими. Уйди я в дом, они стали бы сомневаться, охотны ли к твоему делу. А так: ревнить будут. Вот твоё положение, — показала она вверх пальцем, красиво, — и пустило когти.

Она не меняла позы. Арад смотрел на язык на её тела. Он немного в этом понимал. Но он чувствовал, что это не та поза, которой львицы отвергают льва. Но что это было? Соизволение?.. Сомнение?.. Разрешение любоваться?.. Приглашение упрашивать?.. Требование умолять (фу)? Дразнение без выхода и конца? Что? С ним общались — но он не понимал языка. Ему слались противоречивые сообщения. Дезинформация противника сочинила хаос в его сознании.

«Да какая разница», — подумал Арад, и встал. — «Главное — в ином».

Он встал ровно над ней, очень уверенно, даже слишком, расставив лапы, как хозяин над дхааркой, скрестив руки; его сейчас раздирало столько разных чувств, что все они даже не умещались, даже животное желание ещё не прошло. Но это было неважно, ибо всё неважно, кроме одного — принципов, а вот у Арада есть принципы; они хоронили все чувства, и даже вождделение, под своим цементом.

Помолчал; она сидела, весёлая, ожидая, чем её будут дальше развлекать.

— Жалеешь меня?

— Цанна, младший, милый, — утвердительно и весело кивнула она.

— А я тебя — ничуть, — присел он возле неё, справа.

У Арада был простой план: сказать эту простую фразу; встать; уйти, не оборачиваясь. Но вдруг на него нашло, вот стало ему зло и обидно на весь самочий род. Ничего прямо не скажут! Только крутят! Всё им забава! Всё только им, и всё у них шерсть гладка, и ничего им делать не надо!

И он схватил её так, как иногда непослушных братьев — за уши.

Арад — если честно — совершенно опешил от своего поступка.

Кажется, и она опешила, не ожидая, но — на всякий случай — засмеялась:

— Смешной, уши мучаешь зачто?

— Чтобы не слышала, что я о тебе думаю, — зло сказал он, но внутренне стал сдавать.

— Пффф... — фыркнула, чуя слабину, самки всё чувуют. — Укушенный. Пускай, — и хлопнула его по руке, мол, показал тут гривку, и хватит.

И так его озлобила эта манера. Стукнуть льва! Вот так, как что-нибудь случайное, безобидное. Он же умеет бороться в Круге, он же раза в два сильнее её, он может прямо здесь её задушить. И вообще. Суки.

Сжал уши, пальцы на загривке, даже чуть к себе потянул; утратил равновесие, пал на одно колено — и теперь нос совсем рядом с её, вольно или невольно.

— Айшшш! — зашипела, даже оскал. И вдруг что-то очень быстро, мгновенно, переменялось в ней. Оскал превратился в улыбку, посмотрела долу, черты расплавились, размягчились: — Цанна?

Так что-то спрашивают: вопрошения зайти, соизволения, разрешения. Разрешения быть освобождённой? Что она спрашивает у него, эта северная львица, с патрицианской инсигнией на шее? Ах да, она же патрицианка. Ну дела, о, нет, твою мать, она же такого высокого рода, это невозможно...

— Не цанна, — сжал он зубы, посмотрел в сторону.

Протянул ей руку — указание встать. Аршайя посмотрела на неё, словно не понимая, откуда... почему... как это вообще, почему рука?.. а потом приняла её, закусилась клыком уста, с манерой и серьёзностью, как патрицианка, и легко, грациозно встала перед ним.

«Как я повёлся? Что я наделал?».

Арад хотел что-то сказать, но уже не знал, что. Что-то крутилось на языке о том, что она вряд ли пожелает дойти до дома в его компании, но слова как-то кончились. Он просто кивнул, даже не ей, а ночному воздуху и цикадам, чему-то невидимому в них; и потом просто пошёл к дому, стараясь ступать ровно и идти прямо. По приходу в дом магистра он объявил матери и отцу, что ему нездоровится с животом (видать, съел что), и, во избежание, лучше-ка ему удалиться домой. Мать заволновалась, отец сказал ему пойти и сообщить хозяину дома, что Арад спокойно сделал, а потом, взяв накидку у дхаарки и кнемиды, ушёл домой.

Он не видел и не слышал того, как вернулась Аршайя, и далеко-далеко не сразу узнал, что там произошло. Не произошло так-то почти ничего: той же дхаарке Аршайя отдала коврик, так и не исполнивший одного из сегодняшних предназначений, помыла лапы и пошла к львицам, что уже разделились и восседали-возлежали отдельно от львов на подушках, как обычно бывает после недолгой совместной трапезы на сколь-нибудь приличных вечерах; добрые львицы-Сунги нашли в ней вернувшееся развлечение, и сразу кто-то начал совать цимлатин, и Аршайя неохотно взяла его. Сказала, что жаждет, дали холодного разбавленного вина, и так сидела с цимлатином и вином (со вторым, чтобы не играть). Конечно, львицы постарше ухом не повели, вернулись к сплетням и вышивке (найсагрийки не вышивают, только если спят — это все знают), но две-три участницы сегодняшних карточных игр расселись вокруг неё, и начали подступаться, донимать

отдалёнными расспросами: что-то ты грустна, уставша, чего тебе не так, и где это подевался-ушёл Арад (зоркие, зоркие!). Аршайя поотнекивалась, потом отпила, и вдруг:

— С этим львиной играть не имеет смыслов, — сообщила юным маасси. Уши Ленайны стали, верно, больше раза в два: — От такого есть толк родить сыновей.

Больше об этих делах она не распространялась — стала играть.

Он пришёл домой. У каждого из братьев была комната. И у него была своя. Разделся весь, всё кинул в угол и свалился в кровать мордой вниз.

Это была катастрофа.

Принципы. Ведь есть три воззрения, что приличествуют льву, как говорил отец: стойки, прагматики, рационалисты (и это было немного то, с чем Арад был согласен с ним во всём). Как же они ему дорого сегодня вечером обошлись! К самцу не должно быть жалости, а особенно столь унижительной, покровительственной, от самки. Но ведь это ведь совсем особый случай, совершенно, тут всё по-другому, это же иной мир... Он не смог совладать с собой и тяжело, горячечно освободился прямо на постель, вопреки здравому смыслу и чистоте. И даже это не слишком помогло, потому что молодая кровь очень быстро возвращалась обратно.

Чем больше он об этом думал, и чем больше о ней думал, тем больше понимал, какую исключительную возможность упустил. Аргументы в своё оправдание таяли, как снег в Хустру. Он думал, что последовал принципу и проявил твёрдость. А оказалось, что он отрёкся от приглашения в Нахейм; он отрёкся от инициации со львицею, ко львице, во львицу, на львицу; весь их пол, противоположный пол, теперь с насмешкой и укором смотрел на него сквозь её глаза. Призрачная и белая, она незримо присутствовала подле него — её уши, её бедро, её хвост, и запах. Да, запах, он помнит этот полунамек, этот очень лёгкий аромат, окружавший её, а особенно, когда она поднялась, да, и волна накрыла его. О запахах не стоит, он ещё после случая с троюродной сестрой начал всерьёз обращать внимание на запах львиц, и придётся утаить некоторые не самые благородные поступки, на которые приходилось идти, чтобы ощутить его; наверное, Арад именно тогда, рядом с Сарабандой, открыл для себя, что запах есть, и ему присуще одно свойство — им хочется насыщаться до бесконечности, до отвала, пока не сдохнешь; он это не сразу понял, а как-то через пару дней, всё вспоминая, и чего-то не хватало в его воспоминаниях, и вдруг озарило — запах, у Сарабанды был запах, лёгкий, но был; у всех кругом есть свой запах, право, но тут было что-то другое, словно близкое присутствие Арада что-то меняло, или же львица совсем вблизи, наощупь, пахнет качественно, совершенно-совершенно по-иному, нежели на почтительном расстоянии; словно

бы один запах назначен всем, а другой — только тем, кому положено. Как от этого можно было отказаться во имя того, что тебе показалось, будто...

— Тебя недостаточно уважили! — сам себе сказал Арад и стукнул по стене.

Всё осмыслить разумом? Арад — зодчий. Арад — мастер. Нет ничего проще. Всё в тот день складывалось, он побеждал. Потом. Во-первых, Аршайя взяла с собой коврик. Какой смысл брать коврик, если можно просто стоять в саду и дожидаться этого милого и нелепого («Нельепо!») львину, чтобы объяснить, какая ему сказала услуга, и пожалеть. Во-вторых, когда он определил, кто есть кто и что есть что, изъяснив свою принципию и задушив её в доминате, она покорилась и пригласила в конце этим бесконечно тёплым северным «цанна». Она его признала и сдалась. Это не могло быть ничем другим, кроме приглашения.

Ещё. Далее. Она начала разговор издали из деликатности. «Знала бы правила...», «Стоит ведь помочь...», вот это всё. Её стеснительность, атакованная его вопросами (вместо приветственного поцелуя!). Может, у неё тоже не было опыта, ну это вряд ли, тогда стеснительность под маской северной уверенности. Просто неудачно начала. Просто неудачно выразилась. Даже «нелепо» — самый сильный аргумент — мог быть просто неудачным выражением.

— Она же северянка, — смотрел из окна, что выходило на юг, и беседовал с собою. — Они же говорят у себя не пойми как. Неудачная игра слов... Это всё и была Игра, — озарило его.

Каждое её движение, так как помнил всё хорошо своей хорошей, образной, светотипической памятью — он рассмотрел; и всё меньше верил, что поступил правильно. Принципы нельзя продавать или соблюдать их через день, то тут их надо было продать, или понять, что ты в мире иных принципов, да сделать любой иной ментальный трюк: на кону была жизнь и смерть; нет, тупой баран, он повёлся согласно им, не принял Игры, и выбрал смерть.

Да, он понял, что стояло за «принципами». Плевать было ему на оскорбление, право. Страх. Страх львицы. Страх этого нового опыта. Страх узнать львицу куда-куда ближе, куда как конкретнее, чем до этого. В этом случае он проявил чрезвычайные нерешительность, идиотию, слепоту, дурость — самые худшие качества, недостойные льва. Очевидно, ему был предложен большой подарок, по удачному стечению обстоятельств и просто от симпатии, который он, по тупости и косности во всяческих межполовых отношениях, даже не понял, как открыть; нет, если бы, открыть бы помогли, он даже не понял, что ему всё воткнули прямо в зубы, а он всё отверг.

Прошло несколько безрадостных, ужасных дней, во время которых так удачно шли ливни.

Трагедия утраченных возможностей.

— Папа, что делать, если ты упустил великую возможность? Надо себя простить? — задал вопрос за неизменным общим ужином.

— Какую возможность, сынок? — у отца было хорошее настроение и разрешённые проблемы за хвостом. Откинувшись на широком стуле хозяина дома, он подправил пояс халата.

— Большую.

Служанка-дхаарка Седеси, ставившая кислый клюквенный соус, покосилась.

— Где-то существует идеальный мир, где все наши возможности воплощаются в действие. Увы, мы не в таком. Да, надо простить себя, — подумал отец. — Что-то случилось?

— Да в том то и дело, что не случилось.

Мать замерла, держа на весу кувшин, а потом махнула рукой, мол, не обращайтесь внимания. Младшие братья прыснули, эти два прохвоста, и Арад грозно посмотрел на них, крутя вилку; но что они понимают, мелочь.

Он всячески представлял эту ситуацию по-иному. Начало не менялось. Он всё так же слышал её северно-говорную болтовню о нелепости и о том, какой он несчастненький; всё так же поднимался и говорил, что думает о её неслыханном самоцьем нахальстве, тянул её за уши, наступал на хвост, иногда к этому добавлялись самые пошлые оскорбления; дальше, после всей этой его принципии, шли вариации. То он сам бросался на северянку, и она даже сопротивлялась; то она принимала его принятую руку, вставала (так же легко и грациозно, как тогда), а потом вдруг бросалась ему на шею с молчаливой мольбой не отвергнуть её. Далее фантазии заходили далеко и уже обходили все и всяческие запреты, выходя далеко за рамки Игры.

Жизнь — невероятно смешная штука — и Арад не знал, сколь несказанно близок был в своих фантазиях к идеальному миру возможной реальности.

**

...Вечером того дня, когда Арад так кроваво познакомился со Симсаной, по совпадению отец позвал его в таблинй — «позаниматься». Это означало, что Арад будет сидеть за небольшим столом («черновым», как называл его папа) рядом с отцовским, большим, и читать предложенные (а иногда и выбранные отцом) книги, пока тот писал свои судебские эдикты. Вряд ли Арад вообще нуждался в таком добровольно-принудительном упражнении, потому что читал много, даже слишком, но такова была традиция в их семье — так Нергим-Синай приобщал к безусловно нужной Сунгу литературе; да и случалось это раза два в луну, нечасто. Как правило, Синай давал

сыну или бессмертную классику, либо что-то по праву Империи. Потом иногда обсуждали прочитанное.

Сначала Синай расспросил сына о перемотанных кисти-предплечье (Арад до сих пор почему-то не снял повязки). Что произошло, сын? Да вот, в больнице стеклом порезался. Ай, жалость, дай поглядеть. Порез несильный, но вдоль предплечья, такой кровит сильно и много. Ну ничего, заживёт.

— Тебя кто так сильно замотал? Прямо наверняка всё проделали, — придирчиво осмотрел всё отец.

— Пап, я ведь в больнице порезался, — иронично заметил Арад, глядя на отца, наблюдая, как он трогает ему повязку, словно это была ужасная, чрезвычайная рана.

— Верно, — по-доброму засмеялся отец, и оставил осмотр. — Спасибо врачу, — махнул, и пошёл к столу. — Вы там было не сильно устали на этой...

— Это не врач был, — сел за свой стол Арад.

— А кто? — зевая, спросил отец, открывая большую записную книгу, которую никому не позволял трогать, даже жене, и всегда прятал.

— Кто? Да это, эта... Ашай-Китрах.

Отец задумался, посмотрел вперёд, с графисом меж пальцев, потом глянул на него.

— Ашай-Китрах? — чуть перекоксился ему рот.

— Да, — начал вертеть в руках книжку Арад, которую сегодня отец достал из недр библиотеки. Он ещё её не видел.

— Это какая из них?

— Она молодая была, совсем как я возрастом, — заметил Арад, и сделал затейливый жест — описал ладонями предполагаемую плавность предполагаемой фигуры предполагаемой львицы.

Отец жеста не заметил.

— Сынок, ты ещё даже не молод, а юн.

— Юная.

Папа хмыкнул, постукивая кончиком графиса о клык.

— А как звали?

— Её? Да не помню, — пожал плечами Арад.

Это был враньём. Всё Арад помнил. Он всё хорошо запомнил. Ваалу-Симсана. Выжидание... Предлагаю без номена. Ваалу-Симсана. Без номена. Симсана. Предлагаю сня...

— Арад!

— Что?

— Что это ты, сонный?

— Нет, пап, задумался. Ты мне какую-то новую книгу дал. Я такую ещё не видел.

— Сегодня нам нужно будет с тобой поговорить... кое о чём, — говорил папа, словно крайне занятой лев. — Но прежде почитай вот это — «Бесконечная Радуга Крови». Арий Третий, рода Гельсиан, восемьсот пятидесятый год.

— О чём поговорить, пап?

— Ты сначала прочти, бегло, полистай, — отмахнулся отец, — я тут поработаю. А после поговорим.

«Бесконечная Радуга Крови» оказалась тяжеловесным по стилю этическим трактатом о природе любви и половых отношений, перемешанным с тем, что называли модным словом «метафизика»; как и все стоики, а Арад безусловно причислял себя к ним, он не любил метафизики и её бесконечного словесного верчения вокруг Ваала-Тиамата-Нахейма и сунгмары. Это всё было филистерство философастеров, что, с одной стороны, старались поцеловать в зад Империю, а с другой — Ашаи-Китрах. Ни первой, ни вторым эти нежности были не слишком нужны: у первой уже места непокрытого нет, всё зацеловано; у вторых место всегда найдётся, только им требуются чуть иные поцелуи — более конкретные и менее целомудренные.

Но если отсечь лишнее, что было непросто, то книга оказалась хорошей. Это был трактат об общении между Сунгом и Сунгой в широком смысле; текст об отношениях полов вообще, и Арад никогда ещё такого не читал. Всё это было точно на злобу дня, поэтому углубился в чтение. Сначала было больше о том, как велики Сунги и Ваал в них (та самая метафизика), как они хороши, и как понимает любовь старый брюзга, что уж ничего не может, и о продолжении Рода, и о том, как важно чтобы Сунги вдруг не решили взять и перестать этим заботиться (попробуй тут перестань, подумал Арад), и прочем. Потом шло примерно такое:

«...меняется твоя кровь, если ты разгорячён, меняется твоё обоняние, твой запах изменяется, но в особенности — её, вещи вокруг меняются, сознание меняется. Ты перестаёшь быть собой — ты теперь и есть Радуга Крови, что желает продолжиться ещё раз, как тысячи раз до этого. Это горячее изменение крови от близкого присутствия Сунги, как известно с давних времён, полезно во всех отношениях для растущих и молодых Сунгов после начала гривороста. Долгое отсутствие натурального освобождения после такого изменения, напротив, отравляет кровь самцов, поэтому растущим Сунгам стоит или участвовать в известных любовно-игровых опытах, либо

же воздерживаться от лишнего горячения крови — для молодых Сунгов, и не давать зряшных поводов для такого горячения — для всех Сунг...»

Вот о запахе Арад мог подтвердить, даже подписаться. Да и о крови тоже было всё сущей правдой. В этой истории с Аршайей он так отравился ядом неосвобождения, что до сих пор больно (теперь — характеру, а поначалу — не только ему), и не знать, сколько ещё будет больно.

Далее:

«...кроме самых трансцендентных случаев львиного существования, которые, скорее, умозрительны, нежели реальны, надлежность к огненно-солнечному (самцы) или водно-лунному (самки) полу за должное надо воспринимать как судьбу, как основной факт существования: «Я, лев — существую» вместо «Я — существую», и то же самое — для львиц. Невозможно существовать в ином качестве, нет ничего, кроме этих полюсов и их градаций. Рядом здесь находится и известный, старый, как само сестринство, фатализм у Ашаи-Китрах: Ашаи нельзя стать, только родиться. Пол — это не нечто вторичное по существу, случайное и курьёзное, не только известные натурные признаки и качества характера и ума. Это свойство, вещество самого Я. Поэтому отношения между Сунгом и Сунгой — это сердце сунгмары. Иной, тем более — качественно иной взгляд на природу пола, — будет регрессивным и дегенеративным по своей сути...»

Ладно, почесал нос Арад, это умный способ сказать, что львы и львицы — разные. Тоже мне. Это понятно любому, кто хоть раз видел и тех, и других. А тем более — слушал. А тем более — нюхал... Так, надо дальше:

«...У гельсианцев, которые всеобщие признаны среди варваров наиболее развитыми и культурными, и которые — убеждён — имеют шанс однажды стать Сунгами, а их земля — частью Империи, всё же наблюдается дискуссия, которая порочна и ошибочна по своему существу: а именно о подчинённом положении львицы, самки как таковой вообще, в любом обществе, и возможном её «равенстве» или хотя бы «уравнении» в некоторых вопросах, будь то владение недвижимостью или возможных способов

вестись. Вопросы такого толка лишены всякого смысла с точки зрения любой сколь-нибудь известной Сунгской философии, и совершенно точно обнаруживают свою беспомощность перед верой Ваала. Знание чрезвычайно просто: невозможно сравнивать два пола, как невозможно сравнивать огонь и воду в сколь-нибудь практическом, а не потешном смысле. Самец и самка — разные стороны магнита; о метафизической важности магнита и алмазита см. ниже. В том числе и поэтому жречество, хоть даже внешне подражающее сестринству Ашаи-Китрах, невозможно в обществах, подобных гельсианскому, а мы ведь ещё обозначили их, как самых развитых варваров...»

«Хорошо хоть, что мы с самками можем одну воду пить из одинаковых кружек, а можно было бы сломать голову», — усмехнулся Арад.

— Ну что, сын, как? — показал отец на книгу, вертя графис. — Что ты можешь сказать?

«Кажется, он уже долго так сидит и смотрит на меня», — подумал Арад и осторожно закрыл книгу. Снаружи трещали сверчки в тёплой ночи. Полутьма двух ламп, и ещё нескольких свечей.

— Да как, пап, — многозначительно вздохнул Арад, — львы и львицы разные. Гельсианцы, как всегда, бегут, но догнать не могут. Любовь — метафизична, а ещё — трансцендентна. Все, кто не согласен — регрессивные дегенераты. Мы всё понимаем, и поэтому ничего не можем понять.

Синай засмеялся, искренне. Когда ему было действительно смешно, он держался за грудь, а потом утирал несуществующие слёзы. Он был доволен. И Араду стало хорошо, что отец доволен.

— Он ваалист, пап, этот Арий... Как его там. Арий Третий.

— Да ничего, ты пропускай, как обычно, что поделаешь. Все кругом ваалисты, только мы с тобой, — он сделал смешную суровую рожу, — в вероборческом подполье. На самом деле, очень хорошая работа, — показал он на закрытую книжку. — Что ещё? — откинулся в кресле.

Подозрения Арада быстро превратились в уверенность; он примерно представлял, что именно папа хочет услышать, и точно понял, о чём отец хочет побеседовать.

— Ну, Радуга Крови.

— Радуга Крови! — подхватил отец, радостно стукнув по столу, а потом задёргав себе гриву. — Да-да, вот это. Там где про горячую кровь, ты дошёл?

— Дошёл, — кивнул Арад.

— Смотри, Арад, — вдруг картинно посерьёзnel отец, и отложил графис, облокотился о стол. Арад сидел сбоку, за своим, словно ученик в школе. — Кхм... Ты уже достаточно взрослый, чтобы узнать некоторые вещи. Кхм. Ты, наверное, уже обращал внимание на сверстниц, кхм, на львён твоего возраста...

«Ага, бывало», — подумал Арад, но смолчал. Сарказм вынудил взмахнуть хвостом.

— ...и ты думал о романтической стороне рассматриваемого вопроса...

Папа, рано или поздно, из всего делал судебное заседание.

— ...и задумывался о том, как... что именно делать со своими... — поставил Синай перед собой руки, пытаясь найти слова, — ...со своими этими самыми ощущениями.

Арад заметил, что отцу чрезвычайно трудно. Это не было актёрством. Ему было безумно трудно говорить об *этом*. Он знал, что должен, и наверняка готовился, и всё равно. Арада это озадачило. Он решил помочь папе:

— Со своими желаниями, — осторожно добавил Арад.

— Да, и с ними! — шумно выдохнул отец, и схватил графис.

— Ты, наверное, хочешь поговорить со мной об Игре, верно?

— Именно так, о ней. Именно! Давай я... — отец, заметив, что сын пытается что-то сказать, остановил его жестами. — Дай мне, потом вопросы. Если у тебя с кем-то появятся отношения, — поставив папа условную точку на столе, когтем, — и они зайдут достаточно далеко, — подвинул точку, — то ты сможешь — если она согласится — с ней, как это говорят в просторечии, поиграть, — постучал он по точке. — Уединившись, — выдохнул он, ему не хватало воздуха. Это было пыткой для него. — Ты можешь закончить, ну, ты понимаешь, в смысле натурном...

— Да, — помог Арад.

— И при этом не проникать в неё, как это делают взрослые. Ни в коем случае. Потому что Родовой Закон, часть первая, раздел седьмой, статья четвёртая, гласит...

— Папа, да, я помню. Там о том, что несовершеннолетний Сунг не может быть отцом, а Сунга — матерью.

— Правильно! И обязательно... обязательно помни, что играть запрещено с дхаарками, да и с Сунгами низкого положения тоже не стоит, со всякими служанками и, там, нижними слоями.

— Пап, спасибо. Хорошо, что мы об этом говорим. Но не волнуйся, я уже знаю об Игре, в практических чертах.

Арад хотел сказать «в общих чертах», но решил из выпендрёжа сказать всё это посложнее.

— В практических? Ты уже играл? — вдруг оживился отец, весь удивился, заинтересовался.

И вдруг:

— Да, — бессовестно соврал Арад.

Он не планировал этого вранья. Он не думал об этом вранье. Он даже не знал, почему это сделал.

Хотя нет. Зачем обманываться. Знал.

— Даже так. О... Интересно, кто это мог бы быть? — спросил Синай себя так, словно тут его сына и не было; странный вопрос пришёл папе в голову.

— Пап, дочь тех комнаасских патрициев, что были тогда у магистра в гостях. Аршайя.

— Ты играл с дочерью патриция Красстана-Мас, рода Фейли, правой руки наместника Закона и Порядка в Сунгкомн...? — почему-то отца это, кажется, ужасало.

— Да, пап. Я кончил ей прямо в морду, — поставил Арад ладонь на стол.

— О... — папа совсем растерялся.

— Я её в карты выиграл. Есть такая игра, флис с прятками. Если выигрываешь, то тебе закрывают глаза, потом ищешь её, находишь, ну и всё.

Папа потёр гриву.

— Молодёжь теперь... умеет знакомиться, — похоже, такое отцу в голову не умещалось. — Ладно, помни о запретах: никаких беременностей, пока не вырастешь, ясно?

— Ясно.

— И если она чего не хочет или запрещает, то соблюдай. Как говорится, играй там, где разрешила.

— Ясно, — обречённо кивнул Арад.

— Вот и закрыли вопрос, — захлопнул отец дневник.

«Ага», — подумал Арад. — «Закружи».

Прямо тут же в таблиний вошла мать и потребовала от обоих идти спать.

«Хаос и беспорядок», — думал Арад, стоя возле окна. — «Всё-таки хочется ясности». Эхехе. Он начал врать, даже ещё не вступив в войну.

Сложно было отличить, что правда, а что — нет, в этих правилах и обычаях Игры.

«Не совсем понятно даже, как играть: что кому делать?», — думал он, бездумно разматывая повязку на руке. — «Ожидаются технические сложности, блуждания по местности, катастрофические поражения». Размотал, посмотрел на окровавленную ткань, вспомнил о Симсане. — «Интересно, она — найсагрыйка?».

Оказалось — да, вроде найсагрийка, или как правильно у них говорится, найсаграя. Свой прайд, близкая кровь. Ну, она не похожа на найсагрийку; наверное, ещё какая-то кровь была. Это, и кое-что ещё, охотно поведал ему учитель математики, которого отец нанял для Арада к дому. Оказалось, он знал Ваалу-Симсану и её наставницу, поскольку её тоже учил математике:

— Они возле речки живут, она и её наставница. Дом такой, белый камень снаружи, полтора этажа. Большой.

— А где? — спросил Арад.

— Там самая последняя улица, Кольцо называется, там дальше прямо поле идёт.

— Аааа. Знаю.

— Эта Вэ-Симсана оказалась молодчиной, — задумался наставник, приставив руку с линейкой к редкой гриве, — как для львицы, сообразительная. Но я уже там год не был.

— А дом какого стиля? — вдруг поинтересовался Арад.

— Не разбираюсь, юнсир.

Ну, зато Арад разбирался; по крайней мере, начинал разбираться. Папа отдал его на подмастерничество к единственному настоящему архитектору в Галлене, который закончил настоящий Марнский университет — уровень, о котором Арад мечтал, но никак не мог быть уверен в его достижении, несмотря на вполне хорошее и происхождение, и денежное достоинство рода. Мастер-архитектор вроде как любезно принял его, но всё наверняка было только лишь из уважения и возможного фавора отца. Первую Луну Огня, когда гимназию отправили на каникулы, Арад провёл, разбирая у него старые бумаги и чертежи; мастер давал ему иногда действительно дурацкие задачи и постоянное «пойди-принеси». Арад много ходил по Галлену, и за это время пять раз (подсчитано) встречал по дороге Симсану: два раза — с наставницей, три раза — с самыми разными подругами, не меньше, чем хвоста три-четыре.

— Красивого дня, Симсана, — он обязательно шёл мимо.

— Ваал в сильный день, Арад, — не останавливалась она, всё-то они торопились.

Подружки любопытствовали, глядя на него, одна вроде даже стрельнула глазками, но вроде.

Один раз он не обернулся вослед, четыре — обернулся. Ни разу — она.

Состоялась было ещё и та самая поездка в соседний Муур: ехала молодёжь со взрослыми — взрослые чего-то купить, юные — мир посмотреть и посмеяться. Там попались вместе и Арад, и Симсана. Шансов её застать наедине не было, но он успел с нею посидеть немного, поболтать. Болтовня была пугающе пустой, ему аж было стыдно.

**

После луны или около того бумаг, расчётов и поручений, Арад захотел попасть, где что-то строят, и мастер согласился, что это хорошая идея. И поручил ему ходить, по возможности каждый день, на стройку на окраине Галлена, и там помогать. Арад пришёл. Строили свинарник, точнее, только-только начали. В итоге он делал всяческую подсобную работу (не тяжёлую: подросток и сын судьи), а ещё: сначала помогал ниткой размечать участок под фундамент, где вывел старшего по работам в первый же день своими замечаниями о том, что диагонали не равны, и это неверно; потом вздумал всеу забраковать песок на подушку фундамента, и это было забавно (песок всё равно засыпали, это же «сраный свинарник»). А потом цемент, и камни для него. По идее, Арад должен был помогать старшему соблюдать пропорции смеси, но...

В итоге, он был весь в цементной пыли и грязи, когда встретил Симсану в этот раз.

Полдень, он валялся в тени дерева, попивая из кувшина отвратительно тёплую воду, отдельно от остальных (старший ему уделил внимание и очень настоял, чтобы он отдыхал отдельно, ибо нехорошо «юнсиру-подмастерью» вместе с рабочими — уже прознал, что это сын судьи, средняя Имперская страта, а по местечковому уровню — так местные верхи). Какая-то добрая хаману (наверняка привлечённая всё тем же старшим, что стал заботливым, как нянька) нанесла ему еды. Он сидел спиной к дорожке, и по чистой случайности заметил Симсану, что шла, держа подмышкой баул.

— Симсана! — вскочил он, вышел на дорогу.

Она оглянулась, уши наострены.

— Красивого дня, — перехватил он её.

— Арад? Это ты? — изумилась она ему и его... виду. Поставила баул на дорогу.

— Да. Вот тут, эм, мы строим. Поэтому такой грязный. Я же архитектор. Хочу быть, — сказал он всё и сразу.

— Оооо... Так ты хочешь быть зодчим? — Симсана заложила руки за спину.

— Да, да. Гимназия, потом университет Марны. Если смогу. А не смогу, то университет Муура.

— Лев дела. Я, если честно, — приложила она левую руку к груди, а правой нагоняла волны в воздухе, — думала, что архитекторы вроде как делают план на дом, а потом по этому плану строят другие...

— Это так, — снисходительно засмеялся он, — но полезно знать, как оно всё строится. А ты что?

— Тут львица одна рождает, на Нижней Третьей улице, — махнула она рукой. — Пусть этой Сунге поможет Ваал, тяжело ей.

— Ты с наставницей? — задал он глуповатый вопрос.

Он не хотел, чтобы она уходила.

— Да. Мы уже от полночи у неё, — чуть нахмурилась она.

— Надеюсь, всё будет хорошо. У неё будут здоровые львята. И она сама будет здорова.

Симсана кивала, и делала это дольше, чем обычно делают. Он заметил перемену: она ушла внутрь себя, задумалась, словно внутри себя пала во что-то; совершив замысловатый крест из скрещённых, растопыренных пальцев, она когтем дотрагивалась к носику, а потом и это перестала. Она упала глубоко, совсем глубоко; Арад такого не видел ещё; у Арада вдруг появились мгновения изучить её взглядом, рассмотреть.

Островатые, не найсагрийские уши, без каймы, без холки, без пышностей, без ничего — чистые. Такие тут необычны. Большие серые глаза. Короткая мордашка. Маленький нос, небольшой рот, чёрная полоса. Он в одной книге видел такое сочетание: «сенсуальный изгиб». Сенсуальный рот, нет, сенсуальные уста. Ей бы подошло. Рост? Да не высокая, не низкая, обычная. Строй тела? Да сложно сказать, он её видел только в этих грубоватых, длинных, неизящных платьях с мощным поясом. Судя по рукам — худощавая. Или даже прямо худая. На ней был амулет, он даже знал, как он называется — амулет Ваала, почти полностью спрятанный воротом. Окрас сероватый, немного солнца; нет, ну может, всё-таки и правда совсем серый, прям необычно. Таких называют хорошим словом «хорошенькая», от друзей ещё слышал слово «удачная». Удачная львёна. Красивая. Бывает же, например, весёлая красота. Все такую видели. Бывает скучная красота. Бывает вызывающая. Какая ещё... Хустрианская. Северная. Да, конечно, северная, комнасская... Юнианская! Такую видел раз, захватывающе. Андарианская. Такую тоже видел, эту идеальную плавность и округлость всех линий. Безусловно, и родная, вкусная, найсагрийская, но тут Симсана и эта вершина не сходились: слишком много несоответствий. Какая тогда? Печальная? Нет. Строгая? Нееет. Какая? Какая?..

Она посмотрела в него, темно-серые глаза.

— Симсана, я люблю тебе... сказать... Я хочу архитектуру, — быстро сказал он. И схватил себя за гриву от этой быстросказанной чуши, которой он лишь заполнил пустоту диалога.

Она будто очнулась.

— Прости, моё внимание? — улыбнулась она, виновато, очень. — Что «архитектура»? Извини, я так волнуюсь из-за этой роженицы.

— Да ничего, пустяки, — махнул он рукой. — Вот что. Послушай, я тебя задерживаю, знаешь, ты ходишь в Фелидсаловский гостдвор? Фелидсаловский.

— Редко, — довольно безразлично пожала она плечами, — была пару раз, подружки приглашали.

— Приходи туда сегодня.

«Она же сейчас спросит „Зачем?“», — вдруг испугался Арад, и быстро добавил:

— Я приглашаю, вместо подружек, — сказал и понял, как это никчёмно звучит.

И протянул ей руку; Арад уже был уверен, что всё, что он наболтал, можно было сказать в тысячу раз лучше.

Она осторожно и не сразу, но приняла его ладонь, сделав маленький, этикетный, приседающий шаг навстречу.

Выросший в хорошем доме, он примерно знал, как ведутся львицы разных сословий и возрастов при приветствии либо прощании, если ты им протягиваешь руку. Сунги низких сословий могут теряться: то делают только книксен, то протягивают руку, но поздно, спохватившись, и это неловко. Однажды он протянул руку дхаарке, были обстоятельства, и та совсем растерялась и поцеловала ему руку, и это было брутально неловко. Симсана делала всё хорошо, одновременно с ним, книксен одновременно с рукой для его поцелуя; можно было поцеловать, можно было сделать вид, остановившись в когте от её тонкой ладони, и Арад выбрал первое; проклятье, у неё были манеры, и это немного удивило Арада; единственное, она почему-то протянула левую, а не правую руку, так ещё принято у патрициев. Всё-таки она ведь ученица Ашаи-Китрах, которая принимает роды, львят лечит, всё такое, а это вроде как не самое, хм, не дело высокого круга; достойное, безусловно, но. Вон у них в городке: одна Ашаи-Китрах свадьбы совершает, вторая сделки заверяет — очень светские особы. Папа их не любит. Они, наверное, не любят папу.

Это, Симсана могла быть из хорошего рода. Пожалуй! Пожалуй. Будет тема для беседы.

Вторую, правую ладонь, она держала у самой шеи; потом вдруг обернулась, куда-то туда, откуда пришла: где наставница, роженица, её дело.

Такая хорошая погода.

Арад ждал.

— Прости, Арад — внезапно молвила она, глядя вниз; Арад наблюдал за ушами Симсаны, что прижимались всё сильнее, — не знаю. Столько дел. Арад, я не могу, — быстро добавила в конце.

«Что?..», — дёрнулся хвост.

— Совсем, никак?

Симсана поглядела на него и закивала «нет», мелко и немного, раза два-три. Никак. Совсем. Всём все ясно? Совсем. Никак.

— Может, тебе не нравится место? Я придумаю другое, — безнадёжно спросил Арад.

— Дело не в нём.

— Что ж, ничего, — медленно сказал он, потом закрыл глаза, потёр переносицу. — Ничего страшного. Я понимаю.

Но вот что: он всё еще держал её левую ладонь, а она не отпускала, не делала попыток освободиться, не делала и намёка на освобождение; он почти её не держал, но она не освобождалась, так-то уже совершенно свободная.

— Ваал мой, и дело в не тебе, Арад, — поспешно добавила она.

— Понимаю, — перебил он, подняв руку, мол, не стоит объяснений, когда всё ясно. — Не выходит, значит — не выходит.

Симсана смотрела на него. Он совсем освободил свою хватку, и только тогда она забрала руку. Деликатная. Приняла все обхождения и мягко отказала. «Изо всех сил пытается не обидеть. Не буду её мучить. Маасси кругом полно. Ничего страшного».

— Я тогда пойду. Наверное, меня это, ждут. Удачи тебе с родами... точнее, ей, той.

— Спасибо, — ответила, подняв свой баул с земли.

Ну, чего ждёшь. Всё. Ты свободна. Отказ есть отказ. Да — это да. Нет — это нет. Всё просто.

«Баран», — подумал Арад. — «Тупой ты баран».

— Красивого дня, Симсан, — улыбнулся ей. Наверное, не очень получилось. Но не стоит ожидать от раненного льва, чтобы он делал всё слишком хорошо; наверное, не стоит от него ждать неизмученных улыбок, быстрых лап.

Помахал, развернулся, уши уже услышали сзади:

— Пока.

Он не смотрел ей вослед, ни тайком, ни открыто — не мог. Просто сел под деревом, где раньше, медленно глядя переносицу с закрытыми глазами.

Была такая уверенность, что всё получится. Она ему нравилась, он предчувствовал, что с ней можно что-то начать. Мыслилось, что дело за дальнейшим, она встретится с ним, даже хотя бы из любопытства, обычного для львиц. Он знал, что немного понимает в знаках и сообщениях самок, но тут его внутренний маяк так недвусмысленно оглашал её заинтересованность; и притяжение это случилось ещё тогда, возле больницы. Оказалось — обманул.

Он, вообще-то, о ней думал. Не раз, и не два. Ему нравились многие львёны, а конкретной — четыре, но вот с этой — ученицей-Ашаи, вот так

штука — Арад действительно решил предпринять решительные шаги. Трудности: он мало что знает о львицах; и ничего почти об Ашаи. Война без карт вражеской территории, только общие наброски.

Стрела не попала в цель.

Наверное, Ашаи-Китрах требовательны; ей нужен сильнее, старше, лучше. Имеет смысл. Кто же не хочет в Империи Сунгов побыть с ними? Все хотят. Требовательны. Имеет смысл.

**

На следующий день, поутру, Арад притащился к мастеру-архитектору, и объявил в почти безапелляционном тоне, что с него свинарника достаточно. Тот удивился, подумал, решил с этим ничего не делать (не желая ссориться с отцом), и отпустил Арада на этот день. В итоге Арад оказался в центре Галлена, предоставленный сам себе. Домой не хотелось. Встретил хорошего друга, но тот торопился, но успел показать трофей — шкуру волка. Присел в таверне, на улице, на самом краю; поглядел на Имперское Знамя Сунгов, развевающееся на Обелиске Империи, посреди площади; у них в Галлене Обелиск высокий, шагов сорок, не то что в соседнем Мууре, хотя это город раза в два-три больший; подумал, не стоит ли ему стать военным инженером, а не архитектором. Будет в Восточных Доминатах строить крепости, форты, стены, ямы-ловушки, рвы, заполненные водой, жабами, змеями, крокодилами (видел в книжке рисунок крокодила, а жабами пугал львёнушек в начальной школе). Стреломёты. Наверное, стоит стать истинным львом науки, быть одиночкой, вообще дела с самками не иметь, даже не трогать их нигде и никак; говорят, это помогает в упражнениях разума, делает тебя злее и умнее, а самцу важно быть позлее, а поумнее — так само собой. Многие видные учёные сознательно не имели с ними дела. Мешаются.

Пока думал, принесли нечто похожее на морс и лимонад одновременно. Это нечто оказалось тягучим, очень холодным и очень вкусным. Спросил, как называется. Ответили: «Кафнский шерриш». Неплохо.

Мимо прошла хаману, молодая, наверное лет двадцать. Он провёл её взглядом, болтая кружкой. По внешности и одежде найсагрийки, наверное, можно сказать больше всего, чем по львицам других прайдов. С чего начинать? Правильно. Смотреть сзади, на хвост. Правда, его почти не будет видно, хвост — у найсагрийцев не признаются хвостосвободные платья, это вам не Хустру, не Гельсия. У всякой порядочной и воспитанной в прайдовой традиции найсагрийки, а они тут все такие, в Галлене, после того, как она станет маасси, — это, ну, лет двенадцать, — появится пояс. А на поясе сзади будут свисать шнуры, шесть штук, иногда восемь, в каких-то

очень особых случаях — двенадцать. Всё вместе называется *катена*, но это львицы так говорят, львам проще сказать «шнурки», немножко так презрительно ещё (это важно), да и всё. Вот эта хаману, например, замужем, имеет двух детей, занимается повседневными делами, ничего не празднует и... эээ... а, да, из простых сословий. Скотоводы там, ремесленники.

Арад отпил ещё, оставил хаману в покое, и... Най, ого, что это?

По площади, в шагах двадцати от него, шла Ашаи-Китрах, и таких от тут ещё не видел. Она совершенно точно не была здешней. За ней шёл страж, его Арад даже знал, это был брат жены сына двоюродной сестры его мамы; он нёс ведро с водой. Ещё за ними шла некая пожилая львица с большим кувшинчиком, её он с виду знал (светотипическая память), но не более. Ашаи-Китрах была молода, лет двадцать, с обручем и улыбалась с оскалом, чрезвычайно мило; сложно было сказать, откуда она происхождением. Но нездешняя, неа. Она что-то весело говорила стражу, тот поспешно кивал. Они все трое подошли к подлапию Обелиска, и Арад примерно понял, что увидит: будут жечь Чашу Ваала — эдакий большой бронзовый чан, неглубокий и широкий, наполненный маслом. Арад лишь несколько раз в жизни, буквально пересчитать по пальцам двух рук, видел, как жгут *игнимарой* Чашу, да и вообще игнимару. Три раза это было на свадьбах, издали, остальные — по разной оказийной случайности, в том числе и здесь, что бывало редко, только по праздникам. Чаша у Обелиска в Галлене открыта всем ветрам, без навеса, всегда горит недолго, да и жгут её нечасто.

Отец всё любит говорить, что игнимара — ловкий, до конца не разгаданный трюк Ашаек. И смотреть на него — дурачить себя цирковым фокусом для праздной толпы.

Но ведь делать нечего; Араду стало интересно, он встал, и вместе с вполовину полной кружкой пошёл поглазеть. Кругом полдень, почти никого кругом, интересно — что будет?

Эти трое подошли к Чаше, на небольшое возвышение; Ашаи вместе с львицей протирали Чашу от грязи; Арад праздно встал, наблюдая, на наименьшем почтительном — как ему казалось — расстоянии. Случился небольшой конфуз: старая хаману чуть не разлила содержимое кувшинчика на землю, всё чуть не упало, но они вместе поймали ёмкость и облегчённо засмеялись.

Вдруг кто-то подбежал к стражу, что стоял в сторонке, как и Арад. Пошли отчаянные жесты, объяснения, случилась кража, то ли хвост поймёшь что; на площадь вышло несколько львов из магистрата города (да вон он, напротив). Подтянулось и пару голов с соседней Рыночной улицы.

«Хуже времени не придумаешь для церемоний. Кругом — никого. Ленивое время», — подумал Арад. — «Вот дура-то Ашая эта».

Стражник в прямом смысле слова убежал, и, оказалось, это создало трудность для Ашаи: та провожала его взглядом, а потом картинно развела руками, мол, ну и дела. Арад просто стоял и глазел, не зная, что всё это значит, и забавлялся зрелищем; из львов некто помахал Ашаи рукой, но она отвернулась, и стала искать взглядом в иной стороне. В иной стороне она и нашла — его.

— Добрый Сунг. Добрый Сунг, можно юнсира? — зазвала его жестом, улыбаясь.

Обернулся, но сзади никого. Быстро подошёл, вплотную, прямо с кружкой в руке, но так, с недоверием.

— Помощь нужна, — весело и негромко молвила она, разбалтывая масло большой кистью. — Спасай, добрый Сунг.

— Чем могу помочь? — удивился Арад.

Поглядев на него, молвила:

— Как чем, свидетельствовать будешь.

— А что мне делать?

— Добрый Сунг, выпьем потом, когда всё закончим, — забрала она у него кружку и поставила прямо возле чаши на землю. — Да ничего, как всегда: стой и смотри, — ещё тише добавила она.

Он наострил уши.

— Что, совсем ничего? — чуть согнулся к ней, украдкой посмотрев по сторонам. Из магистрата кое-кто вылез, и этот кое-кто, как знал Арад, уж точно потешался зрелищем: сын известного судьи помогает Ашаи делать её штуки.

— Ты чего, дома никогда не свидетельствовал? — громко зашептала она, отряхивая кисть о Чашу. — Когда зажигают огонь на Ай-Юлассай, День Героев, день рождения Длани Ваала, да просто так? Ты вроде ого-го, — поглядела на него, блеснули зубки, — большой лев, лет восемнадцать.

— Шестнадцать, — почти правда от него. — У нас ни разу Ашаи дома не было.

Посмотрела на него, сморщила носик, сощурила глаз; и с неё не спадало весёлое, залихватское, бесстрашное выражение.

— Ууухуху, это будет весело, — очень обрадовалась она.

— Но почему я? — пожал плечами, сдержанно взмахнул хвостом.

— И так каждый спрашивает. Не будь занудой. Всё, тихонько, стой за Чашей, молчи-смотри.

Ладно. Он встал и начал наблюдать за нею.

Её великий шарм и энтузиазм отражался во всём облике; ещё она была красива с мордашки. Прямо действительно. Без дураков. Без скидок. Именно таких рисуют художники. Юниан, Дэнэнаи, возможно... Андария? На ней было именно то нарядное платье, тёмное-красное, что он запомнил как «их

платье», «наряд Ашаи-Китрах», но не знал, как называется. Слышал, но забыл. Тем временем она перекидывала шлейфы, что свисали по всей длине рукавов, крест-накрест через голову, потом пропускала всё дело подмышками, и выглядело это мудро и сложно; в итоге у неё полностью оголились руки, по самые плечи. Чистое золото окраса. Всё-таки, наверно, Дэнэнай...

Она посерьёзнула, исполняя эти вещи; точнее, не посерьёзнула, а словно с чем-то смирилась. Несколько раз дёрнула себя за рукава, проверялась. Ещё она подпевала себе под нос, нехитрый мотив. Посмотрела на него, улыбнулась уголком рта, сощурила глаза — всё на миг.

У него прошла волна по спине. Очаровательна.

Вдруг она наострила уши, посмотрела на небо, по сторонам; скривилась, как от кислого — что-то ей не нравилось. Принюхалась даже, затем протянула руку, и невидимая для Арада старая хаману дала ей штуку из ткани, похожую на мешок. Оказалось: большая такая накидка с капюшоном, твёрдая, серая и страшноватая на вид, не подходящая к её наряду, серьгам, к ней всей. Вот этот кошмар Ашаи на себя ловко и надела; капюшон скрыл ей глаза.

Она так чуть постояла, потом плавно подняла руки перед собой, прямо над Чашей, не поднимая головы. Араду показалось на миг, что так выглядят преступницы, пойманные и осуждённые: большой капюшон на голове, прошение о милости вытянутыми руками. Потом ладони сцепились. Потом левая ладонь подчинилась правой, начала её гладить, и Арад слышал, какой мучительно сильный вдох сделала Ашаи.

Он сжал кулаки, непроизвольно. Он чувствовал напряжение; он начал за неё переживать. Она делала нечто бесконечно трудное, яростно сражалась в никому не видимой битве — кроме него, он видел.

На её правой ладони — и на половину предплечья — появился красный огонь. Совсем красный. Арад видел её руку, от начала и до конца, и мир кругом изменился. Он чувствовал его жар, его цвет. Он размяк, рот ему открылся, словно у того, кто увидел восход алого солнца. «Это не трюк, это не фокус, это не трюк, это, это... Сунги, Сунги, о сунгмара, Ваал...».

Ладонь черкнула по поверхности масла в Чаше, оно загорелось.

Проорали в толпе, как обычно, слава Ваалу, или ещё что, Арад не слушал. Он только смотрел за её правой рукой: она ещё горела, Ашаи трянула ею в воздухе, потом торопливо приложила к своей накидке, капюшону...

...и тут, понял он, произошло ужасное, непредвиденное, беда. Она загорелась, накидка, причём мгновенно!

У льва всегда должен быть план на плохие вещи. У Арада есть. Он знает, что делать, если кто загорелся в одежде. Он сорвал фибулу плаща и бросился на неё, сбил её с лап и упал с ней на землю, накинув плащ,

дальше прихлопнул несколько раз её по плечам и голове, где мог быть огонь — а огонь надо было убить, неважно, Ваала это огонь или просто так. Ещё задел хвостом треногу Чаши Ваала, и это было больно. Прижал к земле, разлёгся на ней. Всё стихло.

Арад понял две вещи: он сделал нечто ужасное; и сделал всё правильно. Он сделал что мог. Он поступил быстро и решительно.

Вздохи ужаса. Он был готов принять проклятия, удар, ругань, критику. Так и будет.

Нашёл её мордочку в складках плаща; лежала расслаблено, не двигалась; увидев его, нашедшего, сказала:

— Поймал.

Шмыгнула носом, и него потекла кровь, несильно.

— Там зажётся капюшон. Я...

— На мне лежится хорошо, верю, но сейчас будет толпа.

Он мигом встал, и она привстала. Все подбежали, кто-то серьёзно оттолкнул его, и Арад очень бы хотел запомнить, кто это был, но не увидел.

— Она оказалась в огне, огонь на капюшоне, — начал объяснять он старой хаману.

— Да она его скинуть может, — чуть не плача ответила та.

— Но он ведь загорелся? Хаману видела?

— Да, — приложила она ладонь ко рту. — Наверное, масло пролили на него, когда несли.

Молодую Ашаи обступили. Арад почесал гриву, вздохнул, нашёл на земле фибулу, повертел в руке.

— Как чувствуется превосходная... — спрашивали её.

Та стояла, держа высоко голову и платок у носа, и повторяла одну фразу:

— Всё хорошо. Всё хорошо. Всё хорошо.

И смотрела прямо на него.

— Это карается, это совершенно непозволительно, — решили возмутиться.

— О чём вы, он меня спас!

Она подкинула пару раз капюшон в одной руке, продолжая держать второй платок у носа:

— Он загорелся, на нём масло. Следы масла. Вот. Всё хорошо. Что там, огонь Ваала горит в Чаше? Ну и слава Ваалу. Ничего страшного, ничего страшного. Пусть хаману подержит, — отдала накидку. — Хотя нет, пусть отдаст, — забрала. — Спасибо. Всё хорошо. Нет, он молодец. Я могла загореться, вся. Да, вся. Да, да... Всё хорошо.

Все начали потихоньку расходиться. На Арада бросали взгляды: любопытные, раздражённые, заинтересованные. Он стоял возле Чаши Ваала и смотрел на огонь; тот был обычным, жёлтым, редким.

— Я правда подумал, что сиятельная загорелась.
— Тебя как зовут? — потёрла она нос, и посмотрела на свою кровь на ткани.
— Арад.
— Ваалу-Арасси, — она словно хотела продолжить, что-то добавить, но остановилась. Вместо продолжения встала возле него и огня. Снова посмотрела на платок: снова кровь.
— Говорила же — будет весело. Я грязная?
— Где именно? — Арад любит точность.
Она поглядела на него. Предки, какие зелёные глаза.
— Где именно? — повторила она, а дальше — самый переливчатый, самый пленяющий смех из всех, что он слышал от львиц.
Она приковывала к себе внимание шёлковой цепью.
— Там, в таверне, можно умыться, — предложил Арад, стараясь говорить как можно ниже и самцовее.
— Даже нужно. Идём. Кружку не забудь.
Он схватил кружку с земли и они пошли.
— Тот капюшон снимается, понимаешь? Очень быстро, вот смотри, — Ваалу-Арасси быстро его надела, и махом сняла, и это было комично и курьёзно, — видишь. Он особый. Его надевают, когда боятся жечь игнимару на ветру, вообще на улице, и вообще боятся, — показала она когти, словно задумала его пугать. — Надеваешь вот так, хоп, — она снова его надела, Арад, напустивший на себя важность, наблюдал за нею, — и спряталась, и не мешаются всякие. Хинастр называется, — снова мигом сняла. — Есть накидка такая, хинастра, может слышал, львицы носят, и светские и мы, ну а вот этот грубый... вот это грубое вытворение... оно как у этого, знаешь, у того, кто казнит, как его... рубильник голов который.
— Палач, — поправил Арад, снисходительно.
— Как правильно: рубильщик или рубильник? — она махала рукой в воздухе, но он такого жеста вряд ли полетит голова — мягкий, ласковый.
— Рубильщик, — уверенно сказал Арад, хотя и не был уверен.
— Я видела, как одна жгла игнимару на свадьбе. Кругом торжество, а она — бам! — и палаческий мешок на голову, — и засмеялась.
Арад не смеялся, а порезонил, пытаясь прикрепить оторванную фибулу к плащу, который приходилось придерживать рукой:
— Превосходная Ваалу-Арасси, всё, конечно, хорошо, но он загорелся. Думаю, на него масло пролили. Я посчитал это опасным, — веско отметил он. — Сиятельная, я прошу прощения.
— Побоялся за меня, да? — остановились они возле стола, она бросила капюшон на лавку и самоуверенно уставила руки в стороны, осматриваясь.
— Да. Обстоятельства были рискованные. Ужасные вещи могли случиться.

— Ужасные вещи. Сейчас приду, — молвила и куда-то ушла.

Он сел за тот же стол, где сидел прежде. И даже кружку поставил на то же место. Взял капюшон, что лежал рядом, рассмотрел: таки действительно пролили масло на сторону, порядочно так — следы остались. Нет, он всё сделал правильно. Хорошо, что она вроде это понимает. Легкомысленная! Шутки ей. Сгореть же можно... Хорошо, что он знает, что делать, это он от двоюродного брата матери знал — тот был на Востоке, рассказывал об огненных стрелах и стрелах в горле.

Надел из интереса капюшон, воровато обернувшись, чтоб никто не видел. Быстро снял.

Да, его можно быстро снять, но откуда он знал, да и платье могло загореться, это её красивое платье. Хорошо на ней сидит. Правильно сидит. Всё подчёркивает. А это всё у неё как у той, у Аршайи, только лучше. Хотя, казалось, куда уж лучше.

«С огнём играют», — многозначительно подумал Арад.

— Юнсир, что случилось? — подошёл к нему пожилой служитель таверны, подёргивая косичку гривы. — Там, возле Чаши.

— Загорелся капюшон. Масло пролили.

Тот взял, посмотрел на него, потрогал когтями стол, кивнул головой.

— А я её потушил, — вдруг добавил Арад.

— Да мне сказали, что юнсир бросился с превосходной на землю. Жаль, не видел. Странно, что сейчас Чашу жгли... Что-то ещё будем?

— Кафнского шерриша. Две кружки, пожалуйста.

— Сейчас.

«Жаль, здесь Симсаны не было. Или вообще всех львиц Галлена», — подумал он. — «То-то она бы меня увидела. Герой спасает всё».

Принесли две кружки.

«Да, сюда бы Симсану», — нахмурился он, подперевшись кулаком и поводя когтем по дереву столешницы. — «Наверное, у неё есть другой. Или даже другие. Или ей только эта учёба, ремесло. А я думал, что ей понравился... Обходительная она просто. Твою ж мать. Все уже кругом сыграли в Игру, только я, как полный дурак...»

— Хей, меня долго не было?

Перед ним предстала Ваалу-Арасси: без крови на носу, и с двумя полосками тентуши под уголками глаз.

— Теперь Ваалу-Арасси чиста и красива, — подвинул он ей кружку.

— Оооо, Аради, ты просто находка, ты меня покорила. Ты спасаешь Ашаи от неминуемой гибели, сыплешь комплиментами и поишь, что очень кстати после всяких штучек с огнём Ваала, — сказала, а потом быстро, заговорщически, конфиденчно добавила: — После игнимары очень хочется пить. Мммм... что это?

— Называется «Кафнский шериш», похоже на лимонад и морс одновременно.

— Отличная штука, Ваал ты мой. Прямо что надо.

Он смотрел, как она пьёт.

«Интересно, если бы все в мире умерли, она сразу бы мне отдалась, или пришлось бы насильничать?».

— Познакомимся поближе, Аради.

«Та ладно», — подумал Арад. — «Шутит, снисходит. Всем только шутки шутить».

— Не стоит, сиятельная Ваалу-Арасси, — посмотрел он в сторону с ухмылкой.

— Мрррр, ха-ха, львы мне ещё так не отвечали. Так, мы же на «ты», ну чего ты. Давай без предобращений.

— Это как бы и без номена? — посмотрел он на неё, вспомнив о Симсане.

— Нет, с номеном. Смотри, — заёрзала она на месте, и Араду захотелось, чтобы она так сделала, но только сидя на нём, вот была бы штука, вот это была бы жизнь, а не эта комедия, — когда Ашаи-Китрах говорит, что желает слышать своё имя без номена, то это переводит ваши отношения в близкий круг, — жестикულიровала она, тыкая когтями по столу. Очертила круг: — В этом круге твои близкие родственники, друзья, патроны, конечно же, твои любовники, вот. Она как бы разоблачается перед тобой, — показала жестом разоблачение, Арад подумал попросить повтора, — убирает себя-сестру со света и прячет в тень. А ставит себя-львицу.

— Ну ясное дело, — кивнул он, всё поняв. — Я не родственник и не любовник, и даже не друг. Зато я спасатель.

— Тогда знаешь что?

Она встала и пересела — прямо возле него, слева. Её близкое, какое-то тесное, напряжённое присутствие.

— Предлагаю без номена. Можешь называть меня Арасси. Сколько хочешь. Спасателям тоже можно, — стукнулась с ним кружкой.

Вот иллюзия: кажется, что она говорит тебе прямо в ухо.

— Арасси, я похвалюсь: есть ещё одна Ашаи, которая разрешила мне такое.

— Расскажешь? — почесала она шею.

— Охотно. Но что?

Арасси подумала, покачала головой.

— Она твоего возраста?

— Да.

— Хороший знак, её благосклонность.

— Я тоже так подумал, — вздохнул Арад. — Ну и хорошо. Ты не обижаешься?

Перемена темы, очевидно, застала Арасси врасплох; но, кажется, ей нравилось быть пойманной врасплох.

— За то, что пустил мне кровь и повалил в пыли? Нет, бывало и хуже.

— Прости.

— Эй, Арад, так не бывает, чтобы лев и львица были рядом, и чтобы когда-то не случилось крови-боли и всяких валяний.

— Прости, что не сделал хуже.

— Эй, — дотронулась она к его плечу. — Это масло — дело нешуточное, и ты меня спас, не сомневайся. А спасение жизни Ашай-Китрах сестринство никогда не забывает. Ну и вот: сестринство не забудет твоей помощи.

Вздохнула.

— И? Как сестринству тебя отблагодарить? — наклонилась она, ища его взгляда.

— Спасибо, не стоит, — смотрел он прямо, вертя кружку. — Мне ничего не надо.

— Сестринство не благодарит тем, что надо. Сестринство благодарит тем, что хочется.

— Правда? — язвительно молвил Арад. — А по-моему, вы только смеётесь.

Он допил, поставил кружку и закрыл глаза, облокотившись о стол.

— И так трудно, попробуй тут во всём разобраться. И так кругом капканы и не пойми что. Какая-то хвостня происходит.

Остановился. Стой, держи себя в руках, обвей хвостом. Посмотрел на неё. Она сидела, наострила уши.

— Продолжай.

Это прозвучало даже не как просьба, а как разрешение.

Арад погрыз коготь, и продолжил:

— Вот ты сказала, что «без номена» — это хороший знак. Намёк. Ну вот у меня такое было. Она тоже Ашай-Китрах, и так она меня отвергла. Сначала сказала: «можно без номена». Всё сходилось, я видел, что она не против, всё хорошо, я пару раз её видел, и... в общем, я её пригласил, и что? И ничего. Она сказала, что не пойдёт со мной ни-ку-да. Ни в какой день, ни в какой год, — приукрашивал Арад, — ни в какое место. И не может, нет времени. Совсем.

— Я не знаю всей истории. Ей могло что-то помешать. Или это могли быть качели.

— Что? Какие качели?

— Это когда львица не уверена, хочет ли с тобой иметь дело. Львиц с качелей надо скидывать, чем раньше, тем лучше.

— Куда скидывать? — непонятливо спросил он.

— Или прочь, или себе в руки, как уж решишь.

— Качели... — чуть презрительно молвил Арад. — Может, и помешало что-то. Но что?

— Давай подумаем, — поставила она ладонь для подбородочка.

— Не хочу. Раз она не может, то... не может. «Нет» — это тоже ответ.

— Ты что, с ума сошёл? — заходили её уши, со серьгами. — Арад, ты не сдавайся, это война и ты в ней — боец. Раны будут, без них никак. Ты что, прогуляться по жизни хотел? Не выйдет. Надо идти вперёд, — покачала она пальцем, а потом дотронулась им к подбородку. Его.

Он отметил её жесты, вообще манеру сидеть, стоять, двигаться и жестикулировать. Что-то в этом было. Хотелось просто смотреть.

— Что мне ей, надоедать? Вы же это ненавидите.

— Ненавидим, но не так, как ты думаешь. А кто она? Можешь подробности? Нам надо понять, что ей мешает.

— Ну, она — сестра Ашаи-Китрах...

— Арад, ты же говорил, что она твоего возраста.

— Ну?

— Она не может быть сестрой. Она ученица. Ученица-сталла.

— Аааа... Ну да, я думал, что как бы все Ашаи-Китрах — сёстры.

— Да, сёстры, но, ну, смотри, как бы формально сестрой ты можешь стать только после Приятия, это не раньше двадцати лет. До этого ты учишься. Потом Приятие, — посмотрела вверх Арасси, — потом дают амулет Ваала, и вот ты уже сестра.

— У неё есть амулет. На шее. Кстати.

— Это не её, это наставницы. Это большая вольность, так обычно не делают. Так разве мастерицы жизни делают, им позволительно, их штука.

— Да, они обе — мастерицы жизни, — быстро согласился Арад.

— Огой. Сталла, ученица мастерицы жизни. Ну, Арад, попала же тебе. Они, мастерицы, они... сложные.

— Почему они сложные?

— У них трудное, кровавое, страшное дело. Они постоянно имеют дело с жизнью и смертью.

— Да ладно, львята же рождаются постоянно кругом. Я роды не видел, но ведь это как бы хорошо, что рождаются, нет?

Она беспомощно посмотрела на него. Что ему сказать?

— Нам бы сюда мою подругу, — вот что сказала. — Я, если бы даже и имела мантику — толку с меня, как с мантиссы, мало. Она бы тебе всё сказала, все твои деликатные дела. Но она отсюда далеко, на Востоке...

Арад не нашёлся, что сказать.

— У меня такое впечатление... Ты говорил, что в твоём доме не бывает Ашаи, и не было. Что-то такое. И ты вот... Прости, что спрашиваю, но у тебя отец не учёный ли, или...

— Я — сын Имперского судьи.

— Мммм. Он из анваалистов, правда? — сказала она, той самой манерой, когда хотят что-то мимоходом утвердить.

— Да.

— А ты?

— Вроде ка... Да.

Ваалу-Арасси помолчала чуть больше обычного.

— Ты же знаешь разницу между анваализмом и Доктриной Просвещённой Вольности?

— Да. Доктрина: Ваал есть Сунги, Сунги есть Ваал, с Ашаи дела не имеем. Анваализм: Ваала — нет, Ашае... Ашаи — имеем. Не имеем. Ой, ну, с Ашаи дела не имеем.

Отец говорил по-другому, когда они садились за чтиво в таблинни: «Доктрина: Ваал есть, в Ашайках не нуждаемся. Анваализм: в Ваале не нуждаемся, сеструшек — на...».

— Арад, никогда не говори никому нигде того, что твой отец — анваалист, — с чрезвычайной укоризной молвила Арасси. — Он — в Доктрине. Не анваалист. В До-ктри-не. Ты что?

— Ты же сама спросила, — сконфуженной поелозил он кружкой.

— Арад, — очень скептически посмотрела она на него.

Какая у неё фантастическая способность: так явно показать, что ты делаешь что-то не то. Прямо на всю жизнь запоминаешь, эту её скептическую мордашку.

— Проклятье! Я просто... У нас просто был такой искренний разговор... Я...

— Всё хорошо. Только я тебя прошу. Не надо вам иметь дела с Надзором Веры. Или, ещё хуже, с некоторыми сёстрами, ладно? Не «папа — анваалист, я — анваалист», а «папа — в Доктрине, я — добрый Сунг». Судьям так положено, — молвили они в унисон «так положено», ибо Арад много раз в жизни слышал эту фразу. — Ты меня понял?

— Я это всё знаю.

— Ты меня понял? — нажала Арасси.

— Да.

— Теперь всё ясно. Твоя горячая симпатия, она боится.

«С чего она думает, что она горячая», — подумал себе Арад. — «И вообще, скромница она».

— Зачем ей меня бояться, я ей не говорил, что я анваал... что я... проклятье, — ощутил он фарсовость всего своего положения, — я даже не знаю, иногда мне кажется, что я... Что я...

— Арад, ты о себе будешь болтать или о ней?

— О ней, — ответил Арад, и вдруг весь взъярился, стал решителен: — Знаешь что, Арасси? Я ей докажу.

Арасси повела ушами, закатила глаза, прошла через эти слова.

— Она не за себя боится, не за наставницу, не за сестринство. Она боится за тебя, Арад, и особо — за твою семью.

— Ну вот и как мне иметь дело с сестринством? — разочарованно спросил Арад.

— Ты же анваалист! — весело оскалилась она. — Ты нас кнутом должен пороть, а не дело иметь, гонять нас по всей Империи. Ну же, давай, злобствуй меня полностью, — зашипела она от восторга.

— Я уже не знаю, — попробовал он выдать смешок, а потом серьёзно так, искренне заговорил: — Твоё красное пламя, твоя игнимара, её не должно быть, там не было фокуса, отец всё говорил, что там есть фокус, но там же нет никакого фокуса, без обмана, всё чистое, настоящее, красное, просто огонь на руке из ниоткуда, вот Ваалу-Арасси, вот как это может быть, что я должен думать, я смотрю на тебя и начинаю верить, верить всем сердцем, честное слово, я клянусь... — оправдывался он.

Она подставила ладонь для подбородка, вздохнула.

— О, не разочаровывай меня, не болтай так много, дерись за убеждения. Будь славным Сунгом, остальное — неважно.

— А можно тогда не верить во Ваала, но любить Ашаи? Арасси, слушай, я могу сильно любить, — поклялся ей Арад.

— Можно, всё можно. Мы готовы к любой любви.

Наклонилась к нему, прямо к уху.

— Ты умный лев, ты придумал новую метанойную штуку и назовёшь её умным словом, где Ваала вышвыриваешь прочь, как пса, но где любишь нас: порочных, слабых львиц.

Арад ощутил, как он ему перехватывает дыхание; незримое напряжение, как бы шутовское, игровое, ненарочное, показушное, необязательное, что медленно сгущалось ранее, стало таким явным, жёстким, реальным; кровь стала горячеей, как красный огонь, всё стало тесным; она так близко, только мешает этот дурацкий стол; верно, надо её снова уложить, прямо тут, на лавке, раз уже такое сделано, а где раз, там и два, и три, и четыре, и пять; он хотел что-то сделать, надо уже было наконец-то что-то сделать, так продолжаться больше не может, так жить больше нельзя, иначе случится нечто ужасное, он вытворит нечто такое, от чего сотрясётся земля или зарычит

так, что оглохнут все самки во льене кругом, у них потечёт кровь из ушей, из носу, да из всюду, они будут умолять о пощаде...

— Нет, Арад, оно так не работает, — Арасси запустила Араду ладонь прямо в гриву. — «Под хвост меня, только она», «я ей докажу», «я буду хороший», «я буду сильно любить», «я всё сделаю» — неа. Не то. Не туда.

— Что? — растерялся он от напряжения и так жестоко приятного ощущения от её ладони; соображал так плохо, что хуже некуда.

Вдруг Ваалу-Арасси зажмурилась, потом схватила рукой за переносицу, а другой — за голову. Несколько раз вдохнула и выдохнула.

— Слушай, Арад, что выбираешь? Сеть или рыбу?

— Гарпун. Такой, чтобы всё на куски, — царапнул он стол. А потом схватил её за лапу, где-то у коленки. — Арасси, перестань мучить.

— Смотри мне в глаза.

Конечно, Арад это сделал. Он сделал вдох, и вдох показался ему очень долгим, шумным, глубоким, в голове всё затуманилось, и он подумал остатком мыслей, что теряет сознание (уже доводилось, когда душили в Круге). Выдох — и отпустило, медленно въехал в мир обратно. Оказалось, что смотрит он не на неё, а на деревянный столб.

— Что за херня? — покачал головой Арад, осмотревшись кругом. Хух. Арасси сидела почему-то напротив него, хотя ведь буквально только что сидела рядом (вроде как). Аккуратно убежала. Знамо: схватил за лапу, начал приставать — убежала.

Она тёрла глаза, сильно.

— Да это, ничего страшного. Мне в глаз что попало.

Понаблюдав за нею, потёр нос; ладонь правой руки чем-то остро, сладко, разяще пахла. Странно, что за запах, раньше ведь не было. И в голове шумит. Не сиди, как идиот, не вынюхивай руки. Что там Арасси? Она так и сидит, прижав уши. Бедная. Напугал. Убежала. Эх.

— Слушай, а чего это... ну это... в полдень жечь Чашу Ваала у Обелиска? — попробовал отвлечь и понять, как она. — Всегда вроде вечером это делают, когда голов побольше, разве нет?

Отвлеклась мгновенно, посмотрела на него, как ни в чём ни бывало:

— Меня попросили, я отказать не могла, как всегда. Дурацкая история.

Отвлёкшись от неё, сознательно, чтобы успокоиться окончательно, обрести обратно трезвость ума, Арад старательно осмотрелся вокруг, сначала по таверне (пусто), а потом по площади; они сидели прямо у брусчатки, на деревянном подмостке, и ты словно сразу в двух мирах: внутри и вовне. И вдруг он, о да, проклятье, он кое-кого заметил.

Шла Симсана. С корзиной. Арад вмиг попробовал просчитать её путь, и если её воля не решит никуда свернуть, то она проходила ровно мимо них; она не глядела вперёд, скорее, куда-то под лапы, на каменные узоры брус-

чатки. Он издал некий непонятный звук, больше всего похожий на тихое рычание. Арасси услышала, посмотрела на него, потом на причину его рычания, и — если бы Арад смотрел — то он смог бы увидеть, как быстро переводила она взгляд с него на неё, глаза в унисон с ушами, как охотница.

Арад царапнул стол. Будет ли смысл её окликнуть? И чего эта Ваалу-Арасси молчит? Пусть болтает что угодно, тогда Симсана обратит внимание на говорящих, увидит его, и они смогут встретиться взглядом. А там дальше... Нет. Нет! Надо первым. Надо попробовать. Вдруг всё правда.

— Симсана! Привет! — он вложил всю беззаботность и будничность в эти два слова, на какие только был способен. И ещё добавил, неожиданно для себя: — Иди сюда.

Он видел, что она наострила уши, видел, как она вся вспыхнула вниманием, ища хозяина этих слов, и по всему жесту её тела и повадке Арад смутно понял, что всё, возможно, пожалуй, наверное, вроде как, но...

Вдруг слева — резкое движение. Там стояла Ваалу-Арасси, и её перемена была такой холодной, резкой и вообще чудовищной, что у Арада открылся рот. Она стояла в правильной, стройной, церемонной позе, алмазный взгляд, это был сам лёд формальности, неприступности, надменности. Он встал, даже не из манер, а от неожиданности.

— Юнсир Арад, большое спасибо за гостеприимство истинного найсагрийца. Сожалею, но мне следует торопиться. Сестринство, — посмотрела мигмом на подошедшую на неуверенное расстояние Симсану, — всегда будет хранить благодарность за сегодняшний блистательный поступок юнсира, — она воистину надменно протянула ему левую руку, и Арад принял её для манерного, насквозь ненастоящего обозначения поцелуя, глядя на серебряное кольцо сестринства на безымянном пальце. — Слава Ваал-Сунгам. Восславим, слышащая, — это предназначалось Симсане.

— Слава... — пробормотал Арад.

— Восславим Ваала в сей полдень, сестра, — в то же время ответила Симсана, в удивлении и лёгком испуге, приглаживая себя у шеи от внезапностей.

Закончив на том, Ваалу-Арасси, Сидны дисциплира, гордой и плавной походкой ушла прочь, сдержанно прижав к себе капюшон-хинастр, виновник всех сегодняшних злоключений.

Симсана смотрела ей вослед, плотно прижав к себе корзину. Арад тоже, но потом перевёл взгляд на Ашай, что была рядом. Он приготовился встретить её взглядом.

— Привет.

— Най, привет, — обернулась она к нему, продолжая гладить шею, так успокаиваясь от всей неожиданности. — А, слушай, а кто эта дисциплира? Ты её знаешь?

— Это — дисциплина? — почесал за ухом гриву Арад. — Это та, что учится в этом, как правильно...

— Дисциплины. Да.

— Я думал, она уже как бы сестра, — с удивлением сказал он, подав ей руку и указав, чтоб присела. Она повиновалась, и села напротив, на краешке скамьи.

— Нет. Она точно дисциплина, — обняла Симсана корзину и посмотрела снова вслед Арасси, но она уже скрылась за углом. — Не знаю, правда, какого дисциплины. Стань у неё вроде как Сидновский...

Выглянул служитель таверны, одобрительно удивился про себя, сколь много сей юнсир привлекает Ашаи-Китрах, и вообще какая кругом него агитация самок, скрылся.

— Её зовут Ваалу-Арасси, — облизался Арад, потёр краешки рта. — Она попросила меня свидетельствовать Чашу Ваала.

Она плавно, естественно положила ладонь на стол.

— А что за поступок она упоминала?

Арад посмотрел ей в глаза, затем на её внимательные, любопытные, наострѐнные уши. И совершенно небрежно:

— Да пустяки.

Подошёл неуместный таверничий, спросить, чего ещё юнсиру угодно; Арад ответил, что ничего, хлопнул два империаля на стол (ужасно много, но он меньше всего сейчас хотел считать деньги, и вообще всё это), и пригласил Симсану встать, снова таки подав руку. И снова она повиновалась.

Они вышли на брусчатку площади. Арад посмотрел вправо, влево, многозначительно, мужественно. Попытка вторая. Давай, прорви её оборону. Ну, вперѐд, во славу Сунгов...

— Арад, ты на меня обиделся? — опередила она его со словами.

И встала перед ним. Чтобы видел, всю.

— С чего бы, я всё понимаю, — ответил он, ровно и стоически, чувствуя триумф. — Я не обиделся, — улыбнулся ей так, словно повидал всё на свете. — Всё хоро...

— Я соврала, — схватившись от стыда и признания за ухо, молвила Симсана, быстро и искренне. — Я хотела с тобой пойти. Просто... твой папа, он судья. Все в Галлене знают, что он не имеет дела с Ашаи-Китрах, — смотрела она вниз. — Когда я об этом узнала, когда я узнала о твоём отце, когда мне сказали, то подумала, что если мы с тобой куда-нибудь пойдѐм, то он на тебя разозлится, и будет что-то плохое, и что-то будет, и что-то... случится... Понимаешь, Арад, случится...

Арад старательно делал всё более удивлѐнное, обескураженное и немного возмущѐнное выражение.

— ...и у вас в семье будут неприятности и споры, а я не хотела тебе навредить, мне просто так сказали, что так будет лучше. Я знаю, это глупо, но я подумала, что тебе так лучше, потому что Ашаи нельзя вредить...

— Я не судья, — приложил он ладонь к её плечу. — И не собираюсь им быть.

— Но семья, отец...

— И что? Даже если бы я был судьей, я бы не принял Доктрину. Я с ней не согласен. Вообще, папе так положено, это его дело; ну принято судьям, чтобы они с Ашаи-Китрах дела не имели. Но вот как мой папа, Сунг, может быть против, чтобы его сын, Сунг, общался с Ашаи-Китрах, со жрицами сунгмары, лучшими из дочерей Сунгов, со львицами Ваала?

О, как хорошо, что он вспомнил все эти эпитеты, и ни один не забыл, и нигде его память не подвела. Замечательно.

Впечатлённая речью, умной и правильной, и подтверждающей все твои лучшие предвосхищения, утверждающей разумными доводами твои чувства (о, как такое львицы любят!), Симсана вздохнула:

— Прости, я такая... Ты точно не обижаешься?

— Пошли со мной. Идёшь? — пустил Арад последнюю стрелу победы.

— Иду. Можешь меня приглашать, — улыбалась она и крутилась на месте.

Ну и отлично.

— Давай для начала пойдём отсюда, я тут засиделся. Пошли.

— Сейчас? А куда? — удивилась она.

— Вон туда, — махнул он на запад. С тем же успехом мог и на восток. Всё равно.

— Тут надо по рынку походить, — осторожно заметила она, — наставница сказала. Купить всякого.

— Так идём, давай корзину. Меня мастер отпустил, — упредил он возможный вопрос о времени, чтобы не вздумала ставить под сомнение его присутствие.

— Не дам, она не тяжёлая, и львам не идёт с корзиной ходить, — ответила Симсана, приглаживая уши, то справа, то слева.

— Дашь, когда тяжёлая будет.

— Дам, — пообещала.

Они пошли к рынку.

— И что, она не говорила, из какого дисциплинария?

— Нет, — потёр загривок Арад, — просто сказала, что её зовут Ваалу-Арасси, и всё. Было так: я сидел в таверне, увидел, что будут жечь Чашу, подошёл, она меня подозвала, и попросила, чтобы свидетельствовал. Я раньше так не делал, если честно.

— Не свидетельствовал? Ах, ну да... И как?

— Ничего. Слушай, а зачем это нужно, свидетельствовать? Зачем кто-то нужен?

— Игнимару нет смысла церемониально жечь, если у тебя нет свидетелей. И лучше, если это Сунг, а не Сунга.

— Почему?

— Символ такой, — осматривалась кругом Симсана. — Ты будешь все сыновья Сунгов, а она — все дочери Сунгов.

— Так кругом же всегда есть свидетели, на площади. Целая куча.

— Они не свидетели, они просто зрители. Надо назначить кого-то, чтобы свидетельствовал. Так правильно, по церемонии.

Свернули на Рыночную. Арад ловил взгляды. Его с ней заметили.

— Слушай, — вдруг подумал он, и вполне серьёзно озадачился, — а ты умеешь жечь игнимару?

— погоди... — молвила Симсана и подошла к торговке кореньями, травами, специями, киноварью и ядом для крыс. — Хорошего дня, хаману Хаумени.

— Аааа, юная мастерица, здравствуй.

Арад кивнул, но торговка не смотрела на него, как обычно стараются не смотреть на того, кто представляет большой интерес.

— Ещё учусь, — заученно ответила Симсана, очевидно — по какому-то правилу.

— Как наставница? — с нескрываемой хитрецей спросила торговка.

— Спрашивалась: что там дочь хаману?

— Да слава Ваалу, хорошо, встаёт на лапы...

Арад отвернулся, чувствуясь совершенно лишним в самочьей болтовне, как оно и бывает.

— Ты сегодня не сама, — ещё хитрее заметила торговка.

— Нет, не сама, — и в голосе Симсаны Арад услышал вызов.

— Арад, из рода Каризиан-Руст, — поймал нужный момент Арад, хотя мгновенно понял, что представление, собственно, и не было особо нужно — хаману прекрасно знала, кто он.

Торговка, либо по простоте, либо из-за разницы в возрасте, либо отчего-то ещё, упустила обычные «очень приятно» и ответное представление.

— Юнсир Арад, отец юнсира ведь судья, верно?

— Именно так. Хаману знакома?

— Откуда мне, я торговка, на рынке, вот торгую патамурой и всякой вот всячиной. Знаю просто. Кто же его в Галлене не знает. Держи.

Симсана взяла неестественно огромный корень, с руку длиной, повертела его, понюхала.

— Старый, — утвердила.

— Ну, немного. Да почти молодой.

— Помоложе нужен.

— Как говорится, выбирай моложе, будет тебе гоже, — засмеялась хаману Хаумени и тяжело полезла куда-то под прилавок.

Арад и Симсана переглянулись. Она сморщила носик в смешке, потом прикрыла рот ладонью. Он пожал плечами, мол, ну и штуки.

Симсане второй понравился больше, она его взяла. Тут же, даже не успев отойти на пару шагов, они наткнулись на стайку каких-то её подружек.

— Привет.

И ещё раз, снова, ещё две маасси, и снова:

— Привет, Ва-Симсан, — метнули взгляды в Арада.

Разминулись.

— Сколько у тебя подруг, — отметил Арад.

— Знаешь, это как львы крутятся возле сына оружейника, — сощуриив глаза, сказала ему, тронув за плечо, чтоб нагнулся ближе к уху.

— Понял. Ты им годишься, вот и дружат.

— А ещё нас все видят.

— Ага.

— А ещё ты голодный, — остановила она его.

— Да нет, не очень, — удивился её какой-то животной пронизательности Арад.

— Идём, идём.

Прошли по улочкам, Симсана куда-то уверенно вела его наверх. Галлен в центре разделялся на Верх и Низ; свернула влево на тропку, и такую хитрую, что он о ней и не знал, хотя всю жизнь только тут и прожил.

Они вышли к чему-то, что Арад определил как маленький сад: три-четыре абрикосовых дерева, закрытые кустами со всех сторон на чьём-то за днём дворе. Он ещё немного осмотрелся, и понял, что они примерно за торговой гильдией и казармами стражи, только он не знал, что тут вообще есть дом.

— Подожди здесь, — поставила корзину у дерева, — я сейчас.

Арад кивнул, хотя понятия не имел, куда они пришли и что будет. Осмотрелся кругом, заложив руки за спину: у стены кустов были прорехи, и там, за ними, была преградка, а дальше — каменная стена отвесом, шага в четыре высотой. Внизу шла тупиковая улица, там играли львята. Справа, прямо рядом с преградкой, в опасной близости, стояло странное, старое, полулежачее кресло. Арад прошёлся мимо него, стукнул его лапой — тяжёлое. Дальше по кругу была глухая стена соседнего дома, дальше сам дом, и дальше — какие-то глушайшие заросли, которые, верно, никто уже не рисковал трогать, чтобы не разбудить древнее зло.

Уши услышали шаги, и он отметил, что уже, пожалуй, может отличить по слуху шаги Симсаны.

Она подошла: мирная, дельная, спокойная; на него не смотрела; через руку держала большое покрывало, и одно в один мах оказалось на траве. Он наблюдал. Это было хорошо.

— Садись, — пригласила, и он сел. Но она не осталась — ушла снова.

Это выглядело странновато и интригующе, и вообще, пожалуй, волнительно. Сад, хорошая погода, закрытость от мира. Симсана. Арад не мог не вспомнить сад и Аршайю; это было другое, совсем другое, совсем-совсем другое, но не мог не.

Стянул нож с пояса (мешался), небрежно бросил в сторону.

Он не знал, что будет; о будущем, даже ближайшем, думать не было смысла. Он и перестал.

Вскоре Симсана пришла и принесла в полотенце какой-то... чан? Кастрюлю? Что-то большое, керамическое и пузатое. Он не знал, как такое называть.

— Что это?

— Не знаю, понравится ли тебе, — задумчиво, как обычно говорят во время какого-то дела, сказала Симсана, — но должно, — посмотрела на него. Она вытаскивала этот чаник из полотенца, и орудовала ещё несколькими полотенцами помельче, которые, как фокусник, вытаскивала словно ниоткуда.

Арад засвоевольничал, снял крышку с этого... с этой серой керамической кастрюли, нет, всё-таки Арад не знал, как такое называется; там было что-то вкусное. Симсана, балуясь, пристукнула его такой же серой керамической ложечкой по пальцам.

Кажется, это было жаркое, но какое-то уж очень чёрное и с очень сильным ароматом.

— Придвинься ближе.

Он придвинулся, полулёжа, к кастрюле.

— Ко мне, ближе, — терпеливо поправила она.

Ладно, охотно. Арад придвинулся близко, почти вплотную.

— Будешь кушать. Ну, — очень ловко она поднесла ему ложку, мол, пробуй. От удивления, что его сейчас вот так просто будут кормить, как маленького львёнка, Арад даже не стал сопротивляться и послушался.

— Слушай, вкусно.

Симсана уже держала ложку во второй раз наготове. Такое впечатление, что всю жизнь такое делала.

— А почему мы... — еле успел сказать Арад, как снова пришлось есть.

— Голодный лев — злой лев, — ответила Симсана, открывая рот вместе с ним, ну прямо кормя малыша.

— А почему ты...

— Не беспокойся, и львица поест, — продемонстрировала Симсана: взяла и себе немного съела, с его ложки.

Арад, вообще-то понял, что возражать против таких условий не стоит. Даже напротив. Всё даже хорошо. Всё даже замечательно, и всё само собой. Симсана так очаровательно серьёзна; как он не раз видел, как мама или их служанка кормят младших братьев: сосредоточенно, быстро, уверенно и зная, что делать.

— А откуда это, что это за дом? — довольно показал туда, в сторону дома. — Где мы?

Она обернулась, словно бы не знала, что он там есть.

— Тут кухарка, она для казарм стражи готовит, — он видел, как она с наострѣнными ушами смотрит в сторону, и её профиль в луче доброго солнца.

Потом она взглянула на него.

— О... — почесал гриву Арад, словно это имело какое-то значение. Заметил: Симсана облизала ложку, взяла ещё этого жаркого мяса, с очень сильным вкусом — и пряным, и орехи там точно были, и кислым, и сладким, — и дала ему ещё. Что-то было в этом жесте очень непосредственное, волнительное, и (почему-то ему так подумалось) — нарочитое; возможно, даже можно так допустить, что тут был и вызов. Они едят из одной тарелки. Из одной ложки. Так.

«Так, никаких ожиданий. Я должен её поцеловать, вот как поедим», — пришёл к выводу Арад. — «Я должен, иначе я не буду львом, а посмешищем. Я должен сделать это очень уверенно. Я должен это сделать как можно раньше, и только сегодня. Она должна видеть меня очень сильным. Надо будет сделать что-то, и не принимать никаких возражений. Надо будет», — думал он, рассматривая её, восседающую на лапах, подогнув их под себя и совсем укрыв колени платьем, как и приличествует обычно сидеть самкам любого положения и возраста. — «Надо будет схватить её за плечи. Соппротивление бесполезно. Она мне нравится. Она красива. Она такая, как надо. А ещё она...»

Её взгляд вывел из потока важных мыслей; Симсана улыбнулась, но легонько, и отвела глаза.

— Ей надо будет заплатить, — заметил Арад.

— Не надо, — покачала головой Симсана.

Он подумал. Эй. Нет.

— Ты за нас не плати, — приказал.

— Я не буду, — пожалла плечами, помешивая в чанике. — Она признательница, нам с наставницей должна. Если мастерица жизни помогает львице — та становится признательницей.

— Понятно. Тогда я тебе буду должен. Буду твой признатель.

— Признателей у меня ещё не было.

— Буду первым.

Она хмыкнула, вскинув бровь и мерцнув ухом.

Ну ладно. Арад обнаружил ещё кружку с водой, выпил её чуть ли не одним махом. А капли на доньшке залихватски и брутально смахнул на траву сада; они блеснули в свете.

— Мы поедем, и пойдём в гостдвор.

— Сейчас? И в таком виде? — посмотрела на себя. — Ммм...

— Тогда сегодня вечером.

Она потёрла подбородок.

— Сегодня не выйдет. И завтра тоже, — и посмотрела на него с извинением. — А сейчас до вечера я должна хотя бы этот патамур принести.

— Тем лучше, — отмахнулся он. Уже всё продумано: — Смотри, через четыре дня будет ярмарка. Там будет много всякого. Там будут бродячие артисты, знаешь, танцоры, фокусники, там точно будет одна такая, знаешь что умеет: значит, ей ставят на живот тарелку такую, глубокую, и она будет держать её животом, хоть вверх лапами, хоть вниз, хоть как. Тарелка не будет падать. Ещё можно будет купить что хочешь. Ещё там можно будет легко купить вина. Ещё там можно будет увидеть, там, наверное, будут жечь огонь Ваала, ночью, будет красиво. И вообще разожгут большой огонь. Ещё там будут, наверное, бороться, и я тоже буду... — намекнул он на то, как же он всё-таки хорош и годен.

Она не отвечала — ещё ела. Весь его рассказ она слушала и ела, аккуратно выбирая себе что-то в чанике.

— Хорошо звучит, мне нравится, — поняв, что он закончил и идеи иссякли, с готовностью ответила она.

— Я за тобой зайду, и мы пойдём, — важно сказал Арад. — Вдвоём.

— Пойдём, — повторила она.

Симсана снова облизала ложку, не стесняясь особо такой манеры, и поставила её обратно в чаник; вдруг он подумал, что она, вероятно, низкого, простого происхождения, как принято говорить, «обычного достоинства рода». Так, сначала он определил высокое достоинство. Теперь простое. Хм. Ну и что. Ашаи-Китрах, насколько он знал, формально не несут с собой бремя достоинства рода, они всегда принадлежат к отдельной страте, независимо от происхождения.

Он смотрел, как она пьёт, придерживая кружечку двумя руками, и вдруг вспомнил, как Арасси сложила руки в похожем жесте во время зажигания.

— Так ты не сказала: ты умеешь жечь игнимару? — вспомнил он свой вопрос, вполне ему интересный, между прочим.

Она посмотрела на него, ему показалось — с недоумением, или даже лёгким возмущением.

— Конечно, я же Ашаи.

— Ты серьёзно? — удивился он, всячески теребя растущую гриву и её намеки у шеи. — Я думал, что это делают только когда Совершеннолетие наступает. Что этому учат, когда совсем взрослой станешь. Я ни разу не видел, чтобы это делали в нашем возрасте.

Симсана усмехнулась, и он впервые видел от неё такую усмешку; она была скорее даже грустной. Повертела в руках кружечку. Её взгляд... во-первых, ему почему-то стало слегка стыдно и неудобно. Её взгляд контрастировал с лёгкостью, плавностью и сладковатой приятностью их дня. Он не ждал, что у сверстницы может быть такой взгляд, в конце которого — с не такой уж маленькой вероятностью — поджидался отличный приз, который он, безусловно, предвкушал — волнительная слабость её рта, её запах, её закрытые глаза (он уже такое видел, даже знает). Выразительный? Пожалуй, лучшего определения он пока найти не мог... Арад знал, что от ни одной маасси он такого взгляда не видел. Он его, нет, не испугался. Он не знал, что с этим делать.

Было ещё вот что: она знала, что он знает. Это вызывало бесконечно гаснущее эхо в диалоге их взглядов. Это было странное ощущение: знать, что она — нестройно, примерно, размыто — но знает, что ты думаешь. И ты знаешь. И она. И снова ты. И снова она...

Что-то должно было случиться, прямо сейчас.

Но тут совершенно чужой, такой чудовищный и такой неуместный голос, такой омерзительно обыденный и бестактный:

— Ва-Симсана!

Ведь он уже начал, даже дёрнулся от нервов и желания хвост, он уже начал движение к ней, она ведь тоже готовилась принимать его, она уже было наклоняла голову, он даже вроде заметил блеск её нижних клыков, ему даже показалось, что он почувствовал её горячее дыхание, её тепло, много тепла, очень-очень много тепла, и как она вся расслабилась, и какой был выдох разочарования, он был слышен, превосходно слышен.

— Я здесь, хаману Шиала, — ответила Симсана, глядя в сторону и вниз, поводя ушами.

— К тебе Глай идёт, примешь его?

Симсана обернулась, посмотрела за дерево, затем встала и пошла; Арад не видел, что там, потёр нос, посмотрел в сторону, вздохнул. «Что ещё за Глай?», — подумал он. — «Какой ещё Глай? Его не должно быть. Никого кругом не должно быть. Никого вообще не должно быть».

А Глай оказался львёнком лет трёх на руках у Симсаны.

— Сисана, — он вытащил наружу доселе скрытый на груди амулет, большой такой, и хозяйственно его изучал, — люли.

— Хочешь люли? — нежно спросила его Симсана, усевшись с ним обратно на коврик. Уселась по-иному: упёрлась о дерево, лапы в сторонку.

Вместо ответа он поднял амулет и начал ставить себе на грудь, а потом на голову.

Арад ничего не говорил. Он не знал особо, как говорить с маленькими львятами, что с ними делать, и как с ними играть, несмотря на двух младших братьев.

— Это кухаркин сын? — осторожно спросил Арад.

— Нет, её дочери — ответила Симсана, не глядя на него, прижав уши, как обычно делают львицы, балуясь с детьми.

Он улёгся у неё на руке, пока она поправляла себе кусок ткани, перекинутый через плечо. Эти длинные куски были крест-накрест перекинуты через плечи у неё каждый раз, когда он её видел в этом немного странноватом и простоватом платье мастериц жизни (а он видел её в таком всегда и неизменно). Оказалось, Симсана приспособила ткань через шею, и теперь львёнок лежал у неё на груди и руке, а рука поддерживалась этой тканью.

«Ха, ловко», — подумал Арад. — «Вот оно зачем».

Засунув руку ей глубоко за ворот, львёнок мгновенно перестал беспокоиться. Даже хвост перестал биться. Арад заметил, что Симсана закрыла глаза, вид у неё был бесконечно умиротворённый, умиротворяющий, спокойствие. Посмотрел в сторону: там появился новый персонаж в их маленьком мире, довольно тихо и незаметно — на то самое кресло усаживался старый лев, сухой и голый по пояс, весь тёмно-серый. Арад кивнул ему, и, как ни странно, тот ему тоже. Он разлёгся на кресле, спиной к ним, и перестал двигаться.

Что же, он был почти у цели. Но сегодня судьба распорядилась не оставлять их наедине.

Ничего. Кое-что он уже знал. Он уже знал, что случился, когда его нос очутится возле её. Это волновало даже ещё больше, чем сам поцелуй; можно было смотреть на неё и представлять, мечтать об этом, зная, что *так и будет*.

Поглядел на неё. Та уже открыла глаза и тоже смотрела на него.

— Что, засыпает? — шёпотом спросил Арад.

— Уже спит, — тихо, но обычным голосом ответила Симсана.

— Как это? — недоверчиво спросил Арад. — Так быстро?

— Талант такой, — говорила она, расслабившись о дерево, мирно глядя на Арада, — могу усыплять львят. Да и вообще всех, только не так хорошо.

— Талант?

— У разных Ашаи, когда они начинают учиться, появляются разные таланты. То один, то много. Как говорят наставницы, «восходит талант». У меня такой появился.

— Слушай, он, наверное, очень полезный, — вполне серьёзно сказал Арад, заинтересовавшись.

— Угум, — и в ответе не было слишком много энтузиазма, — вполне. Слушай, а расскажи мне всё-таки о той дисциплине.

Вместо ответа Арад пересел и тоже оперся спиной о дерево, чтобы сидеть прямо рядом с нею, справа; он, в целом, имел формальную причину — разговаривать потише; а так, вообще-то, чтобы сесть вплотную к ней.

— Погоди, — она забрала полотенце и ловко расстелила его одной рукой, — теперь садись.

— Я о ней ничего не знаю, Симсан, — сказал, властно протянув руку на согнутом колене.

— А что вы делали в таверне?

— Она сказала, что хочет пить после игнимары.

— Да, после этого мучает жажда, — согласилась она. — Ты посвидетельствовал, и вы после этого пошли в таверну пить?

— Ну да, в общем, так и было. Немного поболтали. Она была немного странной. И кажется, что-то она сделала... — тут Араду словно застряла мысль, не даваясь словам. — Но вполне приятная особа. Мы уже как бы прощались, и я вдруг заметил тебя. Вот такой вот день, — посмотрел он на неё.

Теперь она была ближе. Куда ближе. Её серые глаза, они внимательно, внимательно рассматривали его.

— Она говорила, что сестринство тебе благодарно. Расскажешь, о чём речь?

— Пустяки. Я даже не знаю, правильно ли поступил.

— Арад, это очень даже высокая... не знаю, как правильно... это редко бывает, чтобы Ашаи так говорили. «Блистательный поступок». Она при мне это сказала нарочно, чтобы я знала: сестринство тебе должно.

— Да ничего не должно, — насмешливо сказал он.

— Арад, ну скажи, я же сейчас вся сгорю от интереса, — сломалась выдержка львицы. — Я никому не скажу.

— Впрочем, — вдохнул Арад, чувствуя лёгкую дрожь, — если оно благодарно, — немного не хватало воздуха, — значит, и ты — тоже?

— Да, — согласилась. — Можно что-то просить.

— Что можно попросить?

— Служения. Услуги. Ритуалы. Церемонии. Всякое. Прочее.

В последний миг Арад вспомнил о старом льве, и покосился. Вроде тот сидел спокойно и ничего не делал, но...

— Он спит, — тихо, торопливо молвила Симсана.

— Кто знает...

— Верь.

— Мне нужно одно служение. Ритуал. Мне нужно, чтобы ты закрыла глаза.

Она не сделала этого мгновенно. Она будто представляла сначала, как ей это сделать, и сделать ли вообще. Было много солнца — они были в тени, но солнце было в самом воздухе. Он приблизился к ней, совершенно близко, вещи кругом начали исчезать, звуки — глушиться. Арад в самом деле надеялся, что всё это время будет смотреть на неё, но обнаружил свой нос в мгновении от её; он ощущал, как она осторожно дышит, выжидая. Он знал, что сейчас будет огонь, примерно представлял, но не вот так же... Когда он поцеловал её, нежно и медленно, то обнаружил несколько новых вещей, каждая из которых была открытием совершенно потрясающим: первой вещью оказался ответ — она отвечала ему; он поставил ладонь на её плечо, бессознательно, и обнаружил вдруг, что её ладонь — у него на груди, и она значила столь много: она и была взаимностью, и охраняла хозяйку, и приглашала его. Второй вещью был запах. Он был и доселе, совершенно точно, но его Арад то ли не замечал, то ли не мог заметить, то ли он открывался только тому, кто завоёвывал такую близость. Он был похож на запахи самок; чего таить, ведь Арад примерно знал, как пахнут львицы: некие мгновенные приветственно-прощально-дружеско-родовые объятия, случайные близости, по совершенному совпадению, шлейф за какой-то маасси, однажды Сарабанда, в конце-концов. Пойманная в угол Джулна. Аршайя, упущенное блаженство. Но все эти запахи оказались полунамёком; разве что в случае сестры это был очень лёгкий, очень нежный намёк, на который он тогда не обратил большого внимания — от избытка всего. Запах Симсаны, с такой невероятной близости, уже ни на что не намекал — он был; это был другой запах самки, и количеством, и качеством, который Арад до сих пор своей жизни не знал. Он стал всем, Арад повиновался ему совершенно, и прошёлся носом по её щеке, а потом встретил шею; он даже не видел и не чувствовал, что Симсана подняла голову, только для него; кажется, он превратил свою ладонь у неё на плече в хватку и даже кажется, что вцепился когтями (и кажется, она стерпела). Он понял, что надо взять отдых, иначе сейчас случится нечто ужасное и великое, иначе он пойдёт куда-то вперёд, круша всё на пути, а ведь было очевидно, что этого делать нельзя здесь, в этом месте, и сейчас, в этом времени. Он медленно, очень медленно отпрянул, и по пути получил ещё доселе невиданный им подарок: Симсана, осторожно, может даже неуверенно, — лизнула его щеку. Арад замер. Случилось чудо — она сделала это ещё раз: ещё легче, ещё осторожнее. Арад понял. Он понял этот новый способ говорить. Он знал, что она

ему сказала. Она забылась настолько, что её ладонь на его груди совершенно обезволилась и, кажется, упала. Но вернулась, давя очень легко, как только возможно для львицы, но не льва.

— Арад. Арад, мы... Арад, мы его разбудим.

— Да? — выдохнул он. Кружилась голова: — Не разбудили?

— Нет. Мы...

— Мы потом, да?

Симсана не ответила словами; пожалуй, не полагалось на такое отвечать «да» — слишком это уж было бы просто. Она посмотрела вниз, плечи сжались в неопределённости. Вопрос дурацкий, и лишний, и вообще вне их мира — ответ на него уже был перед ним.

Это было превосходное начало. Можно успокоиться, взять передышку — всё обдумать, здесь завоёвано невероятно много. Теперь он не один будет блуждать в невыносимо тяжёлом мире; теперь у него появилась связь с противоположностью, с другой стороной. С этого мига львицы мира, в облике Симсаны, согласились быть подле него, и это было так удивительно и невероятно, что...

— Слушай, Симсан, мне надо кое-что тебе сказать.

— Да? — удивилась она.

— Слушай, ты пахнешь.

Арад не знал, как это лучше сказать; эхо всего происшедшего не давало подобрать слов. Это был самый высокий комплимент, который он только мог придумать. Он ведь открыл самую изумительную эссенцию в мире, и она была её хозяйкой, а потому ей надо было как-то сообщить.

Но по мгновенному испугу и беспокойству в её облике понял, что сболтнул что-то не то как-то не так.

— Чем? — со страхом спросила она.

— Я не знаю. Симсаной, — заторопился он. — Нельзя так хорошо пахнуть, это опасно.

— И что, ты опасаясь? — осторожно выяснила она, наклонив голову.

— Грива дыбом от страха, — показал он.

Она засмеялась, тихо, словно он сказал что-то очень смешное; и некоторое время не могла остановиться.

Он был рад, что рассмешил.

— Ты так и не рассказал, что ты сделал для сестринства! — вдруг капризно обвинила его, тыкнув его когтем в грудь.

— А что мне за это будет?

— Не знаю, — защитилась-удивилась Симсана.

— Превосходно, — обрадовался Арад, потому что он знал, это его дело — знать, что ему будет. — Эта Ваалу-Арасси, она загорелась во время игни-

мары. У неё был такой капюшон, большой, такой что закрывает руки, плечи, знаешь...

— Хинастр.

— Да. На него пролили масло и не заметили. Оно загорелось, я её потушил, она же, представляешь, вся вместе с капюшоном загорелась. Снял вот этот плащ, — показал Арад, — и потушил.

— Ничего себе. Она его не могла снять?

— Да-да, я знаю, он быстро снимается, он именно для этого и нужен. Но тогда я не знал.

Симсана понимающе кивнула. Вообще, Арад понял, что вся эта история живо заинтересовала её, только он не мог внять до конца, почему. Решил пойти дальше, не крутиться вокруг события:

— Так она дисциплина, да? — Арад смотрел на старого льва, но тот всё так же не шевелился с того времени, как улёгся. — Интересно, что она здесь делает, в Галлене?

— Вот и мне интересно. Поспрашиваю. Но это обычное дело, дисциплины так-то много путешествуют по Империи.

— Ты тоже пойдёшь в дисциплинарий?

— Я? Нет, — улыбнулась Симсана, посмотрела в сторону, затеребив цепь амулета, — мне поздно. Я-то уже пробовала войти, — посмотрела на него, искоса.

— И что? — весь повернулся к ней Арад.

— Ничего: как видишь, свободная ученица. Я просто учусь у Ваалу-Миресли, и всё, — пространно сказала она, протянув это «и всё». — Меня не взяли, — быстро добавила, посмотрев на спящего львёнка; поправила руку, поправила платье; чем-то не удовлетворилась.

— Расскажешь, как это было?

— Ну как, — вздохнула она, открыв рот и облизавшись. — Сначала ты проходишь Круг Трёх — три Ашаи-Китрах тебя оценивают. Я прошла. Поехала вместе с наставницей в Криммау-Аммау, мне тогда было двенадцать...

— Надо в двенадцать ехать в дисциплинарий, если хочешь вступить?

— У разных учениц по-разному получается: кто в одиннадцать, кто четырнадцать. Я вот — в двенадцать.

— Так нечестно, — возмутился Арад, пытаясь её защитить, и уничтожить тех, кто посмел не взять такую Ашаи в дисциплинарий, — как могут львёны в одиннадцать соревноваться с теми, кому четырнадцать?

— Это не соревнование, это немножко другое. Всё сложнее. Это судьба: ты или вошла, или нет. Это примерно так, как с путём Ашаи: ты можешь ею только родиться, не стать. Примерно так же тут: дисциплиной надо родиться. Готовиться надо, пытаться надо, и это правильно, но...

— Но там же есть какие-то экзамены, испытания?
— Да, есть, — внимательно подумала Симсана.
— Всякое испытание, наверное, всё-таки лучше пройти в четырнадцать.
А не десять, или там, одиннадцать. Верно?
— Арад, ты такой любопытный, — свильнула она с тропки беседы.
— Конечно. Понимаешь, я познакомился с тобой, и вот ты для меня первая Ашаи-Китрах, с которой я могу близко поговорить.
Перед ними бегала птичка, интересуясь остатками трапезы, и Симсана уделила ей внимание. Потом ещё лвьёнку. Но продолжила, когда Арад всё-таки вытерпел молчание:
— Вот смотри, идти в дисциплирий — дело добровольное. Решаешь с наставницей. Идёшь тогда, когда ты уже не найси, а стала.
— А какая разница между найси и сталлой? И та, и другая — ученицы, верно? — Арад быстро улавливал понятия, соединял нити.
— Да. Но разница есть, — мягко говорила она, теребя серебряное кольцо, подвешенное на шее. — Когда тебя только взяли, приняли на путь, то ты найси. Потом становишься сталлой.
— Когда?
— Когда приходит время.
— Это решает наставница, да? — допытывался Арад.
— Нет, не наставница, — терпеливо ответила Симсана. — От тебя всё зависит. Когда приходит время. Арад, я тебе потом когда-то скажу, если захочешь, какая разница между найси и сталлой. Или, может, сам узнаешь, или догадаешься.
— О, ну хорошо. И вы поехали в Криммау-Аммау.
— Да. Но там, — сощурила она глаза, и задумчиво посмотрела на него, — мастерицы жизни не особо нужны, их вообще очень мало в дисциплириях. Они все учатся свободно, вот как я. У нас немного по-другому всё, чем у других Ашаи.
— У вас же роды, а как ты будешь этому учиться в дисциплирии, да?
— Верно, где-то так, — кивнула Симсана, поглядев, как там лвьёнку Глаю спится.
— Может, лучше было вообще не ехать?
— Это точно, — нервно дёрнулся её хвост, и он заметил. — Наверное, но я очень хотела. Наставница решила дать мне укунить этот хвост, — выдохнула она.
И она выразительно поглядела на Арада, и он даже понял смысл: «Тема мне неприятна». Это безмолвное общение — та ещё штука, Арад оказался от неё в восторге.
— И что, — не отпускал он её, несмотря на послание, — ты пришла на экзамен, а они сказали: мастерица жизни, всё, не берём?

— Нет, не так. Там тебя берут, и начинают оценивать: как ты выглядишь; какова твоя игнимара... Да, в дисциплинах очень любят игнимару, если у тебя талант, то возьмут вот так, сцапают, — показала когти. — Бац, и всё. У меня игнимара обычная. Каковы у тебя таланты — это тоже смотрят. Смешно: я ещё не знала, какой у меня талант; только приехала назад — сразу узнала: усыплять всё что угодно. Такой талант точно не захотят в Криммау-Аммау. Проверяют, что ты знаешь из Кодекса, из Канона.

— Канона? Это вроде как Великая доктрина веры или там двенадцать велений Ваала? — решил он блеснуть. Он о них знал, читал, слышал. Они однажды с папой даже сидели, читали, и смеялись над всем этим. Это было смешно и глупо, и с папой было хорошо.

Папа — настоящий анваалист. И он счастлив, что сын — тоже.

— Нет, это надо знать в любом случае. Канон, это всякие там стихи, тексты, картины, фрески... статуэтки. Всякое искусство, что решили причислить к Канону.

Нет, это неинтересно.

— А что значит «как выглядишь»? Как ты одета?

— Нет, одежда не имеет значения. Они смотрят, ну, ты раздеваешься, и наставницы смотрят, — сказала она, и ей было неловко.

Араду, на самом деле, уже очень нравилось, когда львицам неловко.

— Совсем раздеваешься, догола?

— Ваал мой, да Арад, совсем.

— Прости, я просто хотел уточнить, ведь это странно, — сбивчиво сказал Арад, представляя себе эти безусловно, ужасно странные картины. — А что они смотрят?

— Как ты сложена и как ты будешь сложена, когда вырастешь. Именно поэтому дисциплиной скорее рождаются, нежели становятся. В Криммау-Аммау не возьмут, если хвост неправильной длины.

— Какие дураки в этом Криммау-Аммау сидят.

— Не дураки, Арад, ты что, — сурово перебила Симсана, и он утих: верно, точно уже зашёл куда-то не туда. — Как ты можешь так говорить? — нахмурилась она, чуть подняв голову.

— Извини.

— Дуры.

Он засмеялся, львёнок на руках недовольно зашевелился, что она уладила, покачав его ну раза три-четыре, не больше. Снова уснул.

— Шшшш, разбудишь.

— Знаешь, они так сгруппили, что тебя не взяли. Как они вообще могли сказать, что у тебя хвост неправильной длины? Это невозможно. Я бы тебя взял, в Криммау-Аммау.

— Ну, во-первых, по внешности я как раз прошла, — между прочим отметила Симсана. — Во-вторых, ты же мой хвост ещё не видел.

— Поймал, — Арад действительно поймал кисточку её хвоста, что показался из-под подола. — Вот и он.

— Ну что ты делаешь.

— И что, ты жалеешь о дисциплинарии? — оставил он её хвост в покое, пообещав себе к нему вернуться.

— Нет, уже нет. Поздно уже.

— Значит, дисциплиной ты не будешь? Хм... Значит, будешь, как это, сталлой... пока не станешь сестрой?

— Нет, после Совершеннолетия я буду уже просто свободной ученицей мастерицы жизни. Юной мастериной, как уже можно будет говорить.

— Юной мастериной...

— Так львицам можно будет говорить, не львам.

— А львам как?

— Да как обычно — с номеном, или без номена. Вот как для тебя.

— Когда тебе будет семнадцать, то тебе дадут кольцо, кинжал и печать? Будешь ходить опасная, с кинжалом.

— Когда будет семнадцать, — Симсана начала грызть коготь, — то надо будет снова ехать, просто так не дадут. Или в дисциплинарий, или один из трёх Домов Сестёр в Империи. Шесть мест. Выбирай любое. Да и кольцо у меня есть, вот, — показала ему маленькое колечко, присоединённое к цепи амулета. — Мастерицы его на пальце редко носят. И сирна — кинжал — у меня есть. Я уже опасная. Правда, она не моя, а наставницы.

— Я ещё слышал, что амулет нельзя так носить, пока ты не станешь совершеннолетней, — вспомнил он разговор с Арасси.

— Да не совершеннолетней, Арад, а сестрой. Сестрой я буду после Приятия. Вот, смотри: сначала ты найси, потом ты стала. Или в дисциплинарии, или нет, неважно — всё равно стала. Потом ты или свободная ученица, или дисциплинара. Потом, после Приятия, сестра. Если всё пройдёшь — всё будет вот так.

— И что, снова будут раздевать? На Совершеннолетию.

— Всё тебе раздевать. Фу, Арад, ну ты же хороший, не пошлый. Совершеннолетие — это сложно. Проверять игнимару будут, по большинству. Зажжёшь — хорошо. Нет — прощай.

— Ты ведь зажёшь, правда? — с надеждой спросил он.

— Надеюсь. Она у меня вроде ничего. Не огонь, но пойдёт.

— Ха-ха. А что с теми, кто не зажёт?

— Они перестают быть Ашаи-Китрах.

— Да ладно! — удивился он.

— Шшшш... А как ты думал? Всё, ты не прошла Совершеннолетия. Тебе говорят «прощай, спасибо за попытку», ты становишься Приближённой. Можешь делать, что хочешь — теперь ты просто Сунга.

— Надо же... И что в таких случаях делать? — развёл руками Арад.

— Не знаю, — пожалала Симсана плечами. — Замуж иди.

— Так что, это Совершеннолетие, оказывается, трудная штука?

— Ещё как. Многие не проходят. Очень многие.

— Ты справишься, — махнул он рукой.

— Да. Я справлюсь, — грустно ответила Симсана.

— Так, амулет дают уже на Совершеннолетия.

— Нет, — терпеливо поправила Симсана, — на Приятии. Это уже после. В двадцать-двадцать пять лет. Много ещё...

— На Совершеннолетия ты игнимару жжёшь. А там, на Приятии, что делаешь?

— Об этом нельзя говорить. Запрещено.

— Ладно. Я это к чему: ты вот носишь амулет. Как так?

— Это не мой, — потерявила цепь Симсана, — это наставницы. Это такой символ: я у неё учусь, она мне доверяет всё своё. Я часто ношу её сирну, её амулет. Это запрещено, вообще-то, Кодексом. Но этот запрет как бы снят для мастериц жизни. Нам можно.

— Почему?

— Часто мастерица жизни всё отдаёт лишнее ученице, и амулет на неё надевает, и сирну, и кольцо своё, чтобы не мешалось, когда она роды принимает, и когда... ну, когда много всякого ещё делает. Ученица, она как подставочка.

— Ха-ха. Знаешь, у папы в библиотеке есть Кодекс Ашаи-Китрах.

— Правда?

— Да, он же судья. Кодекс имеет силу Имперского закона. Большая такая, толстючая книженция. Папа всё говорит, что и хаотичная.

Он был уверен, что Симсана станет возражать. Но она:

— Да, там бардак, мешается всё.

— А что ещё запрещено Кодексом?

— Кому? — сощурилась Симсана, поправляя своё положение; поправка получилась удачной — её плечо стало давить на его.

Она была близко, её присутствие.

— Ашаи-Китрах, кому же ещё. Он же для них. То есть для вас, — дотронулся он к её шее (формальный повод — указал на цепь амулета).

— Ашаи ведь разные бывают.

— Ну вот всем чего нельзя?

— Замуж нельзя, — сразу сказала она.

— Вот и зря. Не понимаю, почему. А что ещё нельзя?

— Арад, — поставила она голову ему на плечо, — я сейчас усну, как вот он. Что ты меня пытаешь этим Кодексом?

— Пытка окончена. Давай стукнемся, — предложил он, хотя в кружках не было ничего, кроме воды.

— Давай. Так мы на ярмарку через три дня пойдём, да?

— Да, — твёрдо сказал он.

— И мы потанцуем, когда будут играть?

— Да, — твёрдо сказал он.

— А что? — ухватилась она.

— Что хочешь. Фромал. Сунгмтари. Я всё могу, — гордо сказал Арад.

— Я, кажется, тебя видела, ты танцевал луну назад с какой-то маасси.

Арад понял, что она хотела сказать взглядом: что не «кажется», а видела, и не с какой-то, а точно известно с какой. Эти намёки через взгляд — то ещё развлечение.

— Да, было.

— Ты в гимназии научился?

— Нет, папа мне было сделал частные уроки с одной хаману. Мне надо уметь, я же... род такой. Хаману Ханиана, может, слышала о ней.

— Как не знать, слышала.

— А ты?

— Что? — удивилась Симсана. — Хорошо ли танцую?

— Ну... любишь ли.

— Нет львиц, которые не любят танцевать.

— И ты тоже всё танцуешь?

— Как поведёшь — так и станцую, — пожала плечами, повела ушами, в сторонку поглядела.

— Буду стараться.

— Согласна.

Странно она ответила. Не «хорошо», не «ладно», а «согласна». Арад задумался, весь потянулся, зевнул.

— Он ещё спит, да? — спросил Симсану о львёнке.

— Угум, мрррр.

— Давай я ещё тебя помучаю вопросами.

— Вопросами? — Симсану, кажется, удивило то, что её собрались мучить именно этим. — Ну мучай вопросами. Что, снова Кодекс? Это будет сложно, я в нём не сильна. Мне важнее другое.

— А что?

— Аамсуна.

— Что? — переспросил Арад.

— Аамсуна, это всё, что не Кодекс. Кодекс, он не очень важен для мастериц жизни.

— А что такое аамсуна? Есть много вещей, которые не Кодекс.
Она замолчала. На миг Арад подумал, что она то ли не хочет говорить, то ли что: она просто уставилась в точку, и всё, прямо перед ними.
— Ты когданибудь открывал Кодекс Ашаи-Китрах?
— Да, вроде.
— Там на второй странице, после титула, написано одно слово, в углу, маленькое: «аамсуна». Там только это слово и больше ничего. И всё, больше оно не упоминается в Кодексе ни разу. Потому что оно не надлежит Кодексу.
— А чему надлежит?
— Оно — это всё, что не Кодекс. Мне больше всего нравится как Ваалу-Даима-Хинрана ощутила аамсуну: «Ашаи — это Кодекс, Китрах — это аамсуна». «Ашаи-Китрах» это «сёстры понимания». Значит, Кодекс отвечает за сестринство, но за понимание отвечает аамсуна. Ты действуешь по аамсуне когда понимаешь вещи, и, прям, действительно понимаешь.
— Вроде понял, — молвил Арад, глядя себя по щеке. Что-то в этом было, он оказался удивлён.
— Не знаю зачем тебе рассказываю, я даже не знаю, можно ли.
— Так можно и запутаться, — серьёзно отметил он.
— Ашаи постоянно путаются и не знают, что делать, — ухмыльнулась Симсана. — Моя наставница вот говорит: «Кодекс о том, что делать. Аамсуна о том, что не делать». Я так ещё этого и не поняла на самом деле, если честно.
— Какова она, твоя наставница?
— Она... — Симсана посмотрела наверх. — Она хорошая, — мечтательно протянула она, то здесь было столько недомолвки, что он и думать перестал идти в том направлении. — А ты?
— Я? Я тоже хороший.
Она засмеялась.
— Знаю. Я спрашиваю: так ты архитектором хочешь быть?
— Да. Хочется делать большие вещи, которые стоят долго и упорно. Сейчас учусь у мастера. Мастер мне не нравится.
— Почему?
— Я ему не нравлюсь тоже, это обоюдно. Зато, надеюсь, понравлюсь твоей наставнице, — смотрел он, наблюдая за нею, — потому что сегодня до дома тебя провожу я.

**

Уже в десятый раз занавеска поднялась и бросилась.
— ...шшш, не шуми.

— Да не шумлю я. Что шипишь? Что, львёнок спит?

— Вон там спит. У Симсаны на руках. Она не сама, угадай с кем пришла. Не угадаешь. С Арадом, сыном Нергима, Каризиан.

— Это судья, этот тот, судейский?

— Ага.

— Он же Ашаи не любит. Какой скандал, — с восхищением молвила львица помоложе.

— Всё тебе скандал! Вон... Смотри. Сидят, ласкаются, — бесконечное обвинение в чудовищном преступлении от львицы постарше.

— Ласкаются? — восторженный вздох львицы помоложе.

— Да, — зашипела львица постарше. — Я ей львёнка всунула. А он всё равно лезет. Видишь? Видишь?

— Ты мастерине скажешь?

— Ну а ты как думаешь? Конечно, скажу. Сколько ему лет-то, кажется шестнадцать, семнадцать. Он её, кабан такой, замучает. Я о нём слышалась уже ушами. Слыхала о нём?

— Не, не очень. А что с ним?

— Говорят, у магистра был то ли приём, то ли танцы, ну вот это их всё. И он там затащил в сад дочку какого-то северняка, и того...

— Что? — изумилась львица моложе.

— Говорят, чуть не изнасиловал, страшно лез. Бедненькая, наверно, еле вырвалась, а потом жаловалась всем, мол, такой он уж наглый, ему хвост не показывай.

— А отцы? А отцы что?

— Да загрызли дело как-то, наверное. Не скандадиться же.

— Так это он теперь за Симсаночкой прилез.

— Ага. Будет теперь ей по ушам топтаться и хвост грызть.

— Да она Ашаи, ей ничего не будет, — вдруг решила львица помоложе.

— Ну и что, что Ашаи?

— Не даст себе пропасть. Управится как-нибудь, они умеют.

— Так ей же пятнадцать!

— Вот пусть и учится, как всяких к себе не пускать. Или пускать... — засмеялась молодая львица.

— Ой, ой, ты бы так училась не пускать в своё время. Тебя кто ни дёргал за хвост, а ты всё смеялась и крутилась, как сволочь в таверне. Надо было не всем смеяться, а правильным.

Молодая угрюмо замолчала.

— Всё, иду его прогонять. Ваал ты мой, накормила его, поласкаться дала, львица Ваала, добрая душа, всем нам мастерица через пару лет, вот, а тот как сыр в масле катается, Ваал мой, что делается, совсем не понимает,

им же всем только одно и подавай, и то им, и другое, и жрать вон им дай этим льякам вёдрами, сели на голову, как жить, что за времена...

Арад и Симсана уже собрались вставать, как тут пришла хаману, и враз принесла с собою всю повседневность. Львёнка отдали ей, потом Симсана пошла за ней, и Арад пошёл тоже, потому что некуда было деваться; он даже было удумал изменить план да уйти, сдержанно со всеми попрощавшись, не желая слишком тереться в кухаркиных домах, но Симсана всё бросала на него взгляды, мол, сейчас разделаемся, сейчас уйдём, и ты меня проведёшь, как обещал, но хаману всё не давала. Симсана даже намекнула:

— Что ж, мы пойдём, хаману Шиала.

Но не тут-то было. Возникли какие-то дела, обязательства, упомянулась всуе наставница, что-то где-то надо было сделать очень важное. Пришлось идти втроём, вот и вышли из дому втроём. Затем пошли вниз по тропе, к городу, и она была узкой, потом Арад шёл сзади и смотрел на Симсану. Он наблюдал за ней, за её походкой, за тем, как выглядывает из-под хвостного разреза платья кончик хвоста, то скрываясь в складках, то выглядывая. Она обернулась, один раз, чтобы посмотреть, как он там. Мерещился шлейф запаха за нею (а может, вовсе и не мерещился), он уже его знал. Блестело её грубое, странное, большое, железное кольцо на ухе; сначала он находил его довольно нелепым, но сейчас оно начинало нравиться. Она, соединив руки впереди в невидимом для него жесте, вежливо, разборчиво, живо болтает с хаману, на боку у неё корзина, она качается в такт её походки; о, у неё хорошая, стройная походка, лапами почти в одну линию, словно идёт по жерди, это видно даже за этим её грубым, скромным платьем, с поясом совсем не самочьей толщины, что безжалостно держит талию, кошелёк, её мелкий ножик, два тканых обреза, перекинутые через плечи, и даже серую тряпку, которую он заметил только теперь. Проклятье, кровь предков, ну кто так одевает маасси в её возрасте, что за мода у этих мастериц жизни одеваться, как старые карги из Норрамарка? Вот он однажды видел сестру в юбке с асимметричным подолом, вот это было да, вот это были лапы, вот это было вкусно, ну то бишь, вкус, от слова вкус, конечно же, а не что другое. А вот та же Ваалу-Арасси — вся извержение внешних впечатлений. Ладно, неважно. Ему захотелось её обнять сзади, и сжать. Сжать очень сильно, так, чтобы она начала задыхаться, проситься, или даже кусаться; она бы вырывалась, наступила ему лапой на лапу, зарычала. Обязательно зарычала, да. Одна его рука лежала бы на груди. Или на животе. Где-то там. Когти бы цепко впились в ткань платья; оно грубое, выдержит всё. А вторая бы силой повернула её подборок к нему, и он бы взял, и той, первой рукой, подтянул бы подол платья, или что там на ней, или нет, лучше сзади, через хвостный разрез, и...

— Арад?

— Да, да, что?

— Извини, я тут... — бессильно показала Симсана на повозку, какого-то старого, весёлого, немного плешивого льва, на хаману Шиалу, на рынок, на котором они снова почему-то очутились. Были какие-то обстоятельства, какие-то дела, надо было куда-то заехать, а потом её подвезут домой, вместе с корзиной, всё это ему будет неинтересно и дальше она сама, ибо не смеет пользоваться его компанией для такой чепухи. Арад стоял, с лёгкой ухмылкой, а потом согласился. Он уже было думал, что всё то ли приснилось, то ли что, но тут она к нему подошла (на неё уже ждали все эти неуместные хвосты), близко, на то самое расстояние, и сказала:

— Так я жду, правда?

— Жди, я буду через три дня. Я за тобой зайду.

— Хорошо.

Надо было как-то попрощаться, наверное, помахали бы друг дружке рукой, и так бы и сошло, ну или он бы поцеловал ей руку, такое себе манерничество посреди рынка, но он как-то разгадал её телесный язык и её готовность, и положил ей руки на плечи (она — ему в ответ, вмиг), вполне хороший жест для хороших друзей, но она подставила ему не щеку, как обычно бывает, и они встретились ровно посередине; он точно, прямо совершенно точно ощутил, как её язык скользнул по его губе и зубам; наверное, она хотела лизнуть его прямо в нос и рот, подбородок, в общем — всё, но сдержалась или заскромничала (кругом же куча добрых Сунгов, чтоб их), и у них получилось нечто вроде быстрого поцелуя, и он не мог, никак не мог быть дружески-прощальным, это было невозможно по всем законам мира. Он помахал ей рукой, когда она уезжала, болтая лапами сзади на повозке, она — ему. У неё где-то там упала многострадальная корзина, и больше она не оборачивалась до скрытия за поворотом.

Этот поцелуй остался самым сильным впечатлением за весь день, когда приплёлся под вечер домой, а впечатлений было много. Ужин, сидел он, папа, мама, братья, какая-то мамина подруга, прислуживала их дхаарка, подали мраморный окорок на закуску, но Арад во всём этом отсутствовал. Его спросил, как прошёл день, он ответил что-то ничтожно пустое.

— Что, сынок, тебе нездоровится? — спросила мама.

— Да, лапы болят, невероятный день.

Он уселся у себя в комнате (первый этаж, угловая, кровать под окном), уставился в окно, а потом и вовсе вылез на лунно-ночной подоконник. Он смотрел в окно — мир был добрым, многообещающим, всепрощающим; была бесконечная уверенность во всём, та самая, когда знаешь, что всё идёт хорошо. Закрыв глаза, он начал представлять её (светотипическая память, ты всегда выручишь): вот она сидит под деревом, лапы в сторону, её хвост течёт по траве и бессильно кончается у его руки. Одеяние надо поменять,

пусть это будет туника со свободным хвостом, как тогда, у северольвицы Аршайи. Умные, внимательные глаза. Уши чуть назад, словно она всегда слегка пристыжена. А ещё её запах. Он понюхал ладони — вдруг остался? Надо украсть у неё какую-то вещь, надо точно что-то украсть, надо будет что-то сделать, надо будет что-то с ней сделать; этот запах, если бы его продавали, то за него бы платили золотом империалов. Надо представить её вообще без всего. Арад может, но смутно; он знает, как выглядит львица всюю только по пошлым картинкам, что ходят среди знакомых, а ещё однажды он видел купающихся нагих львиц, но те были угнетающе далеко, и ещё было всяких пару okazji случайностей. Гораздо легче представить её жар, огонь её поцелуя, закрытые глаза, запах, как она всё выше поднимает голову, когда он всё ниже целует её шею, да, да, вот оно, вот.

**

Вечером следующего дня он сидел вместе с матерью за столом на заднем дворе дома, который всегда вытаскивали для Пору Огня. Арад отдыхал, устав корчевать пеньки в их саду вместе с чернолапцем, которого они иногда нанимали для разноработ. Мать что-то вышивала (говорят, найсагрийки, попав в Нахейм, шьют там ночное небо, андарианки же — ткнут гобеленом степные травы), иногда хищно закусывая иглы в зубах; отец слонялся по саду, всё трогал, и повсюду был чем-то недоволен, а особо подсобкой Арада, где он хранил кучу своего мастерского барахла. Выглядел отец там очень невпопад, в своём поволочне, типичном для чиновников всякого ранга. Арад, глядя на него, попробовал представить себе охоту с отцом, и в который раз — не смог.

Братья где-то то ли гуляли, то ли слонялись по дому, то ли снова делали бардак в подвале, где они решили сделать пристанище разбойников.

— Что, как твои дела? — вдруг спросила мама, не посмотрев.

— Да какие там дела. Гимназия в каникулах, мастер-архитект меня отпустил на дней пять, — переставил он лапы, вытянутые на другом кресле, а потом весь потянулся.

— А как твои личные дела? — спросила мама тем же тоном, снова не посмотрев.

— То есть? — захотел уточнения Арад.

— У тебя уже есть какая-то симпатия, или симпатии? Попадался кто тебе в охоту? — мать попала в ушко иглы, с первого раза.

Арад потеревил хвост, постучал им по краю плетёного кресла.

— Не хочу вмешиваться, всё-таки ты лев и сможешь всё расставить по местам, — продолжила она, громко стукнув напёрстком по столу, — но я могу поведать кое-что интересное, что слыхала.

— Попадался в охоту, мам, — многозначительно хмыкнул он. — А что ты слыхала?

— Что ты нравишься многим маасси, и даже произвёл какого-то рода... впечатление... тогда, у гостей у магистра, четыре луны назад. Может помнишь.

— Какое впечатление? — подумал Арад, нахмурившись, почесав гриву. В смысле. Действительно.

— Хорошее, скажем так. Хорошее. Особенно на Мальструну-Ленайну.

— На кого?

— На Ленайну, дочь хаману Мирны, оружейники, — нажала мама.

— Аааа. Мирна, эта хаману, что к нам любит захаживать. Понятно, — потянулся Арад.

Мать, очевидно, ждала продолжения или комментария, но они не последовали.

— Ещё я слыхала сегодня, что тебя видели с одной, скажем так, особой...

— Это с этой... дочерью... тьфу, ученицей повитухи-Ашаи, да? Как её там... Симсана, — крутил он ладонью у виска, изображая припоминание.

— Да, с ней.

— Мам, — тяжело, со смыслом вздохнул он, — прошлый день был полон всякой нелепицей. Вчера в полдень мне пришлось свидетельствовать огонь Ваала на площади, это вышло случайно. Меня позвала какая-то приезжая Ашая, не мог же я ей отказать, Сунг всё-таки, надо сохранять гриву. По ходу своих дел она загорелась, пришлось её тушить плащом.

Мать внимательно слушала, наострив уши, шить перестала.

— Мне объяснили, что делать этого не стоило, но ведь откуда я знал. У нас огонь Ваала не жгут, я не видал, как это делается.

— Ты же мог загореться!

— Нет-нет, всё нормально. И она цела-здорова. А потом меня с ней и встретила Симсана. Ну, если отгрызть сказке хвост, то попросила помочь ей с корзиной, я согласился. Потом мы зашли к какой-то хаману, что готовит для казарм стражи, и там поели.

— Ты ел у кухарки дома? — с подозрением спросила мама. — Ты нёс корзину?

— Корзину не нёс.

— Ты согласился помочь с корзиной, — посмотрела мать вверх, указывая иглой в небо. — Но корзину не нёс, — теперь игла указывает долу. — Ладно, а что ты делал дома у кухарки?

— Не дома, а на улице, так получилось. Симсана пригласила, как бы в благодарность, я решил не обижать отказом. Я просто прошёлся с ней, — немного раздражённо поведал Арад.

— Странная история. Ты мог спокойно отказаться, — отмахнулась мама.

— Да, я знаю. Надо было, — сказал Арад, и кашлянул. — А потом мы разошлись, и всё. Поэтому нас с ней видели. Видит ли мама, я проявил к ней некоторого рода интерес, очень практического толка... — закрутил он в воздухе хитрые круги.

— Хорошо, Арад, ты уже довольно взрослый, я не имею ничего против, чтобы ты подыскивал симпатии, — перебив, продолжила она шить. — Просто именно это... эта ученица Ашаи, ты понимаешь, может создавать определённые сложности для папы. Даже расстроить его. Я думаю, ты себе можешь поискать маасси куда получше; скажем так, как у нас в фансиалле говорили — с перспектом отношений.

Она вдруг нагнулась, вытащила бутылку с вином, что всё время — оказывается — пряталась под столом, очень залихватски открыла её зубами и налила себе в кубок.

— Тем более: я давно уже поняла, что ты не робеешь, и уже знаешь всё об Игре не понаслышке, когда я посоветовала отцу с тобой поговорить. Лучше поздно, чем никак, всё-таки эту формальность надо пройти всякому сыну с отцом.

— Да не очень прямо так и знал, мама, — честно сказал Арад.

— Ну-ну, тут мне не вилай хвостом. Знаешь, та северянка, а она-то дочь помощника наместника Регулата фискального дела и казны в Сунгкомнасе, та, которую ты утащил в сад, да-да, не делай эти невинные глаза, потом всем говорила о твоём... алчном нраве.

— Что, так и говорила? — прям удивился он, даже уши наострил, что делал редко (самцу не подобает очень уж востриться).

— А ты думал — я не знаю? Мама всё знает. Папе не говори. Он у нас лев серьёзный, ему не до игр.

Вздыхнула.

— Не знаю, что ты там вытворял, но ты её впечатлил. Надеюсь, ты не делал ничего неблагоразумного, всё по правилам?

— Это совершенно точно, — сильно вздохнул Арад. — Всё было благо-разумно.

— Да. Папе об этом знать не надо. Он, знаешь, не очень любит вольности, и беседовать о чувственном, ему не интересно, — покачала головой мама, нет, не интересно, правда.

— Да понял уже, когда он заговорил об Игре. Мне показалось, что ему трудно.

— Трудно. Жизнь обошлась с ним сурово, он без отца рос, сам знаешь. У него не было времени исследовать дары юности, — она отпила вина. — Я вообще у него была первой. Ой... — разлила на стол, возвращая кубок. — Не говори папе.

— Надо же, — удивился Арад.
«Но почему, всё сходится», — вдруг подумал он.
— И даже не играл ни с кем?
Мама молча покачала головой. Неа. Не играл.
— Он мне честно рассказал, когда мы начали всерьёз встречаться.
— Вот так честно и признался?
— Да. Он очень честный лев. Очень. Даже слишком. Я и люблю его за это, и боюсь... за него, и вообще. Слишком серьёзный, слишком честный,
— пространно сказала она. Потом махнула рукой: — Но для судьи, наверное, это лучшее, что может быть.
— Тогда и я честно скажу: я подумывал, чтобы и с этой Симсаной чего-нибудь устроить, раз уж она имеет интерес. Но! Если отцу это как-то не под руку, то и... и... то и всё, — хотел он сказать «то и хвост с ней», но вдруг не смог.
— Хорошо, — согласилась мама, рассматривая вышитое на свету.
— Но вообще, она меня не интересуется, — беззаботно сказал он.
— Сказано так, словно на примете другая.
— Да, — Арад внутренне обрадовался этой ложной тропе, пущенной матерью. — Разные есть на примете.
— Ну, делай хороший выбор, с хорошей кровью, — живо, даже слишком согласилась мама. — Кстати, я-то слышала — через десятые уши — что маасси Ленайна к тебе небезразлична. Правда, она сейчас уехала к прама-тери, в Марну.
— Ты, мам, одобряешь знакомство с ней? — зачем-то спросил Арад.
— Просто делаю тебе подсказку. Подсказки ведь полезны, правда?
Арад посмотрел в закатную сторону.
Да какая Ленайна, если тут явилась иная, странная, чарующая цель. Он и не знает Ленайну хорошо, лишь моментально; она из тех особ, о существовании которых ты знаешь годами (имя, возраст, пол), видел с детства, вместе где-то пребывал, но больше ничего. Дочка маминой подруги.
— Смотри только. Мне напоминать о таком не очень полагается — это папино дело — но помни о правилах.
— Мама не имеет причин для волнений. Всё помню, всё хорошо.
Пришёл отец и заметил, что мать просто себе сидит и пьёт; это ему не понравилось, потому что львице почему-то нехорошо просто сидеть и пить вино. Мать парировала: дел нет, всё исполнено, даже шитьё уже на этот день поделано, — имеет право. Отец был недоволен: на службе не ладилось; ему было предложено вино, но отказался — надо иметь на завтра чистую голову. Мать неудачно пошутила о чистой голове, отец пришёл в обычную для него недовольную нервозность, которую надо было просто переждать. Мама спросила о проблемах на службе, отец закатывал глаза,

морщился, прятал взгляд в пальцах и тёр виски. В итоге мама его успокоила, он размяк в кресле.

Пришли братья, пошумели, куда-то звали Арада, он лениво отмахнулся.

Мать, с многими предосторожностями, изменениями и правками пересказала сегодняшние приключения Арада, и он молчал всё это время; рассказывая, потеряла иглы в траве, и начались поиски, даже Арад делал вид, что нагибается и ищет. На самом деле он просто думал о Симсане. Если оставить его в покое на пару мгновений, то он больше ни о чём не мог думать, и ни о ком — тем более. Это было чудовищно и невыносимо, что её здесь не было. С другой стороны, не было ничего лучше, чем это предвкушение следующей встречи.

Он встречал на своём жизненном пути львиц, но все они были другие. Некоторые были добрыми, некоторые были игривыми, некоторые даже показывались благосклонность, некоторые просто позволяли на себя смотреть; они фыркали, смешно смеялись, были глупо-веселы или — чаще — в надменном ожидании; в общем, это всегда была игра в одну сторону, броски копья в пропасть, пускание стрел в небо, деревья, или там скалы, иногда вообще стрелы ломались, оружие ломалось, всё было не так, и всё было очень глупо, обыденно и страшно. Ну вот и с Симсаной: было снова-таки страшно и не так уверенно, как хотелось бы; здесь он взял арбалет, из которого-то и стрелял только пару раз в жизни, и всё — мимо, он пустил короткую, страшенькую, коренастую стрелу-болт, пустил скорее даже наугад, чем осмысленно, пустил из-за мимолётного желания, очарованной симпатии, поиска возможности и даже самцового долга: всё-таки львицами надо интересоваться, всё-таки с ними надо что-то делать, если они есть, найти им применение. Если они существуют, значит, можно пустить их в ход, как скажем, молоток или там штаны, ну или циркуль с графисом; забить ими нужные гвозди в нужных тебе местах, и успокоить свои нужды. Так он примерно представлял себе все эти отношения, утехи и любовные вещи: болт летит, попадает в добычу, добыча падает. Всё, кушать подано, больше никаких событий не происходит, а вся драматика вокруг этого — так, понарошку, сентиментальная блажь для львичек.

Но оказалось, что из ниоткуда, в ответ, немножко погодя, прилетает ажурная, длинная стрела, тонкая и цветная, с наконечником из света. Потом вторая, потом ещё, и ещё, и ещё, и ещё, красная, синяя, красная, жёлтая, белая, красная, красная; они, разматывая длинные ленты, попадают в нос, в бровь, в глаз, в сердце, в ладони. Они беспощадно нежны, и ты умираешь под ними; ты забываешь о том, что с самками церемониться не особо стоит, как советовал и отец, и все умудрённые опытом, и что всё это — простые вещи, и стоит просто кого-то найти и сцапать, кого сможешь поймать, исполнив нехитрые взаимные ритуалы; ты забываешь вообще о всём. Всё

это хорошо и вполне возможно — вся эта простота — если ты жив; но если ты умер от её стремительных стрел, выдыхая от счастья, то всё это — невозможность. Вот сидит мама, вот сидит отец, и они даже не подозревают, что всё — Арада нет, он умер.

**

Итак. Договаривались они через три дня.

Только вот что: Арад стал нарушителем договорённости — он пришёл раньше на день, и сейчас, затаившись как хищник, ожидал в доме наставницы, потихоньку пил ещё тёплое вино, смотрел на краешек книги, выглядывающий из-под ткани, и уже начал размышлять, как объяснить Симсане своё присутствие (когда та придёт; если придёт; если вообще ожидание когда-нибудь кончится; и вообще).

Сидел уже долго, никто не приходил, вино в кружке почти кончилось. «Не очень берёт, вино это», — подумал Арад. — «Точнее, вообще». Он волновался, и чем дольше сидел, тем больше волновался.

Взял книжку, освободил от ткани; оглянувшись (на всякий случай), вдруг взял ткань, понюхал — это её, она её постоянно трогает, её запах. Открыл, книга оказалась «Дисциплины и дисциплины», Герода из рода Яамри-Сай, 798 год Э. И. Очевидно стало, что книга дорогушая, прямо чрезвычайно. Пролистал раз, два, три, потом быстро просмотрел ещё пару страниц, потом дальше. На большинстве страниц текста не оказалось, а если и попадался, то он его пропускал; это была перенесённая на толстую бумагу светотипия дисциплин и дисциплиниев (как он понял из подписей), снятая и с картин, и с настоящих светотипов. Вот, например: на простом бело-красноватом фоне (штора, портьера, что-то такое) был грудной портрет молодой львицы, лет так семнадцати. Львица очень симпатичная, южная, она улыбалась. Подпись: *«Ваалу-Найли-Лашанэ (хустриани), Сидны дисциплина, после прохождения Совершеннолетия, 793 Э. И., Сидна»*. Ещё одна, но уже не портрет кистью, а светотип, на более интересном фоне: справа — солнце знамени Империи Сунгов, спрятавшееся в его складках, слева — тёмное то ли знамя, то ли что, неизвестного цвета (светотип ведь цвет не передаёт, не увидишь); после некоторого усилия Арад понял, что это тёмно-синий, клетчатый узор прайда Менаи. *«Ваалу-Нараяна (менаи), Айнансгарда дисциплина, неизбежная светотипия после прохождения Совершеннолетия для личного дела и Книги Сестёр, 780 Э. И., Айнансгард»*. Эта львица была просто красивой. Вот дисциплина, с левой рукой на поясе, возле кинжала, а второй — свободно вдоль тела, серьёзная, немягкая, даже надменная. *«Ваалу-Мрууна (андари), Сидны дисциплина, свободный портрет, 778 год Э. И., Сиднамай»*. Она приглянулась Араду, он

наклонился, чтобы всё рассмотреть, потому что художник всё проделал в экстраординарно реалистичной технике. Сложность картины контрастировала с простотой фона: какие-то символически простые цветущие кусты. Отметил, что свобода, расслабленность правой руки, отдых ладони на бедре — далеко не случайны, в этом были изящество и заученность одновременно. Она не просто себе стояла, она показывала, как *надо* стоять.

Через несколько страниц он нашёл такое: разворот страниц, справа было две повторяющиеся строки:

*Я буду тебя любить,
А ты меня — ещё больше*

*Я буду тебя любить,
А ты меня — больше*

*Я буду тебя любить,
А ты меня больше*

*Я буду тебя любить
А ты меня*

*Я буду тебя любить
А ты*

Я буду тебя любить

Я буду тебя любить

Я буду тебя

Тебя

Тебя

Тебя

Ты

Арад подсчитал: таких строф было двенадцать. Справа был светотип, её запечатлели вполборота, и вся её мордочка была в три четверти. У неё были большие, тёмные глаза, широкая переносица, и маленькие мохнатые

уши, такие зовут «снеговыми»; очевидно, северо-западная кровь причудливо смешалась с южной, потому что шерсть у неё, по-видимому, темноватенькая, сложно сказать, всё-таки цвета не видно. Маленький, плоский носик, светотип честно запечатлел и шрам под левым ухом. Она была странной, даже смешной, подумал Арад, и всё в ней было бы так себе, если бы не глаза. Большие, кажется, в уголках чем-то подведённые (или нет, или да, или нет — Арад так и не понял, и это сомнение придавало ещё больше всего), они впечатляюще блестели; они не были грустны, нет, но и не веселы, они оказались такие... такие... Они были ночные, совсем. Они не смотрели прямо на него, а будто на кого-то за его плечом. Иллюзия была невероятной, Арад обернулся даже. Потом снова на неё. Потом снова обернулся. Подписали её так: *«Ваалу-Анлиль (норрамарси), Айнансгарда дисциплинара, мастерица страйи, светотипия, совершённая гельсианскими огнепоклонниками, 796 год Э. И., Внешние Земли — Гельсия».*

Под стихом была подпись:

«Ваалу-А.», — с использованием затейливой каллиграфии для «Ваалу-» вместо обычного использования буквы высшего алфавита. Отец один раз рассказывал: в одном из циркуляров Верховной Палаты Справедливости всем судьям, даже тем, кто в Доктрине, строго запрещалось писать «Ваалу-» буквами низшего алфавита, потому что они взяли это за моду, а такое считается оскорблением.

Арад не устоял и снова посмотрел назад.

— Кто это там, у меня за хвостом? — со смешком почесал нос.

Иллюзия была великой, и смешок получился нервным. Что-то в этом всё было суггестивное; это было похоже на заклинание, как в мифах или сказках, только с той разницей, что даже тут, в этой книге, — оно начинало работать. Арад знал, что у Ашаи-Китрах даже есть заклинания, нечто вроде того, но забыл, как они называются. Может, это одно из них, ведь он начал кого-то любить: то ли её, то ли кого-то за спиной, то ли всех вообще, то ли таинственную незнакомку, то ли начало львицы.

Арад перевернул страницу, и на весь разворот там были красные стрелы, летящие прямо в читателя. Он закрыл глаза. Он впервые в жизни ощутил нечто подобное, похожее на оглушение: оказывается, так можно. Как — он ещё даже не понял, если откровенно. Но, оказывается, так — можно.

Засов стукнул так, что вздрогнули уши и хвост. Кто-то пришёл, ещё не видно, кто.

Глубокий вздох, стук, что-то упало. Её голос:

— Ааай... Да стой! — с деревянным стуком нечто приставлялось к стене.

Это была Симсана.

— Фух...

Упали кнемиды. Вода, это она моет лапы. Ещё вода. И ещё. Теперь руки, наверное.

Арад быстро закрыл книгу, резко развернулся на лавке, ко входу в комнату, чтобы встречать цель во фронт. Подумал, встать ли. Нет, это будет очень глупо, сиди. Поправил нож на поясе, чтобы было видно. Спрятал. Нет, назад. Упереться сзади локтями о стол, да, отличная идея; ещё трубку в зубы, и был бы совершенный взрослый вид бесконечно уверенно в себе льва. Прямо картинка.

— Это ещё что? — спросила себя пока ещё невидимая Симсана, и очень забавно фыркнула.

«Мои кнемиды увидела, точно», — подумал.

Прошли мгновения, во время которых это нечто, верно, рассматривалось. Потом вздох, и звук, похожий, когда чешут шёрстку. И вдруг без предупреждения, без подготовки, только несколько шагов стали предвестием — и она вошла в комнату. Снова в своём обычном, скромно-грубом платье, в руках — обычный такой мешок.

Она заметила его, считай, почти мгновенно.

— Привет, Симсан! — беззаботно сказал он, развалясь, опираясь о стол.

— Арад? — она испугалась, снова её обычный самочий жест: ладонь на груди. Но несильно: — Хей, най, привет...

Он хотел что-то сказать, но не знал, что: всё было непродуманно, всё застряло. Он вдруг встал на лапы, быстро и упруго, одним движением.

«Всё серьёзно», — подумал Арад. — «Проклятье, это всё сложнее, чем я думал».

— Это сегодня ярмарка? — Симсана совершила несколько шагов в сторону, глядя на него. — Вроде завтра? Ваал, я что, пропустила?.. — испуганно задумалась.

— Нет, нет, она завтра, всё хорошо, — нерушимо стоял он. — Просто я тут шёл неподалёку, и зашёл.

Симсана осторожно поставила мешок, возле кровати в центре. Посмотрела на него:

— Понятно.

Она обошла кровать с иной стороны, чем он, глядя на него, как на нечто опасное и безусловно хищное, требующее внимания и осторожности.

— Была твоя наставница, — сел обратно Арад, пропустив теперь лавку меж лап, — мы с ней говорили, и она просила сказать, что к ночи придёт. Ты не думай, что я тут выбил дверь или пролез в окно, — хотел он сказать весело, искристо, с юмором, чтобы они вместе засмеялись, и она к нему легко, с охотцей подбежала для поцелуя; они бы размякли, расслабились, и

можно идти вместе, куда угодно. Получилось не так. Получилось, словно он докладывал, вбивая каждое слово.

«Ты, дурак, сидел, мечтал и читал книжку. Как насчёт продумать разговор?», — он ощутил взаправду волнение и страх. Одной стороной. Но другая его сторона говорила: «Всё отлично. Веди её».

— Хорошо, — осторожно ответила Симсана. Спыхватилась вся, заходили уши: — Эм, есть хочешь?

— Нет, вообще нет, спасибо, — что было правдой.

Осмотревшись кругом, Симсана всё так же осторожно подошла к нему и села подле него, не совсем близко, а так, даже почтительно; она пригладила подол платья, когда садилась, бесконечно аккуратный жест; Арад наблюдал за ней, внимательно, не упуская, притих. Их встреча рисовалась ему воссоединением влюблённых после недолгой разлуки: поцелуй, весёлость, пара смешков от неё, игривость и блеск глаз. Они бодро выходят из дому, забыв обо всём. Его снисходительность.

Вместо этого: два диких зверя, заметившие друг друга, не знающие, чего ждать.

Облокотившись, она подставила себе ладонь к подбородку-щеке, и посмотрела ему в глаза. Кажется, она даже улыбнулась, совсем чуть-чуть.

— И смотри, я читал книгу, она — твоя, — у него голос сорвался на хрип. Так бывает, если простудишься: не говоришь — рычишь.

— Да, моя любимая, — обратила она внимание и взяла закрытую книгу, — это нам подарил отец двойни. Точнее, не нам, а наставнице. Давно это было, года четыре назад, или три...

— Это такая хорошая книга, Симсана. Это самая лучшая книга, которую я только читал в жизни.

— О, так ты, наверно, читал вот здесь, смотри, — смущённо пригладила она ухо, — вот, здесь есть...

И открыла ровно на той странице, где он закончил — с красными стрелами (ткань залезла прямо меж страниц).

Симсана перевернула назад, где была Ашаи ночного взгляда.

— Да, самая лучшая книга, — взял он кружку с уже холодным вином, почти пустую.

— Она умерла, — вдруг сказала Симсана, давя когтем край страницы. — После этого светотипа.

— Эта дисциплина? Почему?

— Несчастный случай.

Повисли неловкие мгновения.

— А ещё твоя наставница дала мне вино, вон, в чайнике. Давай попьём вместе? Тёплое, горячее.

— Я... — быстро посмотрела на него, снова пригладила она ухо, слева, справа. — Ой, Арад, ты думаешь...

Он уже наливал в кружку, отодвинув книгу.

— ... стоит?

— Давай попробуем. Это — твоё. Возьмёшь и мне вторую?

Вместо ответа Симсана взяла его кружку, сильно зажмурила глаза и стала пить. Ему вино было слабое, совсем; но, видимо, ей жгло: она вдруг зрелищно кашлянула — вино у неё пролилось, потекли ручейки по подбородку, шее, пошли капли вниз. Не выпив всё, но добрую половину, она оторвалась от кружки, мордашка вся в вине, посмотрела на неё, словно в недоумении, облизалась и сказала:

— Ой, — глядя прямо на него.

Служительница кровавого культа, с неё стекала кровь, похожая на вино.

Арад больше так не мог. Всё это требовало расправы.

Первым делом он схватил её ладонь с вином, и направил её к столу, и всё произошло без неожиданностей, как задумано; вторым движением он направил её руки себе на плечи, и это случилось тоже так, как он и хотел; потом краткое мгновение, огонь, жар, потом просто тепло — они целовались долго, он не хотел уходить от этого блаженства; а она, верно — как он, как же ещё. Ещё одно наслаждение: взять и посмотреть на неё во время поцелуя — она будет с закрытыми глазами. Он сжал её за талию, кажется, слишком сильно — изошёл тихий, просящийся стон.

Надо было идти дальше, и Арад, с предупредительной ладонью сзади её ушей, просто взял и уложил её по всей лавке, не считаясь ни с чем. Симсана начала проситься: ладони вместо в объятий перешли в слабую защиту.

— Неудобно, — запросилась она.

Он помог ей сесть, зацепив кружку, и та чуть не упала.

— Тут неудобно, — ещё раз сказала Симсана, перекинула лапы на иную сторону лавки и встала.

— Пошли? А то наставница сейчас придёт, — поднялся и он, что оказалось не так просто и потребовало кой-каких ухищрений: слишком уж очевидным было его желание.

— Не придёт, её долго не будет, — приглаживала себе уши с закрытыми глазами и поправляла воротник.

«Так», — подумал Арад. Ему уже плохо давалось думание. Поэтому крутилось только одно это одинокое слово. — «Так».

Симсана хриловатым, скорым голоском начала говорить, все ещё не открывая глаз:

— Раз идём, можем пойти вон туда, — указала на выход из дому. А потом — на куцую деревянную лестницу, ведущую вверх, которую Арад

раньше посчитал путём на чердак: — А можем и в другую сторону. Скажешь, — она уже смотрела на него, держа ладони на щеках.

Арад протянул ей руку, она приняла, и повёл её туда, в иную сторону, и там наверху оказалась небольшая дверь, кажись, в чердачную комнату, он такие видал; он хотел пойти первым (забыв о манерном правиле — львицы вверх идут первыми, вниз — последними), лапа соскользнула с узкой ступеньки. Симсана поняла, что его незнакомство с домом будет играть злые шутки, и пошла вверх первой, осторожными лапами, но он не то что был незнаком или промахнулся — просто его начал душить невероятный, кошмарный, нервный страх вместе со страшным, неудовлетворённым, рвущим желанием; ужасающее сочетание. Он понял, что идёт туда, откуда просто так уже не возвращаются, там что-то должно произойти, и его ждёт либо самое главное, либо совершенно опустошающее поражение. И если ничего не произойдёт — это будет именно оно.

Как во сне, он поднялся за нею, видя перед собой кисточку её хвоста, из-под подола платья.

Он набирался отваги, пока шёл по этой лестнице в тысячу ступеней (на самом деле — десять). Он не вернётся оттуда без победы. Он сдохнет, но не вернётся. Он её изнасилует, если надо. Почему «если»? Надо. В любом случае надо. Это всегда насилие. Но сейчас... Сейчас. Вот что. Вот: пусть она даст ещё одну подсказку. Надо быть уверенным, что он всё верно понял. Что это оно, что это — Игра. Ещё раз. Дай знать, просто ещё раз. Покажи, что это «да», а не просто глупое недоразумение и наивность. Я же тебя люблю, ты поймёшь. Я не хочу тебя обижать, ну ты понимаешь. Хочу, и не хочу одновременно.

Это ненавистное воспитание, как его убирать прочь, когда так нужно?

«Она зайдёт туда, развернётся, и ты на неё набросишься», — решил Арад. — «Знаков ты не ждёшь. Сразу. Ты самый дикий лев из самых диких львов. Варвар, насилующий Ашай-Китрах».

Вот, оно. Стало полегче. Веселее. Должно же быть весело, раздерись всё пополам!

Симсана, не глядя на него, толкнула дверь, она с ужаасным скрипом отворилась вовнутрь, и он зашёл, глядя на неё ниже спины, в продолговатую комнатку, небольшую, с одиноким окном. Страх отступал, ещё был, но ничего. Становилось хищно, легко, Арад понял, что такое горячая кровь, быстрая кровь, он уже переставал стесняться того, что шумно дышит, и ему не будет хватать воздуха для говорения, бляения, болтовни; только — наверно — на рычание.

Вся комната пахнет ею. Вся комната пахнет Симсаной. Это самая лучшая комната во всех мирах.

Она подошла к низкой, вопреки найсагрийским обычаям, кровати, в шаге от неё остановилась. Ну же. Разворачивайся. Смотри на меня. Он совсем рядом, между ними ладони две расстояния.

Не оборачиваясь, она попыталась защититься полусогнутой левой рукой, бессильный жест сдачи:

— Арад, я волнуюсь... — и по оттенку стало понятно, что действительно боится.

— Я тоже, — сказал вместо него кто-то другой: рычащий, разудалый, хрипло-хищный. Он не волновался. Он раскалялся.

— Врёшь, — вдруг с нервным смешком сказала Симсана, начав развязывать пояс. Он с глухим стуком упал на пол, вместе с кошельком и ещё чем-то. Не оборачиваясь, она сильно расхристывала платье мастерицы жизни, глядя в окно, а потом начала снимать его через голову, прижав уши.

Ну конечно. Вдруг Арад понял, что на нём слишком много всего. Всё мешалось. Так быстро он никогда не раздевался в жизни, да и там немного: штаны, туника, и делов. Закончив, он увидел, что Симсана присела, чтобы сложить платье на полу возле кровати, с амулетом наставницы сверху, который она тоже сняла; то ли она не хотела его неаккуратно бросать, то ли ждала, пока он сзади подойдёт, не желая оборачиваться первой, не желая быть первой.

Мгновение-два он смотрел на это зрелище: она, в белой шемизе по колено, сидит на лапах, её хвост распущен по полу к нему. Он видел ещё это, только это, что можно назвать даже невинным зрелищем — и уже оказался заворожён. Там не было откровенного, случайного бедра, всё скромно, ибо вообще Симсана — осторожна, никогда не дразнится зазря, он уже это понял.

Она поднялась, и уже было хотела снимать и шемизу, ухватившись накрест за стороны, чтобы остаться ни в чём, как и полагается, но нет. Арад обнял её сзади и прижал, сильно, как всегда мечтал сделать каждый раз со многими; она подняла голову, разлеглась на нём, всё, вся, вдоль него, хорошо, правильно, молодец. Шея свободна, ну на, бери, целуй, можно, и здесь за ухом тоже можно; только её запах, много, и он чистый, ничего лишнего.

Запах был слишком сильной вещью, он затмевал всё: ум, чувство пространства, чувство времени, причины и следствия, что можно и что нельзя. Арад просто уткнулся Симсане носом в загривок, просто вдыхая её сущность; чтобы его пленница не вздумала бежать, левая ладонь прижимала к себе низ её живота, правая — перешла вверх, к груди; не зная, позволено ли прижимать грудь самки к себе, и как обращаться с этой новой, ещё неизведанной формой, рука пошла чуть дальше вверх и пленила пленницу у шеи; Симсана оказалась в окружении. Арад забыл, что надо делать что-то ещё,

продолжать, и так далее — эта эссенция была слишком сильна, он совсем поплыл, и оттого взял и укусил её, словно можно (нужно) попробовать Симсану на вкус.

— Несдержажешься, — то ли смущённо, то ли восхищённо протянула она, и он впервые в жизни услышал голос львицы вблизи, действительно вблизи, когда ты обнимаешь её.

Он покровительственно извинился, лизнув, где укусил. Хорошо. Превосходно. Вот что так было нужно — её запах; он давал то, чего не могло дать вообще больше ничего в мире. Левая рука хотела опуститься ниже, исследовать, что же там у неё, львицы, внизу; это совершенно необходимая вещь, и Арад понял, что надо идти в обход, снизу через бедро, задрвав ей шемизу. Он так и сделал, и бедро так поразило его своей мягкостью и твёрдостью одновременно, своей шерсткой, что мгновенно захотелось продолжить, преследовать цель, приблизить конец — прямо сейчас. Для этого, конечно же, её следовало повернуть к себе, а потом увести на кровать (или пол — неважно), чтобы... Арад ещё не знал, чтобы что. Но что-то.

Он ощутил, как чутко львица прислушивается на его только начавшийся призыв обернуться (и всё, что успел — нажать на бедро), как отвечает, как реагирует на всё его, как всё её естество внимает ему, ожидая следующего веления; как она легко крутнулась, исполнив желание; как она вообще безмолвно понимает, что он хотел сделать с нею, ещё ни разу не ошибаясь. Это надо попробовать самому, чтобы понять.

Долгий поцелуй омрачался размышлением Арада: как же всё надо продолжать? Даже в такие мгновения он не мог не думать. Решился: сильно, чтобы наверняка, пошёл вперёд; понял, что сделал всё слишком грубо, но Симсана справилась, и даже живо оттолкнулась лапой о него, чтобы быть посередке кровати, а не на краю. Эта ловкость ещё больше раззадорила его. Тут, она, верно, снова хотела проделать трюк с шемизой, и всё-таки её снять, но не успела, потому что Арад прижал её сверху, больно прижал плечи, потом руки и не оставил выбора, кроме как отвечать на его поцелуи, превратившиеся из нежных во властные, не терпящие возражений.

Лежать оказалось лучше, чем стоять. Всё стало невыносимым, до боли. Её шея стала мокрой — вся — от его поцелуев.

Она несколько раз попыталась высвободить руку, и — наконец — удачно.

— Арад... Арад. Сейчас, — пообещала она.

Он наблюдал за ней, не отрывая глаз, опираясь о локоть, в невероятной близости от её мордочки; она была такой разгорячено-взъерошено-красивой, что он еле удержался от порыва прервать её; она же искала что-то наощупь сзади, на комодке, серьёзная. Неудачно. Симсана нахмурилась, недовольно вздохнула, ей пришлось приподняться, он привстал. Она что-то

искала в ящике длиннющего комода, но там этого не было. Это что-то, верно, было очень важным, ибо поиски продолжились: перевернувшись на живот, она юркнула к краю кровати и начала искать под ней, и в итоге получилось — наверняка ненамеренно — что ему она подвернулась хвостом, вся хвостом, и даже скромность ткани шемизы не смогла приглушить красоты этого зрелища.

Это не могло закончиться иначе: он положил ладони ей возле хвоста, по обе стороны, и даже через тонкую ткань это было такое восхитительное ощущение, что он бессознательно, тихо, грязно ругнулся. Оставалось только уткнуться носом ей под хвост, между лап; он знал, что хочет сделать это.

— Арад, ну ты что? — с испуганным смехом спросила она, ещё не привычная, что самцы — оказывается — могут так делать, что им очень интересно всё то, что сзади; нет, безусловно, она это знала, но так, умом. А знать вот так, вживую — это иное дело; вот, сейчас и пришлось.

— Всё отлично.

— Вот, — что-то достала она, и увернулась от его хватки.

Оказалось, что это небольшая, коричневая бутылка с пробкой, похожей на винную.

Симсана уселась, подоткнув шемизу между лап, да и хвост был между ними; она, безусловно, ещё стеснялась его; а теперь, похоже, впервые смогла толком рассмотреть его, как и вообще увидела впервые увидела льва так близко и в таком откровенном, изначальном виде; он заметил, как она задержалась взглядом внизу его живота и совсем невольно сжала свободную ладонь, сглотнув. Потом посмотрела ему в глаза, не испуганно, но серьёзно:

— Правила помнишь? — вдруг тихо спросила, прямо глядя на него и уж вытягивая зубами пробку.

— Ага, — покачал он головой; его озадачило, что она делает и что такое может быть в бутылке, но видимо, это было что-то действительно нужное.

Симсана разлила на левую ладонь что-то тёмно-желтое, похожее на масло; и действительно, запахло не то оливковым маслом, не то чем-то ещё, но Арад мог поклясться, что знал этот запах. Но — хоть убей — не помнил, откуда и почему. Осторожно задрал шемизу до низа живота, она медленно, тщательно наносила это изнутри бедер, приглаживая только по росту шёрстки, сверху вниз; Арад внимал, изо всех сил, его взгляд приковало то, что обещалось между лапами, но разглядеть нельзя, пока что ему был доступен только намёк; кроме того, хвост, предупредительно зажатый меж лапами, охранял от жадного взгляда.

Так, она вмиг поставила бутылку на комод, плавно и медленно разлеглась по кровати, всё еще держа лапы согнутыми и поджатыми; Арад видел,

сколь она серьёзна, даже сосредоточена, её глаза были закрыты. Лапы она всё так же медленно вытянула вверх, во всю длину; Арад заворожился этим; затем их чуть согнула в колене и скрестила.

Арад всё еще ничего не делал, хоть и не считал себя достойным бездействия. Он видел тело львицы, это было красиво, это завораживало; её экзерсисы, её странный ритуал, её подготовка — пленяли; конечно же, она готовилась для него, это всё назначалось ему, для его действий. Всё. Было. Для. Него. Он вроде готовился, он знал кое-что об Игре, не в деталях, но в общих чертах (хотя стоило бы всем, хвост дери, вдаваться в эти самые, такие необходимые детали!), но сейчас вертелись только простейшие слова, сказанные когда-то другом Крресом: «Она тебе покажет, как готова дать».

Вспоминаются в таких сложных ситуациях только самые простые, самые действенные вещи.

Кажется, всё. Она готова. Она лежит. Или... Или ещё что-то? И тут, как уже потом Арад поймёт, она чуть помогла ему, как и помогала-подталкивала-подтверждала-одобряла всё это время ранее: не открывая глаза, всё так же разлѣгшись, она протянула ему кончик хвоста, разжимая ладонь. На, бери. Играй.

Львица сдалась, очередь льва побеждать.

Арад всё понял. Он даже понял, что именно он должен делать и как именно ею владеть, хотя до этого сомневался, вплоть до того, что от волнения желание начинало тонуть. Теперь оно вырвалось, как вырывается вода из разрушенной плотины. Игра стала полностью понятной. Его победа в ней стала очевидной, и путь к этой победе, до этого столь непонятный, мучительный, напряжѣнный,— стал прямым.

Он схватил её хвост, всё так же проходящий меж лапами и охраняющий хозяйку и её самое тайное, второй придвинул её к себе за лапы, легко, без особой церемонности, как собственность. Он проник между её бѣдер, и это оказалось куда легче, чем ожидалось. Новизна от ощущения чужого — не своего, но чужого — тела, заставила закрыть глаза. Он почти выпустил хвост, но вдруг Симсана не дала этого сделать, схватив его ладонь и потянув вверх — мол, тяни, не бойся, давай, так надо. Арад это сделал, но малосознательно, без особой силы — сейчас он был весь там, внизу, теперь там было всё. Всё нарастало быстро, очень быстро, очень сильно, очень ярко; он уже чувствовал, как неимоверно страшно всё закончится, и даже не мог открыть глаз, лишь цепко, с когтями сжимая левой рукой её скрещѣнные лапы вместе, чтобы она вдруг не вздумала их разжать.

Всѣ очень быстро подходило к концу; огромное, уже давно мучительное напряжение, голод, запах, первая нагая львица, первая львица, которую он схватил за хвост (и не отпустил), все впечатления этого самого лучшего в его жизни дня — давали о себе знать; в последние несколько мгновений он

догадался открыть глаза, чтобы, вдобавок ко всему, рассмотреть её безо всякого стыда, сожрать её взглядом как угодно — теперь он вправе. Симсана лежала на спине (живот открыт, но шемиза укрыла грудь, собравшись многими складками), повернув голову в левую сторону, к близкой стене, возле которой и было их ложе; у неё не только были закрыты глаза, она ещё полузакрылась ладонью, как иногда делают во великом стыде. Она не издавала стонов, таких, какие Арад, по случаю, имел возможность случайно подслушать, ничего такого, даже шумного дыхания не было.

Всё. Сейчас будет всё. Арад весь напрягся со всей силой самца, распрямылся, левая рука сжала её лапы-бедра вместе изо всей силы (и ей уже явно больно, уши услышали вздох боли, но какая разница!), правая натянула её хвост, и хотелось что-то ещё сделать с нею напоследок, и Арад просто взял и укусил её за лапу (несильно, всё-таки смог сдержаться). Но вот в остальном — ничего в мире, ни Ваал, ни Тиамат, ни Нахейм, ни страх смерти — вообще ничего не могло его больше сдерживать.

Дальше помнил только одно: страшное, помрачённое, схожее на сель во время затмения освобождение — долгое, мучительное и такое сладкое. Словно умерев на мгновение, он откинулся назад и в сторону, бросив всё, потеряв жизнь, тихо и совершенно неразборчиво изрёк одно страшное ругательство, стукнулся головой о какой-то огромный, сухой веноч, висящий почему-то у стенки подле кровати, веноч упал. Несколько мгновений он так и сидел, опираясь о стенку, мало что понимая и без интереса наблюдая за Симсаной, и то лишь только потому, что она просто была перед его взором, а не что другое.

Та же, в неподдельном изумлении, наверно, впервые столь явным перед ним, полусидя разглядывала всю себя, запятнанную донельзя и всюду, от низа живота и до шеи, держа ладонь, словно в немом жесте вопроса. «Это вот... так?», — это её немое вопрошение к миру. Верно, она ожидала, что всё кончится чем-то аккуратным, почти приличным, не выходящим за границы её бедер, основания хвоста, межлапья, ну ладно, ещё живота, а не этим полным поруганием. Потрогала себя у шеи, подбородка — там тоже оказались его следы; посмотрела на пальцах, не постеснялась попробовать на нюх, совершенно забыв, что он, хозяин и виновник, тоже здесь присутствует.

Арад чуть отошёл, вернулся потихоньку в мир; расслабленный, уже (ещё) незаинтересованный в ней, но любящий, подкрался к ней на кровати, уселся с левой стороны, дотрагиваясь коленом к её боку. Симсана же, закончив рассматриваться и утерев ладони о шемизу, привстала, очень глубоко и очень сильно вздохнула, и вдруг заехала ему с когтями по морде.

Это было так врасплох, что Арад, привычный к резким движениям и возможным ударам, как и всякий самец, даже не вздумал защититься.

— Мерзавец, — совершенно непередаваемым тоном сказала Симсана, негромко, блеснули её зубы в оскальной улыбке, прижатые уши. Ближе всего он был к тому, словно она, после долгих, упорных раздумий, поняла что-то чрезвычайно важное.

Поражённый Арад так и застыл.

Вдруг Симсана приложила обе ладони ко рту и носу, и блестели только её испуганные, сожалеющие глаза. Потом она быстро пригладила ему щёку:

— Прости, прости Арад... Извини, я... Я просто очень захотела, я всегда так хотела... Я не хотела, я несильно, я втянула когти, почти. Тут ничего, ничего нет, — гладила и тёрла она место удара. — Я не хотела, я так хотела... Ладно? Ты не обижаешься? Ты не злишься?

— Неплохо, — взял он её ласковую, извиняющуюся ладонь и поцеловал; он ощутил на ладони Симсаны свой явственный, сильный запах. — Это что, это так положено, у Ашаи?

— Нет. Это я, сама, — она, наконец, решила перестать прикрываться ладонью. — Это моя такая... штука...

— Если хочешь, можешь ещё.

— Нет, нет. Сейчас уже... не то.

Ещё раз осмотревшись, Симсана подобрала хвост и опустила лапы на пол. Арад вдруг ощутил, что Игру надо закончить нежной волной, и остановил её, взяв за плечо. Поцелуй был совсем иным: не горячечным, не жарким, не жадным и нервным, как прежде, а чрезвычайно мягким, нежным; в нём не было ни малейшего напряжения и фальши. Он прошёлся рукой по её животу, боку, плечу, шее, обнял за ухом.

— Я же там вся... Арад... Ты же меня напортил. Мне надо... Помыться... — говорила она, прислушиваясь к тому, как он, почти не касаясь, лижет ей щёку и под ухом.

— Не иди. Не иди никуда. Я тебя люблю.

Она подумала, поприслушивалась, раз закрыла глаза, обнажив клыки.

— Дай я хоть шемизу сменю, — попросилась.

— Давай, — перестал он её мучить и улёгся.

Симсана встала, отошла куда-то за изголовье кровати. Звук сброшенной на пол одежды, шелест. Он не смотрел, хотя было любопытно; всё-таки она решила спрятаться там, чтобы переодеться, надо это уважить, подумал он, а не повсюду преследовать взглядом. Не голодный-то уже.

— Пить хочешь? — спросила где-то сзади.

— Очень хочу, — ответил, счастливо глядя в потолок. «И есть ещё», — подумал.

Предстала перед ним в другой, точно такой же шемизе, и уже с амулетом наставницы. Она вертелась перед огромным зеркалом, что стояло

прямо напротив кровати. И вот что: начиналось оно от пола и заканчивалось выше доброго львиного роста.

«Странное зеркало, в раме, и просто стоит на полу», — подумал Арад. — «Какое-то оно старое. И место ему странное».

— Как дела? — вдруг спросила Симсана, не глядя на него, а расчёсывая себе шерсть маленькой щёткой, и рассматривая кончик хвоста.

— Лучше не бывает, — честно ответил Арад.

Он было хотел взаимно спросить, как она-то сама, но Симсана, бросив щётку на полку, уже вышла из комнаты, что-то всё поправляя возле уха с большим железным кольцом, и Арад остался сам.

— Сдохнуть можно, — негромко сказал он. Осмотрелся. Вон прямо дверь, туда ушла Симсана. Великие предки, да за что; да она же лучше, чем он себе мечтал о своей первой львице. Как говорят львины его круга, друзья, знакомые: хорошо иметь львёну, львёнку, подружку, подругу, маасси; ну, если местная, своя, свой кровопрайд, то — найсу, найсаграю; эм, ну ладно, ещё: безгривую, игрушку, баловку, вертихвостку, или просто хвостку, а ещё пятихвостку, ерохвостку, вяжихвостку. А ещё: подхвостку. А ещё... ладно, это уже неприлично, ведь о них нужно думать хорошо и приятно, всё-таки они же матери, они ведь жёны, они ведь приносят жизнь в мир, жизнь и красоту, а тут ты, такой пошляк и надменец...

Что ещё здесь есть у неё? Ну, зеркало, вот оно слева, возле стоит комод, наверху на нём почему-то всё одни тарелки и кувшин. Справа, на стенке, возле кровати — три венка, всякого размера, прямо так и висят; дальше, в углу — сухие ветки, травы. Сзади, за ним — снова комод, там щёток штуки четыре, шкатулка, какая-то чёрная лента (толстая), корзина — а в ней всё вата. И ещё пару длинных лент и тканей, всяких. Что-то весьма похожее на Чашу Ваала стояло у подоконника, только вверх дном.

— Сдохнуть можно, — ещё раз сказал Арад, почёсывая за ухом. Его первая подруга: Ашай-Китрах, ученица мастерицы жизни, красавица, стройница (очень, серьёзно). Кажется, из югов она, надо спросить, он даже ни разу не спрашивал, кто она по прайду. Прошу любить и жаловать. Как это всё понимать? Проклятье, дома могут задавать вопросы...

И да, он от Атара слышал, что он добивался от Джулны благосклонности и сдачи на Игру три-четыре луны. Пффф. Смотрите, как надо, даже на первое свидание не успели толком сходить. Так вам, неудачники. Поправил себе подушку, заложил лапу за лапу и ударил стенку. Бам. Поняли, как надо? Это всё он: ум, сила, смелость. И тело — от копья, от Круга, от всего. Красота. Красавец.

Что-то вспомнил, заглянул возле кровати, потом под неё. Вытянул оттуда маленькую, коричневую бутылку. Когда она успела её так далеко

засунуть под кровать, да ещё пробкой закрыть? Открыл пробку, понюхал — ну точно знакомый запах.

И тут зашла Симсана через эту ужасно скрипучую дверь:

— Прости, есть только вода, не очень холодная, — ловко и забавно закрыла она дверь лапой.

— То, что надо, — закрыл он бутылку и поставил себе на живот, на виду. — Слушай, я тебе дверь смажу потом, скрипит страшно.

— Этим? — села она подле, лапы на полу, протянула ему большую кружку, себе оставила поменьше.

— Это масло оливковое, да? — показал он когтем на бутылку. — Им не выйдет.

— Да, масло. Масло, и кое-что ещё.

— Знакомый запах, — отпил он воды.

— Ты что, не знаешь, что это? — хитро ухмыльнулась Симсана.

— Ну... масло оливковое с чем-то ещё, — безразлично пошевелил хвостом.

Симсана посмотрела на него, кажется — с лёгким удивлением. Протянула ему что-то прямо под нос, он отпрянул, она улыбнулась, мол, не бойся; оказалось — вяленая свинина

— Это — олеамор. Светлый. Как его ещё называют — масло любви. Фу, не люблю, когда так говорят, — сидела Симсана, вся повернувшись к нему, кулачок у подбородка, скрестив лапы, и болтая на весу свободной из них. Её хвост — вдоль его бока, кончался возле руки. Он его очень осторожно гладил. Она не замечала. Кажется.

— А, вот оно что. Я то думаю... — принял он от неё ещё вяленого мяса. — Спасибо. Я слышал, он дорогой.

— Да не очень. У нас его завались, Арад, целый бочонок.

— Ого, зачем вам столько? — со смешком сказал он, жуя.

— Как... — удивилась она, взмахнув кружкой. — Мы его с наставницей делаем. Львицы потом приходят и покупают, иногда сюда, но чаще мы отдаём торговке на рынке, за часть.

— О, так у вас такая подработка?

— Ваал, Арад, это исконное дело Ашаи-Китрах — олеамор делать, — сделала она большие глаза, мол, ну чего ты. И забрала у него пустую кружку, уже без воды.

— Прости, я не знал. Ты пойми, у нас Ашаи ни разу в доме не было, — заложил он руки на затылок, и улёгся поудобней. — Ты и наставница — первые, с которыми я вообще заговорил, понимаешь? Кстати, у твоей наставницы взгля...

— Я иногда забываю, что ты — сын судьи, — покачала она головой, вертя кружку в руках. — Папа твой в этом, как его, в Доктрине. Ему так положено.

— Ему так положено, — повторил Арад. — Да...

Прошли мгновения молчания. Симсана дала ему ещё свинины, он было увидел, что кусок последний и рта не открыл. Ешь ты. Но не тут то было: она, как маленькому, просто затолкала. Пришлось жевать.

Арад смотрел на неё задумчивую, в профиль (смотрела прямо, думала). Она была странно красивой; а вот сейчас выглядела прямо повзрослевшей. Он глядел на изгиб спины, скрываемый лёгкой белой тканью, его круглым, хорошим продолжением ниже. У неё всё так правильно, и даже то, что неправильно — всё равно правильно. Какая превосходная у неё статура; худая, да, но как же ей идёт. Он даже подумать не мог ещё пару лун назад, что у них Галлене есть такая экстраординарная львица; наверняка он встречался с нею где-то случайно, и даже он, верно, встречался с её серыми глазами, но даже не замечал и не запомнил. Она всегда ходила по улице в этом простом, скромном платье, в котором невозможно даже приблизительно понять красоту статуры; кажется, в ином он её и не видел. Он начал думать странную мысль, хотя ему всегда хватало наглости и самодовольства: я такое не заслужил. Почему я? Я не заслужил. Нет, заслужил! Она слишком хороша для меня. Да брось. Нет, я серьёзно. Перестань. Ты тоже не последней крови. Бросай это!

— Наверное, если бы твой отец узнал, что мы с тобой... общаемся, то наверное, разозлился...

— Нет, почему. Я уже тебе говорил.

Симсана посмотрела на него, затем забрала у него с живота бутылку с олеамором и спрятала обратно под кровать.

«Если она держала его под кроватью, значит, предполагала, что мы сюда придём?», — вдруг подумал он. Но вслух сказал:

— Сядь поближе, прошу. Что-то покажу.

Она посмотрела в окно.

— Темнеет уже. Скоро наставница всё-таки придёт, а мне ещё помыться...

Затем на него.

— Я тебе только мигом покажу, и всё.

Лапы под себя, села перед ним, ведомая его руками, обнявшими её плечи, хвост подле; очутилась в его объятиях, она спереди, он сзади, на кровати, и впереди — зеркало во весь рост. Они в нём вдвоём.

Арад, дотронувшись носом к её плечу и ощущая, что в нём всерьёз пробуждается желание всё повторить:

— Смотри, видишь, — показал на зеркало.

— Да.

— Мы там вдвоём.

— Да, — странно и грустно молвила она.

— Интересное у тебя зеркало. Прямо тут, у кровати. Так, знаешь, лежишь, и видишь себя в нём. Даже спишь — и снова видишь себя в нём.

Она ощутимо вздрогнула.

«Всякие страшилки ей говорю», — порицательно подумал Арад.

Он сцепил свои ладони с её, ощутил её когти. Повёл её руки вверх, к плечам, накрест — так обнял; лизнул ей шею, затылок, за ухом. Да, вот оно, всё ясно, всё понятно, иногда таки молва не врёт, вот тут.

— Арад... что ты делаешь... — он телом ощутил, что она вся растекается по нему, просто вся мягчает, просто течёт по нему. — Мы же так не сможем... не прекратится... Она ведь ждёт, — приложила широко расставленную ладонь к мордочке, глаза закрыты, загривок покоится на его плече. — То есть, она придёт скоро...

— Ты самая красивая львица.

Этот запах. Его когда-нибудь может быть достаточно?

— Ты меня заговариваешь.

Повернул её голову, очень легко, очень нежно, за подбородочек.

— Ты самая красивая Ашаи.

— Неправда, — из последних сил сопротивлялась она, но оказалась поцелована. — Мучитель. Ты меня лжёшь...

Он отпустил её, посмотрелись оба в зеркало снова, не сговариваясь. Он, да что он — обычный львина, счастливый и самодовольный, наглый победитель, пользующийся всем, чем только можно пользоваться, ну как все кругом, смотреть на себя уже не мог, аж тошнит; но вот она, какие у неё сверкающие глаза, огненные, огонь Ваала, вся им разбуженная, растревоженная, вся им охваченная, мокрая от его поцелуев, и даже раз укушенная за лапу, и...

— Много крови, больше крови. Много крови. Больше крови, — вдруг молвила она, отдельно, чётко.

Что бы это ни было, это было и любопытно, и приятно, Арад не возражал.

— Я забыла сказать, когда всё закончилось. Прости, мне впервой.

Мгновение он осмысливал, о чём она говорит, а потом понял. Да, конечно, всё он знает: львицы-Сунги после говорят львам-Сунгам всякие слова, так принято, так правильно, это часть сунгмары; правда, он думал, что не в Игре, а только после настоящего соития. Оказывается, вот как. И в Игре говорят. Ну, ей виднее. Львы молчат, это львицы после этого должны говорить. Ей видней.

И он почти признался: «Мне тоже впервой». Но, конечно, не признался. Вместо:

— Придётся всё заново повторять.

— Ах ты нахал! — сказала ему, посмотрев на него, чуть отпрянув, глаза сощурила, ах злая. И снова заехала ему по морде, не сказать, чтобы уж больно, но ощутимо так.

Арад понял, что у неё что-то с этим есть, что-то связано, нечто тайное, вот прямо как у него — всегда хотел уткнуться львице сзади, меж лап; что-то она находит в этом любовном восстании, сопротивлении самки. Провокация. Да, она его провоцирует.

Симсана уже не оправдывалась, не извинялась, а только глядела из глаза в глаз: что скажет, как поведётся?

Он просто почесался, и сказал:

— Показать настоящее нахальство?

Ха, как же. Так она тебе и ответила. Смотрит.

Араду кое-что пришло в голову, одна пошловатая штука, но он всё же не решился. На потом. И так сегодня завоевания превосходят все мыслимые и немыслимые ожидания. Какой день! Какой день...

Он отпрянул, улыбаясь.

— Живи.

— Арад, и оденься, — вспылила она, — ты меня смущаешь.

— Лучше ты разденься, и будем себе вместе.

— Вот, най, я же говорила. Нахал. Ты, ты... — очень убедительно возмущалась она. — Кроме того, я сегодня пыталась, но ты мне не дал, набросился на меня. Так что я не виновата. Буду вот так.

— Всё просто: следующий раз я сам всё сниму. И сам посмотрю на всю тебя, — закрыл он глаза от удовольствия.

Она встала, снова сощурила глаза, тыкнула ему пальцем в нос:

— Ха! Это мы ещё посмотрим, — прошлась к двери. Обернулась: — Может, ты его и не заслужишь.

Прошла снова, надела амулет наставницы; теперь уже она его не прятала. Посмотрелась с ним в зеркало, скрестила руки, стала чуть боком, поднялась на кончиках лап, на самых когтях, считай. Постояла так, что-то себе надумала, сняла амулет и поставила обратно.

— Идём, темно уж.

Разумно. Арад встал, получилась заминка с одеванием и всем этим, он никак не мог найти всего по полу, что там оставил. Наконец, оделся, они вышли из комнаты; уже весьма темновато, поэтому она предупредила:

— Осторожно, тут ступеньки крутые.

Сошли в главную комнату, Симсана зажгла лампу, пяток свечей. Принесла ещё воды, пока он медленно ходил возле пресловутой огромной кровати в центре комнаты, изучая.

— Слушай, зачем кровать посередине?

— Комната большая, кроватей надо иметь побольше, вот и стоит. Да и традиция как бы. На, пей.

— Спасибо.

Смотрели друг на друга одним глазком, когда пили, и вдруг начали прыскать со смеху, как совсем маленькие.

— Да не смей ты!

— Я ж ничего не делаю, Симси, — утёрся он, и одновременно ей моргнул.

— Ничего он не делает... — забрала она кружки, и завела руки за спину. Повертелась чуть на месте, хвост ударился о кровать.

— Я не буду в предвхожую идти, ладно? Выйдешь сам? — начала она.

— Мне и убраться надо, и мыться, всякое. Долго... Наставница...

— Нет проблем. Так я завтра зайду? — он обнял её за талию.

— Завтра? — даже удивилась она, положив ладонь ему на плечо, как в танце.

— Так ярмарка завтра. Давай сходим. Пожалуйста. Просто вдвоём будем ходить по ней.

— Надеюсь, наставница отпустит. Может не отпустить, — всерьёз задумалась она. — А то прямо два дня ничего не делаю, так не бывает.

— Я её сам упрошу, — уверенно сказал он.

— О, ты её не знаешь, — облизалась Симсана.

— Ты меня не знаешь.

Он прижал её к себе, она — обвила его за шею. Пару раз его потрясла, так держа, точнее, попыталась потрясти — попробуй его расшевели руками львицы. Странноватый, приятный жест — словно Симсана пыталась убедиться в реальности Арада.

Поцеловались, очень осторожно, словно опасаясь друг за друга, что обожгутся.

— В следующий раз... не кусай так больно за лапу, ладно? — говорила она, с ещё закрытыми глазами. — Или кусай, толь... не так сильно.

Как же превосходно хорошо он услышал самое главное: «В следующий. Раз». Дотронувшись к её уху с кольцом, поиграв с ним чуть, ответил:

— Хорошо. До свидания, Симсана.

— До свидания, Арад. Пока. Иди осторожно.

Он усмехнулся: тоже мне далёкая дорога. Зашёл в коридор, одел кнемиды, снова заглянул к ней в комнату — всё так же стояла, ждала.

— Выйдешь сам, откроешь?

— Не волнуйся. Я лучший открыватель дверей в мире.

— Пребудет с тобой Ваал, сильный Сунг, — вдруг торопливо молвила она.

Заметив в его облике явное замешательство, поспешила добавить:

— Так надо, если покидаешь дом Ашаи. Или если Ашаи покидает твой дом. По Кодексу.

— Что отвечать надо? — почесал нос Арад, глядя исподлобья.

Он так иногда делал. Ещё ждал, когда вырастет грива, чтобы застилать глаза, и тогда он будет смотреть «из-под гривы», как говорится; слышалось, львицам такое нравится.

Кажется, вопрос застал её врасплох.

— Эм... «Спасибо», или там «пока», «до свидания». Что угодно.

— Спасибо, Симси, лучшая львица мира.

И, прижав уши, чтобы не слышать возможный ответ, возможный протест, возможный вопрос, возможную благодарность, и вообще всё возможное — решительно открыл дверь дома, в холод вечернего воздуха и мир вечерних звуков, и плотно закрыл её.

Спереди — забор, на нём уже бессильно, не имея места, вьются плющи. Справа — дорожка, ворота, дальше направо и можно идти домой. Слева — дорожка, рядок сосен, потом — поле. Он зашёл вот через него, что было глупо, ведь и так заметят. Теперь тем более нет смысла. Но из некоего чувства последовательности решил выйти через полевую сторону. Разницы, считай, нет, в конце-концов.

И тут он кого-то заметил, слева — прямо на широкогрубой, с огромными деревянными досками скамейке, у стенки дома. Там кто-то сидел. Это невозможно увидеть, если выходишь из дому. Невозможно, если пойдёшь из дому вправо. Только если пошёл влево, заглянув на северную часть дома.

Ваалу-Миресли. Она спала. Арад подошёл, посмотрел. На миг подумал, что ей плохо. Скрестив лапы, скрестив руки, укрывшись большой накидкой, как обычно делают, если зябко, она спала, прильнув к деревянному торцу угла дома.

— Ваалу-Миресли? — почему-то громким шёпотом обратился к ней, словно боясь разбудить что-то очень сильное и древнее.

— А, это ты, Арад, — мгновенно проснулась она, словно бы и не спала. — Ну как, сходили, куда хотели? — потёрла глаза.

— Если честно, — сел рядом Арад, — мы никуда особо не ходили. Ваалу-Миресли не замёрзла?

— Да в мастерине, в этом платье, — побила себя по лапам, — попробуй замёрзни. Нет, мне и спалось ничего, пока ты не разбудил. Кто же мог додуматься, что ты полем решишь пойти, а не как все — на дорогу, — простецки почёсывала она ухо.

— Простится мне. Я заволновался о превосходной.

— Что, правда? Ты же анваалист, — посмотрела на него.

— Нет, какой же я анваалист, — развёл он руками, чуть прижав уши. — Мой папа в Доктрине, а я — обычный Сунг. Почему превосходная так обо мне подумала? Это что, шутка? — засмеялся он.

Смех прозвучал среди вечера крайне одиноко.

— Естественно, я пошутила, — смертельно серьёзно молвила Миресли.

— Шутка такая дурацкая у Ашаи-Китрах.

— Аааа... — протянул он.

— Ну как, — потёрла нос Миресли, — удачно куда-то не сходили?

Он решил быть таким честным, настолько честным, насколько это возможно.

— Да. Очень.

— Ты победил? — толкнула его, ладонью.

— Да, — кратко согласился Арад. А потом решил похвалиться: — Победа, по всей ней. От лап до ушей, — провёл рукой. — Симсана удивилась, как много.

Ваалу-Миресли поглядела кругом, будто опешив или убеждаясь, что кругом никого нет.

— Хвостощуп. Хвастун, — говорила, не глядя на него. — Конечно, удивилась, раньше ей не досаждали такие кабанчики, как ты, — скрестила она руки и посмотрела вперёд.

— Хвостощуп — это хорошо или плохо?

— Странно, что не спрашиваешь о хвостовстве и кабанчике.

— Хвостовство не так уж и плохо. Кабанчики вкусные.

— Да хотела бы сказать, что плохо, но знаешь ли: или хвостощуп, или ничтожество. Понял, ерохвост?

— Понял, великая превосходная, — почтительно кивнул он.

— Да, тебе хвост в зубы не давай. Ты даже ироничен, хотя должен быть испуган. Ты вообще направо должен был идти, что с тобой не так?

— И не увидит превосходную Ваалу-Миресли?

— Мирно спящую себе под своим домом.

— Я заволновался. Я не хотел причинить плохого для Ваалу-Миресли, наставницы самой лучшей в мире Ашаи-Китрах — Ваалу-Симсаны.

— Мне это ей передать? — встала она.

— Не стоит, я уже ей сказал, что она — лучшая львица мира.

— Лжец, льстец, — отряхивала себе платье, осматривалась. Очень простые манеры.

— Да, это так. Но и о Ваалу-Симсаны — всё правда. Я очень благодарен сиятельной за неё, она лучшее, что случилось в моей жизни за пятнадцать лет.

— Не слишком ли рано ты делаешь такие огромные выводы? — пома-
нила его пальцем, мол, пошли.

Он встал, пошёл за ней. Направились, как ни удивительно, в поле, хотя там ничего не было.

— Пятнадцать лет, чтобы сделать выводы? Это малый срок?

— Нет, ты знаешь её всего пару лун, а сегодня пришёл на первое свидание. На котором взял всё, что хотел, — почему-то она обвиняла в этом его.

— Второе свидание. Только пусть Ваалу-Миресли не винит её, ей было проще всё отдать, нежели сопротивляться.

— Так ты её принудил? — оживилась она, наострила уши.

— Да. Я же кабанчик. Я бросился на неё, когда она пила вино из чай-
ника.

— Ты ещё, может, и насильствовал? — приложила ладони к щекам.

— Укусил за лапу. Кажется, до крови.

Миресли нахмурилась, несколько раз хмыкнула, а потом снова толкнула его ладонью в плечо:

— Арад, признавайся, кто тебя научил говорить со львицами? Не отец же, я не поверю.

— Нет, не он. Двоюродный брат мамы. Наверное. Пользуясь случаем, хотел бы узнать: что любит сиятельная Ваалу-Миресли?

Вышли на одинокую дорожку в поле. Вокруг — никого. Только вдалеке дома.

— Что люблю? Да много чего. Вот люблю, когда не болит спина. Люблю, когда просыпаешься рано утром, и за окном — дождь, очень сильный, и знаешь, что ещё можно поспать. Люблю печёнку, — закивала она, делая левой рукой затейливые круговые жесты, правая же поддерживала локоть. — Много лет назад подруга по дому в дисциплинарии за это меня возненавидела — запах не могла переносить. А я не могла без неё жить. В итоге у меня не стало подруги, и появилась другая. Она тоже меня возненавидела, но мы как-то ужились.

— А что ещё? — легко пнул Арад камешек. — Всё это не очень подходит, а мне превосходной надо что-то подарить, чтобы она завтра отпустила Ваалу-Симсану на ярмарку, — и посмотрел на неё, искоса. — Я печень тоже не люблю.

Та отрицательно закивала.

— Тебе овцу покажешь, так ты и стадо сожрёшь. Завтра дела, нет, нельзя. Никакой тебе Симсаны.

— Мы действительно гулять пойдём, мы недолго, я обещаю, — приложил он руку к груди. — Просто на ярмарку. Видит ли сиятельная, сегодня я зашёл так...

— Как «так»? Луночислом ошибся?

— Нет, — побил он ладонь в ладонь, — не вытерпел. В смысле: захотел увидеть.

— В смысле: не только увидеть, — поглядела она в сторону дома. — Посмотрим. Видел хаману Ульру? Если завтра не придут от неё, что схватки пошли, то... я подумаю.

— Спасибо, превосходная Ваалу-Миресли. Так какие подарки уместны для Ашаи-Китрах? — хитро спросил он.

— Тысячи две империалов золотом — неплохо для начала. Новый красивый пласис, я всё зелёное люблю, в зелёном мотиве. Подвески серебряные, если хочешь — венец, только сам не выбирай. Чашу Ваала с гравировкой. Кольца на хвост. А, да, ещё я давно ванну хочу вместо бочки в балинейной. Точнее, рядом с ней.

Арад притворился, что думает, прикидывает. Пели сверчки. Она поглядела на него, серьёзно, а потом заулыбалась, замотав головой.

— Превосходная не подскажет, где таким, как я, дают займ?

— Таким пройдохам, как ты? Ладно, слушай сюда, вот что я тогда тебя попрошу, раз ты так хочешь меня задобрить. Во-первых, подари кое-что не мне, но Симсане.

— Так, — оживился он, весь внимание. — А что она любит?

— Не что, а кого: знаешь, она, как все мы — львицы любят львов. Будь просто самой лучшей первой симпатией... стой, не так, давай искренне — первой любовью. Будь таким, ну прямо ах. Просто чтобы все умерли от зависти, и я в том числе.

— Это... А можно вернуться к варианту с обручем на голову, или там кольцам на хвост?

— Надеюсь, это была шутка? — Ваалу-Миресли изобразила воистину уничтожающее возмущение. Как заходили её уши, надавил взгляд, изогнулась линия рта в презрении, обнажая клыки.

«Ничего себе», — подумал Арад. — «Вот это эмоция».

— Естественно, я пошутил. Шутка такая дурацкая, у нас... у... как это, щупохвостов, — виновато заулыбался он, и на всякий случай отскочил на шаг.

— Да хвостощупов, Ваал мой.

— Извинения. Я отмечу, что у огненной вполне наш говор, но иногда эти слова... — попробовал он увести разговор.

— Яамри. Яамрийка я, — крутнулась она на месте, намекая на известный яамрийский танец.

— А, отвига Империи, страсть Империи, — поддерживал он увод темы.

Ваалу-Миресли посмеялась. «Эх, такую не зальстишь», — подумал Арад.

— Я тебе откроюсь, Арад, как бы в аванс: будет у меня к тебе серьёзная просьба, но потом.

— Потом — это когда? Почему не сейчас?

— Я должна увидеть тебя получше.

Её походка плавнела, её жесты делались всё выразительнее, язык тела — всё богаче. Арад начинал немного теряться. Настоящая иллюзия, что среди ночи куда-то идёшь с какой-то высокородной особой, по недоразумению или трагедии облачённой в это угрюмое шерстяное платье.

— Преподобная должна...

— Арад, умоляю, только не означение «преподобная»... Я его ещё со сталлы ненавижу.

— Ой. Я не хотел, — прижал он уши, извиняясь.

— Ничего, продолжай.

— Ваалу-Миресли должна мне доверять, чтобы обратиться с этой просьбой?

— Да.

— Понимаю. Тогда, чтобы превосходная знала обо мне больше и могла решиться, должен признаться: меня уже две Ашаи-Китрах уличили в очень плохой вещи.

Миресли наострила уши.

— Какой?

Он смотрел на неё, не отвечая.

— Арад, я не умею читать мысли. Я умею видеть настроения, это иное. Эмпатия так не работает. Почти...

Он покрутил родовой перстень.

— Я — анваалист, — остановился он.

— Так... продолжай... Или всё? — развела она руками.

— Пока всё.

— Какой кошмар, — пригласила она идти дальше. — И кто же тебя уличил?

— Одна дисциплина, Ваалу-Арасси, позавчера, она была проездом в Галлене. И мастерица жизни Ваалу-Миресли, сегодня.

— Какая у тебя в жизни полоска пошла: не было, не было, и на те — одни Ашаи кругом, — возмущённо сказала она.

— Верно. Это точно, — живо согласился Арад, и даже задумался об этом.

— Я думаю, тебя не только мы с Ваалу-Арасси уличили, были ещё, но как видишь, ты себе жив-здоров. Кому какое дело.

— А Палата? А охранение веры? — осторожно спросил он.

— Это дело Империи. Ашаи не проповедуют. Это несущественно для меня, Арад, не беспокойся об этом. Я-то думала, что тебя Симсана уличила, — засмеялась она.

— А что будет, если она узнает?

— Не знаю, — пожалала плечами. — Попробуй сказать.

— Я не хочу ей причинить боль, или обидеть. Она решит, что я плохой Сунг.

— Какой же ты, как кот, что грызёт колючки. Знаешь, что анваализм — очень плохо, сам же сказал, и всё равно грызёшь. Да она узнает, рано или поздно. Или притворись обычным, нормальным Сунгом, чего тебе.

— Я как-то даже не думал, что будет, если она узнает...

— Ты влюбился в подрастающую жрицу Ваала, не веруя во Ваала. Как это романтично, Ваал мой, — даже счастливо вздохнула она.

Арад вдруг испугался. Неосторожность. Какая же беспечность.

— Пусть мне простится, Ваалу-Миресли. Я наболтал лишнего. Головокружение от успехов, самоуверенность... — очень виновато прижимал он уши, поникал головой. — И мой отец, он вообще об этом не знает, об просто в Доктрине, но он уважает исконную веру Сунгов, как никто. Никто обо мне не знает. Я начитался книжек.

— О, безусловно, я в этом совершенно уверена, конечно же, твой отец просто в Доктрине. Видит Ваал, что я это знаю.

— Я честно говорю, — попытался он.

— Конечно. Я знаю это. Только ты, вот такое вот укатившееся яблочко от яблони. Сбежавший поросёнок.

— Почему тогда сиятельная позволила встречаться с Ваалу-Симсаной?

— Она тебя выбрала, — пожалала плечами, объясняя что-то совершенно очевидное, — ты ей понравился. Ашаи должна уметь выбирать, это часть её обучения.

— И как, она умеет? — очень заинтересовался Арад.

— Вот и поглядим.

— Её отношения со львами, вообще, личные отношения — тоже часть обучения Ашаи-Китрах?

— Безусловно. Конечно. Ещё как.

— То есть, всё дело в этом? Пришёл час ей научиться... встречаться со львом... ладно, не так... сыграть в Игру? И вот, она подыскала того, кто годен?

— Это так пошло, Арад, что я просто спишу это на твою молодость. Конечно же, оно не так работает, — кажется, она была серьёзна в своём порицании.

— Я прошу прощения. Я ещё не знаю, как всё работает.

— Не проси, перестань. Не оправдывайся, — нервно сказала она, то ли в деланном раздражении, то ли настоящим. — Хуже делаешь.

Он обратил внимание на вот что. С Ашаи-Китрах невозможно было определить, какие эмоции — подлинные, а какие — нет. С обычными всегда получалось хоть как-то это измерить, определить, внутренний компас кое-как работал. Тут он просто бешено крутился.

— Хорошо. Сказал, как умел.

— То-то, — взъерошила ему гриву.

— Просто вот в чём дело, превосходная, и это я действительно спрашиваю, прямо искренне. Тем более, у нас всё так быстро получилось... И олеамор под кроватью.

— И олеамор под кроватью! Арад, как это в борьбе называется последнее предупреждение, если нарушаешь правила?

— Петух, — обескураженно сказал он.

— В самом деле? — удивилась она, но потом облизалась, и продолжила: — Вот тебе большой такой петух. Ты посмотри на него! Быстро сдашься — недоволен. Долго будешь водить его за нос — недоволен.

— Понял.

— Значит, смотри: львицы никого не подыскивают. Их находят. Мы всегда стараемся, чтобы нас нашли, но находите вы. Потом смотрим, и так: тот нет, тот нет, ой фу, тот нет, хм, вот этот... О, этот может быть. Вот, и ты просто ей понравился. Ты к ней подошёл, вы где-то встретились, ты заинтересовал. Она ответила. Такие вот правила. Ты ей оказался интересен, и она решила позволить тебе вести события вперёд. Потом, когда ты уж её сцапал и не даёшь житья, то соглашается на Игру, чтобы утолить твою манию.

«Да не цапал я её, не так всё было», — подумал Арад. — «Всё даже спокойно. И к стенкам её не жал, как Джулну. Кстати, надо будет попробовать...»

— Манию? Почему сразу манию. Звучит как-то странно.

— Конечно, это одержимость, — уверенно сказала Ваалу-Миресли. — Мания, жажда, кипение крови в твоём возрасте. Ничего об этом не слышал?

— Читал.

— Шутник. Ну вот, чтобы ты не перегрелся от своей крови и не наделал тупостей, она и соглашается поиграть. Вот посмотри на себя, как ты чувствуешь? Хорошо, уверено, задорно?

— Отлично — полностью согласился Арад.

— Видишь. Есть разница между «до» и «после»?

— Совершенно пропасть, — согласился ещё раз.

— Видишь. Всё делается для тебя, — с укоризной сказала, и Арад вдруг подумал, что это не укоризна, а может что иное. — Львицы-Сунги делают

тебе уступку из любви, чтобы ты стал лучше. И ты обязан становиться лучше. Обязан.

— А как же вы? Что, львицам не в удовольствие играть? Это как корову подоить: нужно, полезно, скучно?

— Знаешь, я думала, что всё слыхала — до этого момента. Ты действительно интересный львина. И вопросы у тебя, мням, интересные. Корову... Не беспокойся, нам и хорошо, и любопытно. Но не так, как вам, интерес не того качества, не того количества, и вообще — даже не сравнивай, мы слишком разные. Мы чувствуемся по-иному, чувственность у нас иная. Всё иное.

— А какая? — заинтересовался Арад, не упуская возможности. — Вот что делать, чтобы вам было хорошо?

— Любить. И не стесняться показать свою любовь. Мать-Ахлиа лупит хлыстом стеснительных львов, когда те наконец сдыхают после своей скучной жизни. Делай с ней всё, что считаешь нужным — не забыв о правилах; она почувствует твою любовь, и именно это ей и нравится — чувствовать твоё желание. Не думай много о ней, и не очень манерничай, веди, мы не такие неженки, как ты думаешь. Знаешь, если львице нравится лев, то ей нравится давать то, чего он хочет. Но я тебя обману, если не скажу больше. Тебя львицы еще много раз обманут в твоей жизни, и много раз обман этот будет во благо, а не зло, поэтому знай, что и нам нужна ваша жажда. Мы вам нужны, но и вы — нам. Такой вот секрет.

— Нехитрый секрет, но спасибо.

— Ты чего, хочешь советов похитрее? — очень удивилась она. — Такие тебе скучноватеньки?

— Очень хочу, сиятельная Ваалу-Миресли. А будут?

— Советы для Игры или для отнош...

— Игры, — мгновенно выстрелил Арад.

— О, Ваал. За ушами лижи. Только много и долго, понял? Не чуть-чуть, чтобы отметить, а работай, — потянула его за ухо. — Вот когда из неё пойдут мурлыкающие стоны, тогда вот можешь считать, что получилось.

— Ясно.

— Отлично, — оглянулась Миресли, а потом посмотрела на небо. — А потом лезь туда.

— Куда «туда»? — он тоже поглядел вверх.

— Под хвост, Арад. Под хвост. Сзади, спереди — как тебе нравится.

Он задумался.

— Нельзя в Игре лезть под хвост! Совершенноле...

— Ты не этим своим лезь, — и она точно, безошибочно дотронулась к этому, и такой ловкости Арад прям удивился, — а вот этим, — почесала его по носу. — Лезь туда лизаться, понял?

— А... — наверное, выглядел он глупо.

— Не надо пальцами, руками, когтями, хвостами, чем-то другим, — очень настойчиво говорила она, — и слушай что я говорю, ибо говорю один раз. Только мордой суйся туда, — подёргала его за морду. — И тебе полезно, и ей хорошо.

— Мне? Мне полезно?

— Запах львицы хорош для львов, особенно в твоём возрасте. Сильнее будешь, будешь правильно расти. Даже поумнеешь.

— Я уже понял, что он какой-то особенный, — серьёзно сказал Арад. — Я бы его ел или покупал в лавке.

— Так вот, вот там — совсем особенный. Там купишь и наешься.

— А она даст? — с подозрением спросил Арад. Рисковая затея.

— Лезь, я сказала. Сделай это, — приказала Ваалу-Миресли. — Ты лев, или кто?

— А если скажет «не надо»? Я вот попробовал руку...

— Я тебе что сказала: рукой не лезть! — отчаялась Миресли. — Забудь за руки. Туда не суйся руками, лапами, хвостами, ничем, кроме своей чистой морды.

— Но она всё равно может протестовать.

— И это будет в двух случаях, если она уж с тобой улеглась: или она стесняется, или ей надо помыться. В первом случае не обращай внимания, разбить лёд можешь только ты, она — нет. Если совсем никак, то подожди и попробуй в следующий раз, у некоторых есть такой, знаешь, штук в голове, — постучала она себе меж ушей. — Во втором — пойдите помойтесь вместе, только ради крови предков, не говори ей «пойди помойся», ты её просто этим уничтожишь. Если мыться не выходит, то или отложи всё до лучших времён, или лезь. Разберёшься, но лучше лезь. Наглецов мы по морде лупим, но подле них сидим.

— Ладно, — осторожно допустил Арад, пытаясь определить последовательность действий, сложить план. — Я залез. Что делать?

— Лёд в Пору Вод лизал?

— Ага.

— Вот. Только это и делай. Не кусай, не грызи, вообще ничего, только лёд между лап, как в той поговорке о северянках. Чем легче, тем лучше. Повтори.

— Чем легче, тем лучше. И ей понравится? — с жадной надеждой спросил он.

— А ты попробуй, увидишь. Всё, теперь ты знаешь больше, чем почти все львы в Галлене. Вот тебе советы похитрее.

— Спасибо, Ваалу-Миресли. Мне кажется, что всё это очень полезно.

— А то.

— А это разрешено по правилам Игры, правда?
Она поглядела на него, ухмыльнулась.
— Тебе таки нужно, чтобы в Родовом Законе писалось: «И позволено доброму юному Сунгу лизать добрую юную Сунгу...»
— Я понял. Спасибо, — поторопился Арад.
— Пожалуйста.
Она указала пальцем — идём назад, к дому. Потрогала ему нос — проверить, не замёрз ли, так ему не раз делала мать.
— Она ведётся, как львица, ты ведёшься, как лев — все получают удовольствие. Вот такая игра. И никогда не обсуждай этого с ней, вообще.
— Что именно?
— Правила игры между полами. Просто будь собой, она будет собой; вы будете играть свои роли, это игра, но в ней и зарождается искренность, любовь, доверие. Поменьше болтовни, побольше знаков. Она будет общаться с тобой на одном уровне болтовнёй, а на другом — знаками, и они — важнее. Не переживай, они подстроены под тебя, ты их поймёшь. Мы очень любим внимание, повнимай ей.
«Я думал, меня Ашаи убеждать в истинности веры будут. А тут — лижи ей лёд под хвостом. Дела. Весёлые они».
— Сиятельная Ваалу-Миресли таки готовит меня стать лучшей первой симпатией?
— Какой ты прозорливый.
— Спасибо за советы, — приложил он ладонь к груди, полушутя, полусерьёзно.
— Моё служение, — скорее всего, Миресли не шутила.
— Служение? Как же это связано со служением Ваалу?
— Ашаи-Китрах отвечают за помощь в продолжении рода у Сунгов, Арад. В том числе мы отвечаем на такие вот вопросы: «А что делать со львицей в Игре, чтобы из неё выдавить мурлыкающий стон?».
— Серьёзно?
Она только ухмыльнулась, и махнула на него рукой.
— Я и не знал. Я думал, Ашаи просто служат Ваалу, как бы жечь огонь, ну ещё сделки заверять, ну больницы...
— Служить Ваалу — это служить Сунгам. Всё, ты меня вымотал. Иди уже спи, ты же не заснёшь, у тебя сегодня день, как у некоторых — год.
— Это точно. Доброй ночи, превосходная Ваалу-Миресли.
— Спокойной ночи, Арад. Слушай, не болтай зазря о том, что мы говорили, ладно? А то я буду стесняться, уши будут прижиматься, мне будет некуда деваться, на улицу придётся не соваться.
— Всё сгорит со мной на тофете, — провёл он себе рукой по шее.

Арад даже не помнил, как дошёл домой по уже, считай, ночи.

Вышла их служанка-дхаари, Седеси (полное имя её было настолько длинно, что не умещалось в один ряд даже убористого письма), всегда болеющая львица уже гаснущего возраста силы, крупная и совсем темно-серая.

— Хозяин Арад, сегодня долго.

— Обещался к знакомому зайти, дела, — дал он ей кнемиды и пошёл мыть лапы. — Тяжёлый день.

— Оу, оу, — соглашалась Седеси, — оу. Хозяин Арад будет есть?

Арад подумал, глядя на маленькую кафнскую пальму в прихожей, что мать достала у кого-то за какие-то неприличные деньги, и отец по этому поводу ворчал.

— Буду, много.

— Оу, это хорошо, все ужинали без хозяина, но есть много всего. Араду накрыть в столовой?

— Нет, я на кухню пойду, всё на кухне, чтобы быстро.

— Быстро, это хорошо, быстро.

Как только они вошли на кухню, туда же зашла мать в домашнем платье, со счетами и лампой.

— Седеси, ты иди спи, я ему сама дам.

— Да, хозяйка, добраночь, Арад.

— Доброй ночи, — уселся он за кухонный стол, забрав со стула тазик.

Мать поставила счёты и мучилась с лампой, сняв её с потолка. Арад и себе зажёл лампу на столе.

— Никак не могу досчитаться, — ворчала она. — Счетовода нанять, что ли... Ты говорил, что свинью зарежешь. Я поэтому чернолапца сегодня не нанимала.

— Разве? Я забыл, мам. Дарзай мог бы зарезать.

— Он ещё мал. Да и его тоже до вечера не было, еле к ужину приполз. Все поразбрёдаются, потом вас попробуй покорми, — злилась она.

— Он не мал, ему двенадцать уже, — насмешливо сказал Арад.

— Грива начнёт расти, тогда и может резать. Ты тоже что-то припозднился.

— У меня дела были, — быстро сказал он.

— И что, какие дела, где бывал?

— Да что там... Сначала к Атару зашёл, его не было, правда. Потом — мастер советовал пойти на строительство одного дома, посмотреть. Из гимназии знакомого встретил, в центре. Потом ещё в одно место заглянул. Такой вот день.

— Ты к мастеру чего не ходишь на занятия? — спросила Эвсуга.

— Он мне дал дней семь погулять. Ещё у нас есть задумка поехать в Муур, покататься на фирранах.

— Да-да. Только не на Цайке. Она больна, — вздохнула мать.

— Что с ней?

— Не знаю. Должен придти врачеватель, посмотреть. Я давно говорю папе, что две лошади нужны, а не одна. Най, не разоримся, — махала ложкой мама. — Там ещё свинья эта верещит, тобой не резанная, мешает ей. Седеси дала ей поесть, но она всё равно кричит.

— Мам, утром встану — всё сделаю.

— Какой-то ты серьёзный весь, — сощурилась мать на него.

— День тяжёлый. Устал.

— Читать ещё будешь?

— Точно не буду. На сегодня новых знаний хватит.

Мама повела ушами, побила ложкой о посуду. Потом подошла, наложила ему есть, и села напротив.

— Раз ты такой серьёзный, то есть для тебя новости.

— Какие? — взялся он есть.

— Через дней так двадцать, это будет — как раз начнётся Пора Вод — должна приехать Мальструна-Ленайна, — заговорщически сказала мама.

— Ленайна? — жевал он. — Она у праматери в Марне. Так я это знаю.

— Мы сегодня говорили с её мамой, там, в общем... Я тебе пока этого не говорила, — мама говорила тихо, — папа ещё не знает, всё ли получится, но смотри: мы передали с ней письмо в Марну одному папиному знакомому, который служит в Регулате Закона и Порядка, на серьёзной должности. У него серьёзный чин, — мама говорила всё тише. — Этот папин знакомый имеет очень хорошие связи в Марнском университете, а также — представь себе — знаком с праматерью Ленайны. Он сможет сделать тебе очень солидную, приватную рекомендацию.

— Ого. Звучит хорошо.

— Ещё как, — закивала мать. — Возможно, он даже приедет сюда, по какому-то делу, и тогда наверняка захочет с тобой пообщаться.

— Да? Хорошие новости.

— Очень. Знаешь, мы, наверно, в гости пригласим род Инсаев, когда приедет этот марнский чиновник. Отца, маму, Ленайну. Если всё выйдет, ты будешь ей обязан.

— Ленайне? За то, что повезла письмо? — живо уплетал он, смотря то на неё, то на тарелку.

— Най, ей.

Арад сделал очень задумчивую мордашу, закачал головой, многозначительно нахмурился.

— Понимаю.

— Вижу, тебе нравится.

Мать страшно любила, если хвалили домашнюю еду.

— Да... — Арад сегодня забыл отдать комплимент. — Это, мама, очень хорошие новости, — откинулся он на кресле.

— А тебе она нравится? — вдруг спросила мама, сложив пальцы вместе.

— Что? Еда? — смотрел он на мать некоторое время, а она — на него. — Ленайна? — переспросил с нажимом. — Мы с ней должны познакомиться поближе, — поднял мизинец вверх и взял себе ещё томлёного кролика.

— Вот и познакомитесь, — пристукнула она по столу, словно решив дело. — В конце-концов, вы не раз виделись, вы же вроде знаете, немножко? Как она тебе, вообще, есть впечатления?

— Да. Да. Маасси как маасси, они, мама, все похожие. Но совсем наша, чистая найса. За характер не очень знаю. Вроде весёлая такая, — вилял он вилкой, туда-сюда, весёлая-живая. — Хотя на свадьбе со мной рядом сидела — угрюма. Может, случилось чего. Ну, это давно было.

— Вот именно, чистая найсаграя, прекрасной крови, — улыбалась мама. — Как твоя мама. Как твоя мама Эвсуга, и твоя прамама Эвсуга, и прапрамама Эвсуга, и так далее, и так далее, до шестого хвоста. И род её вполне достойный. Хорошее денежное достоинство, — отметила.

— Ну, — жевал Арад, — разберёмся, мам.

— Конечно разберётесь. Ну, ты ешь и иди спать, а я пошла.

— Доброй ночи, мам.

Мама обняла его сзади и поцеловала его меж ушей, а потом похлопала по плечу; так всегда, если у мамы хороший настрой. А потом действительно ушла, не забыв забрать счёты.

Арад сидел, крутя вилку в руке. Почесал когтем нос. Снова кручение вилки.

Иронически усмехнулся про себя.

Облокотился о стол, измученно пригладился затылку, шее, закрыв глаза. Постучал ещё вилкой по столу, а потом — по лампе. Та жалобно зазвенела бронзой.

Университет. Важный чин. Какая-то маасси Ленайна и что-то там о письме. Наверное, всё это были важные и хорошие новости. Наверное, о них стоило подумать.

— А, ладно.

Нет, ничего не лезет в голову.

Он купался в тёплом каскаде впечатлений сегодняшнего дня, в котором научился стольким вещам, скольким не мог научиться, верно, за целый год; или, возможно, за всю жизнь, будь она другой; это — пока что — был

самый счастливый день в его жизни; и всё это следовало обдумывать и вспоминать долго, очень долго, осмысление не займёт одну ночь безмятежного сна, о нет. Он глядел на пламя в лампе, качал головой, будто нечто отрицая:

— Симсана... Симсана... Сим-са-на... Симсана.

Как вообще всё это получилось, как... надо идти спать.

Кажется, есть повод собой гордиться.

Он, наверное, не всё сделал идеально. Но всё было правильно.

— Да, — оскалился в улыбке он, проводя языком по клыкам. — Да. Вот так.

Согнул валявшуюся на столе оловянную ложку, сгибая её большим пальцем.

— Пришёл. Увидел. Отыграл.

Ложка сломалась.

Закрыв глаза, вспомнил моменты. Вот она крутится перед зеркалом. Вот она закрыла глаза, а он целует, подглядывая. Как она удивлённо рассматривает себя, запятнанную до шеи. Её случайный, влажный взгляд в уже полутьме, только одно мгновение. Её зубы (хорошие). Её хвост и всё то, где он берёт начало (вот очень хорошая). То, как она прикрывалась хвостом, и как это почему-то до неприличия привлекательно.

Весь этот невозможный разговор с Ваалу-Миресли. Да он понятия не имел, что Ашаи-Китрах, и что вообще всё это... что с ними можно... что они, и я...

— Ашаи-Китрах, — очень тихо сказал он вслух, прислушиваясь к каждому звуку. — Сёстры понимания.

Затушил лампу, а ещё случайную, почти уже сгоревшую, тусклую свечку возле печки. Посмотрел в окно — в тёмную, безлунную ночь. Несколько раз ругнулся, самым скверным образом; злобы не было — то ли удовлетворение, то ли восхищение. Дотронулся носом к холодному стеклу, поелозил им, подышал на него. Прислушался, нет ли кого рядом.

Отпрянул, закрыл глаза, пару раз ударил себя кулаком по носу. Подумал.

— Да. Именно так.

**

На следующий день Арад встал рано и в превосходном состоянии духа. Всё было быстро сделано: он — помыт, он же — сыт, свинья (а на самом деле — большой поросёнок) — заколота, зашёл к их кобыле Цайке, но та сидела. Арад почувствовал, что ей совсем нехорошо, она была равнодушна ко всему и не хотела вставать, мать правду говорила — больна; врачеватель

должен быть здесь и сейчас. Постоял возле неё, не зная, что делать, потом пошёл к стреломёту.

Арад делал метательные машины, любые, что вообще доступны пятнадцатилетнему львине. В детстве делал рогатки, самые лучшие, мог сделать лук, мог сделать арбалет (сделал целых два), но его любимым и самым бесполезным проектом был малый стреломёт на колёсиках, стреляющий длинными, массивными стрелами. Отцу было всё равно, братья веселились, служанка чрезвычайно его боялась, мать страшно злилась и говорила, что он когда-нибудь им убьётся, и что всё это — потрясающая дурость. Стреломёт был готов и абсолютно действенен, пугающе действенен, и Арад аж потерял от этого прежний интерес, ибо пока он делался, не без чрезвычайных трудностей, то сам процесс был смыслом; теперь же готовое оружие пробивало доски, двери, все доспехи, и вообще всё что угодно, и что-то слабо представлялось, что делать с такой разрушительной силой. Ему подумалось, что имеет смысл так однажды убить свинью: дать по ней из стреломёта, а потом добить так, ножиком в сердце или молотом по голове. Но предполагались осложнения, ведь если не попадёшь хорошо, то пока её поймаешь, она всё вокруг перевернёт, кровь, визг, потом попробуй объяснись.

Первое расстройство принесла мама, объявив, что сегодня будет плохая погода. Мама не ошибалась в погоде, предсказывая по небу и птицам (родовой навык, все Эвсуги так умели). Второе — отец, после того, как Арад объявил на позднем завтраке о том, что пойдёт на ярмарку:

— Отлично, возьми братьев с собой.

— Папа, ну зачем? Там будут только мои друзья, ну что я с ними буду делать?

— Ахаха, — Дарзай и Аярр смеялись.

— Возьми.

— Папа, может они сами? — скривился Арад.

— Ты же не на свидание идёшь, а на ярмарку, — начала резонить мать.

— Можешь их взять. Мы вообще все можем пойти.

— Я не смогу, — быстро сказал отец.

— Мама... Я на свидание не пойду, но там могут быть львицы, и я могу вдруг взять одну погулять. Там будут танцы, и...

— То есть? А как же Ленайна?

— Что Ленайна, что мне до неё, она в Марне! — возмутился Арад. — А я — тут!

— Ахаха, — не унимались братья.

Мама зашипела на них.

— Это будет воспринято несерьёзно, Арад, если ты будешь искать себе быстрых отношений, развлечений... а она приедет, и узнает, а она узнает. Тем более, если она придёт сюда, с отцом и матерью.

— Что ты его пилишь, ему пятнадцать лет, ему ещё далеко до всей этой серьёзной кутерьмы! — начал злиться отец.

— Ахахаха! — братья были в восторге от веселья.

Мать бросила взгляд на отца, обещающий расправу, но потом.

— Мама, я понятия о ней не имею, мам, — со смехом хмыкнул Арад.

— Или у тебя кто-то ещё на примете? — вдруг спросила мама.

Момент был какой-то очень удачный для слов, они будто прозвучали в полной тишине.

Потекли неловкие мгновения.

— Конечно. Все львёны от тринадцати до восемнадцати в радиусе, эдак, льёнов двадцать.

Папа улыбнулся, братья стали показывать на Арада и корчить ему морды. Дарзай бил себя в грудь, Аярр показал очень непристойный жест: указательный палец правой руки заходит в кружок, сделанный пальцами левой руки (где он, вымесок, только его увидал?); за что и поплатился — мать заехала ему по ушам так, что тот чуть не упал.

— Возьмёшь братьев, хотя они, я вижу, этого не за-слу-жи-вают! Да? — разозлилась мама, встав и всучив служанке одно из пустых блюд. Никто не хочет говорить серьёзно о серьёзных вещах в этом доме, полным самцов. — И вообще, погоды сегодня не будет. Наверное, и ярмарки не будет.

Так и случилось. Погода сильно испортилась, стала тяжёлой, гроза чувствовалась носом, она была неотвратима. Арад узнал, что ярмарку перенесут на дня два-три, и это — точно. Тем не менее, на шестой час, как и обещал, он вышел из дому, правда, в повседневной одежде, а не праздничной. Зато взял короткий меч, хотя всё ходил с ножиком, как и все, потому что меч мешается.

Он пришёл к дому Симсаны и Миресли, укрытый плащом сверху и с мокрым хвостом, грязными лапами, но в прекрасном настроении. Ничего не могло его сбить.

«Просто скажу, что ярмарки не будет. Но пришёл, как обещал».

Постучал, сначала осторожно, но дождь ведь льёт, потому постучал сильнее, а потом даже и в окно; дома точно кто-то был, он видел зажжённый свет.

Вдруг рык крика львицы, причём такой, что Арад думал — кого-то убивают.

— Что за...

Тем временем решительное открывание двери, и вот — на пороге Симсана, в одной только шемизе с поясом:

— Арад? — удивилась она, впрочем, не очень сильно. Выглядела она оживлённой, занятой.

— Что происходит, кто рычит?

— Хаману Ульра, она у нас. У неё пошли короткие схватки. Ой...

Она спрятала ткань с кровью за спиной, с которой всё это время стояла.

— Да я не боюсь крови, — усмехнулся Арад.

— Тебе её нельзя видеть. Слушай, Арад, сегодня ничего не выйдет, — быстро закачала она головой.

— Вижу. Ярмарку перенесли, но я обещал зайти, и вот — зашёл.

— Симсана! Кто там?! — голос Ваалу-Миресли обещал разорвать на куски того, кто посмел.

— Это... — очень помедлила Симсана с ответом, наверняка пытаюсь приврать, а потом сдалась. — Арад. Он уже уходит!

— Покажи коту масло! Жирный кот! Скажи пусть катится, иди сюда!

Симсана, глядя на Арада, сморщила мордочку, показала зубки, прижала ушки: ей стало неудобно.

— Жирный кот? — Араду стало смешно.

— Не злись, она вспыльчива бывает.

— Нет проблем, — потёр он нос, — я покатился.

— Постой, — обернулась она, словно заглядывая вовнутрь дома, потом легко подскочила к нему и поцеловала. — Теперь иди.

— А как она?

— Кто? — почти закрыла двери Симсана, и просунула в них носик с мордашкой.

— Ну, хаману Ульра.

— Ничего, работает. Решила дома детей не пугать. Она сможет, она легкородка, — посмотрела Симсана вверх, словно пыталась там найти ответ: чего это он спрашивает о таком? Потом фыркнула, наморщилась, сощурился глаза, и улыбнулась: — Всё, целую.

Хлопнула дверь, и Арад застыл с поднятой рукой.

Две вещи оказались восхитительны, за ними стоило идти: её лёгкий подскок с поцелуем, и это «целую» в конце со странным, но очень привлекательным жестом, которого от львиц он ещё не видел ни разу: она выдыхает, но не просто, а будто на тебя, для тебя, и при этом улыбается.

**

Через три дня, в этот прекрасный предвечер, тёплый и приятный, он снова подходил, нет же, подъезжал на двуколке (та ещё комбинация: лошадь он выпросил у папиного друга, причём с условиями и обещаниями, ибо их лошадь таки совсем поплохела, двуколку взял из дому) к её дому. Он

приоделся в пасну, прямо как в гости к магистру, такая парадная тога (это тоже стоило кой-чего: мать на выходе всё-таки отметила, что как-то он уж подозрительно хорошо выглядит). Подходящий внутренний кошелёк взял у отца, у него же — инкрустированный заспинный нож, ибо только такое декоративное оружие подходит к тогам и паснам. На кисти — широкие браслеты, уже свои, подаренные мамой. Сложнее всего было с гривой: она уже вроде как есть, и вроде даже солидно подросла после судьбоносного дня со Симсаной (не врут, право, действительно что-то есть в этом запахе львиц, от него делаешься такой, как надо), но ещё не хватало, чтобы там умасливать, косы делать, всякие побрякушки вешать или же стричь. Решил просто всё помыть и расчесать, и делов. Чистейшая авантюра: с того дождевого дня он не виделся со Симсаной, и тогда они не условились, когда встретятся в следующий раз, ибо хаману Ульра и обстоятельства.

Арад переживал. Во-первых, её могло и не быть, хотя именно сегодня ярмарка, и если она сообразит, а она очень сообразительная, как понял Арад, то Симсана должна догадаться, что он придёт (приедет, приедет, какое там придёт), причём точно в такое же время, как и в прошлый раз. То бишь в шесть. Во-вторых, он переживал, только уже втайне (даже от себя) за вот что: они появятся вместе на публике во весьма недвусмысленном статусе — как лев и львица в *отношениях*. Сын судьи и ученица Ашаи-Китрах. Уже даже не с проспектом отношений, как говаривала тогда мама, с её фансиалльным словарём. А уже с самими отношениями. Ну и что, что такого, им же пятнадцать-шестнадцать (он в Пору Вод рождён, шестнадцать вот ещё чуть-чуть, и будет), юная любовь, увлечения юности, Ваал мой, большая новость. Но наверняка об этой новости узнает мама. Узнает отец. Всё будет дефинитивным. Всё будет явным... Прямо отолгаться не выйдет. Или выйдет?

Мама будет недовольна, он уже знал это: на Арада у неё были родовые планы; она ничего не имела против Ашаи-Китрах, кажется, но она хранила кой-какие ожидания, в кои не вписывались ни Симсана, ни любая маассильвёна вообще, а только *правильная* (в нужном месте, в нужное время), ну или правильные. Так, с мамой такое, всё-таки он лев, что хочет, то и делает. Хвостощуп, взятки гладки, всё можно на это списать. Отец. Отец, отец, отец...

«Он будет тоже недоволен, но его досада будет иной природы», — холодно думал Арад, почти подъехав. — «Он — анваалист. Я — анваалист. Я такой — благодаря ему. И вот я — имею дело с Ашаи. Измена. Интеллектуальная. Нет. Принципиальная, измена принципам. Он их ненавидит. Он радуется, что их ненавижу я. Ага».

Он слез с двуколки возле дома, привязал чёрную, как ночь, кобылу к закрытым воротам дома Ваалу-Миресли (и Симсаны). Незнакомая с ним, лошадь не давалась, и всё было сложно.

«Но я ведь просто Сунг. Я не судья, не учусь даже праву, я просто себе молодой Сунг. Мне можно. Мне даже *нужно* искать связей с Ашаи-Китрах, этого хотят вообще все кругом; любой урод, каждый в своей жизни попытается поиметь хотя бы одну, а я вот поиграл в первый раз — и с Ашаи. Нет бы всем радоваться за меня, что маме, что папе. Всё всем не так. Ладно, давайте так: я, в общем, против ваализма, но мне нравятся две Ашаи-Китрах. Нет, три. Так можно?».

Управился с привязью, зашёл через калитку.

«Вообще, я ещё так устрою, что не только поиграюсь впервые с Ашаи-Китрах, но и трахнусь. Сенсационно: анваализм бьёт противниц прямо в...»

Не додумал, так как двери открылись, и из них вышла задом, не глядя, Ваалу-Миресли. Тащила она ведро в одной руке, в другой — волокла по земле мешок. За ней вышла Симсана, в своём обычном платье мастерицы жизни. Они его увидели почти сразу; он остановился, скрестив руки.

— Ваал мой, какой львина, — первой сказала Ваалу-Миресли. — Пра-матерь-Ахлия, ты такое видела? — посмотрела она в небо. — Зачем Ваал посылает такие искушения, вследствие которых нестойкие назначению сёстры и ученицы впадают в *саахри*, и бросают сестринство извиняющейся Церемонией Прощания, чтобы стать жёнами добрых Сунгов, не принимая истины, что они уже замужем за всеми, и только их служение даёт жизнь Его огню!

Это было очень даже ораторично.

— Похоже на цитату, — заметил Арад, и очень глубоко кивнул. — Добрый день, превосходная Ваалу-Миресли. Привет, Симсана.

— Ой... — ойкнула та, а потом начала жрать глазами наставницу, держась обоими руками за стенку сзади.

Они обменялись взглядами. Очевидно, очень многое там происходило.

— Ладно, — сдалась Ваалу-Миресли. — Иначе житья не будет. Только в этот раз.

— Ну всё, Симсан, пошли, — понял Арад, что всё будет. — Ярмарка сегодня. Шесть часов. Я тут.

— Я так не могу, мне надо переодеться. Я думала...

— Значит, я попрошу Фальсу тебя подменить, иди скажи это Ульре, — говорила ей Миресли, но Симсана смотрела то на него, то на неё, и слушала вполуха.

— ...думала, ты придёшь сначала так, чтобы договориться...

— ...ты меня слышишь? — легко забила в ладони Миресли.

— Я подожду, ты одевайся, — успокоил Арад.
Симсана мгновенно исчезла в доме.

— Только Арад, в дом — ни лапой! — вдруг обернулась Миресли к нему.

— Что, вообще никогда?

— Шшшш, не кричи. Да нет же, сегодня! Там роженица и трое львёнышей! Львы не идут, где роженицы, нельзя им, понял?

— Знаю, превосходная, не буду идти.

— Зачем я это позволяю, ума не приложу. Она ведь должна... Приведи её раньше полночи, понятно? — показала на него пальцем.

— Хорошо, превосходная, верну раньше полночи, — провёл он рукой. Переживать не стоит.

— К десяти лучше, — надумала Миресли.

Взяла ведро, закрыла дверь, неосмотрительно оставленную Симсаной.

— Не боишься? — вдруг спросила.

— Нет, сиятельная Ваалу-Миресли очень приятна, на самом деле. И цитаты интересные.

— Хватит тебе шутки шутить. Я не о себе спрашиваю.

— А о чём?

— Ты знаешь, о ком.

Как это возможно? Как она из говорливой, немного забавной львицы возраста силы превращается в эту тёмную волю взора? Арад не выдержал, опустил глаза, хотя всегда был силён в играх взглядов.

— Не боюсь. Я ведь Сунг-найсагриец. Ничего не запрещает мне быть в обществе Ашай, только поощряет. С этим согласна мать. И отец. Тоже.

— Ты мне неправду говоришь, но ничего, я вижу, что не со зла, — стояла она, и Арад сейчас мог поклясться (светотипическая память), что точно-точно, в той же позитуре, как та самая грустно-сосредоточенная дисциплина из Симсаниной книги.

— Ваалу-Миресли, мне совет есть? — вдруг спросил он.

«Кстати, да», — подумал он.

— Есть, но не дам. Решай сам. Иначе сломаю твою волю, и будешь меня винить, а не себя. А тебе важно сейчас решения принимать самому.

— Это, наверное, всем всегда важно.

— Нет, Арад. Иногда нужно, чтобы решения принимались за нас. Особенно, если ты — львица, а не лев.

— Хм. Даже Ашай?

— Какой саркастичный пример, — язвительно сказала Ваалу-Миресли.

— Мы даже не выбираем того, что входим в сестринство.

— Хм...

— До полуночи, а лучше к десяти. Она и так не досыпает. Хорошего вечера, сильный Сунг.

— Приятного вечера, превосходная.

Ваалу-Миресли взяла ведро и мешок, прошла немножко, а потом, словно поняв тщетность всего, развернулась и просто зашла обратно в дом. Арад постоял, покрутил хвостом, потопал лапой.

Вдруг вышла Симсана, вообще-то довольно быстро, Арад внутренне приготовился, что всё подольше будет. Резво повернувшись, она закрыла дверь и подошла к нему.

— Я, наверное, выгляжу ужасно.

Вообще-то, он впервые в жизни видел её в чём-то другом, чем её обычное грубое платье. И это нечто было куда лучше. Украшений, браслетов и чего другого на ней не было, даже амулета наставницы — тоже. Только серебряное кольцо сестринства на пальце и неизменное железное — в ухе. Ещё были лёгкие, ненавязчивые, почти незаметные подвески в ушах.

— Ничего страшного, буду с ужасно красивой.

— Снова ты меня лжёшь. Ой, а мы что, едем?

— Ой да.

Помог ей взобраться на двуколку, сел сам, и только потом вспомнил, что не отвязал лошадь. Посмотрел на неё, засмеялся, слез обратно, сделал всё, как надо, снова посмотрел на неё (она уже успела удобно усесться, лапа за лапу).

У её платья (серо-зеленоватое, с узорчатыми найсагрыйскими выточками по всем краям) был странный подол. Он был косой, и лапа Симсаны в нём виднелась уже бедром, чуть выше колена, ибо в нём оказался ещё и разрез. Он такую откровенность видал, но только на всяких вечерах, пирах, ужино-приёмах, вот как у магистра тогда.

И поехали.

Она заговорила, необычно быстро:

— Пришлось взять вот эту свирю. Я так спешила, не хотела, чтобы ты ждал. Подпласис у меня оказался ну совершенно не готов, я не догадалась, что ты придёшь. Просто какие-то невероятные дни, — сказала радостно она, и быстро добавила, — в смысле, бешеные: то надо сделать, сё. Прости, я недотёпа, не догадалась. А куда мы едем?

— Да поедем, прокатимся по круговой, пока эта кляча не устанет. А потом пойдём.

— Кляча? Арад, ну ты чего, лошадей не любишь?

— Нет, не очень, если честно. Было бы весело, если бы фирраны могли повозки таскать, они мне больше нравятся.

— Это было бы смешно, а не весело, они же так красивы. Наши сородичи! Ко всему: они к хозяевам привыкают; я слышала, только их катают.

— Ну да.

— А ты катался? — игриво спросила она.

Кажется, ей вправду хотелось бы на фирране проехаться.

— Сзади, пару раз.

— И как?

— С непривычки болтаешься. Вообще, сзади на фирране не очень нака-
таешься, третий лишний. Там должен быть только ты и он.

— Только ты и он... — повторила она.

— Да.

Возникла пауза, во время которой Арад объезжал какого-то льва с
вилами на плече. Арад ругнулся на него, утёр нос, посмотрел на Симсану,
потом — сверху вниз, на неё всю. Она последовала его взгляду — что
такое?

— «Взять свирю» — значит, это платье?

— Да, свира, вот такая. Скромненькая, но я её люблю.

— Она такая... интересная.

Она мгновенно поняла, о чём он.

— Несимметричный подол сестринства, нам можно в таком ходить.
Свира, она вообще в дорогу, или там на каждый день.

— Мне нравится, тебе очень идёт.

— Спасибо.

— А чего ты в ней постоянно не ходишь? — резонно спросил Арад, в
этом он увидел несправедливость и неразумность. — Раз она повседневная.

— Для мастериц жизни она не очень практична. Поэтому мы с настав-
ницей и выглядим каждый день, как старые карги, — засмеялась она, очень
искренне.

— И эта свира так хороша для твоих потрясных лап.

— Чем это они потрясные? — рассмотрела их Симсана.

— Я однажды видел статуэтку пральвицы в одном богатом доме. Она
была вся чёрная, и у неё были очень изящные лапы, которые так, знаешь, с
любовью изваял скульптор. Так вот, они — несовершенная копия твоих.

— Арад, я... Арад! Стой, стой!

Они ехали по довольно богатой улице, невесть откуда взявшись, из
двора равнодушно выезжала огромная легатная телега, запряжённая двумя
тягловыми лошадьми, в которую они чуть не въехали. Что она здесь делала
— Ваалу одному известно. На ней сидел лев совершенно непонятного воз-
раста, как это всегда бывает у старых воинов Легаты.

— Что такое, сир? Засмотрелся?

— Да, на неё, — честно признался Арад.

Тот кивнул и зевнул. Потом добавил:

— Смотри за ней хорошо.

Откровенно говоря, Арад ждал шуток и пошлостей, и уже готовился отвечать, но не последовало ничего.

Обогнав телегу, поехали дальше, выехали на окружную дорогу Галлена.

— Фух... Кажется, я тебя немного отвлекаю болтовнёй.

— Ничего, в этом весь смысл, продолжай, — потрогал он её за ладонь.

— Вообще-то, у этой свiry на самом деле две юбки, верхняя и нижняя. Она такая, на все поры. Если нижнюю прокрутить, то ничего видно не будет, будет всё очень пристойно.

— А ещё можно прокрутить?

— Можно. Ещё — и разрез аж сюда будет, — показала она на самый верх бедра.

— Аж куда?

— Аж сюда, — снова показала она.

— Аж сюда? — дотронулся он к её бедру, легко.

Она ударила его по ладони, тоже легко.

— Не отвлекайся, сейчас снова заедем. Ещё в свире удобно танцевать, а то в таком пласисе, как у меня, не очень натанцуешься.

«Вот ведь, платье с регулируемым эротизмом», — подумал Арад. — «Додумались же».

— Пласис — это что?

— Это такое, знаешь, главное одеяние Ашаи. Они разные бывают, но, как правило, это такая, знаешь, праздничная одежда, или на ритуалы, церемонии. Вот, пласис ты видел у Ваалу-Арасси, той самой дисциплины, которую ты спас. Отпадный у неё пласис был, я бы за такой хвост себе отгрызла.

— Ты помнишь её имя?

Кажется, Симсана аж обиделась от такого вопроса. В недоумение упала.

— Конечно, я всегда помню имена.

— Надо же, я иногда за десятый раз не помню.

— Ты тоже её видел только раз, и всё равно запомнил. Или вы виделись прежде?

Ох уж эти львицы. Всё они улавливают, всё соединяют.

— Нееет. Нет. Я ещё твоё имя с первого раза запомнил.

— Почему? — игриво спросила она.

— Оно красивое. Кроме того, ты мне сказала «без номена», а я даже не понял, что это значит. Стою такой и думаю: «Что она сказала, я не хочу выглядеть дураком».

— Ты знаешь, почему я тогда так сказала? — после некоторой паузы спросила Симсана; чувствовалось, что вопрос не просто важный, и что это даже не вопрос; он дался ей весьма, весьма непросто. Она решила, что ему стоит узнать ответ на этот вопрос.

— Да, — уверенно ответил Арад.
Верно, она точно не ожидала этого короткого, властного «да». Она пригладила уши; даже, кажется, всерьёз задумалась.
— И об именах, — продолжил он. — А каково твоё имя рода?
— Имя рода? Моё? Вирд. Симсана, из рода Вирд.
— Расскажи-ка о своём роде, о маме с папой. Они, наверное, очень тобой гордятся. Ашай в роду ведь отличный знак, честь. Братья, сестрички?
— Сейчас расскажу, — буднично молвила она. — А куда мы едем?
— Я придумал так: сейчас вот тут проедем ещё по окружной, завернём на Тобрианскую, и заедем к одному папиному знакомому, оставим там повозку. А там пойдём пешком, оттуда к центру лишь пара шагов.
— Это что... его повозка и лошадь? — вдруг голос Симсаны сорвался в дрожь, то ли от возмущения, то ли отчего ещё.
— Нет, — спокойно, чуть нахмурившись, ответил Арад, стараясь понять, — лошадь не наша, наша болеет. А вот двуколка — наша.
— А... — держала она руку у рта.
«Что здесь такого, она что, хочет ещё покататься? Или ей не нравится, что не моя лошадь?», — почесал он гриву.
— Хочешь ещё покататься?
— Нет, давай, как ты придумал. Мы потанцуем?
Он заметил, что голос у неё какой-то странный. Он посмотрел на неё, но она отвернулась, и чихнула.
— Да, конечно. Без понятия, что там будут играть.
— Давай всё потанцуем, что будет, без разбора.
— Давай, — легко согласился Арад.
— И купим сладостей?
— Купим. Что ты любишь?
— Да всё. Особенно то, что с мёдом. Я могу мёд ложкой есть, вот прям не останавливаться.
— Ну ты даёшь, он же приторный.
Остановились. Врата дома рода Марсан-Ашнари оказались закрыты. После раздумий, Арад пошёл к дому, пришлось похлопотаться; сын хозяина дома, этот надменный, околдвадцатилетний, худосочный счетовод, который так любил ещё пару лет назад подтрунивать над Арадом, когда приходил со своим папой и своей толстючей мамой, изъясил явное недовольство, что он приехал так рано, что он приехал, и что вообще. Пошёл с ним, в итоге, к повозке — открыть ворота, и завести лошадь с двуколкой; это доставляло ему очень явное раздражение. Когда подошли, то Арад увидел: Симсана уже слезла с двуколки и стояла к ним хвостом, глядя вниз на вечернюю улицу.

— Рановато! Что, юнсир Арад, ты уже всё, насвиданился? — совершенно неуместно спросил он, поймав лошадь за узду. — Добрывечер, маасси.

Симсана обернулась и просто кивнула ему. Арад заметил: скрещенные руки покоились так, чтобы виднелось кольцо сестринства; одна лапа спереди, другая сзади.

— Нет, мы только начали.

— Что, первый случай? — с насмешливой надеждой спросил тот.

— Нет, — пожал плечами Арад, уже протягивая руку Симсане, мол, идём. Он не считал его за угрозу — тот просто был досадным кретином с дурацкими замашками.

— Ну, шурши, чтобы всё склеилось, — почесал тот подбородок с язвительным видом.

«Мудак», — подумал Арад, но решил не устраивать выяснений.

— Но что у сира? — вдруг сказала Симсана.

— Что «у меня», маас... Аша... Ашай, эм, Ваалу-...? — видимо, он только теперь заметил, что перед ним Ашай-Китрах, хоть ещё и юная.

— Сир ведь ещё не шуршал, — подняла она голову выше.

Арад понял, что Симсана сказала ему нечто совершенно ужасное, прямо попала точно в невидимую цель огромной стреломётной стрелой. Счетовод стоял с таким видом, словно сейчас ударит Симсану, и Арад весь напрягся; обыденное дело приняло какой-то дурацкий оборот. Он начал раздумывать, как всё это толком разрешить, подобрать слова, чтобы все спокойно разошлись (этот род, Марсан-Ашнари, в конце-концов, полезные друзья их роду — надо учесть), и так далее, но Симсана взяла Арада слева под руку.

И протянула руку сыну рода Марсан-Ашнари, левую, с кольцом — для поцелуя.

Арад почему-то был уверен, что сын рода Марсан-Ашнари не поцелует ладонь. Неучтиво, грубость, отрицание манер обращения с Ашай, да, но эта мгновенная, бессмысленная напряжённость, наверное, уже не позволяла этого сделать; жест Симсаны излучал повелительство, большой каприз, она была слишком вправо; Арад не принял бы такое в свою сторону, такое падение под лапу безгривой, тем более, если ей пятнадцать, а тебе — целых двадцать. Лучше всего будет сдержанно разойтись, выдавив прощание.

Но тот взял её руку — двумя руками — и благоговейно, покорно поцеловал.

И во время этого:

— Ваал, склей сему Сунгу возможность *хоть немножко* пошуршать, — она медленно, отдельно, церемонно говорила каждое слово.

Это было слишком; то есть, формально, сначала было правильно, манерно, и обычно для Сунгов их положений, возрастов, статуса, ничего

особенного, так и должно быть, а благословение можно было воспринять как молодёжную, дурацкую шутку. Но по содержанию это было так издевательски и так сучески, что Араду аж стало жаль счетовода. В конце-концов, он его никогда не воспринимал серьёзно, его колкости были просто неудобной глупостью, которую легче обойти, чем всерьёз пнуть.

Арад ему сдержанно кивнул, хоть тот и не видел, как-то даже полностью и не выпрямившись, и повёл Симсану вниз по улице, и она повелась мгновенно, словно зная, когда вместе с ним сделать шаг.

Отошли.

— Хлётко ты его.

— Он урод. Не имей с ним дела, — зло, знаяще предупредила Симсана, как охотница, указывающая на ловушку. — Тебе стоило заехать ему по морде.

— Симсани, это не такое простое дело: заехать по морде, по мелкой причине, в праздничной одежде, на свидании с львицей, от которой у тебя идут волны по шерсти, какому-то случайному дураку, отец которого отлично знает моего отца.

— Много думания, — молвила она, и громко выдохнула, сморщив нос.

— Знаешь что? — остановил он её.

Она посмотрела на него большими, вдруг испуганными, влажными глазами, и молчала. Именно так: Арад увидел страх. Он совершенно не понял, почему страх. Она что, боится его?

«Львы не решают дела простой болтовнёй, а он — болтун, дразнившийся с детства, пронёс привычку до этого дня, умеет только открывать рот, кому какая разница?», — так он хотел сказать.

Но Симсана не выдержала:

— Прости... Прости, Арад. Ты, наверное, думаешь, что какая-то злая дура. Я всё порчу...

Он закрыл ей рот, ладонью, быстро.

— Не смей обижать лучшую львицу Империи.

Медленно убрал ладонь и просто, легко поцеловал.

— Хей, да я уже о нём забыл, — раскинул руки. — А то будем только о нём и говорить: он сделал то, брякнул сё, — кривлялся Арад, а она смеялась с влажными глазами, утираясь, вся в эмоции (преувеличенной, как для Арада, но ох уж эти львёны), — он такой, он сякой. Так и вечер проведём. Я хотел сказать: помнишь, на чём мы остановились? — дотронулся к её груди, у шеи.

— На чём? — наострила она уши, вся открывшись, и, кажется, она имела в виду поцелуй; Арад устоял искушению — они были на улице, они не были одни, и молодым Сунгам не одобряется на публике показывать чувства.

— Ты, твой род, твои родители и все-все-все. О том, как они тобой гордятся. Знаешь, я не буду удивлён, если у тебя окажется род высокого достоинства, во всех смыслах.

— Ахах, да, остановились, да, на этом — с робким смешком молвила она, будто чуть задыхаясь. С неё не сходила непонятная Араду эмоция, некое свержливающееся чувство. Хоть, в целом, он не имел никакой проблемы с тем, чтобы львёна была львёной, но всё-таки он уже внутренне настроился, что эмоции Ашаи-Китрах более дрессированные, подвластные, более точные.

Всё, глубоко вдохнула, провела ребром ладони по центру тела. Поменялась, успокоилась. Ему нравилось, что она волнуется, оттого Арад наполнился уверенностью. Всё-таки первое настоящее свидание, по-найсагрийски — случай, выход — это не шутка, а для неё оно точно первое. Да и для него, считай, тоже. Но право — об этом никому не стоит знать.

Они повернули за угол, и стала видна ярмарка, шагов так триста впереди. Шатры, лотки, Сунги, дхаары, стражники, бессменный приставучий львина с рожком, повсюду огонь и звук огромного барабана — всё там.

— Най, смотри, сколько там всего. Идём, Аради!

— Пошли, о львица-загадка. Дочь доминарра Легаты. Дочь обедневшего патриция. Дочь регула.

Она засмеялась. Но не ответила.

Арад вдруг кое-что понял:

«Дурак. Она, скорее всего, простого и невысокого происхождения. Не ставь её в позор, смени тему, живо».

— Так, если там не будет обещанных акробатов с тарелкой, то я кого-нибудь укушу, честное слово.

— Кусяй, — очень живо согласилась Симсана, и засмешилась.

— Кусять?

— Да. Только не кого-нибудь.

— А что-нибудь, да?

Она не ответила, но посмотрела на него с усмешкой.

Они вошли на площадь (Симсана держалась ему под руку, никто из них никого не отпустил, и чем ближе подходили, тем сильнее хватка у каждого) — всё, дороги назад нет. Ну здравствуйте, добрые Сунги, взглядов уже не сосчитаешь. Чашу Ваала, ту самую, многострадальную, уже зажгли, возле неё толпились львята. Возле неё также стояла Ашаи-Китрах, немолодая, с серьёзным таким венцом, в платье опасного красного цвета, и амулетом Ваала с таким же опасно-красным камнем; Арад знает её с виду, чисто внешне, она местная, галленская, это точно; с ней приветствовалась Симсана; Ашаи не посмотрела на Арада, но ответила на их совместное приветствие (что-то длинное и правильно-подходящее говорила Симсана, а он

просто добрый вечер, да и сиятельная, да и всё). Голов вокруг было уже много. Танцев пока не было (кто-то просто бил в неровный такт по военному барабану, а то, что барабан военный — Арад узнал по виду и звуку), акробатов следовало ещё найти, их на площади не оказалось (выбор акробатам будет невелик: или площадь, или аллея возле его гимназии, она тут, рядом).

Подошли в торговке сладостями, купили у неё большие медовые соты (для Симсаны). Ха, она так-то не врала, что любит мёд.

— Ладно, давай пройдемся, посмотрим, что к чему.

— Ахам. Кстати: танцы будут вот тут, — показала на южную сторону площади, где издевались над барабаном.

Она говорила это так: томное «А...», а потом безвольное, расслабленное «...хам».

— Расскажи мне, что там хаману Ульра?

— Да ей фоть бы што, — начала жевать Симсана соты, и это оказалось смешно. Она виновато засмеялась, мол, прости, и начала их просто лизать, глядя на толпу: — Я ей завидую, она так легко рожает, хоть и сильно рычит, когда схватки, аж уши закладывает.

— И что, правда три сына?

— Представляешь. Она ещё отлежится у нас денёк, а завтра, наверное, уже домой отправим.

Арад решил сладкого себе не брать, потому что он настоящий лев, а не что-то там, и вместо этого купил себе у другой торговки-тёмношерстки (юга), с заливчатской повязкой на глазу (Арад сам такую захотел), свинины с самыми острыми специями, которые только есть (Арад сам так захотел) на тонком, длинном ноже. Правда, торговка захотела залог за нож. Дура. Да кому такой нож нужен.

— Братья одного возраста будут, хорошо им. А то с младшими — одна мука, — сказал Арад.

— Почему это? — очень удивилась Симсана, облизывая соты и глядя на него.

— Да всё надоедают, — смотрел он на неё. — Пример: хотели со мной пойти сегодня.

— Мог бы и взять, — пожала она плечами, взмахнула ладонью, жест понравился Араду: эдакая небрежность.

— Мы же на свидании, — Арад попробовал мясо с ножа и понял, что его не обманули, — мясо оказалось таким острым, что поначалу он даже не понял, что происходит.

— Мы ведём себя только прилично, как приличные Сунги, — лизнула Симсана снова свои соты. — Только прилично.

— Мы целовались на улице. Аааа... — зажмурился Арад, слёзы сейчас потекут.

— Что, жжётся? — высматривала она его, наострила уши.

— Нееет, так, слегка, — потёр он ладонью морду; может, поможет.

— Мы только раз целовались, — вернулась Симсана к мёду, рассматривая окружающее, — мы так больше не будем. А братья твои потом бы попросились домой, или разбежались по ярмарке.

— Нет. Они когтями бы в нас вцепились, вертелись кругом и дразнились.

— Им сколько?

— Дарзаю — двенадцать, Аяру — восемь. Или сколько там ему, — Арад еле говорил. — Девять.

— «Или сколько там ему». Ну ты даёшь.

Арад пожал плечами и понял, что сейчас будет весь мокрый от остроты.

— Слушай, дай я твой мёд откушу.

— Что, мясо с мёдом? — удивилась Симсана. — Ладно, на.

Хорошо, что смотрит в сторону, высматривает танцы.

— Спасибо.

Стало вроде полегче, но лучше бы чего попить. Симсана же, получив обратно свои соты, лизнула их снова и прямо застыла на месте. А потом зажмурилась, прижала глаза, выдохнула:

— О Ваал, Арад. Я сейчас сгорю.

— Что такое? — Арад уже понял, что такое.

— Ты только откусил, а теперь всё острое! — открыла она рот.

— Идём, я знаю, что делать.

Он потащил её за руку, а она побежала за ним, не в силах закрыть рта. Хоть в той таверне, где они с Арасси однажды имели разговор, уже было куча хвостов, и никому особо дела до двух подростков не было, но Арад так решительно пролез к таверничему, так сразу знал чего хочет и прямо сразу заплатил, что они имели по две большие кружки кафнского шериша неправдоподобно быстро для ярмарочного дня.

Пили оба молча и жадно, выпили всё, только потом вышли наружу.

— Вот ты меня отмучал, — оперлась она о столб накрытия таверны, обмахиваясь ладонью. — Вкусный напиток, кстати.

— Хорошо, что не поцеловались, правда? — поставил он руку на столб, словно на свою собственность.

— Оно острое, Арад! Как ты это ешь? Прямо красная острота, ой Ахлиа-праматерь, пощади!

— Красная острота. Напоминает мне о красном платье той Ашай, что мы встретили. И её красном камне в амулете. Всё красное.

— А, Ваалу-Сизэ, — показала Симсана на центр площади. — Такой красный пласис — это знак сильной игнимары. Ой, жжётся... Только Ашаи с сильной игнимарой такой носят.

— Сильная — это как?

— В две руки, или если горят предплечья, хвост. Даже уши, — Симсана пыталась облизываться, но это ей давалось с трудом. Кто-то поздоровался с нею, но она лишь кивнула.

— Такое может быть?! — в свою очередь изумился Арад.

— Ещё и не такое, — медленно говорила она, — почему же нет. Ещё у неё — амулет с рубином, а это знак того, что она не приемлет отношения патроната, вообще. К такой нельзя подходить с Церемонией Обращения. Такой ещё Вестающие носят.

— И много таких знаков во внешнем виде Ашаи?

— О, тьма их, — опёрлась она поудобнее о столб, и громко вздохнула.

— А какие на тебе?

— На мне? — осмотрела себя. — Хм... Ну, из очевидных: железное кольцо жизни, — стукнула когтем по кольцу, — значит, я — мастерица жизни. Или учусь. Самое важное. Моё отличие, — многозначительно сказала она, и Арад понял, что это *важно*. — Подвески маленькие, такие как раз для сталлы. Да и с такими танцевать удобней.

— Вижу, ты с нетерпением ждёшь, когда мы потанцуем.

— Вот не то что бы с нетерпением. Но жду. Дальше... Катёны на мне нет, как видишь, я просто её не умею носить, не привычна. Наставница — яамрийка, она меня не учила этому. Да если и носила бы, то танцевать лучше без неё.

— Кстати, всегда хотел спросить: кто ты по прайду? — как бы между прочим спросил Арад. Пришлось над ней нависнуть, держась за столб, иначе кругом задевали.

— Кровью матери — найсагрыйка, кровью отца — тобрианка. Значит, найсагрыйка. Так, дальше. На мне свира, одежда как бы дорожная, повседневная, но в ней тоже лучше танцевать, только не говори мне снова про нетерпение, я так-то терпеливая очень, очень-очень. В пласисе только фрo-мал нормально можно, а в свире — что хочешь. Амулета на мне нет... Если бы был, то это ещё один знак, что я — ученица мастерицы жизни, но я решила не брать. Чтобы — снова-таки — танцевать удобнее. Кнемиды я не взяла — чтобы танцевать. Вижу — ты тоже, и это хорошо.

— То есть, ты Ашаи-Китрах, которая всем видом рычит: «Я пришла танцевать!».

— Арад, ты невыносим, — почему-то возмутилась она. — Ты просто с меня издеваешься... Да!

— Сейчас, вот допьём и пойдём, — уверенно сказал он. — Я пойду найду тех, кто там будет играть, мы их выследим, я их просто подкуплю.

— Да ладно тебе. Дождёмся, — махнула рукой.

— Нет, иначе я не доживу. Иначе ты меня просто разорвёшь на куски, моя львица сестринства.

Потом сразу понял, что нарушил одно правило, о котором ему говорили. «Мой» говорит первой она, не ты. Ошибка.

Она вдруг подозвала, пригласила его рукой. Он, внимая, прильнул, нахмурившись. Нет же, ближе, просит её рука.

— Мой Арад, я расцарапаю тебя, чтобы ты разодрал меня, как сам Ваал, — прошептала ему на ухо

«Твою мать», — подумал Арад, стало страшно и охотно одновременно. Это было слишком горячо; это было слишком по-взрослому; в этом было нечто запрещённое; это было слишком много, слишком быстро, слишком.

Она отпрянула, и снова, то же самое, прямо как тогда с ударом: большие, испуганные глаза, рот ладошкой прикрыт, немедленное как бы прошение прощения. Это сказала не она, нет, это кто-то вместо неё, не может быть, какой ужас, какая пошлость.

Арад успел только почесать за ухом, как тут задули в огромный, тяжёлый, пробирающий до дрожи городской горн, тот самый, что у входа магистрата. Потом все затихли. Значило это или невероятное хулиганство, оглашение чего-то важного или... начало праздника, а значит... если это ярмарка к концу Поры Огня, то значит, забили в несколько тамбуринов, значит — начало всеобщих танцев!

— Идём.

Дважды её упрашивать не пришлось.

При любых всеобщих танцах есть те, кто выводят остальных, приглашая (даже укоряя) своим примером. Арад не боялся внимания, так-то и вообще, но тут с Симсаной они выходили, считай, первыми. Симсана шла гордо и вызывающе, спереди него, в танце сунгмтари так позволено, в сунгмтари вообще много всего позволено, и танцевать его можно так по-разному, он любому подойдёт. Мало того, она правую руку подняла, вот же бахвальство, так ведь делают только в серьёзных танцах, а не на ярмарке, где все — кто во что горазд. Это, безусловно, привлекло внимание, и это пугало Арада: если кто вдруг упустил их из виду в этот вечер, то сейчас точно заметил.

«Ну, конец тебе, Арад», — подумал он сам себе.

Как же будут надоедать вопросами потом. Особенно дома. Будут? Конечно, будут...

Когда пошёл барабан (в который бил лев, стоя на нём лапой, и лев был совершенно зверско-бандитского вида — его Арад не знал) под тамбурины

(а эти львицы знакомы — играют в Галлене когда придётся на чём придётся). Решили начать с медленной «Солнце-север, луно-юг». Арад присматривался к Симсане: медленный сунгмтари можно танцевать совсем просто, можно посложнее, можно заморочиться и всё делать прямо по искусству; по крайней мере, из того, что знал. У Симсаны, похоже, была вариация между вторым и третьим, такой он ещё вроде не видел; прямо вот с первых движений, когда она начала крутиться вокруг него, он понял, что Симсана так-то действительно умеет танцевать — в том смысле, что её учили, а не что она хаотично научилась на всяких празднествах, как большинство. Арад занервничал: такая партнёрша будет замечать твои промахи, тут можно упасть мордой в грязь. Ну хорошо, что любой сунгмтари снисходителен к умению самца: если ты заучишь пару нехитрых движений, входов-выходов и тому, что её надо всё-таки вести, но остальное она сделает сама, то проблем быть не должно.

Их и не было. Очень быстро он перестал обращать внимания на окружающее, всё смешалось в простое сине-чёрно-жёлтое пятно под вечерним небом; единственное — танцевать было свободно, ещё не все вылезли к танцу, и это хорошо (скоро так не будет). За медленным сунгмтари снова пошёл медленный, теперь уже играли только львицы на тамбуринах и пели «Ничего не случилось», и Арад подумал, что начинать с медленных и грустных вещей как-то не то. Потом вспомнил, что так празднества начинают, если недавно кто умер важный, или ещё какая беда приключилась; но не знал ничего ни о первом, ни о втором. Всё получалось, он ещё не расслабился (выпить бы), но всё шло, как надо. Они понимали друг друга, иногда — на маленький миг — встречались взглядами, Симсана неизменно улыбалась.

Сразу после второго танца она бегом залезла себе под ворот, расслабив его и пояс, и что-то там сильно поправляла. Не удовлетворившись, закусив губу, полезла прямо через подол. Ну, наконец-то, что-то там получилось.

— Мрррям. Забыла, — продемонстрировала результат стараний, повернувшись к нему боком и вытянув лапу. Это она провернула нижнюю юбку, и теперь разрез шёл почти всему бедру.

Арад одобрил, кивнув. Он хитро ей улыбнулся. А она не осталась в долгу — оскалилась с улыбкой.

— Сними пасну, — посоветовала, глядя на музыкантов, словно опасаясь пропустить начало следующего танца.

Да, хороший совет, но где бы одежду так оставить, чтобы ей не приделали лапы или просто нечаянно разорвали? Подумав, решил забросить на перегородку между столбами навеса таверны.

— С кем это так танцуешь, Арад? — спросила его хаману, прямо поймав его рукой. Это — одна из подруг матери, бывавшая у них изредка в гостях.

Вопрос был, безусловно, не для того, чтобы узнать, с кем (это ясно, а кому не ясно, тот может спросить у подруги).

— Добрывечер, хаману. С Ваалу-Симсаной. Ученица мастерицы жизни Ваалу-Миресли, — утёр он нос, выглядывая, где там Симсана.

— Так танцуете! Аж, кажется, неровно дышите, — в «шутку» сказала её дочь, стоявшая рядом — львица лет двадцати, замужня, известная своей неимоверной тягой к сплетням.

— Да, мы сплелись, — просто ответил Арад. — Прекрасная львица.

Да, сплелись, встречаемся, у нас случай, в отношениях. Ну его всё, что отрицать. Самочки уловки и сети нельзя обойти, предупредить или обезвредить, прямо все; рано или поздно в какую попадёшься. Но есть против них неотвратимое оружие: их можно разорвать на куски ножом.

Сплетница от восторга не нашлась, что ответить.

— Дай пасну, не бросай, — поняла подруга матери, что Арад хочет сделать, и не дала, аж прямо силой. — Я сохраню.

— О, спасибо, хаману Мааши.

— Иди, иди, не беспокойся.

Арад вернулся к Симсане, а она, как и некоторое другие танцоры, наблюдала на заминкой у музыкантов, что расположились возле огненной чаши Ваала. Музыка не начиналась, ибо зверольвина с барабаном что-то спорил со львицами с тамбуринами. Те его обступили, и что-то ему втолковывали, шипели, одна из них даже стукнула его тамбурином по голове, что он снёс с безразличием. Пришёл ещё один львина, и ещё, и ещё один; первый принёс простенький рожок, второй — сурму (этот длинный, змееподобный, тонкий инструмент Арад даже раз испробовал в игре, и он превосходно запомнил конец его раструба в виде голой львицы), третий — ещё тамбурин, но какой-то очень большой.

— Что это они? — спросил Арад Симсану, и взял за руку.

— Да вот этот с барабаном, — он почувствовал, как её пальцы вплетаются в его, а не просто позволяют себя обнять, и это было такое поглощающее, хорошее чувство, — сказал, что тамбуринщицы устроили поминки, а не праздник. И обозвал одну из них.

— Что теперь, музыки не будет?

Ответа не последовало, так как заиграл быстрый сунгмтари.

Снова всё — кроме нее — стало тёмно-оранжевым пятном. Это была работа, всё было серьёзно. Было бы хорошо потанцевать фромал, да: можно и поговорить во время него, и не устаёшь сильно, и вообще всё так чинно. Это же — быстрая дичь, и Симсана требовательна, и чем быстрее ты кружишься (а быстрый сунгмтари — это и есть одно кружение), тем больше ей нравится. После первого быстрого танца он понял, что с ней церемониться не надо; дальше он жёстко вёл её, но, казалось, чем сильнее и грубее он это

делает, тем лучше — она со всем справлялась, всё могла стерпеть, даже нарочито жестокое обращение.

Несколько раз Арад о кого-то стукнулся. Один раз Симсану попытались между танцами украсть, она не далась, прильнув к нему, а потом в умном манёвре сама отвела их обоих чуть в сторону от места покушения. Арада не пытался украсть никто. В мелких перерывах Симсана делала только две вещи: или повисала на нём, причём серьёзно так, приходилось пытаться устоять, и говорила какую-то переливчатую, смеющуюся ерунду; либо бесконечно утирала мокрый нос и топала лапой в нетерпении. Говорить нормально она разучилась, совсем — только смеялась или вздыхала. Она и не думала проситься на передышку, но Арад знал, что первым не сдастся, пусть она.

Не сдался никто. Весь первый заход они никуда не уходили. Странно, но никто ни на рожке, ни на лютне, ни на чём другом ни разу не сыграл, и львицы с тамбуринами, очевидно, притомились. Кроме того, появилось новое развлечение — возле гимназии появились обещанные акробаты и все пошли туда. Симсана походила взад-вперёд, высоко поднимаясь на когтях лап (и так делаясь ровней для Арада), посмотрела кто что делает, и поняла, что пока с танцами всё. Самовольно взяла оставленный тамбурин, потрясла им вверху, побила, потанцевала сама себе немножко, прокрутившись на месте.

Потом обняла, постукивая инструментом ему по спине.

— Ой, Арад, отойдём, притомилась.

«Хуууу», — подумал Арад. — «Ну наконец-то».

Она так и стояла вместе с ним, не желая уходить. Просто обняла, просто мурлыкала у его шеи, он хорошо это ощущал, очень. Кто-то сзади тихо подошёл и забрал у Симсаны тамбурин; она его безвольно отдала. Это была одна из найсаграй, что играли.

— Что, юница, любовь? — спросила.

Если бы кто стоял возле той найсагрийки, он бы увидел, как выглядят из-за его плеча её большие, сверкающие глаза, и как она зажмурилась в ответе: «Да». Но он, конечно же, этого не видел; для него Симсана пропустила вопрос меж ушей.

— Молодёжь, — довольно сказала хаману, и оставила их в покое.

— Что, Симсан, пойдём посмотрим фокус с тарелкой?

— Как хочешь. Я бы прошлась, остыла.

Подруга матери с его пасной пропала, и верно, стоило её поискать, но не захотел, это его не расстроило. Будет ходить так, в тунике, что уж, не замёрзнет. Чуть подумав, Арад повёл её вверх по улице к казармам стражи: во-первых, там есть родник, пущенный по жёлобу; во-вторых, так они будут идти к северной стороне Галлена по дорожке, где сейчас, считай

никого не будет. Несколько раз Симсана поднимала лапы и осматривала их, потом стряхивала с них пыль; Арад ждал. Ещё она обмахивалась подолом.

— Где ты училась танцевать?

— В Криммау-Аммау, — посмотрела на него.

— Ты же туда не попала.

— Мы с наставницей провели там две луны, после моего неудачного вхождения. Ой, — махнула она рукой, — для неё было непросто: в Галлене была куча дел, роженицы, дети, все просились, все ругались, но она сделала это, ради меня. Меня брали на занятия вместе со сталлами дисциплинария. Давай попьём, а?

— Как раз идём к жёлобу.

Арад попил так, засунув морду в падающий поток; Симсана пила аккуратнее, с ладоней. Намочила себе нос, оглянувшись с удивлением; её уши ходили, прислушиваясь к ночным звукам. Светила тусклая, молодая луна.

— Никого, даже в домах как-то темно.

— Я же говорил: фокус с тарелкой, он та ещё штука. Все пошли смотреть, — сказал он, снова засунув морду в поток воды. Вдруг, что-то себе надумав, быстро обернулся к ней: — Пойдём туда?

Вот что он увидел: она стояла к нему боком, и обмахивалась подолом свирь, задрав его высоко, почти к началу хвоста. Трудно возражать такому зрелищу, и Арад мгновенно подумал:

«Такие лапы. И теперь — мои, мне, моя».

Заметив его взгляд, бросила подол и чуть прижала уши:

— Ну жарко мне, — оправдалась, капля воды упала у неё с подбородка.

— Я думала, ты пить будешь, а не оборачиваться... Пряма анасурма получилась. Ой, мать-Ахлиа.

Прикрылась ладонью — уже привычный Араду жест.

— Что? Что это? — распрямылся он.

— Ты не знаешь, что такое анасурма?

— Я много слов знаю, — почесал он голову и посмотрел вверх, честно пытаясь вспомнить, — но такого не слышал. Это что-то сестринское?

— Ладно, — поправила она пояс и разгладила себе одежды.

— Как же «ладно», расскажи, что это, — предложил он пойти под руку, что она приняла, и пошли они в иную сторону от центра, к Галленской горе — Вышу, за казармы.

— Вот в словаре поищешь, не надо меня стеснять.

— Я лучше у отца спрошу, он точно знает, он любит старые слова, и древний язык, и всё такое.

— Ой, не надо у него, это немножко пошло.

— Ах так, мой папа не подходит? — обняв за талию, начал её щекотать (всё рассчитано, момент пойман). — Тогда я, при встрече, у твоего спрошу.

— У моего? — удивилась Симсана, пригладив ухо, и даже не защекоталась. Уточнила, с каким-то большим изумлением: — У моего отца?

— Да. Посмотрим, что он скажет, — сурово говорил Арад, продолжая обнимать сзади. — Он такой: «Ты где это услышал?». А я такой: «А мне Симсана об этом только и говорит».

— Ты у него не спросишь, — слабо молвила она.

— О, тебе уж не отвертеться, — прошлась его ладонь, внешней стороной, по её щеке.

— Арад, я... У меня нет родителей. Я никогда их не знала.

Он даже не сразу, не мгновенно понял, о чём это она, и всерьёз ли. Остановился, остановил её, посмотрел на неё. У Симсаны оказалось очень странное выражение, больше всего похожее, будто бы она провинилась в чём-то ужасном и неисправимом, и смотрела она ему не в глаза, а вроде как на что-то (или кого-то) за ним.

Он дотронулся носом к её.

— Я не знал, — держал её обоим руками за шею.

Арад тщательно наблюдал: она закрыла глаза; она не плакала (но он смог почуять — она всё держит); она дышала тихо; она вообще прислушивалась к тому, что будет происходить, не делала ничего. Он потёрся носом о её, чтобы развеселить, но нет, вышло не очень. Послышались молодые голоса — это галленцы с севера переходили по этой дорожке на ярмарку. Так-то все обходили гору с восточной или западной стороны, так куда удобнее; а тут идут только молодые, которым всё равно.

Арад отпрянул, не хотелось чужих глаз, и повёл её дальше.

Он молчал. Что тут скажешь. Говоришь, не думая, и вот, что получается. Ужасная неловкость.

— Есть такой город Альмсан, — вдруг негромко начала она, когда кучка из трёх львов и шести львиц (все старше их года на два-три) прошла мимо, — и в нём есть приют. Из этого приюта меня забрала наставница, когда мне был год, но она не могла со мной возиться, поэтому отдала одной хаману, что стала мне нянькой, она же кормилица, она же мачеха, в общем... стала всем, — смотрела она вперёд.

Арад слушал.

— А почему я в приюте? Я знаю, что мои родители ехали с кем-то там по дороге в Тобриане, их было много, торговый караван. Всех убили разбойники, меня оставили, и потом, потом меня подобрала стражи, или воины, я не знаю, и больше я ничего не знаю. А потом в приют пришла наставница, случайно, и меня забрала, и отдала тётке Ланри, и тётя Ланри вместе с сиром Тарной растили меня до семи, потом отдали наставнице. Наставница иногда приезжала ко мне, они ведь живут тут, недалеко. Я до семи жила с ними. Я даже была на свадьбе у дочери тётки Ланри, она тоже

со мной игралась, и сын у неё есть, уже большой. У наставницы тоже есть и сын, и дочь, сын далеко где-то, он вроде аж где-то за морем, в Кафне или где. А дочь в посёлке возле Муура живёт, мы у неё и пожили немного, однажды... А ещё она к нам сюда приезжала.

— У Ваалу-Миресли есть дети? — удивился Арад, но так, для разговору. Его занимало другое на самом деле.

— Да, конечно, взрослые. Она уже праматерь. Сына она давно не видела, лет пять, а с дочкой иногда видимся. Её Майси зовут. Майси-Майси. Она со мной играла, много...

— Идём на Выш, Симсани, — указал он на тропку справа. Следовало так-то идти прямо.

— Идём... — она даже не спросила, зачем.

Ибо там никого, и ничего.

Там никого не будет, не должно быть. Будет тропа с каменной стеной, ветер и знамя Империи на самом высоком месте во всём Галлене и окрестности.

— Симси, а ты знаешь, кто их убил и почему?

— Нет, нет... Какие-то разбойники, там в Тобриане есть много опасных дорог. А почему — так ведь ограбили, и всё забрали. Никто жив не остался, вроде как.

— Какой ужас.

— Я случайно выжила. Сначала наставница всё рассказывала, что я в люльке лежала и даже спала, но это враньё, я знаю. На самом деле — потом призналась — меня в повозке привязали, вот так, за пояс, — Симсана показывала, как, — даже непонятно кто это сделал, и так меня и нашли, потому что я ревела на весь лес.

— Легата нашла?

— То ли стражи, то ли воины, я уже не знаю, кто.

Они вышли почти на самую вершину, остановились на вытоптанной площадке; от весьма крутого склона отделяла только неровная каменная стенка в пояс высотой («Не садиться на такие! Никогда!» — помнил ещё с детства Арад). Ветра почти не было, знамя Империи оказалось безвольно, и Араду было вполне ещё тепло в эту ночь почти умершей Поры Огня.

— Ты что-то знаешь о них?

— О маме, о папе? Нет... — покачала она головой.

— А родня?

— Нет никого, Арад, — поёжилась она. — Я уверена, что где-то должны быть мои родные, но мы так с наставницей и не нашли никого. Она однажды сказала, что вроде как нашлась одна моя праматерь, что она живёт с Сунгкомнаасе, но и всё. Дальше слов дело не зашло.

Арад подумал, спрашивать ли дальше, или хватит.

— Что-то от них осталось? Вещи?

— Да. У мамы нашли мою метрику, в тубе, она её прятала под одеждой,

— Симсана показала на себе, как прячут вещи под одеждой.

— Значит, мамина и папина тоже есть?

Она с непониманием посмотрела на него. Потом даже с неё сошло выражение печали, замещённое сосредоточением. Она даже взмахнула рукой, словно спрашивая кого-то невидимого.

— Нет.

— Ну, если семья далеко едет, то в туб ставят все бумаги. Обычно так.

— Нет, только моя. Наверное, у папы и мамы они были отдельно.

— А Родовая Книга?

— Нет, не было. Только метрика. Одна единственная, всё, что осталось, Арад, всё, что осталось, всё, всё, всё. Это всё, что у меня было от мамы, это всё, Арад.

Симсана прильнула к нему, в поиске родства. Потом спряталась ему под шею, зарылась мордочкой возле плеча; он чувствовал, что она плачет, прилагая самые жестокие усилия, чтобы не делать это громко, явно. Арад ждал, и просто её гладил. Выдохнула. Успокоилась...

Ждать пришлось долго.

— Иногда мне кажется, что я что-то помню, — сказала она, не глядя на него, где-то там, внизу, у него на груди. — Помню, что было страшно и одиноко, и темно, вот как сейчас.

— Тебе сейчас страшно?

— Нет, сейчас просто темно. С тобой не страшно. С тобой не одиноко. Правда, сейчас ещё... зябко, — потёрла она плечи. — Тебе не холодно?

Так. Видимо, тепло не всем. Ну, знаю, львицы больше мёрзнут, всегда. Знаю ещё, что было ей совсем недавно так жарко; теперь вот бросило в холод. Следовало позаботиться, и самое простое — просто пойти домой. Но Арад *не хотел* ни в какое «домой»; он вообще не хотел спускаться — они существовали тут одни. Он не хотел идти ко всем Сунгам, к миру тёплой крови, ну их всех.

— Сейчас, — сказал он.

Под высоким столбом знамени (шагов десять), прямо в скальной земле, находилась подсобка, которую Арад хорошо знал, потому что несколько раз здесь бывал для разбора остатков древней наблюдательной башни. В ней кое-что есть, и это кое-что он сейчас задумал использовать. Он пошёл, не говоря ничего (он так любил, такая натура: берёшь, делаешь — и всё), Симсана — за ним, скрестив руки, вдруг вся отчуждённая и покинутая в облике.

— Ты что делаешь? — неуверенно спросила она.

Подёргал толстенные дубовые двери, все в железе. Ну ясное дело — закрыты. Но если всё осталось по-старому... Ключ, с полруки размером,

неудобный, как кочерга, хранили прямо тут же, засовывая в расщелину между камнями, нужно только не бояться ладонь засунуть. Что Арад и сделал.

— Что там? — ещё раз спросила Симсана.

— Я возьму тебе кой-что согреться.

— В смысле?

— Сейчас, подожди чуть...

Открыв двери, он наощупь подошёл к сундуку, больно стукнувшись при этом о какую-то железяку на полу. Оттуда вытянул длинный, тяжёлый кусок ткани. Так, сменные знамёна — на месте. Сейчас на столбе — праздничное знамя Империи Сунгов. Он вытащил какое-то иное, но в темное не видел, какое именно. Ну и ладно.

Вышел с ним наружу, перекинув через плечо и оставив ключ в дверях, дабы не потерялся.

— Идём, посмотрим на Галлен сверху, — взял её за руку.

— Что это за каморка? — смотрела она то на него, то назад, на тяжёлые двери, и бесконечно приглаживала ухо: её признак волнения, смущения, или вообще любой непонятной ситуации. Арад уже знал её эту штуку.

— Да всякое барахло держат.

Есть одно подходящее место, у старой, полуразрушенной стенки наблюдательной башни. Отличное даже, Арад там пару раз сидел с друзьями. Там видно реку Лиш, видно леса, видно южную часть Галлена внизу, всякое видно, можно вдали увидеть Яамрийское предгорье в очень хорошую погоду.

Арад укутал их знаменем (длинное, оно заволочилось по земле), уселся на редкую, потоптанную траву, опёрся о старую стенку. Ткань знамени поглотила всё: и холод, и остроты камня с землёй. Прижал её к себе, накрыл их сверху. Знамени много, им можно укрыться щедро, очень щедро, сколько хочешь.

— Вот, теперь не холодно. И на ночь поглядим, — подставил руку под затылок, а другую — у её талии.

— Откуда ты знал, что там есть ткань? — обняла его; самочья вещь — закинула лапу на него, хвост; он — на спине, она — на боку, к нему.

— Да помогал тут однажды, такое... — потёр нос, сощурившись. — Погреемся немножко, и пойдём.

— И ткань вернём? — уткнулась ему носом где-то у груди, совсем укрывшись где-то там, в тепле знамени.

— Само собой.

— Мне домой к десяти. Или к полночи, — спокойно сказала она, и начала мурлыкать: вовсю, громко, прямо аж вся, так долго не промурлычешь, это Арад знал, это нужно стараться, это надо делать намеренно; дол-

гое, ровное мурлыканье матери, оно почти неслышно, к нему нужно прислушиваться, подставив ухо к груди; а здесь, это мурлыканье львицы, которая... которая, наверное, любит, да? Он лишь впервые в жизни пожалел, что не имеет чего-то от самки, что не может ответить тем же, ибо львы не могут мурлыкать ни хорошо, ни громко, только немножко помучить горло, издав пару грозных, немирных звуков, граничащих с рычанием.

— Давай мы ещё побудем тут, ладно? Просто немного посмотрим, не хочется ещё домой. И вниз не хочется. Не хочется.

— Не хочется, — мурчаще повторила она, её слова слились в быстрых волнах.

Он вроде как видел перед собой очень бледный пейзаж, залитый молодым лунным светом, но не видел ничего, потому что прислушивался: к её левой ладони, ласково гуляющей у него по груди, и иногда он ощущал твердость серебра кольца сестринства, когда она доходила до шеи; к её хвосту, что бился кончиком о его лапу; к её щеке, что прильнула снова же к его груди; к волнам её мурчания. Он был так поглощён этим целостным чувством, что даже не особо отвечал ей, хотя — вроде как — обязан, должен, по правилу взаимности в любви. Он только прижимал её к себе и чуть отпускал, засунув ладонь за её пояс.

Он вдруг очень чётко и очень ясно понял, глядя на одинокое ночное облако, что дело — крах. Прежнего мира уже не будет, он разбился вдребезги. Будет «до», и будет «после» того дня, когда он в кровь разрезал себе руку возле той счастливой больницы. Счастливая кровь, всем бы такую. Дело уже не в поиске увлечения, не во львицах, не в подростковой горячей крови, не в Игре, не в Радуге Крови, даже не в Сунгах, и даже не в первом опыте, и даже не в утолении голода, и не в освобождении, и не в её столь уже необходимом запахе, и не в её красоте, стройных лапах, вообще стройно-тонкому сложению, правильному, не в глазах, её привычке приглатывать уши и её скрытной от всех, кроме него, склонности к жестоко-любящему аффекту — дать тебе по морде и покорно ждать последствий этого аффекта, не в приятности повадок, и не в её выраженному началу самки. Дело уже просто в ней. Да, это и есть то, что называют «любовь», подумал Арад, наверное, это она, хотя даже это слово ему казалось неточным, аж немного излишним. Он вошёл в её мир, нет, не так, он стал миром в её сердце, и больше всего она искала тепло и того, к кому можно будет прильнуть, вот так, вся. Арад понял, что теперь на нём — ответственность, причём самая большая из всех в его жизни; как же осторожно теперь нужно идти!

Он смотрел вперёд-вверх, пронзённый стрелой этого понимания, и даже не замечал, как она два раза приближалась к его шее с закрытыми глазами и прижатыми ушами, готовая ответить на любой его поцелуй, замирая горя-

чим дыханием в самой близости от него, не смея сделать это первой, покрываясь правилам вечной игры. На третий раз она нарушила запрет, и лизнула его шею, очень легко, совсем немножко, сама, своевольно, без его воли, всё сама.

Арад этого не ожидал. Он вообще не ожидал, что будет именно вот так, что по нему пробежит судорожная волна. Он сжал её от неожиданности, сильно, а лапы с хвостом дёрнулись; она выдохнула со стоном, но не пожаловалась; мало того, он прорычал ужасное, неприличное слово, прямо конец всему. Он забрал руку из-под головы и положил на её плечо, укрытое знаменем, и слегка прижал к себе, ну же. Он даже не хотел говорить ничего, просто сделай это ещё раз, просто пойми, ты же сестра понимания; это было совсем иное удовольствие, новой природы, нового мира, ибо до этого он целовал львиц, не они его, и это оказывалось не просто достаточным, это было всё, что нужно. Но оказывается, она тоже может; это — целое открытие, хоть её поцелуи и совсем иной природы и силы, они бесконечно нежны, в них нет жадности и жажды, и...

Она поняла, и сделала это ещё раз, но уже по-другому и в чуть ином месте: это было всё так же ласково, медленно, но бесконечно, бесконечно долго. Снова волна, снова напряжение аж до дрожи, и Арад не смог ни справиться, ничего не смог сделать, рука сама скользнула к её голове, быстро и сильно. Он даже не знал, что хотел сделать: то ли обнять её, то ли перевернуть, да что угодно, рука просто обрела свою волю, и...

...его родовой перстень зацепился за её железное кольцо мастерицы жизни в ухе. Сильно. Слишком.

— Ай! — взрычала и вздрогнула Симсана от настоящей боли.

Арад в это же время бездумно поймал что-то в ладонь, даже не поняв, что.

Симсана привстала и схватилась за ухо, затем посмотрела на него — кровь; у Арада впервые в жизни отняло дар речи, прямо совсем, он не мог ничего сказать, хотя хотел.

Она с ужасом посмотрела ему в глаза, даже забыв о крови:

— Арад, кольца нет, — быстро сказала Симсана.

Он сжал ладонь и почувствовал, что кольцо у него в руке. Это оно. Но вместо ответа, что кольцо есть, схватил себя за гриву. Катастрофа, вот это он, вот это он... вот это — смотри и учись — называется разрушить всё.

— Кольца нет, это очень плохой знак, Арад, — повернулась она к лунному пейзажу, полагая, что оно улетело куда-то в него. — Ты не видел, куда...

«Покажи ей кольцо, ну же!».

Что он и сделал, без единого слова, он только лишь потребовал её внимания, когтями дотронувшись к её руке. Она вмиг обернулась, его взяла,

рассматривая, словно видя впервые в жизни, а потом сильно сжала в кулаке. Потом приложила ладонь к уху, и снова посмотрела — теперь больше крови.

«Что ты наделал?!», — Арад ненавидел себя.

Толку от слов, надо что-то делать. Сначала он подумал о поясе, но миг понял, что тот не годится — ясное дело; поэтому заспиным ножом просто отрезал немалый кусок ткани от туники (мягкая, белая, шёлк — как раз); затем... Затем следовало снова взять её в свои руки, и усадить перед собой, но теперь возник серьёзный вопрос — дастся ли она ему в руки теперь. Это был чудовищный вопрос. Арад знал, что его ни в коем случае нельзя спрашивать у неё, она или пойдёт к нему, или нет. Можно было мягко. Можно было властно.

Была не была. Властно. Иди ко мне, садись тут, укрою знаменем.

Она принялась. Села перед Арадом на лапах, хвостом к нему.

— Дай, дай, дай сюда, — остановила она его торопливые попытки приложить ткань к уху.

— Я залижу, — наконец-то хрипло сказал он.

— погоди, — посмотрела она на кровавую белизну ткани, потом потрогала себе ухо, зашипела от боли.

— Я залижу, я осторожно. Дай, — торопился он.

— Посмотри: сильно разорвано?

— Да так, — сказал Арад, действительно не зная, что сказать.

— Оно всё порвано или просто так... ну, прямая дорожка, где было кольцо?

— Прямая дорожка. Я залижу.

— Давай, только осторожно.

Он начал. Вкус её крови. Симсана сидела послушно. Он схватил её за ладонь. Потом за вторую (ощутил в ней кольцо мастерицы жизни). Прижал её к себе, и стало её очень жаль, невероятно, как никого и никогда, больше, чем себя. Он почувствовал, что нечто тёплое щекотно скатилось с уголка левого глаза. О, нет. Вот всё что угодно, но не это.

«Не плачь, мерзавец. Не плачь. Самое последнее, что ты должен делать перед львицей. Ты что, дурак? Не плачь же, да что с тобой не так, ты же знаешь, этого нельзя делать никогда, что ты делаешь? Возьми себя в руки! Взял. Себя. В сталь».

Всё. Взял. Воля вернулась обратно.

— Как тебе? — он попытался спросить мягко, но не получилось.

— Хорошо, — как ни престранно, она сказала именно это слово: «хорошо».

— Симсана? — хотел он ей что-то сказать (но ещё не знал, что), осматривая ухо. Кровь уже, считай, не шла. Но Арад продолжил, и вылизывал он ей ухо так бережно, насколько вообще способен.

— Хорошо, что ты поймал кольцо. Это превосходно, Арад. У меня великое впечатление, чувство, что... — глядя на пейзаж, начала она отстранённый монолог, назначенный даже не ему, Араду, а так, миру. — Самое главное — есть кольцо. Я потом наново пробью ухо, это не страшно, мелочи. Кровь — не страшно, мы, мастерицы жизни, всегда в крови, знаешь, говорила мне кормилица Ланри, что однажды её со мной, маленькой совсем, остановила на рынке какая-то мантисса, не Ашай-Китрах, а так, какая-то львица, может даже львица веды, кто знает, и напредсказывала, что у меня руки будут по локоть в крови. Тётя Ланри, тётя Ланри, знаешь, обозвала её сумасшедшей, и забоялась, она не понимала знаков и образосмыслов мантики, она ведь просто добрая Сунга. Ты поймал моё кольцо мастерицы жизни, Арад... Ты его забрал, ты его вернул. Я ещё не пойму знака, мне, наверное, стоит прочесть энграмму или посновидеть, чтобы меня пронзило понимание, но я не могу, потому что я на свидании со львом, на нём невольно вестись, как вздумается, потому что всё, что мы делаем — должны делать хорошо, в этом и есть аамсуна, поэтому я не волнуюсь, потому что Ваал велик, он не даёт нам тех знаков, которые мы не способны обнять... — и замолчала она.

Развернулась к нему, легонько толкнула его в плечо. А потом — раз! — и ткнула ему указательным пальцем в нос, резко, но так-то не больно, и так держала его. Арад аж перестал дышать.

— Теперь я знаю твою слабость.

— Какую? — обескураженно спросил он.

Указала ему на шею.

— Теперь даже не просись, чтобы я это делала. Хоть по стенкам лазяй. А то живого места на мне не оставишь, — и чуть его толкнула.

Он прильнул обратно к стенке, она же снова улеглась ему на груди. Арад снова укрыл их обоих знаменем.

— Ничего, — сказал он. — Ничего, скоро я узнаю твою.

— Ха. Ха-ха. Ха-Ха, — картинно посмеялась она, мол, успехов, нет у меня ничего такого, никаких слабых мест.

— У меня есть некоторые догадки.

— Это ещё какие? — с вызовом спросила она, улёгшись на шее так, чтобы смотреть на небо.

— Слушай, — резко сменил он тему, — давай мы тебе ухо замотаем тем куском ткани. Где он?

— У меня в руке. Не надо.

— Почему? — немного удивился Арад.

Она вытянула руку из-под знамени, прямо вверх, поиграла пальцами, даже когти показала.

— Я буду выглядеть глупо. Кроме того, он точно грязный. Лучше пусть так.

— Может, пойдём тогда к тебе домой? У тебя точно есть мазь, эта, как её...

— Мазь кири, и есть не только она. Пустое, не хочу домой. Или всё? — привстав, развернулась она к нему. — Или свидание оглашается тобой законченным? — сощурила серые, ночные глаза; он почувствовал, как у его лапы забился её хвост.

Он подвинул её выше к себе, всю, направил ладонью её щеку, подбородок, помня о раненном ухе, приложил ладонь к её шее и поцеловал. Податлива, покорна, он чувствовал, как она вся расслабляется, растекается, совершенно тает; он совершил свою любимую хитрость — подсмотрел, что она делает, как выглядит во время поцелуя, ибо точно знал, что она смотреть не станет (что-то очень древнее запрещало львицам это делать). Арад вспомнил на миг о старой, глупой байке, ходящей среди львин его возрастов, что чем сильнее львица прижимает уши во время поцелуя (и не только во время него, там ещё много всяких обстоятельств напридумывали), тем сильнее тебя любит.

Всё-таки невозможно устоять, если на тебя львица закинула лапу, и Арад пролез ей под подол и пустился в путешествие по колену, потом — бедру. Медленно, не спешить. Выше, ещё. В ней ничего не меняется, она слушает, о да, конечно же слушает, но играет в маленькую игру с названием «ничего не происходит». Безумно захотелось сменить путь, уже почти у самого верха, и пуститься по бедру и ниже хвоста, он уже чувствовал опасную близость этого жара, он там ещё никогда не был; мельком видел, признаем — но никогда не был. Но устоял, и даже не из-за правил и обычаев Игры (он знал, что Симсана стерпит недолгое путешествие, простит ему самцовое любопытство), нет, а из-за совета Ваалу-Миресли. Не надо рукой, не надо. Сделаешь иначе.

Он аккуратно отпрянул, оставив её, зацелованную, у себя под шеей. Но руку на верхушке бедра оставил.

— А кольцо есть? — буднично спросил.

— Кольцо я спрятала, не переживай, — негромко ответила Симсана.

— Что будешь с ним делать?

— Как что, — почувствовал, как она пожала плечами. — Сделаю новую дырку в левом ухе, буду дальше с ним. Мастерицам жизни так положено, вот моя наставница носит, все мы носим.

— Она прекрасная львица и Ашай-Китрах, правда?

— Наставница? — как-то радостно спросила Симсана.

— Да, я от неё в восторге, — Арад не чувствовал, что слукавил для того, чтобы понравиться.

— А я ей вечно должна, ведь она забрала меня из Альмсанского приюта. И каждый раз на мой вопрос «Зачем?» у неё новый ответ. Я та, кто я есть, именно благодаря ей. Я...

— Я тоже вечно должен ей за это.

Симсана заулыбалась, он чуть сильнее прижал её к себе; она снова спряталась где-то там, на груди.

— Я тут подумала. Я имею: наставницу, её дочку, кормилицу и её мужа. Это мои близкие, сколько помнюсь. И...

— Ты мастерица жизни. Тебе это нравится, правда? — спросил Арад, перебив.

— Это всё, что я есть. Это всё для меня, Арад. Это самое лучшее, что может быть.

— Значит, хей, у тебя есть ещё целое сестринство.

— Да, да.

— Была бы ты в дисциплинии, наверное, ты бы это ощутила куда сильнее.

— Точно.

— Подруги всё подле тебя крутятся, да и вас с наставницей львицы, мне кажется, очень уважают.

— Приятно.

— Ещё есть один лев. Ты его не так долго знаешь, как остальных. Но он...

Симсана приподнялась. Долгий долгий взгляд на друг друга. Очень долгий.

— Что ты со мной делаешь? Я не могу ничего с собой поделаться, — она бессильно упала снова ему на грудь, и он получше укутал её тканью знамени. — Я так... Я совсем...

— И не надо ничего с собой делать. Я всё сделаю.

Хихикнула.

— Так уже и всё.

Помолчали.

— Мне очень хорошо с тобой, Арад, — тихо, почти шёпотом молвила Симсана.

И вдруг очень сладко зевнула.

— Я тебе признаюсь кое в чём, — так же тихо сказала она.

— В чём? — Арад попытался скрыть нетерпеливость жгучего любопытства.

Она несколько раз вдыхала, и Арад понимал, что это вот-вот проговорится, скажется, но каждый раз Симсана не решалась, передумывала, искала новые слова.

— Но давай не сегодня, — наконец, вот так сказала.

— Отлично, хорошо, что не сегодня.

— Это ещё почему? — капризно, чуть обиженно спросила она.

— Это значит, что у нас будет завтра. А не только сегодня.

— Мрррр... — довольно промурлыкала она. — Вот ты какой хитрый.

— Ушко болит? — пригладил он её.

— Так, немножко. Я вот думаю, что сказать наставнице.

— Правду.

— Это точно.

Полежали.

— Так чем моя наставница тебе понравилась?

— Да... всем, — ответил Арад. — Да, у меня с ней был опыт: она на меня так посмотрела, это было так странно. Я никогда такого не ощущал.

— Взгляд, да. Страйя, — буднично согласилась Симсана.

— Ты так умеешь?

— Нет, не очень, нет такого дара.

— Зато ты усыплять можешь, — вспомнил Арад.

— Ахам.

Вдруг ему — от любопытства — пришла отличная идея:

— Слушай, а можешь меня попробовать усыпить? Дай мне испытать эту штуку.

Она пошевелилась.

— Арад, тут нечего пробовать, я тебя усыплю. Ты уснёшь, — даже как-то грустно молвила она.

— Давай попробуем. Я буду сопротивляться, просто буду лежать и изо всех сил не спать, — настаивал он.

— Ах, Арад... у нас есть связь, я тебя чувствую, ты не сможешь не заснуть. Смешной. Да не обманываю я тебя, могу я усыплять, ложь в обладании дарами духа, аааам... — зевнула она. — Ах, карается по Кодексу.

— А как она карается по Кодексу? — ладонь с бедра перескользнула к её хвосту; он пошёл вниз по всей его длине, теребя его и играя; с её стороны протеста, что из хвоста сделали игрушку, не было.

— Уж точно не так, — справедливости ради, она сделала очень слабую попытку освободить хвост.

— Ну пожалуйста. Мне очень любопытно, — попросился Арад, уткнувшись носом ей меж ушей. Её запах. Его никогда не может быть много.

— Удивительно, что могут хотеть львы на свидании, оказывается.

— И что ещё львы хотели... на свиданиях с тобой?

— Ты у меня первый, — просто сказала она, — у меня с тобой первый поцелуй, первое свидание, — уюстилась поудобнее. — Первая Игра. Во всём первый.

— О... — не знал, что сказать Арад. Это было неожиданно. И почему-то очень приятно.

В это же время, ещё одну неожиданность подарило его путешествие по хвосту. Оказалось, что кончик её хвоста раздваивается в самом конце, это необычно, Арад не думал, что такое бывает.

— Закрой глаза, — сказала она ему.

Он так и сделал.

Она подалась вверх и теперь совсем рядом — её нос возле его. Арад захотел пошевелить рукой (чтобы поправить ткань знамени, укрыть их получше), но Симсана ощутила, упредила и запретила, мягко. Так он лежал под её тихое мурлыканье некоторые мгновения, а потом понял одну интересную вещь, что весьма захватила: когда она вдыхала, то он — тоже; дыхание стало совместным. Вроде простая вещь, но такая радуга чувства — её тёплое дыхание на носу.

Дальше произошло более странное: она — он чуял — отпрянула, уже смотрела на него сверху вниз, а ощущение тепла её дыхания сохранилось: и у него на носу, и на усах, и на рту — тёплый ветер при каждом выдохе.

Тут ещё ворвалось в сознание то, что она — оказывается — напевает очень простой, гармоничный мотив. Певучий, красивый, ему понравился, ничего необычного, только удивительно то, что он понимал: напевает она уже давно, а заметил — только сейчас. Вдруг, при очередной тёплой волне, она протянула по мотиву:

— Ансиан-саахиим...

Он никогда не слышал таких слов, и не мог понять языка, даже предположить не мог, откуда это и почему. Гласные бесконечно растянулись, звучало это как «Ансиаан-саахиииим...»

Она дала ему отдохнуть. А потом снова:

— Ансиан-саахиим...

Второй раз это произошло совсем странно: словно голос был или крайне громкий, или повсюду, или прямо у него в голове. Чувство полёта, вверх-вверх-вверх. И снова. И снова. Арад чувствовал, что просто исчезает — такое безмерно счастливое чувство, всем бы так.

**

Шум падающих камней, необычно светло в глазах — Арад проснулся.
Ранний рассвет.

Он встал, немного посидел в сонливом неверии. Посмотрел вправо-влево — слева спала Симсана, с приоткрытым ртом, подложив обе ладони под голову (левое ухо — сверху, следы крови), безмятежно совершенно, укутавшись в — о, не может быть! — Знамя Войны Сунгов.

«Я же обещал, что мы вернёмся до полночи...».

— Симси, Симсана, — потряс он её. — Вставай.

Она пару раз покачала головой, постонала, а потом открыла глаза. Медленно встала, пригладила себе шерсть, посмотрела на него.

— Доброе утро.

— Привет, — ответила, и закрылась руками, подогнув лапы. — О, великий Ваал...

— Хорошечно так уснули. Надо идти. Вставай, я заберу знамя.

Симсана поглядела под себя, ловко встала, потом сошла с ложа, на котором спала:

— Мы спали на Знамени Войны? — поглядела она на золотое солнце, из которого исходили лучи-стрелы.

— Оказывается, да, — взял он его с земли, попробовал отряхнуть.

— Великий Ваал, пощади нас. Это же нельзя, нельзя!

Она ему помогла, взялись за концы, отряхнули. Смотрели друг на друга и не могли поверить в происходящее. Сложили знамя вместе, молча, Арад понёс его:

— Сейчас приду, будь тут.

И как только он подошёл к каморке, он услышал чьи-то шаги и разговор. На Выш ходили часто, раз десять в луну; так не раз делал Арад вместе со служителями магистрата, что отвечали за знамёна и знаки. Это — один из таких дней.

«Быстро открыть, кинуть знамя, закрыть, смыться... Нет! Долго! Будешь в мышеловке. Бросить... Утащить с собой... Видно очень, заметно, видно будет, как с ним идти?! Бросить у дверей, сложенное. Да!», — Арад продумал всё это в один удар сердца.

Надо было убегать.

Арад бросил знамя у дверей, и побежал к Симсане.

— Уходим, тут пришли, — громким шёпотом сказал он и схватил её за руку, пока она пыталась причесаться, или расправить себе одежду, или привести в порядок, или что там ещё львицы делают.

— Кто? — как всегда, неуместные вопросы.

— Уходим, с магистрата пришли на Выш.

— Оооо... — испуганно протянула она. — Что будет?

— Тихо. Сбегаем, и ничего не будет, — торопился он по крутому, травяному, скользкому от утренней росы склону.

Он знал путь, эту крутую тропку с другой стороны Выша, Симсана — совершенно не знала. Побег получился удачным. Один раз наткнулись на болото на дороге из-за разлившегося ручейка, он бы перепрыгнул, но Симсана засомневалась, и он перенёс её так, взяв на плечо, как полезную в хозяйстве и ценную вещь, не долго думая, и представлял себе, что несёт пленницу куда-нибудь себе в логово или на продажу, и это было очень весело и азартно, он даже засмеялся, хотя и изрядно вымарал лапы. Он нёс её куда дальше, чем требовалось, уже давно была сухая земля, и Симсана начала проситься, а он вместо этого просто укусил её за бок, потом хорошо так хлопнул возле хвоста, и только потом опустил на землю, причём резко. Ошалевшая от такого обращения, Симсана выдала два-три нервных смешка.

Дальше они вышли на улицу, и вид у обоих был тот ещё. Арад порвал ножом тунику, на ней были капли её крови, лапы все грязные и сам он имел одичало-счастливый вид. У Симсаны — разодранное ухо, кровь на одежде (почти не видна из-за цвета), и взъерошенность от Арада; у неё был испуганно-счастливый вид, в свою очередь.

Арад нёс какую-то жуткую ахинею о том, что рано утром вставать полезно, ибо так делают стойки, и торговки, и матери, и вообще все львы и львицы дела. Симсана слушалась и соглашалась вообще со всем.

Виднелся уже дом Ваалу-Миресли.

— Я обещался, что мы вернёмся до полночи, — Арад, наконец-то, решился затронуть страшную тему.

— Она меня убьёт, и тебя тоже, — схватила она его за плечо. — Арад, тебе лучше пойти домой.

— Я пойду прямо к тебе домой, и прямо до конца, — отрезал он.

— Она будет зла, я серьёзно говорю. Я даже не знаю, что будет.

— Может, её дома нет?

— Есть... Я уже вижу, что есть. Аааа... — простионала Симсана, кусая коготь. — Вот она, у окна сидит. Ваал, она нас видит. Арад, беги, пока не поздно.

— Никогда, — радостно ответил он и взмахнул грязным хвостом.

Они просто шли рядом, но вдруг Симсана взяла его за руку. Потом, когда вошли уже во двор, взяла его под руку. Встали перед дверью, она сжала его руку, аж впиалась когтями.

— Может, постучим? — предложил Арад.

Симсана покачала головой, мол, нет, жди, и тут медленно, торжественно открылась дверь, и в проёме явилась Ваалу-Миресли в простом домашнем платье и огромной зелёной накидкой на плечах.

Она не смотрела на него, но только на Симсану. О, да, подумал Арад. Ей не избежать разговоров. Бедная Симси.

Тем временем Симсана вдруг подошла к наставнице, присела перед ней на одно колено и взяла её левую руку в две ладони; выглядело это как... «Наверное, так Ашай-Китрах просят прощения, если сильно провинились», — подумал Арад. Миресли посмотрела на Арада, и взгляд не предвещал совершенно ничего доброго, и приложила руку меж ушей ученицы. Симсана встала, и тут Миресли заметила ухо. И отсутствие кольца.

— Это что?! — изумлённо спросила она у Симсаны.

Вместо ответа ученица вытащила откуда-то из-за пояса кольцо мастерицы жизни, второпях показала.

— Зацепилась, — улыбнулась во все зубы. — Ухо немножко пострадало, но кольцо есть, — держала она его в пальцах, как найденное сокровище.

— Это я ей ухо порвал, — отозвался Арад.

Симсана обернулась к нему. О, Ваал. Ну постой, помолчи, ну хотя бы сейчас, может как-нибудь всё обойдётся... О, нет.

— Зачем?! — потрясая обоими ладонями у головы, спросила у него Миресли.

— Это вышло случайно, я не хотел.

— Ясно, что не хотел! Если бы хотел, я бы тебя прямо тут зарезала. Ты... Ты... А ты? — посмотрела она Симсану, у той враз прижались уши, что уже успели отойти. — Посмотри, что он с тобой поделал: ты вся пахнешь самцом, он тебя потаскал, — подёргала её наставница за одежды, — ухо тебе порвал, домой вернул, когда ему взбрелось — а ты довольна стоишь. Лев мечты, ну. Посмотри на него, вон каков. Что вы вдвоём творили, я не пойму?! — не дождавшись ответа, Миресли завязала себе накидку на груди. — Ладно, потом поговорим... Ты, — показала на Арада, — несерьёзный, я тебя просила до двенадцати, ты обещал. Ты нарушил договор. Мало того — ты с неё сорвал кольцо мастерицы жизни, а это уже совсем. Всё, не прощу, иди прочь.

И закрыла дверь, забрав Симсану вовнутрь.

Арад постоял, потом присел на ступеньку у двери, пригладил гриву. Зевнул. Как ни странно, громких разбирательств внутри дома не было — только что-то вроде тихого разговора. Потом постучался в двери.

— Ты ещё тут?

— Ваалу-Миресли, сиятельная. Можно я тоже на колено встану?

— Нельзя.

— А можно объясниться?

— Нет.

Закрыла дверь.

Арад вздохнул. Он не знал, зачем это делает, если честно. Это было уже невежливо. Наверное, это была уже серьёзная грубость. По мерам его воспитания и его круга — невероятное хамство. Но он снова постучал.

Как ни странно, Ваалу-Миресли открыла снова.

— А можно со Симсаной попрощаться?

— Что ты имеешь в виду? — упёрлась кулаком в бок мастерица жизни, и тон у неё был — впервые за это утро — не раздражённый, а скорее, озабоченный.

— Я хочу сказать «до свидания», не успел. И она тоже не успела.

— Она в балинейной, отмывается от тебя, — кивнула Ваалу-Миресли вовнутрь дома. Посмотрела на его грязные лапы: — Заходи, не впускай холод в дом. Но стой тут, — предупредила, показав на дверь. — У меня чистота в доме, тут нельзя грязь носить. Рожают тут. Понимаешь?

— Понимаю.

— Не понимаешь ты ничего, гривастый, — постучала ему по голове ладонью. — Ни-че-го ты не понимаешь. Ничего.

Поставила маленький стульчак, так-то предназначенный, чтобы ставить на него лапы, когда надеваешь кнемиды или там моешь. Арад стоял ровно, прямо возле выхода в предвхожей, как она и указала. Но Миресли села на лапы, прямо вот так, на пол, а на стульчак опёрлась рукой, и села не просто так, а со смыслом, с осанкой, она даже — кажется — поправила себе хвост, хоть он вообще скрыт платьем.

Арада немного удивила её повадка — необычно.

— Вот смотри, ты обещал её вернуть, а я, считай, и не спала почти всю ночь, — говорила она, сидя прямо на полу. — А мне сегодня к двум львицам надо идти, и Симсане, значит — тоже. Я не спала, она не спала — ну хороши мастерицы жизни, уснём там, — жестировала она рукой, и у Арада начал возникать диссонанс. — Ну? Как я могу тебе верить? Как я могу рассчитывать на тебя? И кто виноват? — подняла она руку в вопрошающем жесте.

Арад внял, что именно явилось причиной несоответствия реальности и ожидания: он был в доме простой мастерицы жизни в провинциальном городке, которая ещё мгновение назад больше всего напоминала сварливую повитуху, но теперь ему казалось, что на невидимых подушках невидимого ложа возлегла патрицианка и рассуждает о вещах жизни. Вдобавок всё происходит тут, в предвхожей, и этот грубый табурет — диссонанс оказался сильным. Манеры неподдельные. Что происходит?

— Она послала, между прочим. Я виноват. Я прошу прощения, превосходная.

— Ты виноват? Не она? — вопросительно наклонила она голову.

— Не она.

— Водил её, сколько хотел, да?

— Да, — подумав, ответил Арад.

— Ваал мой, а она домой хоть просилась?

— Ну так... да, да.

— Что случилось? Где вы были?

Арад прислонился к окантовке двери, посмотрел вверх.

— Мы сначала танцевали на ярмарке, потом пошли на Выш, потом... Мммм, это сложно объяснить. Но у нас было всё хорошо, пусть сиятельная поверит.

— Замечаю, что у вас всё хорошо, даже слишком. Ещё не видала, чтобы львицу так понамучили, а она столь довольна ходила. Ведётся она счастливицей, полной чашей. Попробуй пойми, да, Арад? — посмотрела Ваалу-Миресли в сторону, и он увидел в утреннем свете окна её профиль и седые шерстинки на ушах.

— Да.

— А кольцо как сорвали?

— Я её обнял, вот так, — попробовал показать Арад в воздухе, но получилось смешно, — и... это... я вот так... и раз! И всё.

— Священный огонь, Арад, мне даже сложно представить, что вы там вытворяли. Ты её портишь, Арад, — начала гладить она подбородок, глядя искоса, снизу вверх. — Ты её уже испортил, совсем её растряс.

— Превосходная Ваалу-Миресли, можно левую руку сиятельной к моей услуге?

— Во-первых, присядь подле.

Он так и сделал, с другой стороны стульчака.

— Во-вторых, зачем?

— Я хочу её поцеловать в знак благодарности, за всё.

— Не подлизывайся. Каков же ты. Первое: обещаний не держишь, лжёшь нас. Второе: подлизываешься. В итоге: лжец и подлиза.

— Я расскажу Ваалу-Миресли о ней, — показал в сторону комнат Арад. — Превосходная о Симсане знает? Наверное, всё знает, но я всё равно расскажу. Я, честно сказать, без понятия, какая она Ашай-Китрах, подозреваю, что отличная. Вот усыпляет она здорово... Я очень мало в этом смысле, — его мысли хаотично прыгали, он хотел сказать всё, здесь и сейчас. — Я вообще когда-то вас всех представлял не такими, какими-то другими. А оказывается, Ваалу-Миресли, Симсана она такая превосходная львица, такого изумительного... всего. Нет ничего, что бы мне не нравилось. Если даже и есть, то это неважно. Она даже лучше, чем та львица, которую себе рисуешь в мечтах, тот идеал. Мне даже страшно, что я так откровенен, потому что выгляжу по-дурацки. Но это всё правда, — сжал он кулак перед ней, словно угрожая.

Миресли слушала внимательно. Впечатлилась ли, или нет — сказать невозможно.

— Она — твоя первая любовь. Потому такие чувства, — просто подытожила она.

— Так что, дело только в том, что она — первая любовь? — Арад, признаться, в это не поверил. Никак.

— Вроде того.

— Нет, — вдруг отрезал Арад, покачал головой. — Неправда. Дело не в этом.

— Идеалист, — ухмыльнулась она.

— Я худший прагматик из всех самых мерзких прагматиков. Стоик и прагматик, — провёл по шее несколько раз — символ стоицизма.

— Ты идеалист, как и почти все из вас, — сощурилась Ваалу-Миресли, и погладила его по голове, гриве. — Тебе далеко до прагматизма самки.

— Ну и пусть. Да какая разница. Я всё равно благодарен Ваалу-Миресли и всему сестринству за Симсану, — он вдруг нарушил границы и сам взял её руку в свои. — Она мне рассказала о своей судьбе и о том, что превосходная забрала её из приюта. Я жил целых пятнадцать лет, и не знал, что она здесь, рядом. Я признаюсь, как было дело. Сначала я просто хотел себе найти подружку для Игры, да, вот решил попробовать с ней, ну и ладно. Сначала дело было во всём этом, в простом. А теперь... И поэтому, превосходная, я в долгу перед сиятельной, перед сестринством и перед... — он вдруг сильно закрыл глаза и приложил к переносице кулак. — Ваалу-Миресли, я ещё, наверное, и говорун, да? Я всё разболтал, да? Так не делают ведь, правда? Я смешон?

— Ты лучше будь осторожен. Слышишь?

— Да.

Она махнула рукой. «Да» все могут говорить.

— Ты ей даёшь то, чего сейчас дать не может никто, кроме тебя. Ни я, ни сестринство, ни муж её кормилицы, которого я так пыталась привлечь к её воспитанию, но так тщетно, и ещё пару всяких, и кого только не, ибо ты не представляешь, как это важно для львёны — быть в общении со львами. Я могу привести сюда всех сестёр Криммау-Аммау, и они не смогут помочь делу. А ты — можешь. Ты теперь лев в её жизни, и я боюсь тебе говорить, какая на тебе теперь ответственность, и пусть Ваал поможет тебе, хоть ты и анваалист. Будь хорош, ты много значишь. Будь Сунгом безупречной доблести. Ей нельзя... — Миресли помахала рукой, нет, не то. — Её нужно убедить, что... не делай ей больно, Арад, она уязвима. Она будет играть в силу, что всё — нипочём, в гордость, но всё равно — она очень уязвима.

Она сделала очень торжественный жест, две руки перед ним — вверх:

— Вот что значит «всё разболтать». Вот так это делается.

Ваалу-Миресли небрежно ударила коготками по дереву табурета.

— Ну что, Арад. Я было уж решила тебе довериться, а теперь — не знаю. Всё-таки обманул ты меня со Симсаной.

— Если сиятельная о том, что мы припозднились, то это вышло, можно сказать, случайно.

— И ты совершенно не владел обстоятельствами?

Арад задумался, посмотрел вокруг, потрогал веник и оторвал от него соломинку.

— Не порть мне веники. Ученицу испортил, так хоть их не трогай.

— Владел, Ваалу-Миресли. Просто отдался течению событий. Мне было слишком хорошо.

— Ладно, прощу, на этот раз, — вдруг легко согласилась Ашаи-Китрах.

— А что сиятельная хотела меня...

Вдруг открылась дверь вовнутрь дома, и явилась удивлённая мордочка Симсаны.

— О, наставница, Арад. Вы всё ещё, эм, не закончили, эм, беседу?

— Ты уже помылась? — удивлённо спросила Миресли.

— Нет, только иду, — робко ответила Симсана.

— О, моя ученица, пропала бы ты сталлой в кондо дисциплинария, — и повернулась к Араду, показывая на неё. — Она час может мыться, и это только мыться. Видал такое?

— Наставница! — несмело возмутилась Симсана, вся в недоумении.

— Он сидит, — указала Миресли на Арада, — так как ты с ним не попрощалась, и я тут у него в заложницах. Видишь, какой угрожающий вид.

— Да, я сижу на хвосте наставницы, Симсан. Она не может встать.

Симсана показалась в проёме вся, обёрнутая большой балинейной тканью, от плеч до когтей лап, держа ладонь на груди.

— Арад, ну ты чего, это же больно... — неуверенно сказала Симсана, и Ваалу-Миресли вдруг затряслась от смеха.

— Я пошутил, — со смешливой мордой сказал он.

— Моя наставница не злится на Арада? — Симсана пыталась скрыть радость.

— Злюсь, конечно, — поднялась Ваалу-Миресли, и теперь вовсе не как Ашаи-Китрах, и не как патрицианка, и без рассчитанного движения, а так, как повитуха. — Как на такого не злиться. Ну, прощайтесь, и бегом в балинею.

И вышла прочь.

Симсана подбежала к Араду.

— Как ты её задобрил, как тебе удалось?

Вместо ответа он подмигнул.

Они поцеловались.

— Когда ты будешь снова свободна?
— Я уже продумала, давай так: я тебе письмо пришлю.
— Письмо? — удивился он.
— Записку, — с укором сказала, глядя ему из глаза в глаз. — Так делают в дисциплинариях, мне рассказывала наставница, у Ашаи-Китрах так принято. Я тебе намекну на время, когда можно придти.
— Ну хорошо. А тебе не проще придти ко мне домой? — спросил он, и сразу понял, что сказал многослойную глупость. Но сказанного не вернёшь.
— Арад! Я же не... Письмо — это ведь романтично, интересно, — обиделась она.
— Виноват, глуплю, устал, под впечатлениями от времени с тобой. Это как сон. Золотой сон. Спасибо, Симси.
— Мне было очень хорошо.
— Ну, до встречи.
— До встречи, Арад.

**

Симсана посмотрела на сильно закрытую Арадом дверь, крутнулась два-три раза, не вовлекая в движение лап, метнула хвостом, улыбнулась сама себе, а потом превратилась в самую взрослую серьёзность и зашла в главную комнату. Наставница указала в сторону балинейной, мол, иди, мойся и хорошись; не радуется, но — вроде — и не злится, Симсана знает, когда Миресли воистину зла. Симсана ушла и всё делала, как положено; иногда умывалась водой и вздыхала, прижимая влагу к скулам, иногда улыбалась чему-то (кому-то) невидимому. Один раз укусила клыками губу, пару раз прокрутилась, а ещё смотрела себе на лапы. Много раз трогала порванное ухо, и из-за него решила не окунаться в балинейной бочке с головой.

Вернулась в жилое, поднялась по лесенке к себе, там обсушилась и пришла в одной ночнушке прямо к наставнице, что перематывала длинный шнур, который давали роженицам в руки одним концом, а второй подвешивали к потолку (им помогает, и держаться есть за что); наставница приказывала стирать даже его, помимо сонма иного тряпья, причём расплетая. Она же указала: нет-нет, иди к себе, я сейчас приду.

И сейчас пришла. Ваалу-Миресли усадила Ваалу-Симсану возле огромного зеркала у кровати, сама ученица очутилась на краю, а наставница за ней, на кровати, лапы под себя; ещё Ваалу-Миресли нанесла с собой всякого: и мазь кири, и спирт, даже иглы, нож, бритву и страшный чёрный порошок, и всякое ещё, и долго это раскладывала на тумбе рядом.

Так и они и смотрелись в это зеркало: сначала серьёзно-славная Ваалу-Симсана, потом, сзади — сосредоточенно-усталая Ваалу-Миресли. Настав-

нища осматривала ухо, трогала его, посмотрела на ученицу в зеркале и чуть подняла ей подбородок и поправила положение руки. Потом снова начала смотреть ухо.

— Рассказывай.

— Это из-за меня, — приложила ладонь к груди Симсана, на миг.

— Огнеясное дело. Что случилось?

— Я усыпила его, — пристально смотрела на себя в зеркало Симсана, — энграммой на сон, и заснула сама.

— Будто ты не знаешь, что такое возможно, правда? Какая неожиданность. И зачем? — наставница взяла мазь на пальцы и очень так критически рассмотрела её. — Упражняться в таких дарах духа на льве, с которым пошла на свидание — это, скажу тебе, — наставница намазала ей на ухо, осторожно, — экстравагантно.

— Мы начали об этом говорить, он начал. Он попросил.

— А, ну раз попросил, — со саркастичной серьёзностью протянула Миресли, — то как можно было отказать, вне вопроса.

— Наставница... — поглядела долу Симсана.

— Уши не прижимай! Я же... Ой, Симсан, — развела Миресли руками и посмотрела на неё в зеркале, — я даже не знаю, есть ли смысл это зашивать. Хуже можно сделать. Это, будешь теперь такая, с рассечённым ухом. Посмотрим, как заживёт.

— Как львицы Ваал-Сунгов древности, — улыбнулась Симсана. — Будет память.

— Я так вижу, он тебе голову откусит, а ты скажешь, что он — бедненький — очень кушать хотел, — бессильно, иронически улыбалась Миресли.

— Как же я что-то скажу без головы.

Наставница покачала головой. «Пропала! Испортилась начисто!». Вдруг устрашающе изрекла, обмазывая кольцо мастерицы жизни спиртом.

— Смотрите мне оба!

Симсана всё поняла.

— Наставница, он хороший.

— Хороший... Все они хороши. Не надо так ему потакать. Знай честь. В самца иногда надо когти впускать.

— Он ведь нравится наставнице? — нетерпеливо поелозила Симсана, заулыбавшись.

Ваалу-Миресли не отвечала и всё терла кольцо, будто это самое важное дело на свете.

— Думаю, это «да», — сказала Симсана, и даже скорее не ей, а себе, и даже повела бровью, пока наставница не смотрит.

— Уже говорила: он тебе полезен, — наставница перестала натирать кольцо спиртом, и дальше начала натирать его мазью, — вот так. Даже мне, в какой-то мере. Ты с ним учишься, я свои дела делаю.

— Это учёба, как наставница и говорила?

— Да, конечно. Смотри, что он с тобой вытворяет, сколько у него этой... дури. Отличный львина, чтобы научиться с ними управляться, а тебе уже надо. Хах, думала я такая: «Отпущу её, ей нужно поучиться, и львина хорошего рода, пусть посмотрит». Возвращается — как с войны.

— Наставница ведь говорила, что отношения со львами — это как война, и что у меня есть оружие, и что... — смеялась Симсана.

— Вот-вот, вот-вот, — с чем-то соглашалась Ваалу-Миресли, и даже непонятно, с чем именно.

Приготовив кольцо, наставница придвинула свечку и начала греть на нём доброе такое шило.

— Так ты расскажешь: с кольцом что?

— Это он сделал. Но я виновата.

Казалось, после этих слов Миресли еле сдержала смех.

— Если говорить откровенно, — всё-таки продолжила Симсана, даже заложив лапу за лапу и откинувшись ладонями на кровати, — если совсем откровенно, то я его в шею лизнула, и у него так от чувств, наставница знает, дёрнулась рука и задела перстнем кольцо. У него перстень такой родовой, на нем щит, — ударила Симсана себя по пальцам.

— Ну, а спали вы где? Не у него же, конечно?

— На Выше, на горе.

Ваалу-Миресли помолчала.

— Столько вопросов, — повела она ушами и перестала греть шило, — но уже не буду настаивать... у вас должны быть всякие интересные секреты, верно? Не замёрзли хоть там?

— Нет, Арад достал знамя, — Симсана вздохнула, — и мы в нём спали.

— Так, вопросов стало ещё больше. А ты ещё так горела пойти в дисциплин! Знаешь, я, будучи сталлой, видела только наставниц, занятия и сестриц по учебе. А вы вытворяете всё во все свободы Ваала. Надеюсь, вас никто не видел.

— Всё во славу Сунгов, наставница, — пошутила Ваалу-Симсана.

— Во славу Сунгов, — абсолютно серьёзно ответила Ваалу-Миресли.

Шило было готово, и Симсана не закрывала глаз, когда наставница просто и быстро пробила ей ухо, а потом ловко вдела туда железное кольцо (на самом деле, оно не совсем железное, конечно). Симсана оскалилась и раз тихо прорычала, но на этом и всё.

— Что ты ему рассказала о прошлом? — беспощадно крутила наставница кольцо в ухе.

— О приюте, о папе... о маааме... о кормилице, — страдальчески, с выдохом ответила Симсана, и теперь она уже закрыла глаза и ударила хвостом о пол.

— О родометрике? — оставила её ухо наставница, и затушила свечку.

— Сказала, что метрику нашли рядом со мной.

— Я не о том. Ты знаешь, о чём.

— Нет, не рассказала. Зачем это ему.

— Точно? — нажала наставница.

— Точно.

Ваалу-Миресли подняла палец.

— Забыла тебя предупредить: ни в коем случае не рассказывай. По крайней мере пока я скажу, что можно. Обещаешь?

— Да, наставница. Можно узнать почему?

Та ровно ответила:

— У него отец — судья. Судьи решают все подобные вопросы с родометриками и Родовым Законом. Вряд ли, но если ты об этом заговоришь, то Арад может подумать, что ты решила его использовать.

Симсана осторожно трогала ухо, думая. Потом догадалась:

— Точно! Я всё поняла, наставница.

Потом она ещё немного подумала.

— А вообще-то... наставница действительно хочет обратиться к отцу Арада?

— Я думаю об этом, — ответила наставница, и у неё дёрнулось ухо вместе с краешком рта.

— Он обо мне знает, его отец. Может быть, ему это не нравится. Это может всё усложнить, если вообще не испортить.

Это вывело Миресли из себя, несмотря на совершенную истинность замечания:

— Симсана, тебе пятнадцать! Скоро уже шестнадцать, и совсем скоро будет Совершеннолетие. Нам надо что-то делать с твоей метрикой. Я уже выискалась, сбилась с лап. Наши возможности тают, как снег в Хустру. Никому не могу довериться... — оскалившись, Миресли гневно качала головой в неприятии. — Никому!

— Может, всё-таки съездить в Далегоры, где я родилась?

— Нет, это ничего не даст, только время зря потратим, — зло ответила наставница. — Твоих родителей там никто не знал, твоя мать просто там тебя родила, и была там пару дней, это всё. Я тебе уже говорила. Возможно, Нергим — это наш шанс, по крайней мере, стоит попробовать, — наставница села возле ученицы, и они уже обе начали смотреть в зеркало.

— Что, зеркало сновидиц? — спросила у зеркала Симсана, беззаботная, не разделившая тревог наставницы. — Выведешь меня сегодня по древу?

— Когда ты сновидела? Три дня назад? — наострила уши Ваалу-Миресли.

— Да.

— Сегодня тогда не надо. Ваал во снах приходит?

— Уже дней десять как нет... Или даже два десятка, — задумалась Симсана.

Ваалу-Миресли кивнула. Помолчали.

— Отец Арада мне может помочь?

— Посмотрим, — вздохнула Миресли.

— Чем же отец Арада отличается от остальных судей? — спросила Симсана.

— Ничем, насколько я знаю, они тут все в Доктрине, все с нами не хотят иметь дел. Нергим так вообще анваалист.

— Арад тоже? — спокойно спросила Симсана. — Может, наставница прочувствовала?

— Не знаю, — смотрела наставница в зеркало, приглаживая плечо ученицы, — спросишь у него.

— Да зачем, — пожалала Симсана плечами. — Дурацкий будет вопрос. Если сам скажет, то скажет. Он — настоящий Сунг, и это всё, что нужно. Истина веры Ваала — в нём, что бы он себе ни думал.

Она добавила:

— Вообще, мне Арад говорил, что его отцу всё равно, с кем он встретится. Если честно, я не поняла, правда ли это, или так. Он говорил так уверенно, — вздохнула она.

Наставница поглядела на ученицу, потёрла нос, потом ещё, и ещё.

— Хорошо, — кивнула. — Ты выясни, прочувствуй вещи, как будешь с ним в следующий раз. Поспрашивай, что там у него в семье думают.

— Наставница полагает, что его мать и отец придают этому значение?

— Я же говорю: выясни. Всё выясни, — нажала Ваалу-Миресли.

— А вот... А вот что если они разошлись, или против? — начала гладить ухо Симсана.

— Тебе не хочется этого знать, Симсана, я понимаю. Но придётся это узнать.

— Так что тогда? Наставница мне запретит его видеть?

— Нееет... Нет. Я не смогу, уже нет, — ответила Ваалу-Миресли. — Ты, ты вот что: выясни у Арада, как там настроение, и всё мне расскажешь. А потом я подумаю, стоит ли его просить о встрече. Вот так, вот как-то так. Ты, это... я предупрежу тебя, когда у нас появится время, дашь ему знать, он придёт. И никуда с ним не идите, оставайтесь тут, — потопала по деревянному полу комнаты.

— А вдруг захочет куда-то меня повести?

— Не захочет. Мы попозже поговорим, помогу тебе подготовиться, — сказала Миресли и сладко, с клыками, зевнула, а затем облизалась. — Остаётесь тут, ты ему даёшься, потом ходишь вокруг этого вопроса и внимаешь эмпатией. Только не до, а после, поняла? — потрогала ученицу.

— Да.

Миресли кивнула, пригладила ученицу по плечу.

— Посижу-ка я, упаду в аумлан, — молвила Симсана.

Наставница поцеловала возле уха («Не трогай его только», — прошептала) и вышла из комнаты, забрав с собою всё, что принесла. Симсана прислушалась, что наставница делает в доме. Вроде вышла. Она взяла себе пилку для когтей, попилила когти (обязательное дело для мастериц жизни), глядя на себя в зеркало: вот прямо, вот в три четверти, а теперь с другой стороны, голову выше, ниже. Давай соблазнительный взгляд, нет же, фу, намёк на соблазнение, так, ещё, вот намёк на намёк на соблазнение, вот. Ладно, давай тогда не так прямо, давай очарование.

— Пошел прочь, — театрально отпихнула рукой кого-то невидимого. — Негодяй. Подлец. Мерзавец, — страшно обвиняла она зеркало, словно заклиная того, кто там, за ним, *быть* мерзавцем. — Насильник.

Размахнулась на кого-то рукой с когтями.

— Мучитель. Не хочу. Не хочу!

Обхватила себя руками, закрылась хвостом.

— Хочешь? Перехочешь! Мучайся. Му-ча-йся.

И оскалилась с клыками, но получилось не страшно, нет, а совсем по-другому.

**

Когда Арад приплёлся домой в своём незаурядном виде, то отец уже ушёл на службу, и это было хорошо, от него расспросов сейчас не хотелось. Дом пребывал в тиши, свет солнечного утра лился через окна; обещание хорошего дня.

Мать со служанкой уже волновались, в большом беспокойстве, их он застал на кухне, но Арад успокоил львицу, как мог (а он мог), и рассказал, что да как: он, оказывается, на ярмарке гулял, танцевал со всякими, кто попадался под танец, смотрел акробатов, всё было отлично, потом очутился возле Выша, так как надо было перейти в одно место (договорился с друзьями), и там его какие-то совершенно неместные решили попробовать на зуб, и пришлось подраться, и вообще всё было отлично так-то, а потом он шлялся прямо до утра, да, его ошибка, не предупредил, кается. Пасна не пропала, мама, пасна есть, она у хаману Мааши, она её вернёт, наверное, а

если нет, он пойдёт заберет, так уж получилось, ох уж эти танцы. И дву-
колка, мам, не пропала, она у рода Марсан-Ашнари, я её заберу.

Ну, вроде объяснился, и даже поел.

И пошёл да проспал с огромным удовольствием полдня.

Встал он только к обеду, и в столовой на обеде оказались только они
вдвоём с мамой (братья отправились с братом матери на что-то, что тот
назвал «охотой»). Мама не говорила сначала ничего. Но её молчание было
таким многозначительным, что...

— Арад, заходила хаману Мааши, принесла твою одежду, — мама
начала всё не сразу, а чуть погодя, когда он уж подъел половину из огром-
ной тарелки для львов.

...ну вот. А что ты хотел? Надо направить дело в своё русло, перехва-
тить инициативу. А, и да, бесконечная уверенность в себе.

— Да, она меня выручила.

Эвсуга налила себе из графинчика разбавленного вина.

— Что-то ты молчаливый, не рассказываешь, как ярмарка прошла.

Мама — львица, а они всегда атакуют с флангов. Поэтому надо бить во
фронт.

— Наверное, хаману Мааши не только одежду принесла, — с усмешкой
сказал Арад.

— Наверное.

— И что она поведала маме?

— Арад, ты знаешь, что. Теперь о твоём увлечении ученицей повитухи
знает весь Галлен.

— Мама, она не ученица повитухи. Она — ученица мастерицы жизни,
— застыл он, глядя в точку и жуя. — И ты это знаешь, — поглядел на мать.

«Холодней, спокойней, рассудительней!».

— Я ведь жена судьи, Арад, мне так положено говорить, — сдала
Эвсуга. — Так говорит отец, и я тоже так должна. Не понимаю, что ты так
оскалится, — а вот тут пошла вперёд.

«Хитрей заходи».

— Если бы это была ученица повитухи, то я бы не имел с ней дела; это
прямо ведь позор для рода. А так, она — Ашаи-Китрах. Сунгам любых
страт одобряется иметь отношения с Ашаи-Китрах.

Эвсуга вздохнула, повертела кубок.

— Я не имею ничего против, чтобы ты узнавал жизнь, — жест неопре-
делённости в воздухе. — Но Арад, ведь подумают, что ты несерьёзный лев,
— показала на него. — Виносок будешь? Я разрешаю.

— Буду, пусть мама нальёт.

— Ты же серьёзный лев, — настаивала мама, — а такому всегда нужно
думать наперёд, и всегда нужна достойная пара. Это там легатные львы,

дренгиры, которым некогда осесть, всякие пройдохи, львы свободных искусств, учёные — могут об этом не думать. А у серьёзных львов ценится хороший родовой союз, и чем раньше строить проспекты и выбирать львицу самой лучшей родovitости, тем лучше.

— Я серьёзный лев, мама, я очень серьёзный, до чрезвычайности, даже слишком! — вдруг взъярился Арад.

— Знаю, знаю, — примирительно молвила мама.

Почувствовав вину из-за этого примирительного тона, Арад откинулся на кресле и спокойно сказал:

— Мама, мы просто отдыхаем. Мама ведь знает: Ашаи-Китрах, они туда-сюда, они свободные в поведении, с ними можно погулять без особых обязательств, это ни к чему не обязывает, ну мама же понимает. Мы немного погуляем вместе, а потом разойдёмся, с ними ведь это неизбежно.

— Фу. «Отдыхаем, погуляем». Ты что, хустрианец? — попробовала пристыдить мать.

— Не хустрианец мама, но хвостощуп, — решил, что раз уж он такой весь самцовый, то вот.

— Вех, тебе не идёт пошлость, — отмахнулась мать и скрестила руки.

— Я скажу маме прямо: я не хочу много думать, мне хочется бегать за маасси, догонять и вгонять в них когти. Кого вижу, того цапаю. Я ничего не могу с собой поделаться, — Арад почувствовал, как поднимается шерсть на загривке и теплится кровь, это было мгновенное обозление, раздражение, — и они от меня не сбегут, только пусть попруробуют...

Он еле сдержался, чтобы не стукнуть кулаком по столу.

Закрыв глаза, стало так неудобно, что хоть в окно выскочи.

— Мне говорили, что взросление у молодых львов — дело непростое, — вздохнула мать. — Да и видела сама. Но давай подумаем, как всё проделать разумно, а не так вот — кого вижу, того цапаю, как ты говоришь.

— Ну хорошо, я внимаю: это как? Нет-нет, не так, — замахал он рукой.

— Не тот вопрос. Я спрошу: что я сейчас не так делаю? Что я делаю плохого?

— Очень хорошо, что у тебя есть отношения со львицами, я этому только рада, поверь мне. Лев без опыта, он, не-не... Не буду называть, как мы таких называли в фансиалле, — вдруг засмеялась она.

— Пусть мама скажет, — заинтересовался Арад, и весь склонился вперёд.

— Нет-нет, это не для тебя, болтовня львиц, зачем тебе.

— Ну пожалуйста, мам. Интересно же, я буду больше знать.

— Не надо тебе этого. Так вот, смотри, плохо вот что: ты связался с Ашаи-Китрах, зная, что отец — судья в Доктрине. Кроме того, вы же с папой, — показала она на голову, — львы ума, науки, вы же не принимаете

веру, как обычные, малообразованные Сунги. Это может ударить по его репутации, вызывать ненужные вопросы, намекнуть на раздор в роде. Это его... ослабляет. Кроме того, ты ведь должен со мной согласиться, что хорошие возможности нельзя упускать, а у тебя есть хорошая возможность соединиться в хорошем родовом союзе, — мама очень выделяла хорошие слова.

— Мам, я чувствую себя львичкой, которую хотят выдать замуж. Это очень смешно, даже посмею отметить — унижительно.

— Был бы ты львичкой, мы бы тут не объяснялись, мы бы понимали друг друга с одного взгляда, — мама склонила голову набок. — Я ведь не желаю тебе зла, только самого лучшего.

— Хорошо, допустим с родовым союзом я глуплю, хотя мне вроде простительно, мне пятнадцать... — честно рассматривал аргументы Арад.

— Считай, шестнадцать.

— ... но я же не судья. Мне можно с Ашаи-Китрах иметь дело, я такой же Сунг, как все. Мама ведь не только верует во Ваала, но даже сестра пра-матери у нас роду была Ашаи-Китрах. Разве так честно?

Мама, кажется, серьёзно призадумалась, и туго скрестила руки.

— Подумай вот о чём. Напомни, как её зовут?

— Ваалу-Симсана.

— Так ты её называешь? Неужели с номеном?

— Нет. Симсана, Симси.

— Вот смотри, Ваалу-Симсана ведь тоже знает, что с тобой лучше отношений не иметь. Она ведь знала, что твой отец судья и в Доктрине, правда?

— Знала, — признался Арад. — Она сначала даже отказала мне во встрече.

— Вот, — уцепилась мать. — Значит, и она, и тем более — её наставница — почему-то решили, что с тобой стоит иметь отношения. Несмотря на сложности.

— Потому что я — это я. Я ей понравился, — уверенно сказал Арад.

— Арад, не обольщайся так, не очаровывайся. Если бы наставница сказала, что нельзя, она и бы посмотреть на себя не разрешила. А наставница почему-то сказала, что можно. И это меня озадачивает.

— Мама её не знает, — ухмыльнулся Арад. — Симсана просто решила...

— Ты их не знаешь, Арад! — вспыхнула Эвсуга, и резко расправила рукава. — Ты не знаешь, что Ашаи-Китрах имеют предписания, как вестись, и они умеют, поверь, себя вести так, как им приказывает вера и воля; они не делают всё спроста, просто так, потому что хочется. Ваалу-Симсана не смогла бы иметь с тобой отношений, не имея разрешения наставницы, запомни это.

— Допустим, ну и что? Значит, я и наставнице понравился.
Нахмуренная мордашка мамы, она выдохнула с усилием, хмыкнула.

— Они что-то от тебя хотели? Просили о чём-то? Заводили разговор о... я не знаю... чём-то, что им нужно? — придвинулась она к сыну.

— Нет, мам! — совершенно искренне раскинул руки Арад. — Ни разу, мам! Нет! Ты её не знаешь. Если бы ты хоть раз поговорила с ней, если бы ты увидела её рядом, — бил он себя в грудь, — ты бы поняла, что она... — выставил он ладонь перед собой, словно что-то уловив.

— Ты в неё влюблён?

Он посмотрел на маму. Потом ухмыльнулся, заложил руки на загривок, поерошился за ушами.

— Прямо-таки влюблён? Не просто сходить, поиграть, да? — и Араду показалось, что у мамы вспыхнули азартные огоньки в глазах.

«Не поддаваться», — подумал он. — «Не сдаваться. Охраняй её. Твоя. Твоя собственность. Твоё».

— Не. Нет. Увлечён, признаю. Но я не способен бегать за самкой, нет. Да всё равно. Она быстро дала мне Игру, прямо вот, — щёлкнул он пальцами.

— Поэтому и увлечён: потому что с ней просто. В этом всё дело.

— Значит, не составит труда не иметь с нею дела? Если понадобится?

Арад снова ухмыльнулся, снова заложил руки на загривок, снова поерошился за ушами.

— Трудно будет отказаться от лёгкой Игры.

Мама вздохнула, ох уж эти сыновние замашки. Совсем не пошёл в Нергима-Синая. Интересно почему, да, как странно.

— Тогда есть предложение получше: Мальструна-Ленайна. Попробуй подойти к ней. Поверь, если всё пойдёт хорошо, она будет заинтересована в тебе, и пойдёт навстречу твоим желаниям. Ты успокоишься, львицы сойдут с мыслей. У вас будет и время, и место для развития ваших отношений. Поверь, что долговременные, стойкие отношения имеют свои выгоды.

— Не хочу себя ограничивать.

— Не капризничай. Подумай, Арад, — поставила она ладонь на его. — Посмотри: она, Ленайна, повезла твоё письмо...

— Которое я не писал, прошу учесть.

— Письмо твоего отца, — терпеливо поправила Эвсуга. — Ты сможешь учиться в Марнском университете. И подумай: зачем его тратить на архитектуру? Такие возможности! Папа был бы счастлив иметь такие. Подумай, как хорошо: ты закончишь гимназию, поедешь вместе с Ленаиной в Марну, у неё там есть прамактерь, поэтому вы там устроитесь хорошо, и ты начнёшь изучать юстицию, Арад, вернёшься назад сюда, и продолжишь родовое дело отца. Подумай, какой хороший проспект.

— Юстицию? — удивился он, но как-то несильно.

— Об этом с тобой отец поговорит, о твоём выборе дела. Он давно хотел, честно тебе признаюсь. Рассудись: Марнский университет, может, ты станешь судьёй? Возможно, ты передумаешь стать архитектором, и продолжишь дело отца? Зачем утрачивать столь огромные возможности Марнского университета? Как всё вместе хорошо: Ленайна, её прамаменья, друг отца в Марне. Ты же первый сын.

— Большие планы, — развёл он руками. — И зависят от таких мелочей, вроде: а вдруг Ленайна меня не захочет?

— Она тебя захочет. Захочет. Не переживай, — закрыла глаза Эвсуга, улыбаясь.

— А если я её не захочу? — закапризничал Арад, в озорстве.

— А что с ней не так? — кажется, мама действительно удивилась. — Ты же её видел.

— Видел, видел. Не знаю. Запах не тот, — сказал он, посмешился.

— Ну так, а ты подойди и попробуй, — намекнула мать с усмешкой, словно всё в нём раскусив, и налила ему виносока. — Вдруг тот.

— Её даже здесь нет, в Галлене.

— Она будет тут, — указала мама на пол их дома, — через три дня. Я приглашу род Инсаев к нам.

Она оставила сына наедине с собой, и тут Арад кое-что вспомнил.

Вообще-то, Ваалу-Миресли упоминала, что хочет его о чём-то попросить, но должна «увидеть его получше». Ну... Ну и что? Львицы ведь всегда хотят что-то взамен, они хотят бенефиций и преференций, протекций, подарков и внимания, если есть рядом лев, верно? Верно. Такова природа самки. Почему бы и нет, какие проблемы, пусть просит! Мать так говорит, словно это ужас-ужас. Симсана, так-то, ни о чём не просила («Ещё попросит», — подумал Арад, вспомнив кое-что из советов Миресли. — «Она будет умолять, чтобы я не останавливался, она будет драться когтями по стене», — совершенно бессовестно мечтал он, с хищной ухмылкой). Да если даже бы и попросила? И что? Ты — мне, я — тебе, ну какие тут могут быть непонятности или обиды? Пусть себе Ваалу-Миресли просит, чего уж там.

День незаметно перекатился в вечер, и пришёл папа, поздновато. Он был очень раздражён, и Арад уж было съёжился, — видно, слухи дошли, и в каком-то уж очень неприглядном свете. Оказалось — не то. Оказалось:

— Поругание символа Империи! — рычал отец.

Отцу не было дела ни до чего, его занимала одна новость, которую ему сегодня поведали в магистрате: какие-то ублюдки вытянули Знамя Империи на Выше и бросили прямо наземь; похоже, ещё и потоптались. Это совершенно, как-то чудовищно неслыханно. Арад внимал.

— Кто мог сделать такое? Какой ужас, — пожала плечами мать.

Хорошо, так, надо мутить воду, пыль в глаза, затаптывать следы.

— Папа, послушай, я вчера дрался на Выше.

— Что? — растерянно спросил отец, сбившись со злобных мыслей.

И Арад рассказал, как вчера ночью подрался с какими-то неместными на Выше, их было много, голов шесть, или четыре, было темно, и ничего они ему не сделали, только одежды порвались, но это ничего, все подростки, как он, и это, наверное, они решили вытворить такую штуку со знаменем, посмеяться над Галленом и галленцами, и отец его расспрашивал, и Арад отвечал, и обещалась скорая расправа, и папа обещал всё это передать магистрату и страже; и вдобавок, чтобы порадовать родителей, отвести их от себя, перестать отнекиваться и защищаться, замутить воду, запылить воздух, затаптать следы — Арад сам напомнил папе, что вроде как скоро должна приехать Мальструна-Ленайна с Марны и вроде как мама хочет пригласить её род в гости, и он, Арад — так себе подумав — считает, что это вполне небезынтересное мероприятие, и вообще всё это сулит новые возможности, потому что так говорит мама, и папа благожелательно-скептически сказал Араду, что уж очень род Инсаев хочет облагородиться и сплестись союзом со стратой повыше, и будет делать невероятные выверты для этого, и всё это — мамины придумки да инсинуации (привычная к фанси-нальным интрижкам и устройкам личных жизней, что поделать), а ещё мать Ленайны — большая мамина подруга, поэтому все эти верчения и выдумки, но — никуда не денешься — оружейное дело Инсаев даёт существенные денежные богатства, поэтому как знать, возможно, это всё не так уж и плохо, не так уж и плохо, а даже выгодно, пусть он себе снизойдёт посмотреть на эту Мальструну-Ленайну, если хочет, а им ещё предстоит серьёзный разговор о будущем, но не сегодня, нет, наверное, завтра, и об ученице повитухи и расспросов о ярмарочной ночи не было, совершенно, чего Арад и хотел, чего Арад и добивался...

**

Где-то дня через два, может три, когда Арад пошёл в гимназию, впервые после каникул (и это уже последний год), отец позвал его в таблинй и как бы между прочим (что делал всегда при важных разговорах, и это не любили ни Эвсуга, ни Арад) начал говорить о жизненных планах Арада. Нет, не о матримониальном и не о родовых контрактах (по мнению отца, это приложится само, невидаль какая, берёшь любую, что годится по статусу и страте, и идёшь дальше решать задачи дней), а о выборе дела; и отец обрушил на Арада сонм соображений и несколько неотрадных фактов. Самым неприятным фактом оказался тот, что Арад не понравился мастеру-архитектору: ни своим подходом к делу, ни как подмастерье (а его выходка

пойти посмотреть, как что-то строится, так это вообще), ни — главное — графически. Арад, в лучшем случае, чертит, как инженер-строитель, он совершенно негоден к архитектурному рисунку. Он давал ему композиции из кубов, сфер, цилиндров, и Арад выполнил их не как художник, а как плоховатый военный инженер, рисующий схемы заграждений. Всё это тайно, с сожалением, но безусловно правдиво и поведал отцу мастер-архитект.

Но отчаиваться не стоит! — поспешил отметить отец.

В гимназии Арад учит право. В таблички они читают что? Правильно, философию и право. Родовым делом отец видит судейство, да так все кругом делают, есть вот судьи в десятом поколении. Арад — анваалист, отличная карта для вхождения в закрытую от случайных хвостов страту судей, уникальное качество для уникального дела; ведь только для судей Империей поощряется ограждение от веры Сунгов (читай — от Ашаи-Китрах). Ну и пресловутые столичные возможности, что так удачно подвернулись.

Есть над чем подумать, и Арад попросил времени для раздумья и передышки. Это определённо новости, причём большие, и Арад решил просто пойти спать, благо, братьев дома нет и беспокоить тишь некому.

На следующий день, после гимназии и бешеных соревнований по бегу, которые выросли из ничтожного спора, Арад, в саду за домом, стрелял из самодельного арбалета и сравнивал его с настоящим, который с большой неохотой, но одолжил ему друг Атар. Стрельба была поводом для размышлений, процессом, отвлекающим от реальности (не ходить же кругами, право, как некоторые недолугие), и Арад думал о словах отца. Качели оказались нешуточными. В одно мгновение он считал, что отец совершенно прав, и в жизни открывается новая, прекрасная страница; всё новое: планы, перспективы, приоритеты, даже образ себя. В другое — что отец просто разбивает всё его, всё его естество, весь смысл. И множество мыслей в промежутке между этими крайностями...

Что там нужно судье и вообще льву юстиции? С умом у него всё в порядке, Арад не сомневался. Со справедливостью? Хвост её знает, эту справедливость, понять трудно. Честность? Ну, так... Анваализм? С анваализмом проблемы в последнее время, серьёзные и нешуточные.

Арад кривился, скалился, но знал, что найдёт решение. На то он и Арад.

Додумать не дали: он заметил, что служанка несёт маленький бронзовый столик под вишню, недалеко от него. Потом принесла три полукруглых кресла для львиц. Она подошла к нему после диспозиции последнего кресла:

— Хозяин Арад, там к матери пришли.

— Кто?

— Львицы рода Инсай, — почему-то прошептала она.

— Ладно, — повёл ушами Арад и поднял ещё раз арбалет.

— Хозяйка и Араду велела стул принести.

Для львов кресла побольше и потяжелее, поэтому он понял, к чему она клонит:

— Я принесу себе, не беспокойся, Седеси, — опустил он арбалет.

Та кивнула, эдакий полупоклон без стараний, как обычно, и ушла.

Очень вскоре он заметил, что его мама, хаману Мирна и юная львица — её дочь Ленайна — располагались у столика; к ним шагов пятьдесят. Мать посмотрела на него, и он помахал рукой, показал, мол, сейчас буду. Он выдохнул, почесал нос, бросил арбалет (самодельный) прямо в траву. Надо идти, наверное, иначе мама житья не даст, да и письмо, и всё это, и все эти дела.

Притащив себе кресло, Арад не очень бережно бросил его, но очень даже вежливо приветствовал львиц рода Инсай, и поцеловал поданные руки. Затем расположился, в самой уверенной и самцовой позе, которую только позволяли обстоятельства.

— Смотри, Арад, как я тебе и говорила: маасси Мальструна-Ленайна вернулась в Галлен! — изображала мама чрезвычайную радость.

— Хаману Эвсуга, мне за честь — просто Ленайна, — сдержанно улыбалась дочь рода Инсай.

Вообще, хаману Мирна появилась в жизни матери недавно, от силы года два, а потом вдруг — раз! — и чуть ли не каждые два-три дня то мать, то она наносили друг другу визиты. До этого Арад не знал ни её, ни Ленайну; после знакомства он видел её несколько раз, но всегда она была как бы белым пятном для него, словно дочь маминой подруги, это нечто вроде... родственницы, что ли. Они холодно приветствовались, в случае встречи, а несколько раз даже не сделали и этого, хотя и прекрасно заметили друг друга. Самое долгое взаимодействие они имели год назад на свадьбе, устроенной во время Ай-Юлассая у одного из сыновей знакомого отца (долгая история), где они волею судеб немного посидели вместе. Он запомнил её как ледяную, рассудительную, немного колючую львёну, но способную к беседе (хотя и пустой). В танец он её не брал, и вообще с той свадьбы они все ушли рано, по многим причинам. После этого Арад, когда надо, изредка вспоминал о ней в своих фантазиях; она вошла в круг львиц, о которых, если что, можно и представить; но с ней это было трудно, так как она запомнилась в очень общих чертах, а для откровенных фантазий важны детали.

Ну а тогда — вечер у магистра, северянка, дичь с провалившейся Игрый — Ленайна вообще как-то прошла мимо ушей и глаз, кроме одной, небольшой мелочи.

— Как там Марна? — с огромным интересом спрашивала мама, а тем временем служанка принесла чёрный чай.

Раз уж такое дело, подумал Арад, раз уж мать делала всяческие намёки и рекомендации, то стоит её рассмотреть, как можно лучше: кто это такая и с чем её едят. Ленайна сидела справа от него (круглый столик, он — напротив хаману Мирны, Ленайна — напротив его мамы). Первое, что можно сразу отметить: она в простом, приталенном платье темно-синего цвета. Эта простота обманчива, додумался Арад, оно, пожалуй, недешёвое, или даже из самой Марны: эти лёгкие, незаметные узоры на нём, этот дорогой вид ткани. На левой руке — золотое кольцо, на ней же — браслет; кажется, кольцо родовое, ибо такое немного слишком для юной особы её положения. На шее — ожерелье, то ли ещё что, но по найсагрийскому обычаю, плечи и разрез платья прикрывала наплечная накидка; по этикету, её можно снять в этих условиях, но Ленайна, видимо, решила не. На классически найсагрийских (круглые, большие, бесшёрстые, однотонные, золотые, скучные) ушах — по три маленьких кольца («Интересно», — подумал Арад, — «такие уши можно лизать прямо так, с кольцами?»). У неё совершенно точно есть катена, это видно по поясу, но Араду отсюда не видно, что у неё там сзади за шнуры и каково их значение.

Такая вот маасси.

Ленайна не смотрела на него, не обращала внимания, она вообще велась так, словно Арад не существует; этим он и пользовался, глядя практически только на неё, наблюдая. Ему хотелось вставить реплику, чтобы посмотреть, что будет, но не мог подобрать, какую именно (хотелось сказать что-то хотя бы чуть осмысленное, но дискурс разговора предполагал только самую бессовестную чепуху). Иногда создавалось впечатление, что она невероятно, до чрезвычайности зла на него, и если он, например, вздумает её тронуть хотя бы за коготь, то мгновенно получит оплеуху или рык и блеск клыков. Говорила она сдержанно, напоминая о своей пресловутой холодности, почти без эмоций, подбирая слова, но изъяснялась ясно, и Арад отметил одну деталь — ему понравился её голос, он был необычной текстуры: с неуловимым изъясном, вроде низкий, а вроде и нет. Жестила мало, лапы держала вместе, скрещённые внизу и под себя.

— Ой, мои предки, я забыла... Эвси, янтарная моя, тебе подарок есть из Марны, — вдруг Мирна перебила рассказ дочери об Императорских садах.

— В самом деле? — мама наострила уши. — Мирни, право...

— Он там, в прихожей, — показала на голову Мирна, мол, всё ей забывается.

— Так пошли, посмотрим. Арад, вы тут пока пообщайтесь, мы сейчас придём.

Обе мамы торопливо встали и ушли вместе в дом, под руку.

Найсаграи, они ведь какие? Да вот такие, как Ленайна: мордашка пошире, и скулы тоже, нос широкий (но тонкий подбородочек); не худые,

нет, никогда; окрас — всегда золото, просто тусклое золото, солнце Сунгов. И добрые глаза. У всех найсагриек почему-то добрые, длинные глаза. Злятся они мордашкой, ртом, телом, когтями, хвостом — а глаза добрые.

Наконец-то, после его бесконечного внешнего изучения, она ответила кратким взглядом. Холодный! Холодный, окатила ледяной водой. Сжатые уста, грозная серьёзность. Эй, ему обещали благосклонность, и по слухам, и по словам мамы, всё представляли в таком светлом свете. И вот тебе, добрые Сунги. Она пила чай, держа чашку обоими руками, будто греясь, и глядя в сторону. Тут вдруг что-то себе надумалась, и поглядела, что там у него в чашке, просто так, взяв её за ушко и заглянув; увидев пустоту, налила ему чаю, много, бросила ему молнию взгляда и дальше обхватила свою чашку, и дальше смотрела в сторону. Это можно было расценить даже как бесцеремонность, такое хозяйничанье в гостях, или же забота (это вряд ли), или же следование правилу, что львицы наливают львам и подают (Андария и Найсагри, остальная Империя средней страты и повыше смотрит на это, как на старомодность).

Наверное, в ответ на эту суровую доброту Араду следовало или поблагодариться, или начать разговор, но он даже не знал, с чего; он изобразил нечто вроде кивка. Он вообще не знал, что с ней делать. Он ходил по миру, насквозь пронзённый стрелами иной львицы; справедливости ради, Арад не мог не отметить, что Ленайна изменилась, повзрослела и похорошела. Она, вообще-то, ничего так маасси. Но она явно, явно не настроена к нему, он ей аж противен, весь её вид говорит об этом; кажется, её тяготит пребывание здесь, эти гости, эти мамы устройки (его мама Эвсуга бы сказала — «аранжеманы»).

Эх, какая разница. Ну противен, ну и ладно. Жаль... Да не жаль, проблемой меньше! Нет, жаль в том смысле, что он думал: она ему будет подобострастно глядеть в глаза, хотеть компании, незримо тереться, вот такой вот он неотразимый лев; быть в осаде самок — что может быть лучше? Что ж, хуже уже не сделаешь, подумал он, продолжая бессовестно изучать взглядом ту, кого ему так охотно поощряли.

О чём бы заговорить? Не о погоде же. Заговорить ли вообще, чего её морочить? Морочить не надо никого, это неблагородно, хотя и выгодно; надо быть искренним, хотя это и невыгодно (наверное; ещё непонятно, проживём — увидим). А, вот о чём, есть одна интересность, которую можно выяснить, для успокоения любопытства. Хуже уже, как говорилось, не сделаешь, так что можно.

— Я хочу тебя кое-что спросить.

— Да? — настороженно посмотрела она на него.

— Это ты закрыла мне глаза, тогда, на вечере у магистра?

— Что? — в этот вопрос Ленайна вложила много, много недоумевающего, защищающегося презрения.

Арад даже успокоился, восприняв её ответ; беспокоиться и суетиться точно не стоило. Всё-таки Ленайна если и была к нему расположена, то это уже точно не так. Симсана! Иди сюда. Хочу тебя на коленях прямо здесь, прямо сейчас, всю мою, вся моя. Мы бы ей показали, представь себе, мы бы ей показали, что такое аффект, что такое стрелы любви, Ленайна бы просто расплакалась, что у них это — *есть*, а у неё этого — *нет*.

— Ты же помнишь, когда мы окончили игру во флис? Я сел и начал считать, а кто-то мне прикрыл глаза ладонями... ещё с коготками так. Я подумал, что это ты.

— Нет, — ответила Ленайна с вызовом, снова посмотрев на него, — это была не я.

— А кто это был, не видела?

— Нет, не помню. Почему ты об этом спрашиваешь? — она уже в третий раз подносила чашку, чтобы отпить, и всё не получалось.

Покуражиться надо, чего тут. Пусть возненавидит его до огня.

— Ладони оказались очень ласковые. А коготки — острые.

Кажется, Ленайна сбилась с толку, что-то в ней там происходило. Она поставила многострадальную чашку на стол. Потом снова взяла. Отвернулась от него, дёрнулся невидимый хвост под платьем.

— Да? Надо было обернуться, знал бы, кто, — молвила она, глядя в горизонт неба.

— Так нельзя же, игра такая.

— Тем, кто смеет — можно. Можно было и обернуться, и посмотреть, а не идти искать в саду ту... ссеверную... патрициаанку.

О, сколько там было язвительности. Львица-Ленайна, верно, будь то возможно, впиалась бы кое-кому в шею (а кому?), брызнула бы кровь, ух.

— Я не нарушаю правил игр, никаких. Выиграл бы кого-либо другого, например, тебя — искал бы тебя.

Пожалуй, это было слишком, и Арад это почувствовал. Он намеренно подобрал этот ужасный порядок слов («...выиграл бы...»), потому что хотел с нею подразнить, и он даже не знал, почему этого хочет.

— «Например, тебя»! Да с чего ты взял, что я бы пошла в сад? Найсаграи, настоящие, так не делают, понятно, най! — прижались её уши. — Ты бы увидел одно: как я ухожу в дом.

— Я тебе не нравлюсь?

— Нет!

Арад развёл руками.

— Жаль.

Она глубоко вздохнула и подождала, скажет ли он ещё какую гадость, или всё. Некоторое время она сидела совершенно неподвижно. Шевелились листья вишни, прохладный вечерний ветер, чудно. Арад трогал край ска-терти.

Он подумал, что стоит сказать нечто примирительное:

— Спасибо тебе за письмо в Марну, — вот это да, стоило Араду сказать. Неважно на самом деле, что там с этим письмом выйдет.

— Пожалуйста, — ответила она, и вдруг озадачилась, нахмурилась: — Эй, что ты делаешь?

— Лью тебе чая, — Арад действительно это делал: взял чайничек и из него наливал ей в чашку доверху, правда, чуть пролил на скатерть.

Хотелось ему сделать ещё что-нибудь такое, примирительное.

— Львы не наливают львицам ничего, тем более — чаю! — она попыта-лась у него забрать чайничек.

Не вышло, Арад доверху наполнил её чашку, аж перелилось, и отки-нулся вместе с ним в кресле.

— Видишь? Посмел нарушить правила, и вот: даже чаю не даёшь подлить, — насмешливо сказал он.

Что-то с нею всерьёз стало. Ленайна улыбнулась, но как-то уж очень небрежно, и с большой осторожностью взяла чашку; немного пролила на землю, нарочно, чтобы слить излишек; а потом — тут Арад действительно застался врасплох — так же медленно, спокойно и даже торжественно под-несла чашку к его макушке, меж ушей, и спокойно, медленно, методично вылила ему чай на голову.

Тёплые струйки потекли по морде, переносице, за ушами. Если взять и без предвзятости подойти к вещам мира, то Арад даже получил от этого необычное наслаждение — не каждый день тебе на голову, ни с того ни с сего, маасси льёт тёплую, приятную жидкость с таким серьёзным, сосредото-ченным выражением мордашки. На мгновение он зажмурился. Конечно же, он не шевелился. Нет, это был балдёж. Смешно сказать, но правда же.

Он открыл глаза и посмотрел на неё, чувствуя, как стекают с подбородка капли. Ленайна уже села обратно в кресло, но, вроде, до неё начинало дохо-дить; её глаза медленно, неотвратно тускнели ужасом позора. Скандала. Что худшее в жизни найсагрийки? Оскандалиться.

— Вот и попили чайку, — молвил Арад.

Тут он краем глаза кое-что заметил.

Надо было решаться на поступок или не делать ничего. Арад решился мгновенно.

Всё-таки львиц надо спасать, а особенно таких, что льют чай на голову.

Пригодятся.

— Только не оборачивайся.

Ленайна этого не сделала, но вздох страха — издала.

— Сюда идёт отец, вроде, он всё видел. И моя мама, и твоя.

— Ты честно?

— Садись мне на колени, — тихо приказал он.

Ленайна прыгнула — именно прыгнула — ему на колени, причём так ловко и удачно, словно целую жизнь только то и делала, что прыгала львам на колени.

— Обними.

Он был объят сие мгновение.

— Делаем вид, что мы увлечены друг другом, — смотрел он на неё, а она — на него. — Смотри только на меня. Когда они подойдут, — голос его становился тише, — ты услышишь их, и устыдишься, и сядешь назад. У моего отца нет чувства юмора. Мог быть скандал, но так он не решится, — почти шептал он. — Он идёт сюда. Он тупой. Он очень тупой, Ленайна. Стыдись! — процедил он.

— Что? — выдох испуганной львицы.

— Обернись.

Это было несколько забавное зрелище, но только если бы Арад не знал, чем оно заряжено. Папа спешил к столику, за ним шла мать, в какой-то полупопытке его остановить, за той спешила мать Ленаины — ни жива, ни мертва.

Маасси послушно соскочила с колен, и юркнула к себе на кресло.

— Мальструна! — она первой набросилась на дочь, но только словесно, она даже не вышла из-за спины отца Арада.

Ленайна смотрела в сторону Арада, но вниз.

— Мы, кажется, не совсем вовремя, — неловко сказала мама.

— А что это ты мокрый, Арад? — требовательно спросил Нергим, очень судейским голосом.

— Да вот пил чай, пап, и разлил.

— В самом деле? — стоял в трёх шагах от него Нергим, и смотрел только на него. — Мне показалось, что его на тебя вылили.

— Пап, — выдохнул он, с искусственным вздохом раздражения и разочарования, — это игра такая. Не угадал слово — выливают чай на тебя, шериш, или там, вино. Теперь в такие играют. Долго объяснять, — он сделал неловкую мину, мол, вы все тут действительно так не вовремя.

— Дорогой, можно твоё внимание на маловремя? — ласково сказала Эвсуга Нергиму, и по ней Арад понял, что мать в совершенной, белой ярости.

— Гу, — сдавленно угукнул он, как это всегда бывало, если он боялся маминой немилости, и они ушли на это самое мгновение.

Мать Ленаины мгновенно заняла своё место, проводив их взглядом.

— Мальструна! — ещё раз позвала мать дочь по первому, «материнскому» имени, на этот раз — прямо в отчаянии, словно она совершила самое непоправимое преступление из всех непоправимых преступлений.

— Право, мы играли в забавную игру, хаману Мирна, — поднял ладони Арад. — Мой папа просто не понял.

— Ох, как неудобно, — спрятала хаману Мирна мордашку в ладони.

— Мы думали, что вы надолго ушли, и... — вдруг добавила сама Ленайна, и не договорила.

— Мы ушли, но пришёл сир Нергим, и... — оправдалась ей мать, и тоже не договорила.

— Не беспокойтесь, я объясню папе всё сам. Потом. Он у нас несколько старомоден, — нарочито спокойно молвил Арад. — Не волнуйтесь, чаепитие продолжается.

И налил себе ещё чаю.

— Ты мокрый, — обратила на него внимание Ленайна, словно ожив, встрепенувшись.

— Я сейчас, я сейчас всё принесу, чем утереться, я сейчас, — мигом исчезла мать Ленайны, тоже ожив и встрепенувшись.

Откуда-то подул сильный, прохладный уже ветер (дышит Порой Вод), причём вполне себе такой, что заметал платье Ленайны, чашки, ложки. Чайничек чуть не упал, его поймал Арад и взял себе в руки. Ленайна тем временем что-то искала: на столе, под столом, на стульях, в общем — везде в окрестности; но не находила. Порыв унялся.

Затем она обернулась, уши наостро. Убедившись, что никого нет, она встала и подошла к расслабленно сидевшему Араду и забрала у него чайник; он отдал его уже без сопротивлений. Затем встала к нему левым боком, скрестив руки, и совершила затейливую штуку: потрогала коленом его лапу, тоже у колена. Признаться, Арад не понял этого жеста с первого раза; но понимал, что она чего-то требует. Она сделала это ещё раз, причём во второй раз смотрела в сторону дома, и её пальцы мелко барабанили по её же плечу.

Надо было догадаться, что это всё значит, ибо львы должны догадываться, но Арад как-то не мог, и сомневался, поэтому:

— Это мило, но что ты делаешь?

Она вздохнула, поглядев на него (ему в глаза), а потом ниже (ему в живот), потом снова в глаза. Нет, не хочет говорить, чего хочет.

Арад, наконец-то, понял: найсаграя хочет сесть ему на колени. Но сама этого делать не смеет (бесстыдно) — он должен её усадить сам (что я могла сделать?). Да уж, спасаешь львицу — будь готов к последствиям.

Пропади всё пропадом. В конце-концов, у львов есть долг, нигде не написанный, и никем не высказанный, и Арад его *ощутил*. Право, тянешь им руку помощи — а они уже на шее.

Потерев нос, он притянул её рукой за талию, не грубо, а так, даже осторожно. Она медленно села ему на лапу, повыше, уже на всю длину его бедра. Первое ощущение: приятная тяжесть, мягкость её тела, тепло. Она не спеша, по-хозяйски развязала свою наплечную накидку и укрыла его всего, всю голову. Её руки прошли по ушам, гриве, затылку, скулам, вискам, загривку, шее; её руки не очень ласковые, не слишком нежные, они именно добрые; самое подозрительное есть именно то, что Ленайна — хорошая львица, и Арад это понял по рукам, и этого понимания бы ему не дали ни бесконечные разговоры, ни чужие слова, ничего. Накидка познакомила его с её запахом, но Арад, хоть уже и опытный, не мог прямо сравнить, ибо её запах смешался с какими-то маслами и ароматами. И снова факт: даже масла не могли ему помешать понять, что запах *тот*. Нельзя уже отвертеться, что запах не тот. Нет. Всё с ним в порядке.

Мальструна-Ленайна вытерла его всего, но это оказалось не всё — она, привстав, взяла подолу платья побольше, и без сомнений утёрла ему нос, подбородок, мордаху этим самым подолом.

Все восточные Сунги знают, что подол львицы, но детной, имеет силу. Он может снимать страх, бессонницу, головную боль, тревоги, заикания, усталость, шум в ушах, всякие приступы, паники, дрожания рук, тошноту, и даже похмелье (и что-то ещё). Так мама делала Араду, когда он болел, и когда он испугался собаки, будучи маленьким, и братьям, и отцу, и какому-то львёнку на улице. Правда, вот что будет, если это делает маасси — Арад не знал.

Арад был мокрый, стал сухой, а Ленайна кинула накидку через плечо. Она придерживалась за его шею, а лапы подогнула, и её вес стал покоиться почти только на нём.

«О, какая. Потяжелее Симсаны будет», — подумал он.

— Это же платье.

— Оно чистое, как и хинастра, — ответила она.

— А станет грязное, мокрое. Не жалко?

— Нет, — помедлила, — отстирается.

Поправила на нём одежды; Арад всё имел привычку постоянно носить фибулу от плаща-лацерны прямо на тунике, просто и небрежно зацепляя её за ворот, особенно если вот так, возле дома. Она взяла и без сомнений сняла её с него, и поставила на стол.

— Кажется, познакомились, — сказал правду Арад. Теперь никаких укуров от матерей они принять не могут: это они сделали; ни одна не сможет сказать, что вечер прошёл зазря.

— Кажется, да, Арад.

Он посмотрел, нет ли чего погрызть там, на столике, но ничего не было.

— И что, не спросишь о выходке с чаем? — в её голосе звенел вызов.

— Зачем? Это было хвостато. Я бы даже повторил, — Арад, глядя на неё (не в глаза, а так, на всю, всё ещё изучая), заметил странный, небольшой шрам на подбородке, слева.

— Можно проделать ещё, — она пригладила его по спине, с тем молчаливым, взаимоясным извинением, что надо попробовать — мокрый или нет.

— Отец будет ругаться, что переводим Кафнский чай, — пожал он плечами.

— Ему жалко, чтобы тебе было хвостато? — верно, впервые Ленайна засмеялась.

Арад подумал, что ответить. Ухмыльнулся. Хотел Ленайне сказать, что вот из-за этой выходки отец точно её невзлюбит, хотя бы на время, но папа так-то злопамятен, или, точнее — памятен вообще, хорошо помнит вещи, даже слишком.

— Главное, что тебе не жалко. Ну, повторим?

Думал, будет отнекиваться и отсмеётся, но:

— Давай, но как-нибудь потом, — с достоинством сказала Ленайна.

— Договорились. Что ещё будем делать?

— А что ты хочешь? — Ленайна стала очень занятой, завязывая себе хинастру обратно на плечи.

Арад решил не мелочиться. Было совершенно бессмысленно прекращать начатое, и вообще притворяться, что ничего не происходит. Подумалось: надо пустить руки в ход, вот она уже что хочешь сегодня делала. Ещё подумалось: успеешь. Ещё можно ничего с нею не делать, хотя две львицы — это вроде как лучше, чем одна (а три — лучше, чем две, надо полагать).

В итоге всё пошло более-менее благоразумно: он просто держал её чуть выше талии (но по-хозяйски: просунув ладонь за пояс маасси, это далеко не осторожное придерживание за талию), а другой, левой рукой, поцарапывал когтями стул.

— Можем чаем обливаться, или чем захочешь. Можешь мне, наконец-то, во флис проиграть. Всё хочу.

— Но не сразу, — ответила ему, и посмотрела на дом.

Но оттуда никуда не шёл, и вообще, будто все там умерли.

— Конечно, Ленайна. Одновременно всё даже мне не получится.

— Лени, можно Лени, — посмотрела она на него обратно.

Арад пригляделся. У неё были другие глаза. Жёлто-карие, найсагрийские, они были добрые, причём не в простом смысле уступчивости и незлобности характера, а добрые в большом смысле — в смысле её достоинства как львицы; она годилась ко всему, к чему и должна годиться добрая

Сунга; наверное, подумал Арад, такую действительно очень просто взять замуж, сложно прогадаться, тогда только останется лишь смотреть за тем, на что сам способен и что сам собой представляешь, а она уж как-нибудь рядом будет крутиться.

Он знал, что может это сделать, и даже должен, принимая во внимание всё сегодняшнее. Но сомневался. Делать, не делать? А, ну его всё, лучше сделать, и пожалеть, чем не сделать, и снова пожалеть (и так, и так плохо, хорошо не будет — никогда и нигде).

— Лени, сейчас мы начнём с чего-нибудь.

— У нас же знакомство. Не случай, — молвила она, по старому найсагрийскому говору: не «свидание», но «случай».

Дразнится! Это худшее, что можно делать с Арадом.

— Ты права, — сжал он её за пояс, за талию сильнее, куда сильнее; ощутил, как шнур катены впивается ему в руку. Нет, сидит она неправильно. Он взял её под колени и быстро закинул её лапы на своё второе колено; теперь она полностью на нём сидела, а не так, вполовину. Она издала нечто вроде «Ой», словно не ожидала такой силы. Теперь надо принудить её к этому; интересно — как? Наверное, просто поставить руку на шею, сзади шеи, как-то так, или к щеке, за ухом, и требовать так сближения дыханий. Та ну, нет, надо просунуть ей руку за что-то, надо залезать за нечто её, чтобы она не имела сомнений, с кем имеет дело, он не скользит над, Арад так не любит, он идёт под.

Он прошёл ладонью под хинастрой к шее, и притянул её к себе, чтобы узнать её дыхание, попробовать на вкус.

Это был маленький поцелуй знакомства: они встретились, тепло поцелуя, он лизнул её в губы, она сделала то же самое, и даже сильнее. Оказалось, так много похожего: Лени растекалась так же, как Симси; она закрывала глаза и прижимала уши так же, как Симси. Но было и иное: чувствовалось, что она спокойней; он почуял иной запах. Чтобы его понять, он потребовал дать ему шею, подбив ей носом подбородок, и она, как ни странно, дала ему это сделать. Да, он был тот, несомненно, но иной, чем у Симсаны. Симсана была мёдом, Порой Всрода, она была легче, изящнее. В запахе Ленайны не было намёков, это был простой, ясный, знакомый призыв. Запах Симсаны можно вдыхать вечность; этим — наверное — можно, наконец-то, насытиться.

Пора и посмотреть друг на друга, после. Арад выявил, что открыл глаза первым; сложно понять, может, Лени и ждала продолжения. Наконец, она посмотрела, и улыбнулась, очень легко; он заметил несоответствие, асимметрию, и только теперь понял, что она всегда и улыбалась, и злилась, и серьёзничала неровно. Рука сама собой потрогала её шрам на подбородке; Ленайна поняла, что Арад неотвратимо его заметил, поглядела на его руку,

потом — на него. Арад не прекратил исследования, и выяснилось, что вот здесь, вот, у неё есть странный провал, словно у неё нет целого ряда нижних зубов, или...

— Не надо. Не трогай, — отвернулась она.

— Прости, — перестал он.

— Не надо.

— Симсана, я не хотел тебе причи... — начал Арад, и вдруг плотно сжал зубы.

— Сим-са-на? — чуть сощурившись, уши наостро, посмотрела на него Ленайна.

«Да, Арад», — подумал Арад. — «Да. Да. Ничего не скажешь. Молодец».

Несколько мгновений она смотрела на него. Арад ничего не говорил, он понимал, что просить прощения — бесполезно; вот это было действительно непростительно, можно было делать что угодно, но не это. Нет же, вышло именно это. Эх...

— Пусти, — потребовала она, и сделала попытку встать.

— Нет, оставайся, — он её сжал.

— Пусти, я серьёзно.

— Я тоже.

Ленайна поглядела на дом, снова — там уже шли их матери, обе.

— Они идут, придётся тебе пуссстить, — снова попробовала отбиться Ленайна.

Что Арад и сделал: всё-таки она не могла сидеть у него на коленях открыто — неприлично.

Усевшись на своё кресло, справа от него, она скрестила лапы, затем ощутимо так пнула его по голени.

— Смотри, её Ленайной не назови, понятно? — увидел он её найсагрийские глаза; она старалась, наверное, быть грозной, но на самом деле получилась такой привлекательной.

Араду хотелось виновато посмотреть вниз, на ножки её стула, на траву, и объяснить, какой он дурак и попросить пощады. Но он шестым чувством понимал, что делать этого нельзя, нужно жрать её глазами, нужно добиться отвода её взгляда, нужно быть правым даже в этой неправой ситуации. Он добился своего, сожрал — она отвела взор, вздёгнув головой повыше.

Матери смеялись, у них было хорошее настроение.

— Най, как, нашли общие темы? — спросила их мать Арада.

Ленайна смотрела в сторону и вниз, где-то туда, где незримо кончались его лапы под столом, где когти его лап, теребила свою хинастру и вострила уши.

— Да, конечно, — по-дурацки повеселел Арад, — и даже нашли расхождения по одному вопросу. Но, я думаю, они поправимы, — смотрел он то на мать, но на хаману Мирну.

И вдруг оказалось, что уже темно, и что уже пора идти, и пожалуй, хватит на сегодня, а то неприлично так долго злоупотреблять гостеприимством. Пошли провожать гостей, и мама ему незаметно пожестила, мол, идём-идём, скажешь всем спокойной ночи и постоишь. Через дом прошли в прихожую, там что-то мама нудно и долго показывала на всякие горшки с растениями, и это очень заинтересовало мать Ленайны. Арад немного выждал, когда хаману Мирна отошла от дочери, и подошёл к ней.

Она стояла, неприютная, три-четыре шага от входа в дом, со скрещёнными руками, вся в защите. Арад не делал никаких попыток, не брал её руки, просто стоял себе рядом. Она осматривала окружающее, как-то скупаясь, иногда покачивалась. Это было всё плохо, неправильно, он не хотел так с ней. Арад пожалел на мгновение, что всё начал; наверное, это глупо — пробовать на вкус второе блюдо, ещё даже толком не начав первое. Два одновременно есть нельзя... Или можно? Вот едят вместе горчицу и мясо, или там сливки с шоколадкой.

Ладно. Наверное, так и должно было быть. Он только начал исследовать мир чувства со Симсаной, помощницы ей не нужны; она, его Ашаи, его превосходная, ей они не нужны, это совершенно точно, она, жрица Ваала, не потерпит чужую кровь, кровь соперниц, только его и свою, пусть будет так, пусть будет, не жалко, не жалко, жалко, не жалко, эх, всё-таки...

Послышалось, что мать и хаману Мирна уже оканчивают свои разговоры, и тут Ленайна резко развязала свою хинастру, потом набросила ему за шею, на плечи, и так же резко, дёрнув его к себе, как вещь, завязала.

— Это мне что, на память? — попробовал он пошутить, слабенько.

— Думай что хочешь, мне всё равно, — отрывисто говорила она. — Она от тебя мокрая, и уже не годится. Она пахнет тобой.

— Мне кажется, напротив — она тобой пахнет.

— Думай что хочешь.

— Но у меня нет взаимного подарка.

— Мне всё равно.

Потом мама быстро позвала папу, ведь хозяин дома должен проводить гостей, и они все попрощались, и он просто и обычно поцеловал Ленайне руку на прощание, как приличествует, потому что все кругом — добрые Сунги среднего достоинства, её добрые найсагрийские глаза, её катена (шесть шнуров: красный, красный, белый, белый, красный, красный).

— Мам, что значит такая катена? Это вроде «праздник»? — спросил Арад, когда род Инсай покинул место рода Каризиан-Руст.

— Да, праздник, небольшой, — кивнула мама.

Дня три Арад только то и делал, что разрешал всякие неурядицы в гимназии, да и вообще ни книги, ни учёба — ничего особо не лезло в голову. Хинастру Ленайны он сложил на тумбе возле кровати, и — странное дело — она не исчезала, хотя и мать, и Седеси имели эту страшную, тираническую привычку львиц прятать и перепрятывать дома вещи в самые неожиданные места.

Как-то утром мать заметила:

— Хаману Мирна поведалась, что дня два Ленайна по вечерам плачет, ничего делать не хочет, и очень расстроена.

— Что, правда? — Араду стало её жаль.

— А ты как думаешь? У вас вроде всё пошло неплохо, как я поняла. Что-то случилось? — с большим таким подозрением спросила мать, показывая на него.

— Да так...

— Знаешь, ты пойди к ней и заявись.

— Что, просто придти?

— Позови погулять, — прямо потребовала мать. — Ты вот хотел поехать фирранов посмотреть — езжай с ней.

— Она вряд ли пойдёт.

— Ты попробуй, а там посмотришь, вряд ли пойдёт или не вряд.

— Мама, я разберусь.

— Разбирайся.

Арад думал, что ему делать, причём необычно долго. И решил никуда не идти. Он знал, что если выйдет из дому и пойдёт к самке, то может случиться так, что очутится он вовсе не у дома Ленайны, нет; лапы, скорее всего, приведут к Симсане.

Прошло ещё пару дней. От Симсаны, как она обещалась, не было ничего. Львицины штучки? Должен придти сам? Нет, решил Арад, нет, не может быть. Бредил о Симсане. Бредил о Ленайне. Иногда — вместе, с той, и с другой. Хотелось идти к самкам, хотелось что-то делать, претила эта ерунда, это ожидание. Потом побеспокоился: как, собственно, Симсана передаст письмо? Прямо-таки Имперской почтой? Ещё скажи: Имперской посыльной службой?

С каждым днём он становился всё злее и измышленнее, терпение сдавало (хотя так-то он терпелив), поэтому день на пятый-шестой решил так: пойдёт к Симсане, и если прямо там, прямо сейчас не получит её взгляда, её прикосновения и её запаха (ему надо!), то пойдёт к Ленайне, а там посмотрим, что будет.

И он действительно пришёл после гимназии прямо к дому Ваалу-Миресли, но там под домом собрались львицы, с виду — кажется, прачки, головы четыре, с вёдрами, тазами, всякой подобной дребеденью. Арад уже заметил, что ном повёрнут поперёк, значит — Ашаи дома нет (такое он уже знал).

— Хаману подскажут, где Ваалу-Миресли и Ваалу-Симсана?

— Разрешают одну первородку, не тут они, — ответила одна из них.

Он походил кругами подле окна, двери. Твою мать.

— А тебе чего, юнсир, от мастерицы жизни? — любопытствовали Сунги, побросав всю свою ерунду и разговоры.

— Мне Ваалу-Симсана нужна, — сказал так, словно потерял очень недостающую вещь.

— А, так это ты Арад, — заулыбались они, но так, с прищуром и хитрецой.

Пригрозились, и кто-то даже хлопнул в ладоши:

— Смотри с ней, на руках носи нашу будущую мастерину, а то уши оторвём, или ещё чего.

— Я уже носил, — ответил Арад, подумав об иронии с ушами. — Вот, пришёл снова. Но её нет.

— Занятые они, юнсир, они тайной занимаются, это очень много, они очень устают. Носы у них мокрые.

— А руки в крови, — добавил кто-то, и все согласились.

— Скажите, — вдруг сказал Арад, почти отправившись прочь, но развернувшись, — что вы о них думаете?

— О ком это? — кажется, львицы действительно не поняли.

— О Ваалу-Симсане и Ваалу-Миресли, — показал он на дом.

У них всех как-то поднялись уши, удивились глаза:

— Что ты спрашиваешь? Это же мастерица! — сказала самая старая. — Ваалу-Миресли, да к ней же попасть ещё надо!

— Это за благо...

— Это за благо, как попадёшь, она не даст уйти ни тебе, ни львьятам, её сам Ваал ведёт.

— Ты её увидишь, Ва-Симсану, ты ей сядь и руки целуй, и много. Ты её не знаешь, и не знаешь, что она делает, — убеждали они его.

— Тебе нельзя знать.

— Нет-нет, нельзя...

— Но ты должен целовать её руки за то, что они делают.

— И она делает всё, что должна, не то, что некоторые.

— Да, да... — снова согласились все.

— Спасибо. Доброго вам дня, — попрощался Арад.

Это всё превосходно, это хорошо слышать, это растеклось приятным теплом, он был горд за неё. Арад уже знал, что сделает, когда её увидит, и когда они останутся наедине (у неё дома, только бы никуда не идти, только не это, у неё в комнате, надо всё ещё раз, ещё) — он будет целовать ей руки. Она сначала будет смеяться, потом спрашивать, чего это он, а он всё равно будет, а потом пойдёт выше, и не скажет, откуда ему поведали о руках...

Но всё это не решало одной вещи, что заставляла действовать, бегать, измышлять, планировать, искать и вообще смотреть всем им под хвост. Нельзя было просто пойти домой, зайти в таблиний и начать читать какую-нибудь ерунду. Нельзя было взять Атара и настреляться из всего, что только стреляет. Нельзя было пойти побороться на Круг. Точнее, можно было, но Арад так не хотел, он не хотел отвлечения, замены, подмены и самозаговаривания, мол, надо просто устать, и перестанешь о них думать. Нет уж. Кому что, а ему подавай самку, это надо, это просто необходимость.

Арад пошёл на запад, через площадь и Рыночную, к шумной улице дома рода Инсай, к их эклектичному городскому дому с маленьким двориком (прямо с другой стороны улицы — оружейка и её склады). Без стеснения постучал, довольно быстро открыла мать Ленайны:

— Ай, юнсир Арад, — обрадовалась та. — Прошу зайти.

— Хаману Мирна, красивого дня, рад видеть львицу. Мне нужна Ленайна, — сказал он просто, без хитрости, вот так говорят «Я хочу пить».

— Даааа... — как-то протянула хаману Мирна. — Да. Пусть юнсир Арад заходит. Да, — и ушла сразу на второй этаж, лестница шла прямо так, сразу, напротив входа в дом.

Он встал в маленькой прихожей, задумался, мыть ли лапы-руки и входить, или как. Запах чужого дома, резкий, странный такой, но домашний, тут хозяйничают. Решил без хозяйки не входить; да и потом — вдруг случится хорошее, и Ленайна сможет пойти с ним сразу. Куда пойти? Арад не знал. У него не было плана. Он даже не помнил, сколько с собой у него денег. Хотелось её куда-то отвести, запустить руку ей за пояс, куда угодно...

Идут.

Ленайна в сером домашнем платье, в пол, опоясанная символическим шнуром. В руках у неё почему-то графис. Тем временем хаману Мирна, предоставив дочь, исчезла вправо, в глубину дома.

Ленайна провела мать взглядом, словно вопрошая, за что её оставляют на растерзание одну. Потом вошла в прихожую, где он оставался, не смея сойти с коврика (лапы-то с улицы).

— Привет, Лени, — помягче, как мог, сказал он.

— Привет, — ответила она, словно с чем-то соглашаясь. На него не смотрела.

— Пошли, погуляем, — утвердительно сказал Арад.

Это была единственная разумная причина, внешняя, словесная, которую он придумал для визита. Он не мог сказать ей: «Лени, давай-ка всех из дому выгоним, сами закроемся у тебя, и наиграемся так, чтобы лапы подкосились».

— Я не могу, — извинилась она.

— И всё-таки?

— Арад, я не могу. Не сегодня, — нажала она на «не могу» и «не сегодня», свободно держа руки спереди и вертя графис. — И не завтра.

— И, наверное, послезавтра тоже? — насмешливо сказал он.

— Не знаю ещё.

— Ладно. Тогда извини беспокойство, — кивнул. — Прости, что если не так.

«Нет, всё-таки совсем обиделась», — подумал Арад.

— Арад, ну ты что? — хоть он ещё не успел ни развернуться, ни уйти, но она схватила его за руку, и вмиг отдернулась назад, словно это сделала не она, а кто иной. — Ты вот так пойдёшь... даже не зайдёшь на кус?

— Я за тобой приходил. Не идти же на чай в гостиную.

— А чем плоха идея?

— Я за тобой приходил, — повторил он.

Помедлив, Ленайна совершила такое: закрыла глаза, подняла брови, сцепила зубы, подняла руку с зажатым в кулаке графисом, а затем расслабила руку, отпустила её, ударив себя по боку.

— Если хочешь, то можем пойти не в гостиную, а ко мне в горницу. И попить чаю там, — указала графисом наверх.

Так. Интересно.

— Отличная идея.

— Пошли, — не стала она тянуть; всё посматривала, где там мать, но та пропала, насовсем.

— Сейчас, вымоюсь, — и он вымыл лапы-руки.

Она стояла подле него и глядела, как он вытирается несообразно большим полотенцем, затем повела его за собой прямо наверх, и Араду почему-то показалось, что она его протаскивает через дом, прямо как контрабанду или добычу в логово. У них был странный дом, ещё более эклектичный, чем снаружи: не такой уж маленький, но обилие всяческих вещей атаковало со всех сторон и делало тесноту: какие-то гобелены по стенам, вышивки, меч на стене, второй меч, третий меч, копья, ножи, кинжалы, военный топор (очень ржавый), бронзовый треножник с чашей Ваала прямо в конце лестницы (зачем? внизу уже виднелся один в гостиной), возле каждого горела символическая долгая свеча, как её называют (не жечь же чашу всё время, право), на подсвечниках, очень вычурных. Потом, в узковатом коридоре, где он чуть не споткнулся о подлапный табурет, она толкнула

дверь её комнаты, а это была её комната, потому что вся дверь покрывалась огромным вязаным панно в виде цветов, ничего подобного он никогда в своей жизни не видел, а прямо к этому панно приколотась булавками вышивка с чуть неровно вышитым алыми и чёрными нитями: «*Мальструна-Ленайна*». Слева тоже дверь, но уже без панно, но с подобной же вышивкой «*Мальструна-Мейсала*», и дверь туда — полуоткрыта.

В этой небольшой комнате (шагов так пять на пять, ну может шесть) сидела ещё лвьёна, за добрым таким секретером, который крал четверть комнаты. На секретере раскрылась большая конторская книга, а вокруг толпилось столько бумаг и бумажек, графисов, перьев и всего, что спасите. Лвьёна сидела на табурете, держалась за его краешки, в одной ночнушке (ничуть не стесняясь) и даже без пояса, хотя бы символического, как у Ленайны, и вид у неё был вредный. Она была копией Ленайны, но только помладше, лет так двенадцать, и озорнее, и без шрама на подбородке, который Арад уже не мог развидеть у Ленайны, и без колец в ушах.

— Так, а ну вех отсюда, — зашипела на неё Ленайна.

Та покрутилась на кресле:

— О, Ленайн, это твой названный, о котором мама говорит?

— Иди лучше оденься.

— Я чего, это ты его сюда привела, — довольно улыбалась она.

— Кыш!

— Рад знакомству, маасси, меня зовут Арад, — взял он ручку сестры Ленайны и поцеловал, а она захихикала и закрыла рот рукой. Потом такая, уже прямо за ухо утаскиваемая Ленайной от табурета:

— И что, ты будешь её себе женить? — и снова прыснула. — Ленайн, он смешной.

— Хвостка, как ты ведёшься, надо представляться в ответ!

— Ахухунехо, — покривилась она Ленайне, идеально ровные зубы, превосходные клыки. Вот так удалась.

— Обещаюсь, что не буду жениться на маасси Ахухунехо, — тронул Арад её когтем.

Это почему-то невероятно её обидело. Та посмотрела на Ленайну, фыркнула и вышла прочь; Ленайна же закрыла за ней дверь, ибо та не удосужилась.

— Так ей. Вот так, — одобрила Ленайна. — Мейсала такая испорченная, папа так её испортил подарками и всем, что я уже не знаю.

— У меня двое младших братьев, Лени. Я понимаю.

Она махнула рукой, улыбнувшись, показала ему на сундук у секретера, ибо кроме табурета с мягкой подушкой, больше ничего сидельного в комнате не оказалось.

— Садись на него, на нём хорошо сидится, — и кинула на него длинную мягкую штуку, взятую с постели рядом.

Арад так и сделал: вылез на этот огромный сундук, поставил на него одну лапу, а другую оставил на полу, хвост пустил по нему к постели. На согнутом колене вытянул руку, и так уселся, весь такой из себя.

Тем временем Ленайна села за секретер.

— Сейчас, я кое-что за-пи-шу, чтобы не за-бы-ла, — начала она очень мелким, жадным почерком вычерчивать в счётной книге. Сидела ровно, стала серьёзна. Арад подзаглянул, что она там делает — в расчерченной на шесть колонок странице она заполняла цифры в последних двух. Затем, левой рукой, она начала играть со счётами, и это было зрелище: она пальцем без когтя следовала цифрам, и даже ни разу не посмотрела на счёты, над которыми летали пальцы с той ловкостью, которая возможна лишь после лет каждодневной практики. Араду почему-то это очень понравилось, он заворожился. Потом, наконец, посмотрела на счёты, потом на книгу, потом снова на счёты.

Посмотрела на него.

— Сошлось, — моргнула ему обоими глазами.

— Хорошо, — ответил он.

«Надо как-то начать», — подумал он, глядя ей в глаза. Она несколько раз сощурилась, пытаясь выглядеть строгой, или что-то такое. Влияние оказалось противоположным: Араду затеплилась кровь.

Но тут Ленайна вдруг припечатала графис к книге.

— Так. Арад. Скажи мне по-честному, — скрестила руки, плотно сжав лапы вместе.

— Хорошо, нет проблем. Скажу. Только дай мне руку.

— Зачем? — спросила она, но поставила руку на секретер, и он её без промедлений взял.

— А теперь вторую.

— Зачем? — со смешком спросила она, но поставила и вторую на секретер, он забрал и её.

Он сложил их вместе, сцепил их, начал играть ими, как чем-то своим.

— Ну что ты делаешь?

Арад поцеловал их, и не отпустил.

— Мне нравятся твои руки. А теперь спрашивай, что хотела.

Она придвинула табурет ближе, чтобы — раз уж схватил руки в плен — было удобней.

— Что, Арад, скажи: дать тебе второй шанс?

— Не надо мне второй шанс, — покачал он головой. — Верни первый, как был.

Он начал полегоньку тянуть её за руки к себе, пока ещё несильно.

— Извини за штуку с чаем, — вынужденно сказала Ленайна, одновременно учинив сопротивление.

— Я же говорил: это надо повторить, а не извиняться.

— А ты мне ничего сказать не хочешь? — она заиграла взглядом, уже знакомая ему манера.

— Хочу, — потянул он её к себе, мощнее.

Ленайна всё-таки сопротивлялась. Он — ещё. Она — не-а.

— Нет, ну Арад. Пусти.

Бессмысленно. Он же сильнее.

— Арад, не могу я на тебя садиться, — сказала ему, и уселась на нём, — ни идти с тобой никуда, живот у меня болит. Мне надо дома сидеть.

Он поправил ей лапы, чтобы вместе, и чтобы к кровати. Лапой пододвинул себе табурет и поставил на него, для упора. Отлично.

— Вот дела, Лени. Ты что, заболела, съела плохо? — обнял он её за талию, ухватившись за поясной шнур.

— Нет же. У меня эти дни, понимаешь, — Ленайна совершала слабые попытки то ли освободиться, то ли устроиться на нём поудобней.

— Какие эти дни?

— Арад, ну ты же умный. Лунные дни.

— А. Да ты представь, что на табурете сидишь. Я тоже мягкий.

— Ты твёрдый так-то... Не принято, лев не трогает львиц в такие дни, мы вас избегаем в это время, — молвила она, и тут же обняла, причём не понарошку.

— Я тебя не трогаю, ты просто сидишь, — он же проделал путь вверх по её спине к загривку.

Она ткнула ему когтем в нос:

— Слушай, сейчас кто зайдёт, будет нехорошо, я даже дверь не закрыла. А папа если будет дома, то и засов не поможет.

— Почему не поможет? — слегка удивился он.

— Он просто выбьет дверь, — пожалала Ленайна плечом, — от него не закроешься, он у нас такой. Но мы его любим. Слушай, давай я чего принесу, схожу вниз, а то будет некрасиво.

— Ладно, давай.

Она, посмотревшись в зеркало, на котором висело бесчисленное количество лент, да так, что еле видно отражение, ушла.

Арад оглянулся. Посмотрел рассеяно по секретеру, втянул воздух. Пахло этим домом, пахло чуть чернилами и бумагой, пахло Ленаиной, запах был очень похож на тот, что в оставленной ею накидке. Вещей всюду было множество, но всему порядок. У неё было чисто, уютно, и хорошо. Деревянный пол. Только на секретере — а сей предмет мебели крайне странен в комнате юной маасси — разверзалось что-то вроде контролируемого хаоса. Взял

одну из бумажек на нём, хоть это и неправильно, так не делают, так нельзя; поглядывая на дверь, прочёл:

29 4ЛунОгн. 807
110 | Деньг. Дом | 110.50 ЛЕВО
210-132 | Вейх и сынов. --- ПРАВО (~~должен 120.50~~; 10 запл. за поли-
ровку)

29 4ЛунОгн. 807
599 | Чёрн. сч. | 70.- ЛЕВО (или шлюхи?? выяснить)
111 | Деньг. Папа | 20.- ПРАВО
110 | Деньг. Дом | 50.- ПРАВО (из сек-ра)

30 4ЛунОгн. 807
112 | Деньг. К. Оружейк. | 12760.- ЛЕВО
420 | Доход Ор. | 12760.- ПРАВО
520 | Проданное | 7500.- ЛЕВО
130-1 | Тов. Оружейк. | 7500.- ПРАВО (старьё)

Это её почерк, Арад сразу это понял, даже непонятно, как именно. Ещё он понял, что это счетоводские записи, но смысл их был ужасающе таинственным — язык, ему (ещё) неведомый. А ещё он понял, что он к ней проникся большой симпатией, и вовсе не рассыпаясь каскадом мечты, и даже без идеализма, без пьедесталов и возвышений, а очень практически, очень жизненно. Притяжение — прямо вот сейчас, здесь, в это мгновение, в этот день, на этом месте, в это время. Арад понял, что именно с такой надо жить, не с другой, а на именно вот с такой; он понял, что хочет такую, вот ему нужна именно такая львица, и всегда хотел вот такую при себе и для себя, такую вот найсагрийку, потому что она будет делать своё хорошо, и значит ему будет просто делать своё хорошо.

Надо быстро определяться с целями, задачами, поведением. Он уже ненавидел себя, что пришёл сюда без тактики и стратегии, а так, потому что хотелось подышать львицей, и потому что внизу тянет. Невероятно глупо. Он пытался в один свой легион взять два города противника, и если он не будет помнить, сколь разные эти два города, то очень скоро окажется разбит. И если он начнёт врать, тем более себе, — то проиграет.

Придётся быть умным и хитрым. Война усложнилась.

Ленайна зашла, поставила поднос прямо на кровать; она уже успела надеть большой-большой передник, прямо в пол. Арад посмотрел на него, ему вдруг подумалось:

— У вас есть прислуга? — задал вопрос Арад; о прислуге в его страте задавать вопросы не то что можно, а даже принято (правда, там спрашивают «как прислуга?», и далее принято слушать нескончаемый поток жалоб).

Кажется, Ленайна не ожидала такого вопроса, прямо совсем. Она застыла с чашкой на полпути. Пахло чем-то приятным, но Арад не мог сказать точно, чем.

— В доме? Есть, одна сейчас прядёт. Есть ещё одна дхаарочка, у неё мать умерла, мы её приняли. Она маленькая ещё, ей девять.

— Слушай, жаль, — почесал он загривок.

— Да. Мой папа недавно устроил бучу в школе, слышал?

— Нет, а что там? — взял он у неё чашку с чем-то совсем чёрным. Это был не чай.

— Есть же школа для дхааров на Югконце, ну там дальше, по дороге, — показывала она, но совсем не в ту сторону («Право», — подумал Арад, — «львицы никогда не могут запомнить сторон света»).

— Ну.

— Туда ей очень далеко отсюда, и папа устроил её в школу здесь, при гимназии. Точнее, хотел устроить, — Ленайна осторожненько уселась возле него на сундуке, слева.

— Да, я в неё ходил. Туда дхааров не берут.

— Он давал взятку, чтобы её взяли, — очень просто сказала Ленайна.

В его доме бы уже в обмороки падали.

— И что, взяли? — удивился Арад, посматривая на чашку.

Она покачала головой.

— Неа. Очень побоялись Родового Закона. Поэтому он принципала школы обозвал... обозвал.

— Ого. И что теперь?

— Ничего, — поглядела на него, — папа нанял ей учительницу на дом.

— Это недёшево.

— Нет, нормально, пятнадцать империалов на раз, три раза в неделю. Она уже читает, пишет простым алфавитом, считает. Папа думает, чтобы она замуж за Сунга вышла, и стала Сунгой.

— Что это он так о ней печётся? — задумался Арад.

— Просто так, — пожала плечами Ленайна. Кажется, она удивилась вопросу.

— Это кофе, да? — пробовал Арад, осторожно, потому что горячее.

— Да, — приглядывалась она к нему. Потом поняла: — Ты чего, кофе дома не пьёшь?

— Нет. Он же дорогой очень, и говорят, от него бессонница и зубы выпадают.

— Сто девяносто шесть империалов за камень, — посмотрела Ленайна вверх, и он заметил, как заиграла её левая рука, словно на невидимых счетах, — не так уж и дорого. Ничего не выпадает, и на ночь его не надо пить. Ты попробуй, сейчас увидишь, от него оживляешься.

— Слушай, Лени, — вкрадчиво начал он, — давай одну штуку попробуем.

— Давай, — как-то сразу согласилась Лени. А потом впала в защиту, поняв свою опрометчивость: — Аaaa какую?

— Смотри, я пью горячее, видишь? А ты не пей, не надо, поставь.

Она поставила чашку.

— Теперь так... — обхватил он её шею, прям вовсю, и взял за подбородок с иной стороны; требовал к себе.

Она не сопротивлялась, и её язык оказался прохладным и ещё почему-то сладким.

— Теперь ты, — отпустив, сказал ей. Чтобы не тратить время, взял свою чашку и силой напоил её горячим. Кончилось нехорошо: она, застонав, стукнула его по плечу, а потом вдруг прыснула всем на него.

— Ай! Ты...

Что вообще не помешало ему, мокрому на морде и одежде, заткнуть её и поцеловать снова; она оказалась горячей и горькой, как кофе. Кажется, она сопротивлялась, но какая разница.

— Прости, я ведь... — извинилась, но потом одумалась: — Ты утопить меня хочешь? — стукнула его снова, когда отпустил. — Арад, ты самый какой-то... такой... — она вытирала его передником. — Буйный, своевольный, несдержанный лъвина. Ахлия, спаси меня. Ваал. За что.

Очень довольный собой, Арад всё же решил перейти к делу:

— Слушай, я хочу с тобой поговорить, очень откровенно.

— Как раз хотела предложить, — неожиданно сказала она, расправляя уже весь в пятнах передник. — И ты готов?

— Да, — кивнул Арад.

— Тогда я первая, — взяла она свою чашку. — Знаю, что у тебя есть отношения. Они ведь есть?

— Да.

— Я знаю, что это — Ашаи-Китрах, мастерица жизни. Юная мастерица, «ещё учусь», — Арад уловил смену в её голосе, а также то, что она вдруг дала тумака подушке.

— Да, — легко согласился он.

— Я с ней даже знакома, Арад, мы с нею приветствуемся. У нее целая стая знакомых маасси и хаману, чуть ли не пол-Галлена, — говорила она быстро и ясно, словно наперёд продумала, что надо сказать.

— Да.

— Последнее, что хочет любая львица, так это ссориться или иметь непонимания с мастерицами жизни. Ты меня понимаешь? — показала на него чашкой, и очень вопросительно посмотрела.

— Да.

— Я — верноверная Сунга, — приложила ладонь к сердцу, — и понимаю, что у Ашаи-Китрах всё иначе, и что... им так... положено. Ваал им даёт многое, но забирает одно.

— Тут я не очень понял.

— Я что хочу сказать. Арад, я такое спрашивать не должна, — как-то очень строго молвила Ленайна, — это очень глупо спрашивать львице, и мы только начали, — нервная дрожь прошла по голосу, — но всё равно: ты ко мне серьёзно, или так, хвост посмотреть?

Он смотрел на неё, а она — на него. У Арада как-то кончились слова и мысли. Обошли из тыла. Тыловой удар. Инициатива у противника.

— Мой Ваал, какая же я дура... — схватилась она за висок.

«Хитра, хитрющая, прозорливица», — подумал Арад. И почему-то это было хорошо. Почему-то это было правильно. Почему-то это ей добавляло всего.

— Перестань, ты умница, Лени, — серьёзно сказал он, даже задумавшись. — Ты мне нравишься, и с каждым мгновением, что я с тобой провожу, ты нравишься мне всё больше.

Она мурлыкнула, и громко, Арад прямо давно такого «мрррр» не слышал.

— Делай так почаще.

Ленайна сделала это ещё раз.

— Ещё.

Она ещё раз.

— С ума сойти. И ты можешь делать так всегда, да?

Она снова.

— Я тебя не заговариваю. Я думаю, как лучше тебе ответить.

— Ладно, только будь мне честен и не дёргай мне хвоста, — покачала головой Ленайна, не глядя на него, но в окно, слева от них. — Я больше всего люблю умных и нелживых, и ты вроде такой.

— Ладно. Итак, наши родители хотят, чтобы мы соединились родами, — сказал Арад, наблюдая за нею, но Лени — так же глядя в окно — особо не выражалась и не удивлялась.

— Угум. Мои считают, что это им как-то поможет в делах, да и у мамы есть бзик — она хочет возвысить род, а ты ведь родом повыше будешь, благороден.

Было непонятно, смеётся она, или всерьёз.

— Не, у нас всё средненько, — насмешливо сказал Арад. — Есть куда круче.

— Ещё, наверное, папа думает, что иметь судью в родстве очень полезно. Хотя это больше мама суетится, ему всё так, между прочим, — махнула рукой.

— Это он прогадал, — снова насмешливо сказал Арад, — если он ставит на преференции в судействе, то пусть лучше выдаёт тебя замуж за другого сына судьи. У меня папа очень правильный, слишком. Ты вот рассказывала о взятке в школу, он бы уже на полу валялся, в обмороке.

— Что, серьёзно? — удивилась она, повела ушами, но не посмотрела на него.

— Ага. Та же штука с чаем: он всерьёз к тебе бежал, чтобы обвинить в непоправимом оскорблении сына, дома и рода. Он мог вас выгнать и запретить приходить роду Инсай вообще. Я всё обернул в шутку, которую он не понимает. Но он тебе это запомнил.

Она аккуратно почесала щеку, ничего не сказала. Облизалась.

— Как видишь, не самый выгодный союз, по крайней мере, мы вряд ли будем тем, что хотите вы, — заключил Арад.

— Ты ещё не знаешь, что у нас за штуки. И всё-таки, зачем ты меня спас от гнева папы?

— Я решил быть твоим Сунгом безупречной доблести, — взял он готовый, подходящий ответ.

«Сейчас засмеётся», — подумал Арад.

Он ошибся. Она вздохнула, привстала с сундука, а потом села обратно. Вдруг решила снять передник, через голову, сложила его и бросила на кровать; потом она вытянула руку, в его сторону, но не совсем, будто в сомнениях или вопросе; Арад намёк понял правильно, и сцепился с нею ладонью.

— Так что же, Арад, — сразу после этого, словно получив разрешение, молвила Ленайна, — что мне думать, что мне делать? Ты будешь таким Сунгом для меня, или для кого-то другого? — посмотрела на него, боком, как на картинах, в три четверти — и ещё прижав уши.

— В этой лодке могут плыть только двое, правда? — не было смысла скрываться.

— Да, — охотно согласилась она, довольная, что он её понимает, — в нашем случае — да. Иначе всё будет... я так не согласна, найсаграи так не умеют, ты знаешь. Я захочу всё твоё внимание, если ты желаешь со мною начать. Я хочу услышать, что ты решил.

Арад попал в окружение.

Вообще-то, можно её обмануть. Это несложно. Вообще-то, можно ей сказать правду. Это куда сложнее.

«Обещал же правду говорить», — думал он.

«Ты что, дурак?», — подсказывал инстинкт. — «Обмани их всех. Они только рады будут. Неси любую чушь, это же война».

«Есть принципы».

«Ты что, дурак?».

— Строить отношения на обмане — глупо. И я вижу, что я могу с тобой их построить. Не знаю, у меня очень хорошее ощущение насчёт тебя, мы притрёмся.

— У меня тоже, — поспешила молвить она.

— Я даже не знаю твою сестру. Я даже не знаю твою мать. Я никогда не видел твоего отца. Я вообще ничего не знаю, кроме того, что ты — хорошая найсаграя и ты мне очень нравишься, — сам себе удивлялся Арад, что так быстро и так охотно пошёл в эту сторону.

— Ты мне тоже, но не очень... в смысле! Просто нравишься. Чуть меньше. Ой, наплелась... Забудь. Нравишься...

— Я понял. Поэтому, правда такая: мне надо как-то закончить со Симсано́й, и я не могу сделать этого в одно мгновение.

— Почему? — резонно спросила она. — Ты лев, ты всё можешь.

— Это неправильно, согласишься, — чётко, как учитель в школе, сказал он. — Ты не можешь просто исчезнуть из чьей-то жизни — не объяснившись, не простившись. Кроме того, она может не понять, что случилось. Так нельзя. Я не хочу быть свиньёй.

Ленайна думала; было видно, что она думает, определяется.

— Ты будешь львом. Львы так делают. Не самые лучшие, наверное... А насчёт понять: она будет знать, что случилось, через пару дней, как нас увидят вместе. Это уж поверь. Что ты хочешь, встретиться с ней и всё сказать?

— Да, где-то так.

— Что ты ей скажешь?

— Что мой отец и моя мать очень разошлись из-за наших встреч, и мне невозможно больше с нею встречаться, серьёзно не разругавшись с ними.

— Эм, зачем ты такое придумал? — немножко удивилась Ленайна.

— Я не придумал, — хмыкнув, ответил Арад.

— Как это? — покачала она головой, не понимая.

— Мой отец — судья. Это значит, что ему одобряется быть в Доктрине Просвещённой Вольности. Судьи — единственные в Империи, кому такое одобряется. Ещё учёным, но им это разрешается, а не одобряется. Остальным это запрещено.

Она морщилась, словно ела горькое.

— Что это за штука, Доктрина?

— Это значит, что ему нельзя иметь дел с Ашаи-Китрах. Он уважает веру Сунгов, но Ашаи-Китрах с ним не имеют ни частных дел, он не пользуется их служениями, ничем. Дела только служебные и только по закону, с

соблюдением их привилегий. Там целые правила... И они у нас дома не бывают.

— Что за бред. Я даже не знала. Это по-настоящему, как бы в законах так? — проговорила она, словно он рассказал ей дурацкую шутку, и забрала пустую чашку от него.

— Да.

— У вас никогда не было Ашаи дома? На Ай-Юлассай? Если кто-то болен? Если кто-то рожает? Просто так? — махала она чашкой.

— Не было, — со вздохом ответил Арад.

— Ваал мой. Ага, так твои родители разозлились, что у тебя отношения с Ашаи...

— Мама — нет, она... она, скорее, просто хотела, чтобы я сошёлся с тобой. Она видела в этом препятствие, но сама против Ашаи ничего не имеет. А отец...

— А отец не любит Ашаи-Китрах.

— Да, очень, — со смехом сказал он.

— Он на тебя орал?

— Нет, пока нет. Мама просто старается это всё сглаживать, ничего не рассказывать. Но он точно будет против неё, и будет мне долго и нудно гундосить... — жёстко выговорился он, и прервался.

Повисла тишина. Арад добавил:

— Мой папа и против тебя будет, ты же чай на меня вылила.

— Кофе тебе понравился? — как-то совершенно мгновенно сменила тему Ленайна.

— Да, Лени, спасибо.

И снова крутой поворот:

— Так ты хочешь ей сказать: мол, проблемы в семье, извиняй.

— Да, проблемы в семье, родовые обязательства, родовые планы между нашими родами. Я надеюсь, она выдержит.

— Чего ж не выдержит? — спросилась Ленайна, глядя вперёд.

— Она сирота, у неё, кроме наставницы, вообще никого нет. Ни родных, никого. Мне её наставница говорила, что она по уши в меня влюблена.

Арад сказал это, и пожалел. Наверное, этого не стоило говорить. Вот некоторые вещи не стоит говорить.

— Мастерина, Ваалу-Миресли? — Ленайна сделала вид, что ничегошеньки не услышала.

— Да, — виновато подтвердил он.

— Знаешь что, Арад? — Ленайна смотрела вперёд, немигающе. — Я чувствую, что она тебя так просто не отпустит.

Снова повисла тишина. Послышался из улицы звон стекла и очень сильная ругань. Арад выглянул, но ничего не увидел, Ленайна так и сидела, вообще не обратив внимания.

— Что посоветуешь? — тактически спросил он, продолжая выглядывать в окно, и ему не понравился собственный тон: он будто пытался спросить о ерунде, будто ему безразлично.

— Гневить Ашаи нельзя, — очень медленно говорила Ленайна, каждое слово отдельно, — тем более — мастерин, себе дороже, это все знают. Да и Ваалу это не угодно, — кусала она клыком губу. — Ты вот что: у вас уже что-то назначено?

— Она должна прислать письмо, — тёр он гриву, усевшись обратно на сундук, — когда будет свободна. Они заняты постоянно.

— Ясное дело. Ты приди, — она повернулась к нему, и начала теревить ему ворот. — В начале обязательно скажи, что пришёл к ней на прощальный случай. Подари ей что-то, повнимай, уважь, — отцепила ему фибулу и прицепила почему-то себе на платье. — Расскажи все обстоятельства, расскажи, что вынужден взять родовые обязательства, попроси прощения.

— Я не вынужден их брать, я сам к тебе пришёл, — поставил он ей ладонь на бедро.

— Ты соври, это хорошая ложь, — отцепила себе фибулу и вернула ему обратно. — Не уходи второпях, разве что выгонит, но это очень вряд ли. Не знаю, как она поведётся, но она обязана это принять, — её руки прохаживались по его груди, плечам, заботливо внося какие-то невидимые поправки. — Ашаям должно такое принимать.

— Звучит очень разумно, — согласился он.

«Да. Честно, разумно, взвешенно», — подумал Арад.

— Будь к ней добр, но сразу дай знать, что после этого случая появится стена, — посмотрела на него, выразительные жёлто-карие глаза. — Не дари ложных надежд, — постучала по плечу. — И наставнице её это скажи, если выйдет.

— Согласен. Так и сделаю.

— Как-то так, — подытожила, и дотронулась к его подбородку, очень легко.

Дверь резко распахнулась:

— Что за хрень, он ещё тут? — возмущённо скалилась сестра Ленайны, опасно наклонившись в проёме.

— Уже ухожу, — поднял руки Арад, сдаваясь.

— Что так долго? Помнится, с этим кузнечным конягой ты побыстрее перепихнулась.

— Ах ты дрянь! — Ленайна почти кинула в неё чашкой, схватив с подноса, но сестра исчезла, а она — пожалела чашку.

— Она невыносима стала. Аж стыдно, — терла она нос раскрытой ладонью, глядя на захлопнутые двери; голос изменился (из-за носа).

— А что за коняга? — очень поинтересовался Арад.

— Она шутит, — равнодушненько молвила Ленайна.

— Интересные у вас шутки.

Она поняла, что с Арадом такое не пройдёт. Побоялась его. Почувствовала, что он — очень странное дело — куда лучше знает язык львиц, чем обычно львицы его возраста: бестолковые, ещё неспособные, неготовые.

— Был тут один, подмастерье кузнеца. Ну было! — посмотрела в его сторону, и завертела чашкой. — Только у нас Игра была, а не то, что сказала Мейсалка. У меня всё очень честно, я всё чту. Игра такая, на отвязись, — отмахнулась. — Я думала: получит сдачку, с хвоста снимется, а то проходу не давал, и никто за меня даже не заступался! — вдруг обвинила она мир (не себя же, право).

— Ага, сейчас, отвязался — цыкнул Арад.

— Я же не думала. Я же говорю — проходу не давал, — оправдывалась Ленайна, уже совсем замучив чашку. — Пришлось папе сказать, хотя не очень хотелось.

— А почему?

— С особенностями папа мой, такой весь... львиный, совсем. Увидишь — поймёшь. Надеюсь, он его не убил, — вздохнула.

— Слушай, а Игра на отвязись — это как? — растянул он лапы и потянулся.

— Ну что ты такое спрашиваешь? Фу. Я слыхала, ты знатный хвостотяг, — стукнула она его в бок, чего Арад не ожидал, — всё знаешь. Сам знаешь, как.

— Конечно. Запомни: со мной такая не пройдёт.

Ленайна вроде и опешила, но так, для виду. Даже не находилась, что сказать. Потом нашлась:

— Ваал мой, какая наглость. Да с чего ты вообще взял, что?.. Хвостун. Закрой глаза.

Что он и сделал, и ощутил, что его лизнули в щёку, придерживая другую. Он продолжал так и сидеть, прислушиваясь к ощущению. Потом она, мурлыкнув, так же громко, как раньше, уложилась ему на плече, подложив ладонь. Он всё ещё прислушивался, не хотел смотреть.

— Вот так тебе, — очень тихо сказала она, чтобы он еле расслышал.

— И всё?

— Не знаю, — ещё тише молвила она.

— Что, даже на свидание не пойдём?

— Как это не пойдём? — обычным голосом спросила Лени. — Ты выводи — я выведусь. Только эта пигалица Мейсала крутится, она может

вредничать, ты не обращай внимания, это только ей и надо, — снова положила ему голову на плечо.

— Она всегда такая вредная со мной будет, Мейсала?

— Она со всеми вредная. Не знаю. Папа говорит, что она будет проституткой, и смеётся.

— Что? — изумился он, и открыл глаза.

— Ну, вот так. Говорит, натура такая. Я в мать пошла, а она — в него.

— Дела, — подивился он.

— А ты говоришь, что ваш род нам не подходит. У нас та ещё... шайка, — хмыкнула Ленайна со знанием. — Зато деньги есть, и дело.

— И много денег?

— Ой, непростой вопрос.

— Моя Лени, ты не говори, я ради шутки спросил, — засмеялся он.

— Да зависит как считать. Так что, ты это... — ладошкой пристукнула ему по груди. — Они нарасхват, Арад, эти две мастерицы, старайся не прогневать одну из них. Как я буду со львом, который прогневает мастерицу жизни?

Тревожит её тема, она переживает, её гложет, подумал Арад.

— Почему они нарасхват?

— Они всё делают, — вздохнула она. — Есть ещё одна мастерица в Галлене, это кроме повитух, но повитухи это такое, они послабее, к ним только с лёгкими родами идти надо. Так вот, эта мастерица, Ваалу-Харана, так она мало того, что не всё делает, так и дети у неё душатся. Она ненавидит Ваалу-Миресли.

— Даже так? А за что?

— Завидует, наверное. Её многие из Ашай не любят, Ваалу-Миресли. Не знаю, почему. Что-то им не то, — наморщила мордочку Ленайна.

— Что значит «всё делает»? — потребовал от неё Арад. — Я уже несколько раз это слышал, но не знаю, что значит.

— Это значит, что они руки могут марать, — многозначительно ответила Ленайна. — Есть такие, что боятся, или там ленятся. Они двое — нет, молодцы.

Арад покачал головой, скривившись. Непонятно.

— Они детей встречают, они же их убивать могут, — объяснила Ленайна.

— Как? — опешил он. Однако.

— Я не знаю, говорят, поят чем-то горячим, заговаривают и спицу пихают. Больно.

— Слушай, а зачем?

— Ну мало ли. Изнасиловали тебя, или там опасно тебе рожать, или там... что угодно. Или там родился львёнок с кривохворью, например. Он всю жизнь будет урод, зачем так жить.

— А с ним они что сделают?

Ленайна показала на горло.

— Понятно что. Как именно — уже не знаю.

— Ничего себе. Жуть.

— Это самочьи дела, Арад, — серьёзно сказала Ленайна. — Ой, гляди, уже темнеет. Ваал мой, сколько мы тут просидели?

Тут же раздался тихий стук в дверь, но долгий, настойчивый.

— Заходи, мам.

Торжественно и улыбаясь, зашла мать Ленайны.

— Я уже иду, — пообещался Арад.

Потом он встал, потом он полубезничал с хаману Мирной, и хаману Мирна нравилась ему, как и он очень нравился хаману Мирне, они сошли вниз, его проводили, и Ленайна поцеловала его в щёку, всё было чинно и вполне неплохо, даже Мейсала сказала ему нечто вроде «досвидасики» (его мать бы лишилась чувств от таких манер, а отец весь стал бы белый, как далёкие горные северняки), и он очутился за дверью, среди тёмного облачного вечера.

Он постоял у входа, поправил плащ.

Кто-то резко вошёл через калитку, грузная низкая фигура, и так же резко ею хлопнул. Этот лев поравнялся с Арадом: рубленый, квадратный, одетый в невообразимую смесь легатных доспехов (наручи, и кнемиды, и наплечники) и какого-то дивного дорогого шмотья, и его Арад узнал — это был тот самый, что постоянно орал на всех в оружейке, его же в Галлене знали, только ему как-то совсем выпало, что это мог быть отец Ленайны.

— Ты кто такой? — глядел он маленькими узкими глазками.

— Арад, род Каризиан-Руст.

— Кто? А, так ты этот... тот. С тех, судейских. Я думал, ты побольше! — потрогал он его за гриву, от него пахло пивом и рыбой. — Тебе сколько?

— Шестнадцать, — чуть приврал Арад. Хотя вот скоро.

— Твою мать, да ты чего? — возмутился лев. — Я думал тебе двадцать.

— Нет, сир, двадцать потом будет, надо подождать.

Он громко засмеялся.

— Чего торчишь, заходи.

— Я только оттуда, — показал Арад назад большим пальцем.

— Аааа. А чё приходил?

— С дочерью сира, Ленайной, поговорить. Неудобно, но хотел бы знать имя сира, — Арад не помнил, как его зовут, хотя не раз когда-то слышал.

— Чего тебе неудобно, у неё кровать хорошая, здоровая, я сам купил.

Арад невольно засмеялся; занятый, этот Ленайнин папа.

— Мы на сундуке сидели, но кровать вроде отличная.

— На сундуке... Значит, попку ей намял? На, смотри, а какой? — вытаскивал он настоящий длинный меч и сразу бросил (Арад еле поймал).

— Да, хороший, — махнул им Арад.

— Разбей им что-то.

Арад пожал плечами. Да не вопрос. Он может что угодно разбить. Сделав несколько шагов, простейшим резким выпадом, без замаха, он разбил внешнее стекло окна (отметил — в окне света не было). Потом вернулся и протянул меч обратно, держа его за за гарду. Но хозяин, вообще никак не удивившись выходке Арада, уже начал тарабанить в дверь.

— Открыто, кажется, — посоветовал Арад.

— Жена пусть откроет, порядку надо быть.

Хаману Мирна, вся кусая когти и в безысходности (вместе с Ленайной позади, и он заметил её такой настороженно-встревоженный вид), открыла, и он вошёл.

— Ты зачем окно разбил? Зачем окно? Ты снова пил? — пошла жена за мужем.

— А меч, сир? — вдогонку спросил Арад.

— Себе забери! — прорычалось из дому.

Арад пожал плечами, кивнул головой, поднял меч ещё раз. Даже в темноте видно, что хороший.

«Как его нести без ножен?», — задумался он.

К нему подошла Ленайна, прикрыв двери.

— На, отдашь отцу. Его без ножен не понесёшь, за дурака примут, — сказал Арад.

— Нет, лучше возьми. Он сейчас пьян и завалится спать. Видишь, стёкла бьёт, — отводила она его от дома, подталкивала.

— Он не очень пьян. А меч дорогой. И стекло, вообще-то...

— Возьми-возьми, — очень настояла Ленайна, — если что, вернёшь.

Арад подумал, и завернул его в свой плащ.

— Ладно, Лени, я пошёл.

— Ступай бережно, Арад, — обняла она его, сильно, очень сильно, как для самки, и он чувствовал у себя на щеке, как холодны кольца её ушей.

**

Спал он в эту ночь отлично. Арад вообще спал просто прекрасно в эти дни: снились несбыточные сны, полные воздуха, какие-то древние сюжеты, снились львицы с золотыми змеями на голове, снилась та Ашаи с ночным взглядом, что умерла (по словам Симсаны). Поднявшись, он записал:

*Я хочу видеть
Тени золотых львиц
При закате солнца
Завтра
Или даже сегодня
Но вот мне рассказали
Что это уже случилось
Вчера*

«Я ещё и поэт», — подумал себе Арад.

И на следующий день, после визита к Ленайне, выявил ещё любопытное: началась полемика с самим собой, словно взаправду появилось два Арада в голове (вместо более-менее одного), и начали спорить. Но это оформилось днём, а вот утром его не покидало чувство, будто он сваял полную глупость. Зачем он пошел к одной львице спрашивать совета о том, что делать с другой? Он что — сумасшедший? Или, того хуже — не умеет с ними управляться? Конечно, умеет.

Кстати, почему умеет? Он же раньше вроде и понятия не имел. А теперь — вот, прошу. Всё как-то очень стало получаться со львицами; раньше, что-то совершенно недоступное, открылось ему, ну право, будто открыли глаза или уши. Даже подозрительно.

«Стал взрослым, наверное», — подумал Арад.

Ранним утром, в одном из последующих дней, Арад стрелял из лука (вернулись братья со своей «охоты», и лучше делать это поутру, пока дрыхнут), и думал.

Раздвоение у него было таким: один Арад был прямым, принципиальным, ему хотелось разбивать стёкла мечом, раскладывать вещи по полкам и поступать правильно. Второй был хитрым и озорным, и подсказывал, что молчание — золото, что недомолвка — это хорошо, что нужно делать своё дело и не думать, что думает самка (всё равно не угадаешь). Первый хотел выбрать одну или вторую. Второй выбирал вообще всех. У первого были невероятные проблемы. У второго никаких проблем не было.

Первой проблемой у первого Арада оказалась такая: зачем он вообще пошёл к Ленайне? Ответ вроде как на поверхности: шёл за Симсаной, её не было, разозлился (не на неё, а вообще, от голода), пошёл за Ленайной, как за ближайшей знакомой целью. Ну, пошёл, ладно, но зачем взял и всё разболтал, и вообще зашёл так далеко, что спасите. Толку? Какой смысл, даже в нетерпении, менять ажурные стрелы Симси, её... её всё!.. на матримониальные зарисовки с Лени? Нет ни малейшего смысла взять и вытащить из себя (вместе с кровью, будет много крови, больше крови!) стрелы жрицы

огня Сунгов, даже с учётом родовых обстоятельств, всех этих полузапретов, этого всего судейства отца и прочей дребедени; и даже с учётом того, что Лени — хм, Лени, она оказалась совсем не тою, которую он ожидал. Насколько было бы проще это прямому, принципиальному Араду, окажись Лени какой-нибудь страшноватой дурёхой. Он бы просто внутренне смеялся, сидя на том знакомстве, смотрел в небо, и мечтал о Симсане. Ленайна же, она, наверное, очень толковая пара — лучше слова не подберёшь. Какова, а. За один его приход мало того, что ловчайшим окружением его разума попыталась убрать соперницу (его же руками), так ещё и привязала себе льва. Хитра. С другой стороны, именно такую прозорливую львицу и полезно иметь в хозяйстве, или?

Но всё это ведь такая ерунда. Это ведь ещё, наименьшее три года, пока он сможет всерьёз задуматься о соединении родов. Что за пошлость — думать об этом сейчас? За эти годы может кончиться мир, умереть он, Ленайна, он может разлюбить её, себя, отстрелить себе причинное своим стреломётом, или вдруг папа перестанет быть судьёй, или случится что угодно. Это всё были невозможно дурацкие прожекты, думал Арад, вытягивая стрелу.

Поход к Ленайне оказался ошибкой, — так более-менее решил он. Не ошибкой, скажем так, а просчётом. Хотя...

«Можно бывать и там, и там», — подумывал Арад. — «И всё».

Но он же вроде что-то там обещал. Как там, вспоминал Арад, натягивая тетиву: взять, Симсану бросить, придти обратно, доложить об успешном разгроме противницы. Ну, Ленайна, ну ты и... самка.

Нет, нет, таковому не бывать, ухмылялся Арад, он свою Ашаи-Китрах не бросит только потому, что папа — судья-анваалист, а мама решила его неплохо женить, а Ленайна не хочет соперниц. Ну вы чего, серьёзно? Вы все с ума сошли.

«Что-то Симси не пишет», — подумалось, когда доставал очередную стрелу. — «Долго всё».

Он уже очень сильно за ней скучал, но очень боялся в этом признаться, словно боясь пропасть или попасть в какую-то ловушку.

Второй вопрос недобро подстерегал, и выглядел куда более сложным: есть ли *сама* Ленайна ошибкой. Ещё несколько дней назад, до того гостевания рода Инсай в их доме, он бы рассмеялся на такой вопрос. Она тогда была ничем, он её не знал, хотя и видел раз десять. Но вот после... Хм, думал Арад, ну ладно, с тем, что она годится в жёны (в компаньонки вообще, если хочется), он уже вроде как определился — и разумом, и инстинктом, точнее, этим странным новым чувством на львиц, которое раньше отсутствовало. Вот её род куда легче обозначить: богатство и разруха. Весело и страшно. С таким соединяешься, только если любишь при-

ключения и вздор. Ему стало даже неловко, что его мать, ходя в подругах с матерью Ленайны добрых два года, ещё этого не поняла, а он — понял с одного визита.

Но вот у Ленайны есть ещё что-то. Арад не знал, что; точнее, как это называется. И даже не эта пресловутая сообразительная хитрость. В таком роду, подумал Арад, пустив стрелу, рождаются или проститутки (тут он согласился с отцом Ленайны), или такие, как Ленайна. Такие, как она. Это какие? А вот такие.

А что же второй Арад: хитрый, инстинктивный, озорной? На первый вопрос отвечал просто: да ходи куда хочешь, делай что хочешь, не распространяйся ни о чём, крути им хвосты, они это любят, и только получай, что тебе нужно (закусать им всем загривки). Давай, не разочаровывай их, дай им качели. На второй вопрос: находка. Львица-находка, и она была бы невозможна без Симсаны. Это было настолько странный вывод, что Арад даже растерялся и подумал, что на сегодняшнее утро стрельбы хватит.

**

После завтрака Нергим позвал Арада поехать с ним, указав ему не идти в гимназию. Сегодня он поедет с ним в Обитель Правосудия. Это было нечто новенькое. И вот по дороге у них состоялся разговор, ожидание которого у Арада уже уснуло (думал — обойдётся):

— Я располагаю множественными свидетельствами о твоей связи с ученицей Ашаи-Китрах. Но хочу услышать свидетельство от тебя.

— Да, это правда, — безукоризненно признался Арад.

— Могу я узнать природу этих отношений?

— Натуральные, пап.

Помолчали.

— Ты не опасаясь возможных последствий для репутации?

— Полагаю, пап, последствия могут быть для меня, как для молодого Сунга, скорее положительными, — Арад старался как можно надменнее.

— Не в случае, если тебе предстоит судебская карьера, или карьера в юстиции вообще, — не впечатлился папа.

— А она предстоит?

— Уверен и надеюсь, что да, — сказал папа, как-то совместив уверенность и сомнение в одном предложении. — Кроме того, не забудь о репутации рода. О моей репутации.

Арад пожал плечами.

— Ты не можешь отвечать за отношения сына, которому шестнадцать.

— Я вижу риски, которых не видишь ты, у меня больше жизненного опыта, чем у тебя, и я каждый день сталкиваюсь... с ситуациями, где что-то пошло не так, — очень твёрдо говорил Нергим.

— Папа, каков риск? Если ты опасаясь за мои убеждения, то с ними всё в порядке, — без труда соврал он. — Если ты опасаясь за мою репутацию, то я даже не понимаю, что предосудительного во встречах молодого льва и молодой львицы, тем более, что мы чтим обычаи и законы. Отец, Радуга Крови разрешает мне это, даже поощряет, — сказал Арад, с превосходством глядя на окружающее.

— Им что-то нужно от тебя, — закачал отец головой, утверждая.

— Пап, ей ничего не нужно. Послушай... Папа, ну давай поговорим, как львы, давай перейдём в мою плоскость.

— Я так понимаю, — подумал Нергим, — в плоскость твоей юности? Давай.

— Вот в моём возрасте: ты бы отказался примять попку, если она сама трётся?

Араду этот аргумент, выраженный с помощью фразы отца Ленайны (понравилась, запомнилось), казался убийственным, неподвластным отрицанию. Эффект случился немножко иной — отец ошеломлённо посмотрел на него:

— Как ты со мной разговариваешь?

— Прости за экспрессию, но ты понял мысль.

Отец молчал.

— Мы проводим время вместе, — продолжил Арад. — Ей весело, мне весело. Она вообще о Ваале, о вере, о всей этой ерунде даже ни слова не сказала, ей просто плевать.

Отец продолжал молчать. Потом изрёк, в неожиданный момент для Арада (он уж думал — всё, тема закрылась):

— Я хотел бы, чтоб ты прекратил отношения с этими Ашай-Китрах. Это меня... — он долго подбирал слово. — Огорчает.

Теперь уже замолчал Арад.

— А эта маасси рода Инсай — я ею недоволен.

— Ленайна? Она... — поспешил Арад, но сжал себе ладонь, и пошёл иначе: — Если ты о шутке с чаем, то моё объяснение об игре правдиво. Это проявление игривости, так теперь веселится молодёжь.

Нергим отрицательно покачал головой, молчаливо указывая правящему, куда повернуть, трогая его судейским жезлом.

— Я имею в виду целый комплекс проявлений её внешнего поведения, которые я волей случая увидел. Она представилась мне плохо воспитанной и несдержанной особой, даже вынесу суждение — разнузданной; юный возраст тут не извиняет. Она нанесла тебе оскорбление, и удивительно, что

ты так равнодушно его проглотил. И мне, в отличие от матери, не очень нравится их род, хотя... в какой-то мере этот союз выгоден, — отец вздохнул. — Тебе, скорей всего, нужна маасси из фансиалла, как мать, — с искрой идеи сказал Нергим. — Это не идеальное место для воспитания львиц, но они имеют заученные манеры.

— А где, пап, идеальное место? — поинтересовался Арад, как всегда знающий, что папа не чувствует подвохов и засад в словах.

— Наверное, нигде, — спрятал отец жезл подмышкой, и посмотрел в сторону. Ему кто-то помахал с улицы, но он не ответил, ничем.

— Завтра же иду в нигде, — стукнул себя по груди Арад, — и выбираю себе...

— Не филистерствуй — тебе совершенно не идёт, старшему сыну Кари-зиан-Руст.

Помолчали.

— У тебя начались отношения, это положительно, но вот незадача: сразу две львёны, и не самые удачные. Тебе бы такую: абсолютно серьёзную и безупречно пристойную, и одну, — отец говорил это с абсолютной серьёзностью.

— Задача такова: две лучше, чем одна, — расставил пальцы Арад. — Три лучше, чем две. Четыре лучше, чем три. Пять лучше, чем четыре. А... Шесть лучше, чем пять.

— Вижу, период взросления тебе даётся нелегко. От горячей крови теряешь рассудок.

— Папа, почему, это же базовая арифметика.

Возможно, Нергим-Синай что-нибудь бы да и ответил на этот аргумент, но они уже приехали. В Обители Правосудия (Камеры Строгого и Неотвратимого Судейства, КСНС, в шутку (не при отце) — «кис-кис») он полдня провёл с отцом за бумагами, и папа был очень подробен о делопроизводстве, обедал с ним же, а остальные полдня сидел на процессе, который вёл тоже папа, и это было довольно занятно («Да будет освещено светом Ваала имя Императора», «Пусть начнется правосудие, ибо так хотят Сунги», и самое абсурдное — но положенное! — для судьи, и неважно, в Доктрине ли, или нет — «Волей Ваала, от имени Императора»).

Папу называли «честь Сунгов». Иногда так делала мама, при игривом настрое. Арад смотрел и пытался примерять всё на себя.

Когда вернулись домой, то мама, при ужине, тихо и с азартом сказала ему:

— Тебе письмо. Я поставила у тебя.

— Какое письмо, от кого? — равнодушно, но так же тихо спросил Арад, и почувствовал, как идёт волна по шерсти, по спине, вверх.

— Я не уверена, но оно похоже на любовное, — мама сказала так радостно, словно пришло ей, а не ему.

Арад совершил удивлённый кивок и нарочно растянул свое сидение на ужине до самого конца, нарочно обсуждал с отцом впечатления от дня (что Нергиму очень понравилось), растягивая, растягивая удовольствие этого ожидания, и конечно же, стараясь выглядеть равнодушным и будничным.

Мало того: он помылся, высушился, а ещё зашёл к братьям в комнату, которые замучили его мольбами показать меч, который нашли у него в комнате на кровати (нарочно там оставил, а зачем — и сам не знал). Наконец, решил пойти и уже почти забрал меч с собой, но те уцепились посмотреть ещё, и чтоб отвязались, Арад оружие оставил, а сам пошёл к себе.

Он повертел письмо, понюхал. Сложно сказать... Это должна быть Симсана — она говорила, что напишет. Больше некому. И хорошо. Слава Ваалу, подумал Арад, что больше некому, и что хорошо.

— Ваал, если ты есть. Это ведь она, да? — спросил ночное окно, и открыл.

Мой Арад,

прости меня, что не давалась знать столь долгое время. Мои дни и ночи полны теми усилиями, которые Ваалом и Сунгами велено совершать львицам сестринства. Я не смела тревожить тебя вестью, зная, что буду поглощена служением.

Рассказали, что ты был у нас на днях, требуя меня, и сколь я узнаю тебя в этой нетерпеливой решительности. Мне жаль, что мы тогда не встретились, но встреча эта была бы обречена на краткость и сдержанность чувств. Поэтому, возможно, ты найдёшь интересным, что 7го дня 1й Луны Вод — от самого одинокого утра до самой одинокой ночи — я свободна от всех дел и служений.

Пусть Ваал вдохновит тебя на подвиги.

Твоя В.-С.

Арад плюхнулся на кровать, как на облако. Заложил руки на загривок.

Да.

«Только бы никого там послезавтра не было. Ни Миресли, ни рожающих, ни больных, ни всяких прачек, ни львят, ни хаману Ульры. Ваал, сде-

лай так, чтобы никого не было, чтобы все кругом сдохли на время, а потом ожили, а, или переместились в другой мир, можно ведь так? Это же твоя жрица, давай устроим пожар, я не подведу, я сделаю всё, как сказала Миресли, клянусь, я буду Сунгом безупречной доблести. Принеси её мне в жертву, а, отдай мне в служение, ведь они служат Сунгам, да? Дай мне её там прямо и пленить, чтобы мы никуда не ходили, чтобы я не зашёл такой, а она вся разоде́та в пласис, или что там у них, и такая вышла с порога: пошли, Арад, гулять и мир смотреть, и будем веселиться, а я такой, да-да, конечно, пошли, прекрасная погода, отличная идея. Дай мне сил не дать ей оттуда выйти, утащить за загривок долу, прямо как тогда...»

Вдруг послышался пронзительный звон стекла; понятно — это братья в своей комнате таки пустили меч в ход.

**

Ранним утром седьмого дня Первой Луны Вод, разве что уведомив Седеси, что его целый день не будет (дабы та сказала матери, и пусть они себе там разбираются), он вышел из дому. Ещё сияла роса на траве, и по всем мерам он отправлялся рано, но боялся, что сможет задержать некая случайность или папина прихоть повезти к себе на службу.

Кроме того, он и так спать не хотел, ещё от рассвета.

С собой он взял меч, вложенный в слишком узкие ножны, которые нашёл дома. Арад не знал точно, зачем его взял; какое-то смутное объяснение было таково: его надо нести так, в руке, и Симсане по приходу он скажет, что — так уж вышло — взял его для заточки, а поэтому выход куда-нибудь затруднителен (не будет же он и с ней, и с мечом бродить по Галлену), поэтому не остаться ли попить вина из кружек у тебя, что скажешь, Симсани?

«Смешно», — подумал он.

Но реальная причина, кажется, была чуть иной: Арад хотел выглядеть невероятно львино и устрашающе. И по дороге он придумал кое-что получше; должно быть небольшое представление или речь, а Арад, между прочим, прямо хорош в ораторском искусстве; по крайней мере, так оценён в гимназии.

Это должно быть торжество, доминат самца. Требование: их полное уединение, этот момент надо будет продумать. Он будет говорить чётко, ясно, уверенно — возьмёт лучшее от двух Арадов: скажет правду (прямота, принципы), но только ту, что полезна для дела (инстинкт, хитрость).

«Симсана! Я должен тебе кое-что сказать. Симсана!» (надо ходить влево-вправо перед нею, неотрывно глядя на неё) «Я буду с тобой правдив: мне было указано разорвать с тобой всякие отношения. Все они — в

страхе!» (тут надо будет обвиняюще указать в направлении своего дома, дабы поняла). «Мать имеет родовые планы, и боится их разрушения твоим огнём. Отец желает превратить меня в судью, который боится Ашай, как огня» (О Ленайне ни слова, ничего о ней, вообще). «Но Симсана! Этому не бывать, потому что...» (бросок меча куда-нибудь, то ли на стол, то ли на кровать, то ли на землю) «...я тебя люблю» (полная ерунда) «...я твой Сунг безупречной доблести» (вот) «...а ты — мой огонь» (неплохо).

Потом наступаешь на неё, и по ситуации.

Арад встал на пороге их дома, поотряхивал лапы. Было тихо, ном был повёрнут на «никого нет». Он засомневался — а вдруг что-то не сработало? Вдруг снова какая-нибудь чрезвычайность, на которую Симсане надо было непременно пойти? Эта мерзкая повседневность умеет портить самые лучшие вещи. Жизнь — лукава, не добра, любит дурацкие шутки.

Он громко постучал в дверь, так громко среди утреннего воздуха, что аж испугался. Это звучало, словно стража требует входа, а не львина пришёл ко львёне на свидание.

— Симсана!

Несколько долгих мгновений было тихо и безответно, а потом он услышал из глубины дома:

— Войди, — послышался её голос, негромок и приглушён; Арад еле его услышал, по правде.

Арад, очень тщательно отмывая лапы, отметив несколько вещей: вода совсем свежая; и полотенца свежие; и как-то очень тихо; и много света в предвхожей, пылинки в воздухе. Кажется, никого лишнего нет, ведь такая тишина. Дверь запер, и даже потряс, проверил.

— Красивое утро, Симсани, — ещё находясь в предвхожей, Арад подкинул меч в руке (держал за середину ножен), выдохнул тихо, и вошёл.

В комнате блуждали солнечные пятна, лучистый утренний свет из окон, и обилие вещей повсюду, как и прежде. Прежде всего Арад посмотрел на стол и возле него, ибо где ещё обычно тут находиться и сидеть, но никого, и тут он пронзился, до него дошло, что на кровати посреди комнаты кто-то или что-то есть — из-за светлого, яркого пятна на белизне простыней геометрия и светотень сыграли с ним шутку, спрятавшую от него — её.

Она, незнакомка, восседала на кровати, очевидно — прямо на лапах, ровно, с осанкой, в светлом, белом одеянии, больше всего похожем на ночную сорочку или хитон; хвост волной растёкся по краю кровати. Она смотрела на него, точнее, смотрела в его направлении, ибо Арад не видел глаз — та скрылась большой маской львицы, во всю мордашку; в другой руке что-то держалось, но Арад не понял, что.

Он остановился. Он даже не был уверен, что это Симсана. Это было так чарующе странно.

Львица не двигалась.

В воздухе витал ритуал. Очевидно: кто-то из них должен совершить нечто первым, и Арад не засомневался — кому ещё это делать, кроме него. Он сделал шагов шесть, вот так, с мечом в ножнах, и встал прямо перед ней, между ними — шага два, уважительно. Она маской глядела, смотрела за ним, и Арад узнал, что за маска — это Ахлиа, или Ахлия, прама-терь всех львиц-Сунг; большие, символические уши (когда-то это ценилось у Сунгов, как большая красота, нравы давно поменялись), позолота, дорожки крови из носу. Сквозь полуприкрытые глаза маски видно, что за ним наблюдают. Хорошая маска. Вроде как... вроде как — Симсана. Но это шло так вразрез со всем, что он вообще мог ожидать от взаимодействия со львицей, тем более — его возраста, его поколения, что сомнение было реальным: возможно, у неё есть неизвестная сестра или подруга постарше (тоже Ашаи-Китрах, тоже стройная), и всё это — какие-то лукавые вещи от сестринства?

Если Симсана добивалась уничтожения стен, в которых ютился его ум, то она достигла этого. Он ничего не хотел говорить, он просто стоял и созерцал картину. В позитуре львицы читалась кротость, но вот маска не давала расслабиться, и даже фривольность мыслей, горячность крови — поутихли.

— Кто ты? — спросила львица.

Арад услышал, что это она, и её голос вогнал в блаженство. Он даже не сразу понял, что спросили; а когда понял, то вымолвил то единственное, что пришло:

— Сунг безупречной доблести.

Она, верно, не ожидала именно такого ответа, ибо прозвучало тихое, неожиданное, очень довольное «Хम्म...». Очень резким движением, Арад аж вздрогнул, львица раскрыла веер в другой руке; взмах отличный, выработанный.

— Я пришёл за своей Сунгой. Где она?

— Она — снаружи меня. А я — внутри неё. Ты хочешь её увидеть?

— Я только этого и хочу, — отвечать просто, если точно знаешь ответ на вопрос.

— Смирись: желание льва — жизнь львиц.

«...жизнь львиц» он невольно повторил за нею, неслышно. Кто же не знает этой фразы из самой известной классики, пьесы «Ты Снились Мне». Предназначалась она не ему — она её говорила *самой себе*.

Тем временем хвост ожил, лапы перестали покоиться на кровати и вместе совершили грациозный взмах (тоже выработанный), осторожно очутившись на полу. Метнулся кончик ленты, коей, оказалось, львица опоясана. Она встала, подошла к нему шажком, и Арад мимоходом определил рассто-

яние — сможет ли схватить? Сможешь, ответил инстинкт. Глаза в маске мигнули, веер схлопнулся, и маска уплыла в сторону, открыв ему Симсану, но не просто Симсану, нет, это оказалась Симсана с красной полосой от носа до подбородка, подобно маске; но вместо двух скромных ручейков крови у неё лился небрежный красный водопад.

Определённо, глядела она так: с серьёзной, жестокой радостью; так, наверное, смотрит охотница, завидев, что великая добыча пала от её стрелы. Ещё, кажется, вопросительно, будто она желала подтверждения: оценил ли единственный зритель маленькое представление? Арад же пребывал в немом потрясении, и даже не потому, что поражали взгляд все изменения её внешности, а то, что это всё сделалось для него.

Потом молния действия поторопила, и он попробовал схватить одной рукой её за талию (во второй ведь меч), или как-то так, к себе в охапку; не очень быстро, с излишней уверенностью, и поэтому, наверное, ничего не получилось — она ловко увильнула в сторону, совершенно точно предвидя такую возможность.

— Нет-нет, о нет, — запретила она. — Помучайся.

— Хочешь, чтобы я мучился? — с наивным, голодным удивлением спросил Арад.

— Конечно, — она снова раскрыла веер, уже глядя на него с левой стороны, в которой очутилась после удачного побега. Только одни глаза: — Ваал в сильный день, Арад.

Веер снова сложен, и почти незаметный кивок головы вместе со стрельбой взглядом, затем Симсана развернулась и пошла к северной стороне дома, где он ещё не был. Он последовал, глядя на её почти полностью открытый хвост в этом хвостосвободном хитоне, или пеплосе, то ли ночной сорочке (Арад — правда — не знал, что это).

В необычно большой балинейной было темно; на такой дом, не маленький, но и не самый большой, это и вправду неплохо, это Арад отметил. Симсана лапой открыла дверь на улицу, залихватски и немного вне роли, Арад же подставил палку, чтобы не закрылась; света стало больше, даже утренние звуки проникли сюда, но всё равно всюду таилась полутьма, а по углам — так вообще мрак. Симсана встала возле балинеи — бочки высотой по шею средненькой львице — и выразительно посмотрела на него; выразительно именно в том смысле, как некогда смотрела на него Миресли, беседуя с ним взглядом, только гораздо слабее, без аффекта и эффекта. Но Арад послание понял, он вообще Симсану понимал; и он никак не мог для себя решить, хотя не раз об этом думал — это она столь выразительна в посланиях, старательно приготовленных для него и под него, или он так быстро и мгновенно стал прожжён в языке львиц? Послание было простым: ты слишком одет.

— Понял, — сказал он.

Через мгновение этот недочёт исправился, а меч очутился подальше от воды, в углу.

Затем она вопросительно посмотрела на маску и веер: у неё проблема — у неё заняты руки. Арад, конечно же, тут как тут, но сразу одумался — ей вовсе не нужны свободные руки. Ей надо развязать поясную ленту, что он и сделал, и это был только первый шаг, он охотно бы продолжил раздевать её дальше, но вот от этого Симсана увильнула — сочла достаточным и это, символическое разоблачение. Поставив веер и маску на подставке возле балинеи, забрала у него поясную ленту, которую он уже успел намотать на кулак (по-хозяйски, бесстрашно размотала, без стеснения трогая его за руки, глядя ему в глаза, а он смотрел на её приоткрытый рот и очень белые зубы на фоне красной краски), и сказала:

— Лезь в воду и отвернись, — на одном выдохе, деловито.

Арад залез в горячую, даже чересчур воду — от такой недолго и размлететь — и решил не отворачиваться, право уж, но всё будет по-честному: он закрыл глаза, нырнул с головой, и вынырнул.

В таком одиночестве не пришлось совсем долго: зашуршала одежда, потом звук падающей ткани, пару осторожных коготков о каменный пол — и вот Арад уже не одинок в балинее, где, по задумке её мастера, могло поместиться эдак львин четыре, если они не окажутся стеснительны. Он ощутил, ещё не раскрыв глаз — уговор есть уговор — что она лапой дотронулась к его колену, с той мягкостью, на которую способны только самки.

Арад открыл глаза.

Симсана напротив, в воде. Она смотрит, она ждёт от тебя, не знаю... покажи ей, как тебе всё это нравится? Нравится? Какое недостаточное слово, какой от него веет косностью. Надо что-то сказать. Ну придумай же что-нибудь. Меня к такому не готовили. Я не знаю, что; я уже не могу думать. Вся жизнь была заблуждением. Скажи уже что-нибудь, только не чудовищную глупость. Давай, банальность. Что-нибудь простое.

— Когда я тебя поцелую, — высказана безусловная истина, — то тоже стану красным, — неотвратимый логический вывод.

На большее Арад пока не был способен. И Симсана видела, что он ни на что пока не способен. И ей это нравилось. Это отражалось в её полуулыбке: немного победной, немного озорной, немного чувственной.

Она молвила, вильнув ладонью по воде:

— Она сладкая, — показала когтем на подбородок. — Кровь Ахлии сладкая. Её можно лизать.

Примерила себе маску, схватив её с подставки:

— Это — Ахлия, — грозно сказала она.

— Это, аааам, да, — повторил за ней Арад, помня, что даже имя прама-тери всех Сунг львам говорить не положено, иначе бед не миновать.

— А это — одна из её дочек, — забрала маску и улыбнулась с зубами, клыками.

— Симсана! — радостно узнал он её.

Она закивала, да, да.

— А что, кровь правда сладкая?

— Да, — снова кивнула Симсана, всё утверждая, всё правда. И, кажется, чего-то от него ждала, но он только потёр морду мокрой ладонью, поэтому добавила: — Такая краска, особенная.

— Симси, слушай, а так можно?

— Как? — навострила она уши, опустила мордашку.

— Ну вот так, — показал он на всё кругом, вообще всё, на неё.

— А почему нет?

— Я и не знал. Без тебя я бы вообще ничего не знал.

Всё-таки надо убедиться, что красное и в самом деле хорошо на вкус, и он поплыл к ней. Ожидалось вот что: она не сдвинется с места, с негим ужасом наблюдая его приближение, а потом он прижимает её к стенке, а ещё надо будет проскользнуть по её изгибам под водой. Оказалось: она пошла ему навстречу, и они чуть не стукнулись носами посередке, но очень быстро поняли и определились, как им решить эту встречу — он оказался выше, над водой, с него стекали капли воды, которая чем-то пахла, в которую она что-то додумалась придать; она ниже, мордашкой вверх, а её уши почти касались воды или даже уже в воде (осторожно, вода в уши — ух как несладко), и чтобы не утонуть, она схватилась ему за шею. В какой-то миг Араду в голову пришла странноватая мысль, что так её можно очень легко утопить, даже не надо усилий, просто нажми вниз и немного потерпи; и снова через миг он совершенно ужаснулся такой мысли, аж весь вздрогнул (она сразу издала нечто среднее между «Хммм...» и «Мрррр...», полагая это молнией возбуждения), и на всякий случай обнял её у шеи, хотя она очень даже цепко держалась на нём. Кровь Ахлии-Симсаны и вправду оказалась сладковатой (точнее, похоже на кислое яблоко в сахаре), он и вправду всю слизал у неё с носа, губ, подбородка, части шеи, и со старательностью, которую она, пожалуй, не ожидала, но терпеливо сносила. «Как ей это пришло в голову?», — думал он. — «Моя Симсана, как ты додумалась? Как ты додумалась?».

Наконец, Арад удовлетворился этой первой сегодняшней встречей, и она подлезла ему прямо под шею и перевернулась на спину. Он снова спиной — к стенке балинеи, а она разлеглась на нём. Не обошлось без неожиданностей: Симсана точно не ожидала (то ли забыла), что желание Арада будет таким явным и твёрдым, наткнувшись на него внутренней стороной бедра;

поэтому она плавно переселилась на его левую лапу и левое плечо. Арад озадачился, ибо всё-таки ей можно было на нём разлечься, уместиться между лап, и это точно принесло бы много ощущений, за последствия которых он уже не ручался — почему бы и нет. Но, видимо, Симсане виделось всё иначе, уж точно не в воде, поэтому он решил не настаивать. Всё равно получит, за чем пришёл. Он оценил мудрость её поступка: она думала о нём, думала о его желаниях, и не дразнилась зря. Самое главное именно это — она подумала о нём. Ничто так не убеждало, как именно это: она подумала о нём.

— Я сплю?

— Нет, Арад, не спишь, — ответила она, вытянув лапу из воды на противоположной стороне и оставив её на край балинеи.

— Слишком хорошо, чтобы быть реальным, — он трогал носом её ухо, на котором снова появилось кольцо мастерицы жизни, и он любопытствовал.

Она засмеялась, он чувствовал, как она содрогается, держа руку на её животе, в опасной, властной близости. «Руками не лезть», — вспомнил советы Миресли. Эх, Миресли, слушай, давай-ка мы сделаем исключение. Нет, нет. Наставница, которая взрастила такую ученицу, знает своё дело. Послушайся.

— Я хорошо отличаю сон от яви, — она внезапно перевернулась и лизнула ему щёку, — мне это надо. Мы же сновидим.

— Значит, всё-таки сон? Но какой реальный.

Симсана улыбнулась, закрыв глаза и повиснув на нём. Он не поймёт. Он и не сможет.

Он вернулся с интересом к её уху с кольцом, и начал ей шептать, прямо в ухо, прижав её к себе без сантимента (знал, что так правильно, так войдёт, как надо):

— Ты моя львица сна, — гладил он её, по всей длине, как только мог, — ты мой золотой сон, ты... ты... Ваалу-Симсана, жрица Ваала, лучшая дочь Сунгов, мой самый изумительный сон, и... и мастерица жизни, и... мой огонь.

Нельзя сказать, что он незнаком с телом львиц, нет. Но эта приятная податливость и мягкость, да ещё в тёплой воде; и чем сильнее, чем жаднее проходила его ладонь, тем лучше было для неё.

— Арад... ну скажи мне ещё... что-нибудь... — попросилась она, когда перестал, и её речь прерывалась выдохом с мурчанием.

Ему даже подумалось, что можно говорить вообще всё, что угодно, хоть пересказывать отцовский эдикт — всё едино. Но он не успел собраться, потому что она развернулась, и пролезла мокрой мордашкой к его уху, и подышала в него. Пришлось ухватиться за край, упереться ещё лапой —

новое ощущение оказалось резким, сильным, слишком реальным (в сне таких нет). Да, Симсана хотела дать ему понять, каково это. Но сущее началось после её маленького ритуала из нескольких вдохов и выдохов:

— Да. Арад, я скажу тебе. Да. Я отдамся силе «да». Я сказала тебе «да». Арад... Хм...

Это было слишком ошеломительно — её мокрый, горячий голос в ухе, так близко; это сверх львиной природы ровно выдержать такое; он, наверное, чуть не утонул или почти утонул. Симсана это заметила, поэтому не стала настаивать на его мучениях, и засмеялась в ладонь, но так, чтобы он не видел.

Он посмотрел на неё, со страстной злостью. Его начало аж мутить от вожделения, но Арад уже даже не решался разрывать те цветущие сети, которые вокруг него и для него сплела Симсана, честно стараясь соблюдать путь Игры.

— Симсана, — вымолвил её имя, словно энграмму, заклинание.

— Да, мне тоже уж горячо, — так мягко солгала она. — Вода очень тёплая. Очень сильно. Не рассчиталась я с огнём.

Умыла его по щекам, скулам.

— Отвернёшься?

«А если сказать, что нет?», — подумал Арад. Но всё-таки решил согласно кивнуть. Всё равно это неизбежно, как восход солнца завтра, дай ей доиграть, ей надо.

Он не отвернулся, но закрыл глаза, вышла она, он подождал (наверное, даже дольше, чем требуется); затем резким движением вылез он, и увлёт за собой невероятно много воды — она вся обильно разлилась по полу. Завёрнутая в балинейную ткань, она дала ему такую же, вытерла ему загривок, уши, а потом попыталась и его завернуть, но не вышло:

— Не надо, Симсани.

— Тебе же холодно будет.

— Не будет.

Что ж, набросила ему ткань на голову и засмеялась.

— Посиди чуть, и не подглядывай.

— Почему? — поинтересовался он, усевшись на бочонок, возле меча в углу.

— Всею своё время, — просто ответила она.

«Это точно», — подумал он, закрыл глаза и скрестил руки. Снял ткань с головы, утёрся ею, покусал её, ощутил хвостом холодок из открытой двери. Договор соблюдался — он не смотрел налево, в её сторону, даже ушами туда не поводил. Задумался о том, что с нею делать. Что бы с нею такое сделать? Есть несколько вещей, которые он точно сделает, всё-таки спасибо Ваалу-Миресли; лишь бы всё прошло, как надо! Некоторые — посмот-

рится, как пойдёт. Интересно, а она может... нет, это будет глупо и смешно... а вот её можно попросить, желательно где-то возле окна, попросить встать-лечь-сесть (и что ещё угодно) так, как ему захочется? И притом надеть, что он скажет, или вообще без всего. А он будет запоминать, всё-таки сильная сторона — зрительная память. В идеале — зарисовать, но это надо уметь, а он негоден. Он из неё создаст схему заграждений, набор беспомощный ровных линий, а не ожившую львицу на бумаге. Мастер-архитект был бы доволен такой самокритике, о да. Подонок... Мог бы сразу сказать в морду, что Арад ему не нравится.

Навроде как шуршание давно прекратилось, поэтому Арад таки взглянул налево — где его Симсана? Она, снова одетая в тот самый интересный хвостосвободный хитон, навевающий мысли о Хустру или Гельсии (ни там, ни там Арад ни разу не был, и живых хустрианок видел очень мало в своей жизни, а гельсианок — ни одной), смотрелась в другой бочонок с водой, как в зеркало — тщательно искала какие-то изъяны на своей мордашке (кровь предков, да какие?). Она приглаживалась возле носа, будто пытаясь найти ещё несуществующие усы, или хотя бы намёк на них; борьба с ними — целая тема, и даже дхаарки переняли моду Сунг уничтожать их совершенно и полностью.

Взглянула на него, улыбнулась, и оставила всё это дело.

— Не холодно тебе? — подошла и позаботилась.

Покачал головой. Нет, не холодно. Симсана же заметила меч в углу, полуприсела у него по-самочьи, заинтересовалась, её хвост ударился о его лапу, хвостный разрез разошёлся, показал лапы выше колен, дал толчок фантазии; он улучил момент и поймал его за кисточку. Симсана ничего не сделала с этим, только молча и бездейственно признала, что ему так можно.

— Это твой? — она попробовала взять его одной рукой, но пришлось двумя.

— Ещё не знаю, — честно ответил Арад.

— Уууу, выглядит хорошо, — встав, она смешно пыталась вытянуть его из слишком узких ножен, но куда там.

Тем временем Арад бессовестно рассматривал кисточку её хвоста. Она была интересной; ему показалось, что таких он ещё не видел, хоть в руках он не держал никакой иной, кроме маминой, ну ещё можно посчитать те эпизоды, когда он пару раз дёргал львён за хвост, но это было лишь мимолётное знакомство с той частью львицы, которая у найсагриек полагается вовсе интимной; ведь дёргать их за хвост — это риск, сравнимый с задиранием юбок и платьев, покусание, а на такое он не отваживался, ибо хорошего среднего рода и должен быть воспитан. Тем, кто происхождением пониже — попроще, некоторые из них умудрялись схватить не то что кисточку, но основание хвоста (чем выше схватишь, тем больше славы).

Это непросто — львёны были очень внимательны к самцовому вниманию, и чуяли, когда их собираются тревожить; а поскольку их собирались тревожить практически всегда, то они всегда и оставались внимательны.

Но к Симсане. У неё не только кисточка пышнее обычной, но ещё и раздваивается, и так этого не видно, только прикосновение даёт удостовериться. Там, на Выше, Арад впервые это почувствовал. Тут — увидел. «Верно, из-за этого она такая большая», — подумал Арад.

— Концехвост интересный у тебя.

— Не знаю, — ответила Симсана, осторожно поставив меч обратно, и ему пришлось наклониться, чтобы не упустить хвост из руки, — с таким родилась. Наставница говорила, что так бывает.

— Хорошо, — решил Арад, отпустил ей хвост, но взял за плечи. — Идём.

Симсана развернулась к нему и обняла его повыше, за шею.

— Куда это мы идём? Невтерпёж? — Арад видел, какое самочье довольство, даже издевательское коварство, звучало в этих словах. Симсана попробовала его потрясти в объятиях, как уже не раз делала, словно испытывая его стойкость, но тщетно. — Я ещё не...

Ну уж нет, эти штучки, эти дразнилки с ним не пройдут, иначе ему будет вскоре и плохо, и больно. Арад встал чуть пошире (лапа спереди, лапа сзади, всё просто) и схватил её себе на плечо.

— Арад, ну что ты делаешь?

Он пригнулся, чтобы не ударить её о проём двери, пошёл по главной комнате, к той самой, маленькой крутой лестнице.

— Взял, всё испортил. Ну пусти, — кажется, даже царапалась она. — Ну пусти. Пусти. Я не убегу. Мы не зайдём, мы не зайдём наверх, вот так, вместе. Пусти, — её тон невероятно быстро сменялся: то угроза, то мольба, то задабривание.

Не отпустил.

— Арад, я боюсь, — выдала она последний довод.

Но он тем временем решал проблему: как вместе с ней выйти наверх по этой лесенке (кто её делал?!) к её комнате. Он ощущал её тепло на шее, щеке плече. Думая, укусил её за бок, легко, конечно же.

— Со мной тебе нечего бояться, — так сказал и лизнул, тот же бок, но забыл, что она в одежде (пока ещё), поэтому вместо сладости её шерсти получил бессмысленную безвкукусность ткани.

Симсана выдала невольное урчание и стукнула его по спине.

— Мой Ваал, мой свет, зачем я сказала про нетерпение...

Наконец, Арад решился, как всё проделает, в том числе в случае неудач или там сломленной ступеньки. И это оказалось куда легче, чем он думал, они через миг оказались наверху, Симсана была лёгкой и удобной ношей,

очень простой. «Такую очень просто изнасиловать», — подумал Арад. Он всегда об этом думал, если доводилось носить львиц на руках или плече, всегда; а уже пару раз доводилось. Неспешно открыв дверь, он так же обстоятельно её запер, даже попробовал, хорошо ли.

«Эта комната, этот запах», — подумал Арад. — «Снова этот ритуал. Теперь приз на плече, даже не на лапах, и ей некуда деваться, просто некуда».

Он быстро снял её с плеча и положил на руки (ловкий манёвр, можно научиться, главное — бесстрашно и сильно подкинуть её зад лапой), что она аж ахнула, а потом осторожно, без грубости положил на безусловно подготовленную постель с кучей подушек, больших и маленьких, и он только удивился её повсюдной предусмотрительности. Положенная таким нежным образом, Симсана мирно, томно, даже сонно полежала несколько мгновений: одна лапа вдоль постели, вторая совершила красивый треугольник её колена, раскрыв её распущенный хвост, всё бедро и уже очень прозрачные намёки на ту самую, что восточные Сунги зовут «арка мира», андарианки же лирически зовут «тайна», ещё говорят «ножны»; но вдруг, словно укушенная, отползла в дальний правый угол, оттолкнувшись лапами, к стенке. И закрыла тело маленькой подушкой, обняв.

Хм. Арад осторожно полез на неё, разведать обстановку. Опасно, опасно! С каждым мгновением его приближения она всё сильнее сжимала подушку, всё сильнее урчала, и всё сильнее прижимались её уши.

— Ты меня издеваешь! Уйди! — услышал Арад, и это даже чуть, но надломило его простую, бесстрашную, жадную решительность, но она вернулась ещё больше, когда Симсана вздумала его оттолкнуть, потому что этот жест... он был слишком хорош. Она отталкивала так, чтобы ещё больше притянулся, чтобы ещё больше разозлился. А ещё этот обжигающий взгляд-огонь.

Она резко, быстро ударила его морде, уже с когтями — без шуток.

— Ты мерзавец, — в этом голосе были и вина, и удовольствие. — Ненавижу.

А, ну раз так, то можно и снять налёт условностей. Притянул за лапы, просто и сильно, прямо к себе, прижал сверху. Она попробовала сопротивляться, но никаких поблажек: вмиг обе её руки он соединил вместе, а потом придавил к подушкам одной ладонью. Она попробовала вырваться или даже скинуть его, но это оказалось так бессильно и бесполезно, что Симсана только вздохнула.

— Ну и что ты сделаешь? Что? Изнасилуешь? Я укушу, — она старалась не даться ему для поцелуя, аж мокрый нос от неравной борьбы. — Во имя Ваала, я укушу, я клянусь... Я буду кусаться...

Но он и не собирался её целовать, такие нежности уж ни к чему — он просто вдыхал её запах у шеи, в то время как рукой совершенно бессознательно исследовал её тело. Он побывал почти всюду, куда доставал, причём без спешки, а обстоятельно, запоминая, что к чему — сама напросилась, сама захотела. Его привлекли груди — интересно, немного непонятно; очень понравилось всё, что у бедер возле хвоста, это можно властно сжимать полной ладонью. Он проходил в опасной близости, и сверху, и окольными путями снизу, его волновал жар, но Симсана сжимала лапы, не сдавая последнее, но он не особо настаивал, и потакал её иллюзии, что она смогла защититься. Арад уже имел план, и в этот плане первым шло его освобождение; только после этого, на спокойную, ясную голову, он хотел аккуратно, но настойчиво подступиться к интересностям для Симсаны. Он был точно уверен, что обратный порядок приведёт к глупостям и чему-то непредвиденному.

Потом он жадно поцеловал её, прижав посильнее. Тут она вдруг, сильно и очень вызывающе, почти судорожно вздрогнув всем телом:

— Что, мучитель, не всё завоевал? — и выдохнула на него, улыбаясь с оскалом.

О, какой же вызов, и какая наивность. «Что она, думает, что я не посмел? Или — хуже — побоялся?». Ладонь пошла в неотвратимое, теперь уже беспощадное путешествие вниз.

— Сейчас я тебя трахну, — пригрозился, и укусил её за шею, несильно, волноваться не стоит. Он не сказал это вовсю и всерьёз (так... на четверть...), это такая угроза расправой, со львёной, что плохо и вызывающе себя ведёт — устрашение. Но, похоже, Симсана всё приняла прямо, как есть — он услышал её мольбу, и в её голосе не страх, но вот тревога — точно:

— Арад, пожалуйста. Аради... — начала нежно гладить его по спине, стараясь взять лаской. — Я перевернусь. Давай, отыграй меня, — Симсана решила, что передразнилась со львом, сама зазывая его за грани Игры. Зазвать его обратно надо было самым решительным образом, недвусмысленно давая то, за чем пришёл, но обещание находилось только в дозволенных границах.

Арад остановился, считай, уже у цели, один из пальцев уже вошёл на новые, ещё неизвестные места между её лап. Благородно отступив, он поднялся, сел на лапы и совсем освободил её из плена. Симсана теперь не обманула: снова полезла за олеамором под кровать, и снова ему подарилось отличное зрелище; привстав, она сняла с себя свою ночнушку-хитон через голову, и теперь Араду можно смотреть на неё всю, что он старательно делал, и смотрел известно куда; уже не забирая от него этого удовольствия и не скрываясь, Симсана, стоя на коленях, открыла зубами пробку; потом,

посмотрев на кровать, а затем на Арада, она вылила себе на ладонь олеомора (как-то много), нанесла его изнутри бедер и у хвоста, а остатки просто и без зазрения размазала ему о грудь и плечо (Арад подумал, что она стесняется пойти ниже, и надо бы когда-нибудь её направить куда надо); он полагал, что сейчас снова ляжет на спину и лапы вверх, но нет, насобираала себе подушек под живот, и так легла на них, хвостом к нему и мордашкой в кровать.

— Я хвост не зажму. Но ты только между лап иди, не туда. Обещаешь?

— Всё хорошо, Симси, — выдохнул Арад, поглощая взглядом предложенное ему зрелище, и предложенную ему Игру. — Ты не бойся.

Он схватил её хвост; она не только его не зажала, но ещё и взмахнула им вверх, приглашая.

— Выше. Можешь выше, — посоветовала, и он видел столь живо и гибко её спину. — В самый верх. Ахам...

Последовав призыву, он вошёл между её лап, в самом верху, где начинается хвост и начинается жизнь; неосторожное движение, смена положения, неверный угол, его забывчивость или её самовольство — и он войдёт в неё по-настоящему. Он чувствовал, что сверху там жарко и влажно, удивительная, незнакомая ранее шёрстка дарит острое, пронзительное, почти до боли ощущение. Даже в торопливости желания, в нарастающей спешке как можно быстрее закончить мучение, Арад признал, насколько это лучше их прежнего способа Игры; здесь не было этой лёгкой неуклюжести и условности, здесь всё почти реально, совсем почти. Можно тянуть её хвост, можно лизать ей загривок, можно держать её за подбородок и целовать, можно кусать ухо — да всё, а не обходиться скромной заменой вроде укусов лапы. И можно вдыхать запах, который превратился в хлёсткую, сильную, манящую, лишённую стеснения вариацию её дневного запаха. Можно было делать всё, но восхождение шло слишком быстро, и он не мог, не способен был в этом себе отказать; фантазия рассеялась, желание исследовать улетучилось — он, прижимая её всем телом, зарылся носом ей в загривок, не глядя ни на что. Мелкая дрожь, сбивчивое дыхание (немного стыдно, но нельзя ничего сделать); она уже — умница — додумалась не шевелиться, не мешать ему, и даже не издавать ни звука, но вот дошла до такой вещи: чуть шла ему навстречу там и только там, приподнимая середину тела, и так каждый раз, при каждом его вхождении. Вот и так уже всего слишком много, невероятно много, а это стало последним ручейком для огромного горячего озера, и оно рассыпалось на неисчислимые мелкие капли — плотина тяжело и обильно прорвалась; он даже подумал остатками сознания среди сияющих капель, что нечаянно проник в неё (а она забылась и не заметила, но откуда Араду знать, что для самки такое — невозможно), и теперь они неимоверно и бесповоротно нарушили Родовой

Закон, Игру и ещё Ваал весть что, потому что у него не осталось никакой воли отпрянуть и закончить ей на спину, на хвост, лапы, куда угодно; нет, он изо всей силы прижался к ней и заканчивал в горячую неизвестность внизу. Это было ещё сильнее, ещё ужаснее, чем в первый раз, и сквозь его оскал слюна обильно пролилась на её загривок и шею.

— Много крови. Больше крови, — сказала она, покаясь на подушке и глядя в сторону, прямо в большое зеркало.

Арад почти не понял её слов, они дошли до него не сразу, частями. Обнаружил себя прильнувшим щекой к её плечу и шее, вся она остро пахла его слюной, её запах перебилась и смешался. Захотел встать, но не мог. Там, посередине, было мокро, жарко, и уже мягко. Ошалело осмотрел на неё: она серьёзно грызла коготь и гляделась в зеркало. Утёр нос о её плечо, лениво взмахнул хвостом.

— Сим... Симсан. Куда я кончил?

Она перестала грызть коготь и посмотрела, что там нагрызла.

— Меж лап. Куда-то под меня, — и быстро вдохнула мокрым носом, облизалась.

— Я просто подумал, что... — он безвольно бросил руку на подушку.

— Всё хорошо.

Несколько мирных, немного извиняющихся поцелуев ей в щёку. Она встретила-ответила последний.

— Арад, я помыться.

— Не иди.

— Я скоро вернусь, я так не могу.

Он медленно отпустил её, завалившись набок; удерживая за руку, потребовал ещё одного поцелуя, она деловито и быстро дала, а ещё улыбнулась, чтобы он извинил эту деловитость и быстроту. Укрывшись балинейной тканью, утёрла лапы во всю длину, поставив на кровать, и Арад с ленивым интересом смотрел на них, а потом ушла, захватив хитон и расчёски.

В голове — блаженная пустота. Не хотелось ничего делать, хотелось всё оставить, как есть, и ему даже подумалось, что не стоит сегодня и сейчас пробовать то, чему советовала научиться Ваалу-Миресли — всё-таки это усилие, всё-таки это надо будет покуситься на неё и сломать её возможный стыд. «Нет, план есть план», — подумал Арад. — «Сейчас она придёт, и мы медленно, крадучись...». Надо начать с ушей, за ушами, посмотрим, как пойдёт. Потом уломать её лечь. Стой, как лечь? На спину, поднимет лапы? Или пусть встанет задом, мордаха в кровать, хвост вверх? Арад начал обдумывать задачу. Из всех тех исследований и наблюдений тела львицы, что он успел совершить, он смутно понимал, что возможны оба варианта. Кажется, первый более доверительный, должен больше подойти. Второй — вызывающий, звериный; она, наверное, не сможет расслабиться, ей будет

тяжело, оставим это на потом. Зато какой вид... Ну ладно, кажется первый. Арад думал о сложностях неизведанности территории — он толком не видел, как у неё всё там, только вскользь, только подсказки, Симсана бережётся, не даёт, скромничает; о сложностях исполнения: лизать лёд — это, конечно, хорошее сравнение, надо всё делать аккуратно и легко, но вот где именно? Или всё равно? Арад слышал от знающих, они клялись кровью предков, что львицы, бывает, тоже наедине себя удовлетворяют. А она так делает? А если её попросить показать? О нет, она на это не пойдёт. Или? Да нет. Она от тебя хочет ведения и знания, ничего она тебе не покажет. Хм. По идее, по идее, подумал Арад, должно быть понятно по её поведению, где правильно. Как всегда, будет намекать, она не скажет, она же самка. «Надо ее разнежить, а потом пообладать вот так вот ею. Обладание на вкус, да. Скажу, что мне надо попробовать её на вкус. Точно. Всё на меня. Валить всё на меня. Мне надо запах, надо вкус, я хочу, ты мне дай. У неё будет извинение для самой себя. Он хочет, что поделаться, такова жизнь, никуда не денешься, тяжкая доля, большие испытания, несносный мерзавец. Главное — как можно меньше говорить. Делай всё так, будто каждый день так делаешь...».

Хорошо, определились с действием, но какой конечный результат? Сама Игра предполагает очень определённый результат, итоговую черту нельзя ни с чем спутать (а её отсутствие — большая беда), в мире ничего определённое этого быть не может, и касается всё только льва. Что же будет конечной целью в случае львицы? Арад не знал, даже слухов по этому поводу не улавливал. Очевидно, что у неё всё будет по-другому, потому что у них всё по-другому, в этом-то и весь смысл. «Тайна», — подумал Арад. — «Может, даже ничего и не получится».

Но, размышляя дальше, Арад пришёл к выводу, что об этом слишком беспокоиться не стоит. Станет ясно. Ему стало очень интересно и азартно вот что — сломать её сопротивление, она будет убегать, это очевидно, а он будет догонять. Если не будет — так даже неинтересно; но Арад знал, что Симсана дастся на такое не сразу, это, считай, заход во совсем взрослые вещи, на самых границах, а у них только вторая Игра. А он уже задумал такое... Надо медленно. Но верно. Не оглашай намерений сразу, не требуй ничего. Вообще ничего не требуй, просто медленно и верно. Начнём с ушей, и...

Благородство размышления было прервано скрипом двери (а ведь обещал смазать, вспомнил Арад!). Симсана, она как всегда: питьё в кружках, в зубах — что-то поесть. Никогда не забывает. И снова в своём хитоненочнушке, Арад ещё не видел, чтобы она дразнилась наготой зазря, и это радовало.

Она присела на краешек кровати, Арад же опёрся на стену напротив зеркала.

— Симсан, давай ко мне. Садись, вот тут, — показал перед собой.

Симсана дала ему кружку и молча переместилась. Дала ему взять изо рта, и он принял зубами — та же самая свинина, что в прошлый раз. Уселась перед ним, подогнув лапы и сомкнув их; она не стала поправлять свою одежду, ничего расправлять, ничего запахивать, поэтому он мог созерцать — там, подальше, в зеркале! — её лапы и бёдра во всю длину; таинственно, узко темнело междулапье, хвост красивой дугой исходил оттуда и кончался где-то под подушкой.

— Красивое зеркало, — заметил он, и отпил разбавленного сока. Он имел в виду и само зеркало, и вид в нём, и вообще всё.

— Зеркало сновидиц, — Симсана осторожно прилегла, откинулась на Арада. Её левое ухо очутилось как раз возле его носа, и Арад подумал, что начало положено, и оно — отлично.

— Зеркало сновидиц? — переспросил он, думая о совсем другом.

— Да, — отпила она и пригладила себе лапу (Арад испугался, что вид в зеркале будет уничтожен прямо вот сейчас, её рука поправит одежду, но нет — она решила дать ему ещё немного зрелища). — Ашаи-Китрах сновидят ночью. Да и днём тоже.

— Видят яркие сны, да? — он медленно, спокойно поставил кружку в сторону.

— Нет, не сны. Это дар духа. Ты просыпаешься во сне, и это уже не сон. Зеркало помогает проснуться и осознать себя, а также помогает тебе — учит не бояться.

— А как оно помогает? — он медленно обнял её, поставив ладони накрест на грудь.

— Во сне вспоминаешь, что надо посмотреться в зеркало, — она будто не замечала, что он делает. — Смотришься, не пугаешься. А потом... А потом делаешь, что полагается.

— А что полагается? — внимательно рассмотрев её ухо с кольцом мастерицы жизни, Арад примерился, где ему надо начать.

— Увидеть Ваала, в первую очередь, — отпила она ещё, и растянула правую лапу по кровати (поглядел, хорошо, достаточно). — А потом всякое... остальное...

— А ты видела? — лизнул он её за ушком, так ласково, как только мог.

— Да.

— А какой он? — забирал он у неё кружку, не отрываясь от работы, и она безропотно отдала.

— Об этом невольно говорить.

— А всё-таки? Намекнёшь? — говорил он глухо, сквозь зубы, любую ерунду; пусть она болтает, пусть приспится её защита. Задача ведь, работа прежде всего.

Вроде что-то происходит. Она чуть придвинулась к нему, приложила ладонь к его руке, неуверенно.

— Для каждой по-своему... Арад, что ты делаешь? — страдальчески выдохнула она.

Это было самое рычущее «только не останавливайся», которое он слышал в своей жизни.

Ещё смотрит в зеркало, ещё держится.

— Ничего, — вечный ответ на такой вопрос.

— У меня он, как свет. Или лев. Свет и лев. Ну Арад... — закрыла она глаза. Всё, рот приоткрылся, её клыки. Первый бастион пал, без сомнений.

Он перешёл к правому уху; наверное, такая смена имеет смысл, подумал Арад. Вообще, снова подумал он: как же хорошо и просто её разнеживать, будучи самому ясным и пустым; в жадности желания этого не выйдет, там будет только неразбериха, насилие, требование.

Новости: вот её ладонь, что прежде мирно покоилась на его предплечье, вдруг чего-то потребовала, прильнув к его ладони. Где обе его ладони? Правильно, определил Арад, у неё на груди. Следуя логике вещей, надо сделать что-то и с ней. Определившись с порядком и тактикой манёвра, Арад проскользнул пониже, чтобы проникнуть окольным путём, из-под низа, к её голому телу — даже через тонкую ткань хорошо не приласкаешь. Был какой-то незаметный, символический протест с её стороны на такое своеволие, такое кошмарное посягательство, Арад даже не заметил толком этого протеста (вроде попыталась не дать задрать подол или ещё какая глупость). За ухом всё ласково вылизывалось, ничего не прекращалось, ладони начали исследовать грудь, стараясь понять, что требуется. Ещё новость: ему в лапу впились её когти. Ещё: она стала шумно выдыхать (можно испугаться с непривычки). Стало понятно, что требуется от рук: надо идти к самому окончанию груди. Симсана произвольно поставила руку ему на ладонь, словно подгоняя, потом одумалась и схватилась за мордашку, потом закрыла ладонью глаза, потом снова закрыла себе рот, и вот так. Она словно запрещалась, стеснялась. Он почувствовал, что она высоко подогнула лапы, забыв уже обо всём этом виде в зеркале, её начала бить напряжённая, мелкая дрожь, она пыталась выгнуться, ему стало сложно лизать за ушками: она прижималась к нему вся, делая вещи сложными. Но Арад не сдавался и продолжал. Должно случиться нечто большее, чем это прерывистое дыхание и дрожь, и вот стон, вот ещё один, все на выдохе, и потом ещё, через сжатые зубы. О, эта штука действовала, определённо, она к чему-то дохо-

дила. Продолжать? Или переходить дальше? «Надо её на спину бросать, пока горяча», — подумал Арад. — «Самое то».

Внезапно, быстро прекратил мучить её. Направил её вдоль кровати, сильно, как большую игрушку, а потом за лапы оттянул подальше от изголовья, не церемонясь. Мельком поймал её взгляд: совершенно мокрый, а ещё — словно её невероятно, чудовищно, страшно утомили, только с той разницей, что тогда глаза гаснут, а тут прямо пожар.

— Арад... — издала она томную смесь вздоха и смешка. — Арад. Ты снова?.. Олеамор... Там... Тут... Я, прости... Арад... — она словно разучилась говорить, слова давались тяжело.

Арад придумал: поцелует её, потом пойдёт вниз, и так — до цели. Логично, очень логично.

Полез целоваться, стало жарко и тяжело — она отвечала страстно, даже требовательно, настрой поцелуев был иной. Пошёл вниз; забывшись, даже поцеловал ткань у груди; подвинул всё повыше, быстро перешёл ниже, к животу; протеста ещё не следовало, намерения ещё не поняты (или?). Лапы у неё вместе, вытянуты стрункой, нет-нет, так не пойдёт, поэтому руки под её колени, он требовательно влез телом между её лап, и начал поднимать их вверх.

— Арад? Арад? — взволновалась она. — Что ты задумал?

— Хочу знать твой вкус, — потребовал он.

— Арад? Что ты хочешь? Ваал, Арад... Мы не...

— Я так хочу, — улёгся он, не давая свободы её лапам; борьба — она не решалась и кротко пыталась их опустить, он же требовал обратного — самого беззастенчивого и бессильного обнажения.

— Ну Арад, я, в чём я провинилась?.. — задала она такой удивительный вопрос.

Он почувствовал, что она *сдаётся*.

— Я тебя хочу. Хочу твой вкус. Мне надо, — рассматривал он её там, стараясь всё как можно лучше понять и запомнить.

— Мой Ваал, Арад... Ты сумасошёл...

Превосходно. Сломлена, уговорена, дала. Это самая бесчестная нагота, которая только возможна: она на спине, лапы вверх, согнуты в коленях, почти сомкнуты вместе, где-то под ним течёт хвост, он его придавил телом (будто всего мало) — и он обхватил её за бёдра, ладони на животе, устроив хитрую морду возле её стыда, от самого охраняемого. Всё взял, всё похитил, тайн почти не осталось, пожалуй, кроме разве что продолжения рода, но им это запрещено, совсем, это нарушать не надо (это потом, осталось ждать всего ничуть).

«Итак», — подумал Арад, вылизывая бёдра у междулапья изнутри, подступаясь, пусть привыкнет. — «Слушает. Ещё бы. Аккуратней, и всё выйдет. Мягче. Ещё. Твою мать, откуда я это знаю?».

Посмотрел на неё. Видно плохо, но как всегда: отвернулась в сторону, закрылась ладошкой от мира. Моя Симсана, я уже узнаю тебя по твоим жестам. Вторую же ладонь — неожиданно — положила ему меж ушей, и Арад ещё не мог понять: защищается? общается? Подначивает?

Запах был иным: резким, уверенным, сладким, молодым. Словно от запаха львицы забрали всё лишнее и весь стыд, чистый запах соития. Он перешёл к цели, осторожничая, помня, что только язык может быть в деле; вкус слабый, непонятный, ощущалась соль. Симсана издала самый самочий вздох, который он только слышал (пока ещё) в жизни; ладонь у него на загривке ухватилась ему за ухо, она стала его мять и гладить (удивительно). Удивился, как же всё мокро и горячо, жаркий хаос; он ожидал, что нечто будет, но не так. Опустился ниже, ещё, вот тут — провал, пустота, верно, именно здесь их запрет по Радуге Крови, а он — какой кошмар — уже сюда проник; правда, не так, как задумано, но всё равно... «Что же я делаю с этой Ашай-Китрах!», — весело подумал он. Ухо она ему держала, но не теребила. Вернулся назад, выше, она сжала, пригладила ему ухо снова. Вот оно что. Вот оно что. Выше. В стоне послышалось неразборчивое «ахам». Хорошо, отлично, молодец Симсана, сейчас мы тебя сделаем. У Арада появилась уверенность, что всё чем-то, но закончится. Её ладонь бросила прикрывать мордашку (что тут стыдиться, поздно уж) и легла на его предплечье. Арад же додумался вот до чего: можно ведь достать руками к её груди, давай, задирай лапы повыше, вот так, вот теперь можно.

Тут-то Симсану точно повезло. Стоны стали ритмичны, громки, натуральны. Дрожащие, такие не подделаешь (наверное). Пару раз она что-то проговорила, то ли «Ваал», то «Арад», он так и не понял. За ухо она иногда цапалась когтями, больно, но он терпел. Ощутил, что там, внизу, она стала ещё мокрее, до неприличия; по её телу бегала уже знакомая мелкая дрожь. Вдруг дрожь стала судорожной, явной, она стала чаще дышать, стоны стали сильнее, более того — доселе бездейственная, она начала помогать ему телом, ухо его она бросила; а выгнулась, напряглась как тетива, когти царапали постель, и Арад ощутил, что это оно, можно собой впрям гордиться, он довёл её, суку, куда надо; и так было несколько мгновений — её дрожь, напряжение, когти в постели.

Потом услышал стон, смешанный с рыком. Её рука, доселе ласковая, сильно нажала, оттолкнула — мол, пошёл вон. Сделал ошибку, не послушался, пришла на помощь вторая её рука, сжались её лапы. Арад, быстро отпрянув, понял, что дело сделано. А потом смачно, с размаху, получил

сбоку её лапой по морде, где-то слева у подбородка, аж зашумело в голове и заняли зубы. Опешил, потёр щеку, на языке ощутил кровь, утёр.

Симсана же укатилась на бок, сжав лапы, держа ладонь у глаз, прикрываясь, как всегда, её хвост хлётко бился в танце. Она, верно, вообще не соображала, где находится, и смеялась. Именно так, смеялась. Потом перевернулась на другой бок, глубоко вздохнула.

— Оооо... — тяжело и томно простонала.

Араду очень понравилось. Это было хорошо — так обладать самкой. Удар лапой по морде и кровь даже придали всему прекрасную завершенность. С непривычки устал язык; весь в её запахе, а теперь ещё даже чуть в своей крови, он утёрся ладонью.

Наконец, она поглядела на него, и медленно поднялась:

— Арад, я тебя ударила? — её пронзило волнение, она дотронулась к нему, забеспокоилась.

— Да, лапой, бывает, — ответил, и поцеловал её.

— Прости, я не хотела, — утёрла его чем-то, Арад даже не заметил, чем.

Он неопределённо кивнул. Так только веселее. Правда, в конце он задумывал её ещё повалить, зацеловать и немного придушить сверху, не дать вырваться; удар всё сбил, ну и ладно.

— Я нагрелся от всего этого, надо ещё сыграть.

— Ну ты и Арад, какой же ты мерзавец, — била она его в грудь и вытирала заодно. — Ну тебя. Да ну тебя. Ты хочешь ещё?

— Да, сегодня. Только потом, надо отдохнуть, а то будет долго... заму-чаю.

— Уже! Уже. Идём тогда вниз. Ваал, — начала она собираться по комнате. — Вот же взял, вот же взял, вот же придумал, — говорила так, будто его в комнате нет. — В чём я виновата? Ваал, какой же стыд.

Она пыталась разгладить шерсть, а он занимался ничем, сидя на краю кровати.

— Ты так, так испортил меня, ты совершенно испортил эту львицу. Это неисправимо. Ой... — она делала ему комплименты, ткнула в него пару раз расчёской, а он слушал, пытаясь вспомнить, где его одежда. — За что же ты меня так, Арад, отыграл? Чуть не умерла. Что я тебе сделала? — жалобно и театрально жаловалась она, ну отличный комплимент, он не смог сдержать самодовольного потирания щеки.

Вспомнил, где одежда — в балинее. Как и меч. «А мы там дверь не закрыли», — вдруг подумал он. — «Твою мать, лишь бы мечу лапы не приделали».

— Слушай, моя одежда — там. Дай что-нибудь завернуться.

Молча дала ему большую балинейную ткань. Он завернулся, полежал, подождал её.

— Идём, — огласила. Посмотрела на него, взъерошила ему гриву, поцеловала. — Львина. Хороший, — выдохнула на него, оскалившись. — Мой Арад, идём, ты уже весь изголодался.

Через мгновения Симсана, крайне оживлённая и хлопотливая, дальше в своём хвостосвободном хитоне, ушла в какие-то каморки, там, за «родильней», как она назвала ту комнату, и согласно её внезапному, крайне обильному многословию следовало, что там надо взять какие-то специи, чтобы дать их в то, что они будут есть, а будут они есть «сюрприз», то есть он увидит, а ещё там дальше есть ледник, потому что из той комнаты можно выйти на улицу и прошмыгнуть в погреб, где и есть ледник, и она очень надеется, что её никто не увидит, и на всё это он согласно угукал и кивал. Сразу же заторопился в балинею, но зря волновался: Симсана как-то закрыла дверь, хотя он совершенно не помнил этого. Меч оказался на месте, он взял его, вынул из ножен, постоял.

— Ашаи-Китрах, — сказал себе под нос. — Ашаи. Китрах...

Заложил меч назад. Сел на бочонок, задумался, приложив кулак к подбородку. Что-то всё слишком хорошо. Как-то удаётся ему это... всё. Словно его подменили, скажи ему пару лун назад, что львица будет бить его лапами по морде от любовной судороги — он бы не поверил.

Он посмотрел туда, где Симсана, где-то там, в доме, за дверью, совсем рядом, такая близкая.

«Никому не отдам. Будет кто забирать — вызову, убью. И не брошу, потому что кому-то хочется. Буду её Сунгом. Она будет моя Сунга», — забрал меч и зашёл обратно в главную комнату. Сел за стол, меч — у стенки; Симсана облизывала пальцы возле печки, очень хлопотала, и было забавно, необычно наблюдать за нею сзади с таким свободным хвостом. Арад не мог понять, как львицы вот так ходят в Гельсии, Хустру, Кафне, даром что жарко. Ты же постоянно будешь смотреть на их зад, жизнь будет чередой бесконечных приставаний и отчаянных изнасилований. Так и будешь тянуть, тянуть, тянуть за него... Надо ещё раз сыграть. Причём обязательно, причём срочно. Может, прямо сейчас её снова схватить...

Она словно хвостом почувствовала, что он думает. Она даже не посмотрела на него, она к нему ни разу не повернулась, не посмотрела. Только:

— Я сейчас.

И в свою комнату. Через мгновение — из неё, но уже в шемизе восточных Сунгов, что кроет хвост на добрые три четверти и длиною чуть ниже колен.

— Зачем ты переоделась? — задумался он, облокотившись о стол.

— Нельзя дразниться со львом без последствий. Особенно с таким, как ты. С тобой это себе дороже. А то и даже не съедим ничего.

— Как ты поняла, о чём я думаю?

— Ашаи-Китрах, — показала на себя от ушей до лап с улыбкой, с ложкой в руке.

— Симсан, Ашаи-Китрах — «сёстры понимания»? Таков перевод с древнего? Я прав?

— Да. Совершенно. Ты всё понял, ты прав, — заправски лезла она ложкой в банку со специей.

Арад нахмурился, широко облокотился о стол.

— А что предстоит понимать?

— Всё, — буднично молвила она, не глядя на него.

— А разве это возможно?

— Нет. Это идеал, его не достичь. Как там... — Симсана думала, и он увидел, что она трёт переносицу. — Красота порицает уродство. Сила порицает слабость. Смерть порицает жизнь. Идеал порицает всех.

— Это хорошо.

— Это из Канона.

Арад почесал гриву.

— Симсана.

— Мрррр?

— Я очень рад, что ты есть. И очень рад, что Ваалу-Миресли есть. Если бы вас не было, вас пришлось бы придумать.

— Как видишь, кто-то три тысячи лет назад подумал то же самое, и вот мы придумались. Сиди, сиди, сейчас будешь кусь, — убеждала его, хоть он никуда и не думал уходить. Куда ему отсюда уходить? Он бы так тут и остался.

— Это правда, что Ашаи не сами появились, а у них была мать? Основательница?

— Кто что только не думает об этом, — Симсана постучала деревянной ложкой по сковородке, ещё раз, ещё сильнее. — Думаю, общевзятую версию ты знаешь, ты уже знающий.

— Да так... Была какая-то львица, забыл её имя, к которой вдруг явился Ваал. Те, кто ей поверил больше всего, стали сёстрами. Всё случилось три тысячи лет назад. Такая вот история.

— Дурацкая, правда? — лизала Симсана ложку, глядя на него. — Сейчас, ещё потерпи. Ещё чуть пожарить.

— Ужасно дурацкая, — хмыкнул он. — Есть получше?

— Есть вторая, которая по душе многим Ашаи: Ваалу-Вирис была сумасшедшей, но такой, знаешь, талантливой, — прислонилась она к подоконнику, приставив лапу к стене.

«Как глупо», — подумал Арад. — «Я сию за шагов пять. Или шесть. От неё». Он быстро встал и начал наступать.

— Аради, я только прошу, давай хоть доедим, а потом... А потом, может быть, потом, хорошо? Хорошо? — она мгновенно насторожилась и раскусила его скрытые (даже от него самого) намерения, прозорливо определяя его возможный путь и пытаясь куда-то деться.

— Не переживай, я просто возле тебя посижу, — очутился он возле подоконника, но она снова — у печки.

— Не верю, — выдохнула, оскалась. — Ты коварен.

Арад уже знал её любовные жесты. «Интересно, а какие у меня?».

— И как тебе эта вторая история? — спросил он, уставив лапу в стенку, точно как она прежде.

— Не знаю. Наставница говорит, что обе истории — ложь.

— У неё есть своя версия?

— Она говорит, что Ваалу-Вирис была очень умной, злой, безжалостной, преданной и умелой шамани одного из предводителей пра-Сунгов. Сестринство она основала по просьбе предводителя, потому что Ваал открылся не ей, а ему.

— Какого из предводителей?

— Ой, я точно не помню, — очаровательно нахмурилась Симсана. — Тан-Амуна, или что?..

— Тан-Амона, может?

— Да, его, — указала на Арада ложкой.

— «Шамани» это что, имя?

— Нет, у пра-Сунгов были жрицы, их так называли.

— Я никогда о них не читал, даже не слышал. Хотя люблю читать историю.

— Их избегают сейчас так называть. Может слышал о северных шаманях, вероборчестве, позаимствовании?

— Я знаю, что на Севере есть прайды, и в этих прайдах есть всякие львицы, которые делают всякое. Страашные. Носят шкуры волка и едят детей Сунгов.

Симсана хмыкнула.

— Так что, эта версия нравится твоей наставнице?

— Да, что-то вроде того. Всё, пошли ням.

— Мне очень она нравится. Кажется, что у неё интересное прошлое. У наставницы твоей.

— Весьма. Садись, — указала ему за стол, а сама села напротив, с какой-то маленькой тарелкой (ему всунула сковороду). — Я у тебя украду.

— Нет, я против. Садись, — постучал по столу возле себя, — будем вместе. Будем есть из одного.

— Най, так ведь только связанные делают, — намекнула Симсана на брак.

— Ты ведь замужем за всеми Сунгами. Прошу к столу, — забрал у неё тарелку.

Она бессильно засмеялась, вздохнула, а потом вся крутнулась, проюркунула через край стола и плотно, близко уселась возле него.

— А я, — вдруг очутилась мордашкой прямо возле его, — ещё Совершеннолетия не прошла. Какое мне «замужем»? Ты, — закрыла его рот ладонью, — нарушаешь Родовой Закон, пятнаешь Радугу Крови. Прямо сейчас, прямо здесь, — потянула его за ухо.

Он вдруг ухватил её зубами за пальцы.

— Не кусай меня. Я больше не буду, — молвила она.

Он взял её руки в свои.

— Меня просили кое-что с тобой сделать. Меня просили, — начал он, — поцеловать твои руки. Одну. Вторую. Вот здесь, и вот тут.

— Кто просил? — удивилась она.

— Хаману, которых я тут встретил, под домом; пришёл за тобой — нашёл их. Говорили, что-то ты делаешь такое, очень хорошее, невероятное. Потом выше, а потом вот тут. Я прилежен, видишь.

— Нет, не вижу, неа — мурлыкала она ему, вся в приглашении к поцелую.

Арад, конечно же, принял приглашение. На этот раз он попробовал её сжать сильно, очень сильно, а ещё попробовал укунить — несильно — во время поцелуя. Она простонала, но ему послышалось, что мучение ею сносится куда проще, чем он себе думает; вообще, вот что он открыл за эти дни: львицы куда более выносливы к самцовым терзаниям, чем можно себе представить.

Решил: она будет есть вместе с ним, на его коленях. Сделано.

— Кушай. Только не слезай. Нельзя.

Симсана вздохнула, обняла его. Одни требования. И начала его кормить.

— Куда наставница пошла, Симси?

Она помедлила с ответом, а потом махнула рукой.

— Тут, в доме недалеко, по улице на восток, через, — прикрыла глаз, вспоминая, — да, через дом. Есть там одна хаману, плетёт корзины.

— Что Ваалу-Миресли там делает? — сосредоточенно допытывался Арад. — Там рожают?

— Нет. Никто не рожает. Знаешь, она просто отдала нам дом на день.

— Слушай, даже мне неудобно, — перестал он жевать, — а это надо постараться.

— Она это делает не ради тебя, а ради меня, — она мешала ложкой в сковородке. — Говорит, ты — моё обучение.

— Я совершенно готов к регулярным, ежедневным урокам.

— Несносный, — улыбнулась Симсана. — Это только сегодня. Больше так не будет.

— Мы с ней договоримся, — сказал Арад, словно о готовом деле.

— А со мной не надо уже? Со мной? — стала она грозненько. — Об обучении: шутка, конечно. До тебя у меня ничего со львами не было — наставница просто решила мне разрешить. Да я и не рассказывала ей об всяком таком. Как рассказала о тебе, то, считай, в первый раз о льве проговорилась, — улыбалась и веселилась она.

Арад понял, что она замечает следы. Что она — от любви и самочьей забывчивости — проболталась. Он — действительно её обучение; Симсана пыталась замести возможные последствия, старалась скрыть. Это не то, о чём говорят со львом; но выбрала неудачный способ — объясниться, уйти в шутку.

Посмотрелись в глаза. Она поняла, что он понял. Он понял, что она поняла, что он понял.

— Моя наставница — воспитанница двух дисциплириев, — бросила ему приманку, уводила от темы. — Представляешь?

Арад увёлся. Пусть.

— Что это значит?

— Это редчайшая штука, Арад, — охотно ухватила Симсана разговор. — Вошла она сначала в Криммау-Аммау. В двадцать сестринство этого дисциплирия решило её отвергнуть, но сестринство Сидны — приняло. Очень редко такое бывает. Если ученицу выгоняют из дисциплирия, то это почти всегда — уход из сестринства, навсегда.

— В чём она провинилась? — не очень впечатлился Арад, хотя и занятно.

— Не знаю. Она всё говорит, что неприлежно училась, но что-то не верится. И то я узнала так: заметила, что на сирне гравировка «сестринство Криммау-Аммау», а на амулете — «сестринство Сидны». Её однажды даже не хотели признать за Ашаи — один из палатных балбесов заявил, что она украдала амулет, — смеялась Симсана.

— Её попробуй не признай, — ел Арад, с деловым видом. — Если её не признай, то никого. Слушай, — оживился он, — я слышал, что твою наставницу не любят некоторые Ашаи-Китрах, здесь, у нас, в Галлене...

— А кто это тебе рассказывал такое? — очень поинтересовалась Симсана, наостренные ушки, и начала ласкать пальцами ему шею: признайся, признавайся, милый.

— Да неважно, просто слышал, — попробовал отступить.

— А ты просто скажи.

Нет, не выйдет отступить.

— Маасси Мальструна-Ленайна. Это так, однажды пришлось к разговору.

— А кто это, маасси Мальструна-Ленайна? — её пальцы перешли к щеке.

— Эти, род Инсай, оружейники, да ты должна знать.

— А, да-да, Ленайна, да, — легко, без забот согласилась-вспомнила Симсана, её пальцы пришли к его уху. — Когда вы так беседовали?

— Она, это самое, — равнодушно говорил он, — была у нас дома с матерью. В гости приходила её мать, они подружки с моей мамой. И что, о вражде — это разве неправда?

— А она что, с мамой приходила?

— Да, да. Так что, о вражде — это неправда?

Симсана облизала губы, покусала их, потом молвила:

— Неправда, очень преувеличенные слухи, — вздохнула. — Эта молва... Львицам только бы язык чесать. Сестринство есть сестринство. Понимаешь? Понимаешь, конечно. А она что, беседовала с тобой у тебя в гостях, когда пришла с мамой?

— Ну да, я же сказал. Приходили. Обе. Чай пили.

Она потёрлась о него.

— Что, вернёмся к нашим ночным признавалкам? Помнишь? Выш, знамя? Давай, ты первый.

— Я тебя очень люблю, Симсана.

Она улыбнулась, всё бросила. Смотрела на него. Взяла его руку и потёрлась о неё. Вся растянулась на нём, пришлось подвинуться и прислониться к стенке. Арад подумал о нескольких вещах: о том, что он внутренне ждёт ответа; о том, что он ест, как же целовать, но кажется, ей совершенно всё равно. Она уже тёрлась мордашкой о его щёку. Потом ушами. Мурчала, негромко, но иногда находила громкая волна, вот так: потёрлась — и волна.

«Не смотри, что говорит. Смотри, что делает», — дошёл он.

Как же, оказывается, с ними всё просто.

— Ну что ты смотришь? Ну зачем ты смотришь? — обвиняла она его, что требует взаимопризнания. — Ты же знаешь...

— Знаю, что не отдам тебя никому, — держал её за подбородок, как своё, а второй рукой гулял, где хотел. — Тем более потому, что кому-то так хочется.

Оказалось, что целоваться, как она вся растянулась на тебе, высоко подняв голову, сложно; всё получалось вверх лапами, и он укусил её за нос с непривычки.

— Дай я нам пить принесу.

Вернувшись с тем самым, непревзойдённым мятым чайником, Симсана уселась не на Араде, а то ведь он не покушает так никогда, а рядом, туго

скрестив лапы, ровно к столу, с нарочито ровной осанкой; иногда забирала у него ложку, потому что ели с одной, и брала себе маленький кусок, или вообще просто облизывала её.

— И что, Арад, как твои дела? — отдала ему ложку, сделав её чистой.

— Лучше не бывает, как и всегда с тобой.

— Я об учёбе, — облокотилась она о стол, ещё туже скрестив лапы. Смахнула хвост с лавки, глядела на него, блестящий клык кусал губу. — Или вообще, дома, в роду.

— С учёбой всё непросто, — побил он ложкой о сковороду, глядя перед собой. Перед ним находились: огромная ваза; дальше, на краю стола — ткань-накрывало с узорами, от книги с красными стрелами и умершими дисциплинами, но самой книги — к несчастью — не было; дальше — невозможно туго застеленная кровать, такую аж боишься трогать, в самом одиноком углу дома. Он задумался о том, где книга, и подумал, что после, как снова отыграет Симсану, то надо будет её вместе почитать. Перспектива ему понравилась, и он забыл, что должен говорить.

— Что там непростого? — не дала ему забыть Симсана.

— Мастер-архитект считает, что я буду самый отвратительный архитектор из всех в Империи. Может, и в мире. Поэтому мой отец стал очень настойчив в контрпредложении, которое ему вдруг так удобно пришло в голову — пойди мне по юстиции. А потом стать судьёй.

— Най, най. Вой. Ты не хочешь?

— Не знаю. Я думаю, что буду отвратным судьёй, но все думают, что я буду отвратный архитектор.

— Зато ты отличный лев.

— Спасибо всем предкам. И моим, и твоим.

— Хм... — хмыкнула она с довольным смешком. — Так что, тебя направляют в судейство? — пригладила она ухо.

— Похоже, мою морду уверенно и сильно к нему разворачивают. От меня протестов — пока ещё — не слышно. Поэтому родители считают, что дело в кармане.

— А от чего... или от кого... а от чего отворачивают?

Он посмотрел на неё, впервые за пару мгновений, может, даже за минуту.

— Я понимаю, что хочешь спросить. Скажу так: это не проблема.

— Думаешь? — приглаживала она уши.

— Ты не должна об этом беспокоиться. Всё на мне, всё беру на себя.

— Что о наших отношениях думает твой папа? — она легонько дотронулась к нему, чуть придвинулась.

— Он недоволен, — Арад нервно топал лапой о пол. — Но он всегда всем недоволен. Всё его беспокоит. Особенно репутация. Он как маасси,

которая только и глядит по сторонам: кабы чего не вышло, кабы чего не ска-
зали.

— Он... Прости... — она снова к нему дотронулась, к предплечью, пытаясь заглянуть в глаза, но Арад сидел ровно и смотрел прямо, топая лапой. — У тебя были с ним беседы? Мы с наставницей ему не нравимся? Стали ещё больше не нравиться?.. Или, может, мень...

— Да пошёл он! — бросил он ложку о стол. Она звякнула, отпрыгнула, упала на пол.

«Что ты делаешь? Прекрати! Успокойся!»

«Говорю, что думаю».

«Извинись перед ней, быстро».

«Никогда не извиняйся перед львицей, которую любишь».

«Но...»

«Никогда!»

«Это бессмысленно! Мы иногда делаем что-то ужасное! Ошибки надо признавать! Ты с ума сошёл!»

«Закрой пасть. Никогда».

Пасть закрыл, как и закрыл пальцами глаза. Ну дурак...

Что-то тихо с её стороны. Наверное, опешила, или обиделась. Слышно: куда-то ушла.

Он почувствовал, что в руку что-то просится; посмотрел — а это Симсана дала ему новую ложку, а потом прильнула к нему, обхватив под руку.

— Я тебе кое-что расскажу, Арад. Надо признаться.

— Раз так: давай возьмём чайник, и пойдём к тебе в комнату. Там и поговорим.

— Ладно.

— Там снова вино? — поболтал он чайник.

— Нет, там чай.

— Всё равно берём. Идём, — взял он её за руку, а ещё сгрёб чайник.

— Ой, постой, постой, — она еле успела ухватить кружки.

В её комнате он всё обстоятельно расположил: кружки на комоду у кровати, чайник тоже, Симсану — напротив зеркала, под спину набросал подушек, уложил её на себя, но Симсана решила, что так не пойдёт, и развернулась к нему.

Стало очень тихо. Никто ничего не говорил. Арад подумал, что — наверное — всё так и стоит оставить, в молчании. Потом, помолчав, можно снова поиграть, и без слов разойтись. Это будет превосходно. Она уже во всём призналась; у неё может быть целый сонм тайн, но это неважно — в главном она призналась, ему ничего больше не надо. Его же тайны и недоговорки ей не нужны, они только повредят, только вредны, они ничего ей не дадут, кроме скалящихся самочьих чувств и бессмысленных сомнений.

— Может, не надо тебе признаваться? — предложил он, глядя на неё. — У всех есть недомолвки. Давай и у нас будут.

— Я должна, — скрылась она, укрывшись рукой, кусая себе предплечье, только глаза блестят. — Моя наставница, вскоре, не знаю когда, попросит тебя об услуге. Захочет она вот что: ты должен будешь попросить своего отца о встрече. Нам надо, чтобы он её принял, но так, без лишних ушей и глаз. Поэтому сегодня мне следовало разузнать, что о нас думает твой род. Её интересует, как твой папа примет. Я уже поняла — возможны сложности. Наверное, стоит отказаться от этой идеи.

— От меня требуется попросить отца встретиться с ней? И всё? — нахмурился он.

— Да, — подлезла она чуть выше к нему, — но я вижу, что это не очень хорошая идея. Тебе придётся убедить принять мою наставницу хотя бы без вражды, а это... вряд ли будет просто.

Арад замахал рукой, мол, нет-нет, погоди.

— Я смогу его убедить. Мы часто в разногласии, да. Но мой отец мне доверяет, и я ему — тоже. Я смогу попросить выслушать её. Но что она хочет?

— Мы хотим, — показала на себя Симсана. — Нам надо от него услугу, один документ, одно решение по Родовому Закону. Безусловно, не без благодарности...

— О, взятка, — скривился Арад. — Мой папа тут плохой кандидат.

— Я знаю, — вздохнула Симсана. — Поэтому я говорю моей наставнице, что идея не очень. Но она считает, что всё может получиться.

— Так что за дело, или это секрет? — он потянулся за кружкой.

— Да так... Я думаю, Арад, что тебе стоит ей отказать, — она гладила его по груди. — Твой отец на нас зол, на меня, он не любит Ашаи. Почему моя наставница уверена в успехе — не знаю. Тем более ты сам сказал — взятки он не приемлет.

— Вот дела.

— Я не хочу тебя в это впутывать.

— Говоришь, по Родовому Закону? — отпил он чаю. — Мой папа как раз судит по родовым делам, это его направление. Что вы там такое хотите проверить? Какое-нибудь наследство, ух? — поднял он кружку, словно приветствуя такое хулиганство.

Но Симсана не разделила его озорства, ничуть.

— Нет. Я потеряла родометрику, — прижала уши, и оскалилась, словно от зубной боли. — Мне нужна новая, и на всё у нас есть лишь год, иначе я не смогу пройти Совершеннолетие.

— Я-то думал. Дело точно поправимое! — радостно сказал он. — Как там... Надо два, или там, три свидетеля. Не знаю, может ли свидетельницей

быть наставница, — думал, а потом махнул рукой. — А, неважно. Запишут со слов и сделают новую, я знаю, такое делается.

— У нас есть копия, однажды наставница переписала мою родометрику, от и до. Она такая, знаешь, дотошная, когда нужно.

— Чудесно, — обрадовался Арад. — Отец вам поможет.

— Со свидетелями проблема. У меня ведь нету родственников, нету совершенно никого. Это надо ехать, причём далеко, причём надолго. Мы хотим без свидетелей, — боязно посмотрела на него.

Арад почесал гриву, подёргал.

— Думаю, и это можно устроить. Думаю, достаточно тебя и наставницы, принесёте папе эту копию. В конце-концов, если так не пойдёт, он хоть подскажет, что делать дальше. Понимаешь? Вы его спросите, а я постараюсь ему обрисовать ситуацию.

— Не надо! Ничего ему не говори! — взяла в ладони его скулы, нос к носу. — И не говори наставнице, что я тебе всё рассказала, — заклинающим шёпотом просила его. — Я не должна тебе говорить, ты ничего не знаешь. Хорошо?

— Ладно. Нет проблем.

— Если она начнёт эту тему, то лучше откажи, — дальше заклинала она его, обнимая. — И никогда, никогда не подумай, никогда, что я... что я...

— Я помогу тебе. Отец мой, конечно, Ашаи-Китрах не любит, но он справедлив. Очень справедлив. Можно даже в ужас придти, как он справедлив. Он судья, понимаешь?

Симсана не слушала, совершенно, даже её уши были совсем прижаты, такие не слышат. Глаза закрыты, она тёрлась носом о его.

— ...никогда не подумай, никогда, что я...

— ...что ты что?

— ...что я... — слабо улыбнулась она. — Забудь, забудь. Откажи Ваалу-Миресли. Откажи наставнице, забудь об этом. Поцелуй меня, Арад.

— У тебя будет родометрика, — махнул рукой Арад, как о готовом деле, — самая красивая в Галлене. Вот увидишь.

— Мы поедem в посёлок, где я родилась, и как-нибудь решим эти заботы. Забудь... Забудь...

— Не надо куда ехать, а как же регулярные уроки? Ты что? Решила. Их. Пропустить? — на Арада нашло желание, и схватил её сзади, у хвоста. — Обещаю, будет твоя метрика. Будет всё... Ложись мне.

— Думаешь, с папой выйдет? — неуверенно, неторопливо ложилась она.

— Всё выйдет, всё будет. Нет, не на спину, а как сегодня. Вот так. Дай олеамор, я всё сам.

— Осторожней, он текучий, — Симсана тревожно гляделась в зеркало, мордашкой на голой постели, трогая когтем подбородок, губу, зубы.

— Ага, — он закинул её хвост себе на плечо.

— Будь осторожен, — попросила, и закрыла глаза.

— Не волнуйся.

И она ощутила, что его ладонь, вся в олеаморе, схватила за мордашку. Сначала он просто держал её в капкане-наморднике. Потом его рука направляла, требуя почти невозможного поцелуя, но она ухитрилась повернуть голову и дать его — ради него. Потом Симсана покусывала ему пальцы, чтобы хоть как-то отомститься за такое насилие, а потом одумывалась, и лизала их, пытаясь умиротворить и заставить не так сильно кусать загривок (следы останутся, несколько дней, о ужас) и не лишит её ушей, снова не лишит её кольца мастерицы жизни, о Ваал, всё, не надо ему мешать, он уже подходит, даже быстрее, чем в прошлый раз, хотя вроде как должно быть дольше (ну так ей сказала наставница, объясняя все эти вещи), и слава Ваалу, он же замучает, жить не даст, с ним будешь вся покусана, вся замучена, и между лапами уже будет чесаться (без сомнений), лишь бы не забылся и не попал туда, он ведь может, он же несдержанный, он же ненормальный, я тогда подамся вперёд, вот, даже когти наготове, как он дрожит, как я ему нравлюсь, как он этого хочет, какая же у меня сила, как же они все этого хотят, всё, он же меня сейчас задушит, а подо мной уже жарко и влажно, и ещё, и ещё, много крови...

— Много крови, больше крови, много... — сказала, как положено, и чихнула: извозил всю мордашку в олеаморе, аж в нос попало. Нелёгко путь верных дочерей Сунгов.

Арад завалился набок, и так немного полежал, безжизненный. Потом медленно потребовал поцелуев.

— Погоди, я вся грязна, — увильнула.

— Ничего, тебе идёт.

— Чтобы ты знал, — утиралась она, уже сидя, — Есть два вида олеа-мора: для Игры и всего такого, и тёмный. Тёмный нельзя на вкус пробовать, он вредный, его нельзя в рот брать.

— А этот какой? — обеспокоился Арад.

— Светлый. А тёмным львице мордашку марать не стоит. Договорились?

— Конечно. Я запомню. А чем они отличаются?

— Светл... — не договорила, потому что он набросился и слизал, что осталось. Симсана отбивалась и даже зарычала, но куда там.

— Эй, фу, невкусный он, — сморщился Арад и полез за кружкой.

— Так тебе и надо, — ударила его по плечу. — Ваал мой, Ваал велик, не прощает.

Посмотрела на шемизу, посмотрела на кровать. Бесполезно. Так на него стирки не наберёшься, придётся сидеть так.

— Слушай, Симси, я кое-что придумал.

— Мне уже страшно.

— Я слышал, — начал Арад, терзая чайник и пытаясь тот заставить налить ещё чаю, но тот уже всё, — что у Ашаи-Китрах есть определённые позы. Как-бы для стояния, для сидения, даже, наверное, лежания...

Симсана сидела на краю кровати, на уважительном расстоянии от него, которое только может появиться меж самцом и самкой после близости, а Игра ведь — репетиция близости.

— Да, для всего есть, для всех случаев, — кивнула она, пытаясь рассмотреть следы на загривке и плече. — Сорок восемь классических, множество иных.

— Ты можешь в какую-нибудь встать?

Она подумала, пожала плечами.

— Могу, а зачем... Аааа, нет-нет-нет, — подняла оба указательных пальца с когтями вверх, — тут я тебя раскусила, тут я уже знаю, чего ты хочешь. О таком рассказывали, предупреждали сестру сёстры о коварстве! Ха, ха, ха. Нет. Это мы отложим на будущее. Неопределённое. Может быть. Или даже не отложим. Най!

— Что? — растерянно, безвинно спросил Арад. — Я просто хотел узнать, я же не общался с Ашаи. Я даже не знаю, о чём ты...

— А-тю-тю. Смотри какой. Ты с Ашаи-Китрах уже ближе общался, чем все твои сверстники, — разлеглась она на животе, болтая лапами, и опустив шемизу как можно ниже. Облокотилась о кровать, подле его лапы. Глядит снизу вверх. — Бедненький, бедненький. Где же ты с ними общался, со жрицами Ваала? Одна стала твоей, с закусанным загривком, так разве это считается, ой бедный, нет, не общался. Ты, Арад, зверино хитёр и жутко коварен.

— Хорошо, давай только одну? — вмиг он поменял диспозицию, поняв, что противник обнаружил замыслы и выстроил неприступную оборону. Он очутился возле неё, напротив неё, чтобы очаровывать её серые глаза, уже столь любящие, уже столь знакомые, хитрые, блестящие; но он, немаленький, не учёл своих размеров, задел то ли хвостом, то ли свисающей с края лапой нечто в конце кровати, на стенке, и это что-то со громким, звякающим грохотом упало, потом упала какая-то ткань, потом ещё что-то хрустнуло, вдобавок снова свалился венок со стены, прямо напротив них.

Симсана вздохнула.

— Я прямо сейчас в одной из поз. Вот, гляди, вот тебе одна.

Арад так и сделал. Лежит на животе. Ладонь под щекой, вторая обнимает локоть. Одна лапа вдоль кровати, вторая — поднята. Кажется, голова

чуть наклонена. Уши вполонину прижаты. Прогиб в спине, в талии, кажется, она его держит, нарочно. Хвост тоже по кровати.

Он постарался запомнить эту картину. Посмотрел на улицу — ещё день. Слава Ваалу. Он даёт время.

— А теперь давай-ка лучше я тебе покажу, что ты уронил.

Симсана полезла за край кровати, прихватив венки по пути. Что-то там деловито искалось, между кроватью, ящиком, между кучей вещей на вешалке.

— Гляди, — показала ему тамбурины с лентами.

— Ты умеешь на нём играть?

Симсана очень легко очутилась на лапах, недалеко у входа.

— Этот, кстати, довольно хорош. Какая ткань звука, слышишь? — постучала она по нему, а потом как-то хитро прошлась по его краешку пальцами. Потом бахнула им о колено. — Ну Ашаи ведь должна на чём-то играть. Что ты смотришь? Знаю — не цимлатин, не арфа. Но хоть что-то.

— А...

— Училась бы в дисциплинии — умела бы на всяком. Не судьба, най, — и снова им о колено.

— А...

— Как мне говорила наставница знаешь? Бей им так о ладонь, бей так о зад, вот и вся игра, — что она и сделала.

Откровенно, Арад такого ещё не видал — у неё получалось ловко и натурально, словно она родилась с ним в руках. В его кругах на тамбуринах не играли, он же южный, ярмарочный инструмент, ну ещё для свадеб хорош, в День Героев в него бьют (и в Ночь тоже), в День Рождения Императора, да будет освещено светом Ваала его имя (правда, говорят, что Акаш Второй терпеть не может шума). Мать умела играть на арфе, иногда это делала для гостей, а ещё братьям, когда те были поменьше, они любили засыпать прямо на полу под неё. Да и как восточные Сунги играют: встанут полукругом или в ряд, ну и просто — тыц-тыц пальцами, ладонями. Ещё потрясут.

У Симсаны всё получалось куда красочней: она пританцовывала на месте, закрыв глаза и улыбаясь — ей нравилось. Она действительно — вовремя и точно — ударяла тамбурином о бедро, хитро его подставляя, и Арада удивило это зрелище, как и танец, как и музыка, что она играла. Всё вызывающе и соблазнительно; зная её характер и повадку, Арад нашёл здесь контраст, потому что Симсана вызывала и соблазняла редко, быстро, лишь только точными, одиночными стрелами, в остальное время она либо скромничала, либо терпеливо, послушно сносила всё, наложенное его волей.

— Ещё, — похлопал он, привстав на коленях.

— Хватит с тебя, будет тебе, — залезла Симсана обратно на кровать, смеясь. А потом сделала самую странную штуку: ударила его инструментом по голове, поцеловала, развернулась и упала ему в руки (именно в такой последовательности).

— А может, есть ещё что-то?

— Ещё есть мансура, только на ней мы играть не будем. Никто ведь не умер. Да я и не умею, — пожала она плечами где-то там, у него на руках, потёрлась ему о грудь. — А наставница... наставница разучилась, — развела руками, мелькнули ленты тамбурина. — Она же мастерица жизни, не траура, — вытянула она ладонь, левую, с серебряным кольцом.

Она, живая, что-то ему ещё говорила, то поворачиваясь к нему, то дальше ютясь у его груди; он задумчиво глядел на её кольца: то кольцо сестринства на пальце, мелькавшее, трудноуловимое, то мастерицы жизни на ухе — присущное, иногда прямо под носом, а однажды она задела им щеку.

— Арад, Аради?.. Чего тебе груститесь? — затормошила. — Ну что ты?

— Теперь моя очередь признаваться.

Кажется, Симсана испугалась. Нечто вроде этого. Он уловил в её глазах, выражении, всём — нечто вроде боязни. Она ничего не произнесла, не требовала продолжения, ничего — только ждала.

— Я — анваалист.

От неё — задумчивая нахмуренность, будто он сообщил нечто сложное, непонятное, даже на другом языке.

— Вернее, был, — быстро продолжил он, подбивая кулаком подбородок. — Теперь я не знаю. Давай я скажу, давай так: я полагаю ваалопоклонство унижительным, доказательства — недостаточными. Это всё так неубедительно: надо просто уверовать, и не думай. Мой отец говорит: «Свободному не нужен Ваал». Или: «Ваал — иллюзия, сон». Он мне доверялся так: «Арад, я полагаю, это великий заговор, только мне ещё непонятный». А, вот ещё: «Все кругом дурачатся, трудно быть серьёзным, когда кругом балаган». И теперь я с тобой. Наверное, тебя это ужасает, ты ведь львица Ваала. Возможно, оно тебе и неважно, ты ведь львица Ваала. Признаваться нету смысла, — ухмыльнулся он. — Это так глупо, я знаю. Теперь я сомневаюсь, я уже ничего не знаю. Ты всё изменила... Ты нечто сделала... Ты...

— Я люблю тебя.

Симсана прильнула к Араду, встретилась с ним щекой, не тревожа его поцелуем, её тихое мурлыканье. Он прижал всю её к себе, и она мирным стоном выдыхала ему где-то возле уха. Он пытался её поцеловать, но тщетно — она избегала, она убегала, мурлычаще смеясь, пряталась у него под шеей или где-то возле ушей, по пути даруя ему случайный, тёплый поцелуй языком.

— Я твоя. Ты — мой Ваал, — сказала она ему то ли в правое, то ли левое ухо, Арад уже потерялся.

— Разве так можно говорить? — всё-таки смог удивиться он.

— Нужно. Ты ведь его часть, — он заметил в ней перемену, она отпрянула, она была немного странной, Арад подумал, что так, наверное, должна выглядеть лёгкая пьянь от вина у юных львиц. — Мы это исправим, мы всё развеем. Вот же я, погладь меня, — улыбалась она, держась ему за шею.

— Да, — послушался он, и погладил её.

— Идём, я тебе покажу. Ты спрашивал, спрашивал об этом, я всё помню. А ты думаешь, что я не помню. Я всё помню, я тебе покажу.

— Что? — совершенно не понял он, о чём речь.

— Идём, идём, ходь. Давай, давай...

Арад последовал за ней в главную комнату; она легко соскочила по лестнице вниз; Арад заметил в окне начало сумерек. Симсана встала, осматривая всю комнату, возле неё остановился и Арад, делая то же самое — но не имея никакой идеи, что предстоит искать.

— Вот, идём сюда, — повела она, и встала напротив входа в балинейную и возле печки. Осмотрелась, покрутилась, посмотрела на него и улыбнулась, но как-то неуверенно; затем стянула через голову с себя шемизу, и Арад подумал, что всё-таки уломал её на позы, и это будет отлично, тем более хорошо, что всё началось без робких вступлений, и все эти переходы, вождения, зазывания — от остатков стыда или что-то такое, ну самочки штучки, попробуй пойми что у них там творится, в их ночных душах; с иной стороны, подумал Арад, всё это как-то слишком странновато для простого показа себя, который так любят все львицы (и никогда в этом не признаются).

Она села на лапы, прямо на мощный дощатый пол, и пригласила его напротив. Арад подумал, что из двери тянет, и она может озябнуть (ему ничего, хоть тоже без одежды).

— Помнишь, ты меня спрашивал: могу ли я вызвать игнимару? — очень торжественно глядела на него Симсана, ему даже стало неловко.

— Да.

— Будешь свидетельствовать. Теперь возьми и посмотри на мои руки.

Арад взял и посмотрел, поцеловал одну из них, посмотрел в глаза. Что она хочет?

— Посмотри, посмотри. Можешь меня всю осмотреть, куда хочешь. Ищи улики, найди трюк. Найдёшь, может, какой розжиг, или масло, ещё что-то. Можешь меня покусать, — засмеялась она, — или полизать.

— Не откажусь ещё раз и то, и то, — он действительно обошёл её кругом. — На тебе ничего нет, ты просто голая. Так откуда игнимара берётся, как она делается?

— Это дар духа, это огонь Ваала. Я не знаю, Арад. И наставница не знает. И никто.

Он почесал нос и уселся обратно напротив неё.

— Мне его дарует Ваал, — убеждённо, суггестивно говорила она. — Только львицы-Сунги могут вызывать огонь на ладонях, и только те, что судьбой и Ваалом назначены с рождения быть Ашаи.

— Да, — подтвердил Арад. И вдруг добавил, неожиданно для себя, неожиданно для неё, даже для мира: — Слава Ваалу. Он подарил мне тебя.

Симсана радостно вздохнула, и Арад впервые за всё время явственно, очень явственно ощутил другой язык, которым разговаривали её глаза; они горели, он ощутил странную эмоцию: будто в чувство опасности добавили много желания, а потом всё укрыли преклонением.

— Не прикасайся ко мне, не трогать, не трогай. Там — вода, — говорила она, словно нечто чрезвычайно смешное, неточно указывая в сторону балинейной. Она закрыла глаза. — Посмотри, вот я, на мне ничего нет. Вот я, дочь Сунгов, и ты, сын Сунгов. Просто узри, что даёт Ваал. Сохрани, Ваал, веру всех вер... Не верь сестринству, не верь предкам, не верь Сунгам и сунгамаре, ничему не верь, просто смотри...

Арад ощутил всем телом, даже не увидел, а именно ощутил, что в комнате стало темнее, почти совсем темно. На её правой ладони появился красный, очень красный, совершенно ярко-красный взмах пламени, сначала маленький, потом больше, потом ещё, потом Арад, отпрянув от жара (он жарил!), увидел, что он уже выше её головы. Горел он медленнее, величественнее обычного огня, от него делалось темно кругом, а когда он увидел её глаза через завесу этого пламени, то он подумал, что это взаправду кошмарный сон, ибо он ничего не видел, кроме её глаз. Ещё. Ещё. Кровь предков, она ещё горит, как же долго. Ему стало больно за неё. Нельзя так гореть без последствий. Симсана, львица, не сгори, не делай этого ради меня, делай что угодно, но не это. Она сжала правую ладонь в кулак, оскалилась, словно рыча, и он увидел красноту её клыков от очень красного огня; игнимара же взвилась последним, самым высоким столбом, чуть ли не к потолку, или к небу, и угасла.

Арад нашёл, что обнимает бочонок. Он совершенно не помнил, как к нему подлез и как его объял, и это пугало. Он быстро встал, чтобы не представлять перед нею в таком жалком положении.

Но зря — она на него не смотрела. Симсана восседала на лапах, с закрытыми глазами, потрясая правой рукой и потирая её, вяло и медленно. Потом неуклюже встала, придерживаясь за печку, и сгребла с неё первый попавшийся кувшин. Она пила, жадно и небрежно, всё проливалось, она сопела. Потом поставила кувшин, он чуть не разбился, и ещё некоторое время опасно качался по кругу.

— Симсан, ты как? — подошёл он осторожно, со стороны.

— Дура, — развернулась она, но не в его сторону и пошла заплетающейся, совершенно безграциозной походкой к иному углу дома, с комодом, и сундуком, и хламом, и кроватью. По пути она попыталась надеть шемизу обратно, но, после неудачной попытки, с отвращением бросила эту затею, и та полетела в сторону западного окна. Она начала там, в углу, рыться — на пол полетела разная дребедень: какая-то одежда, вязальные спицы, какие-то бумаги, связанные шнуром, даже курительная трубка. Наконец, вроде что-то было найдено, она застыла на месте, роясь в маленьком ящичке. Ящичек со стуком упал вниз, в сундук.

— Всё нормально? — преследуя её хвост, он ждал сзади.

«Что значат эти опыты? Так предписано сестринству? Ученицам? Указано в Кодексе?», — нахмурился он, сжав зубы. — «Что за штуки?».

— Прости, я там, — сказала она, медленно, и сделала что-то вроде попытки развернуться к нему, но вместо этого начала падать боком, словно споткнувшись и не сопротивляясь, и Арад её поймал — торопливо, судорожно, агрессивно; её висок, челюсть, ухо — всё остановилось в сущей ничтожности от стенки сундука.

— Симсана? Что с тобой? — взял он её на руки, и почувствовал, как она потяжелела. Нехорошо.

— Разломай его! — она смотрела куда-то в его сторону, словно угадывая его положение в мире, больно улыбалась, глаза полуприкрыты.

— Что разломать?

— Давай, — она зевнула, а потом кашлянула со смехом.

Он отнёс её на срединную, самую большую кровать; почувствовал — по его лапам потекло нечто тёплое. В ужасе посмотрел вниз, боялся увидеть там кровь, но всё оказалось не так плохо — это была не кровь. И хорошо.

— Ваал! — простонала она, когда положил.

— Скажи, что случилось? Что мне делать? Где тебе больно? — смотрел он на неё, всюду, но понятия не имел, что искать.

Симсана же слабо протянула ему руку, и он забрал из неё что-то.

— Рви.

Арад рассмотрел в неуверенном сумеречном свете, что она ему дала, полагая, что это то ли ответ, то ли лекарство, то ли... Но это оказался целый двойной символон, обычная штука для торговых сделок, всяких договорённостей, он хорошо его узнал, так как у отца дома валялось полно символоннов, и он даже наизусть знал их типы, только этот был весь разрисован красным, ещё чем-то, непонятно, не было времени рассматривать.

— Это симво...

— Ваал, сломай, — снова простонала она.

И он сломал, по линии слома.

Она засмеялась и протянула к нему непослушную руку, ухватила его прямо за нос и ущипнула.

— Давай...

Он поставил сломанный символон сбоку, у её головы. Нет времени на игры. Быстро подумал, что дело в кувшине и его содержимом; подскочил к нему, понюхал. Вроде вода.

Побежал обратно к ней.

— Тебе больно? Ты хочешь рвать? — он попробовал ей нос. Ну вроде обычный, не горячий, не поймёшь, тут вообще ничего не поймёшь. Повернул голову набок.

— Ленайна тебя обы... обоссала?

— Блядь, Симсан, что с тобой?

— Это она, — медленно, уверенно сказала она и издала сонный хрип, вроде тех, когда засыпают старые львы.

«Нужна Миресли, любой ценой, сейчас же».

Он побежал наверх, в комнату Симсаны. Так, хоть штаны есть.

— Арад, это ты?

— Да, это я, — одевался он, и метался, пытаясь найти тунику, но забыл, где она. — Я сейчас.

— Ты к Ленайне?

— Я за наставницей! Твою мать, ты отравилась. Рви на пол, если что, поняла? Поняла?

Она издала нечто вроде «Угу», а потом:

— Ты куда?

Арад, выскочив на улицу в одних штанах, побежал; без кнемид, без туники, без плаща, хорошо хоть не нагой. Он пытался вспомнить, налево или направо. Где она там должна быть? Хоть бы она была! Миресли, будь там! Вроде налево. Через два дома. Вот, вот этот, там видно лампу прямо у окна.

Он начал сильно стучать в дверь, аж всё задрожало. Открыл какой-то старый лев.

— Чего? — крайне неприязненно рявкнул он.

— Ваалу-Миресли, Ваалу-Миресли здесь?!

— Ты кто?

— Там, там, её ученица, ей плохо!

— Что?

«Тупой ублюдок», — ненавистно подумал Арад, отбросив его в сторону и прошмыгнув в дом. Он слышал, что где-то наверху, на втором этаже, поют львицы. Дом светлый, хорошо, всё видно. От испуга на лестнице пискнула лъвёна. Вот комната, сразу напротив, двери нет. Пение прекрати-

лось — все услышали непорядок, и повернулись к Араду, и здесь была Миресли, о слава чему угодно, как он рад её видеть, как никого в жизни.

— Арад?

— Ваалу-Миресли!

Одни воскликнули совсем одновременно. Та сидела, держа вязальные спицы в руках, почти неотличимая от остальных хаману, их тут хвостов шесть, может десять, какая разница.

— Симсане очень плохо!

— Ах ты сучёныш! — лев снизу уже шёл по лестнице.

Миресли мгновение смотрела на Арада. Потом бросила спицы, встала, толкнула его в плечо, мол, пошли.

— Что именно случилось? — держала она его за плечо, цепко.

— Я не знаю! Отравилась!

— Идём.

— Как тыходишь в дом?! — предстал перед ними лев, с топором.

— Тарко, всё хорошо! — Миресли закрыла Арада собой.

— Я его зарублю!

— Тарко, прости. Тарко, всё хорошо, — они обошли его, Миресли толкала Арада в плечо. — Идём, идём...

Лев зарычал, но никого не зарубил.

Они торопливо вышли на улицу. Миресли засунула руки в прорези своего обычного, серого, тяжёлого платья, и побежала, причём довольно резво, чего Арад не ожидал. Арад подумал, что это может быть. Может, Симсана умерла? Почему? Этот кувшин, в нём что-то было. Или это игнимара? Она ведь не должна так кончатся, верно? Вроде нет. Арад ничего об этом не знал.

Ворвались в дом, темновато уже. Миресли схватила лампу, где-то в предвхожей, но надо чем-то её зажечь, а огня нигде нет, надо розжиг, огниво, и Арад уже было приготовился искать по её требованию, и тут Миресли вытащила кинжал-сирну, зажала его в зубах, поставила пальцы прямо на фитиль и злобно выдохнула:

— Иас, иас!

Лампа загорелась. Арад никогда не видел ничего подобного. Лампа вручилась ему.

Войдя в комнату, подбежала к Симсане — та спокойно лежала на боку. Приложила к ней ухо, потрогала её у шеи, на руке. Послушала ещё. Потом спокойнее отошла, взяла подсвечник, зажгла ещё света от лампы, и расставила.

— Что вы делали? Всё рассказывай.

Арад заметил кровавые следы в углах рта наставницы — от кинжала. Она не позаботилась их утереть.

— Это, я пришёл, мы пошли мыться. Потом играли. Потом поели, с одной сковороды. Потом снова играли. Потом она сказала: дай-ка что-то покажу. Села вот тут, — показал Арад на место, и подошёл к нему, — у неё была игнимара, очень красная, и много огня. Я ей сказал, что я анваалист. Она пила из этого кувшина, вот...

— После игнимары она поплыла? — покачала Миресли рукой возле головы. — Стала сонная?

— Да, странная. Начала рыться там, в сундуке, чуть не упала, несла какую-то ерунду.

— Ясно. Садись, — показала ему на кровать, у лап Симсаны. Сама сидела в изголовье; растянув руку по подушке, полулёжа, она осторожно гладила Симсане краешек уха.

— Что с ней? Сиятельная знает?

Та молча кивнула. Вытянула покрывало из-под подушки, укрыла им Симсану. Утёрла рот белой тканью, которую вытасила из-за пояса, остались кровавые следы. Арад почесал за ухом, думая, стоит ли говорить. Надо, вообще-то, и:

— Ваалу-Миресли, её надо вытереть. Кое-что случилось, пока я её нес.

Наставница вдруг засмеялась, продолжая вытирать рот.

— Арад, вас оставь двоих ещё раз, и вы всю Империю перевернёте. И дом сожжёте. Да вас просто опасно оставлять, — оглядывалась кругом. — Ваал мой. Ну вы... Ну, Арад. Посиди.

Она вернулась с тремя большими полотенцами, и резким движением убрала покрывало со Симсаны. Та зашевелилась, Арад наострил уши.

— Отвернись, — указала ему. И начала прогонять его с постели: — И вообще, давай, ступай домой, наигрались уже. С ней всё хорошо, не волнуйся.

— Я подожду, пока она проснётся, — не пошевелился Арад.

— Это будет нескоро — ей нужно поспать до утра, самое меньшее. Или даже до полдня. Иди.

«Никуда я не пойду», — подумал Арад. — «Я так не могу. Я должен остаться». Но как...

— Огненная даст мне? Можно я? — потребовал он отдать ему полотенце.

Ваалу-Миресли задумалась, с подозрением (так ему показалось) смотрела на него. А потом молча отдала.

«Это так странно», — подумал Арад, — «я тру ей лапу мокрой тканью, а она спит дальше», — и словно услышав его мысли, Симсана зашевелилась и мирно вздохнула. — «Всё это так странно. Ещё луну назад мне бы сказали: ты будешь вытирать лапы совершенно голой Ашаи-Китрах, которая на тебя — подумать стыдно — а ты будешь только ощущать, как её любишь, и

что ты уже не анваалист, и что ты уже не можешь им быть». Он делал всё просто — обернул всю её лапу полотенцем, от самого верха, и шёл вниз. Полагал так: он не стесняется, Симсана сейчас не способна, Миресли что-то себе думает, кто знает что, вообще ничего не поймёшь с этими Ашаи-Китрах, с ними некогда особо рассуждать, с ними не соскучишься, с ними только переживаешь крайне удивительные опыты. Далее Миресли дала ему вместо мокрого полотенца — сухое. Всё то же самое. Он не боялся вытирать её там, только опасался, что Миресли сейчас запротест... именно так, она поймала руку Арада, но вместо возмущения, ну всей этой пошлости — показала, как правильно вытирать самку, молча направляя; а потом легко и просто перевернула её на живот, как игрушечную. Арад зачем-то вытер ей и весь хвост, по всей длине, и после этого Миресли уложила Симсану на бок. Иногда уделял тщательное, совершенно ненужное с практической стороны внимание каким-то местам, вроде колена, ещё ему понравилось гладить голень.

Наставница заметила нечто в ладони Симсаны и вынула. Увидела разбитый символон, поднесла к свету свечи, чтобы получше разглядеть. Хмыкнула, и спрятала, обе части.

А закончилось всё тем, что Арад, увлечшись, трогал ей когти на лапе, где вообще не требовалось никакого внимания и вытирания, а потом вдруг на него нашло, и он укусил — ну как укусил, скорее, трогательно прикусил — пальцы её лап. Так его и поймали с поличным: Арад смотрел на неё, с лапой Симсаны в зубах, со взглядом вора; Миресли же узрела, как вот этот вот съедает ей ученицу.

— Пусть Ваалу-Миресли ей не расскажет, — оставил он лапу в покое.

Наставница замахнулась на него, и он бессознательно прикрыл глаз, ужасаясь, но вместо удара она ему взьерошила гриву, ухо.

— Нет уж, — потрясла его за морду. — Она от меня всё узнает, во всей красе. Она всё узнает, что бывает, если жечь игнимару и не остановиться, когда положено, — это она строго сказала уже спящей Симсане, повысив голос, и та, пошевелившись, мило нахмурилась (Араду страшно захотелось её поцеловать).

— Пусть её наставница не ругает. Она сделала это ради меня, я ей сказал, что я — анваалист, а она решила мне... всё... показать.

— Да я вижу, что всё показать.

Вдруг Миресли начала смеяться, сдерживаясь, но получилось плохо: она стала вся трястись, прижав уши и насильно закрыв рукой рот.

— Как, анваалист, весело тебе с Ашаи-Китрах? — чуть совладав, тихо спросила наставница.

— Веселее, чем я мог представить, — серьёзно ответил Арад. — И должен признать: я уже не анваалист.

— Ой. А что случилось-то, Арад? — её голос дрожал.

И Миресли продолжила душиться смехом, ещё хуже прежнего. Она несколько раз хрюкнула и уткнулась лбом в спинку кровати, укрывшись рукой. Отпрянув, она вытирала слёзы.

— Я немного не понимаю... — почесал он гриву.

— Ничего, ничего, — отмахивалась она. — Не обращай внимания.

Арад укрыл Симсану, чтобы не замёрзла. Пригладил её по лапе.

— Иди оденься, а то простынешь. Вот, бери подсвечник, — сказала ему Миресли.

Туника нашлась быстро — в балинее. Меч нашёлся тоже, дольше всего выискивался плащ. У Арада было такое чувство, что он что-то забыл, и он обошёл дом повсюду, где только бывал. Пошёл даже проверить, на месте ли кнемиды.

Затем вернулся, снова сел у лап Симсаны. Она всё так же спала, очень глубоко и сладко, Ваалу-Миресли всё так же сидела у её головы и гладила по правому уху, свободному от кольца мастерицы жизни; она не посмотрела на Арада, и молчала. Он сидел на краешке кровати, уткнул ножны меча в пол и крутил его вокруг оси, наблюдая за блеском гарды. Миресли хочет, чтобы я ушёл, подумал Арад. Сейчас выгонит. Я ещё чуть-чуть посижу, подумал он.

— Где она тебе игнимару показывала?

— Вон там, — указал на место возле печки, у входа в балинею.

— Голая?

— Да.

Миресли вдруг нашла след олеамора за ухом Симсаны. Подняла бровь, вытерла.

— Это хорошо, что голая. Долго горела?

— Секунд десять. Долго, огонь был выше головы. Это было самое крутое, что я видел в жизни. Я почувствовал, что эта штука, она священная. Меня понимает Ваалу-Миресли? — очень серьёзно говорил Арад, даже не смея на неё смотреть, а только крутя свой меч.

— Ага, — просто, очень просто, слишком просто ответила та.

— А что с ней такое? И что с ней будет?

— Она очень устала. Хотела показать тебе красивую игнимару, но немножко не рассчитала.

— У неё получилось. Это был очень красный огонь Ваала. Я теперь буду иным. Ваал, сохрани веру всех вер. Я скажу отцу, что я теперь верно-верный Сунг.

— Умоляю, Арад, только не говори ему этого. Я тебя очень прошу, побудь ещё анваалистом, хотя бы годиков ещё десять, а там посмотришь.

— Но как? — развёл он руками.

— Ну вот так, — прихлопнула она по кровати, — придумай что-нибудь, ты же лев. Скажи себе, что это тебе приснилось, или показалось, заставь ум поработать, пусть у тебя тут покрутится, подумается. Послушай, Арад... — посмотрела она на него, наконец.

— Ашай всегда показывают своим львам игнимару? — не дал он ей продолжить, боясь, что забудет спросить.

— Только совершеннолетние, и только избранным.

— Так, а что, ей было нельзя такое показывать? — сощурил он глаза.

— Совершенно, никак, никогда и нигде нельзя, ни под каким предлогом. Слушай, Арад, я тебя буду просить. Есть разговор.

— Моё внимание.

— Пошли в её комнату, не будем ей мешать, пусть спит, — поднялась Ваалу-Миресли. Повторила снова, вытянувшись вверх, сцепив ладони: — Пусть спит...

Арад оставил меч у лап Симсаны.

**

На тумбу водрузился подсвечник. Миресли первым делом убрала все подушки с постели, состроила вид, что не заметила мокрых пятен, расстелила большое шерстяное покрывало, и сама возлегла на нём на боку, набрав себе подушек. Но перед тем, как возлечь, просто взяла и сняла с себя платье мастерицы жизни, оставшись в одной шемизе, перед этим бросив сирну прямо на кровать; он не мог даже представить, что такое возможно от любой Сунги в её возрасте. Амулет она спрятала под шемизу.

— Садись.

— Как? — задал странный вопрос Арад. Но его озадачила атмосфера их пребывания здесь, он не особо понимал, что с собой делать.

— Вот так, — показала Миресли: села на кровати, колени вместе, обхватила их в замок руками. Потом возлегла обратно. — Я разделась, потому что жарко. Не идти ведь по домашнее платье.

Он сел.

— Понятно.

— Ты, наверное, удивлён, что мы сюда пришли. Но я не хочу её разбудить, она не должна услышать этого разговора, даже малую часть. Она может притвориться спящей, знаешь... станет притворюшкой. Она спит крепко, это надолго, но лучше-ка мы сделаем всё правильно.

— Я люблю эту комнату, — уложил он руки на спинку кровати, протянул лапы. — Тут её запах.

— Это называется «разговор в постели», — не обратила внимания Миресли. — Пусть тебе не будет неловко, это не то, что ты можешь себе

представить. В среде Ашаи, а ты их повидаешь ещё за свою жизнь, это значит доверительный разговор. Ашаи стараются вкладывать смысл во всё, что делают, поэтому если ты говоришь с ней в постели — это знак. Полезно помнить.

— Даже если это не любовники?

— Это вообще не имеет никакого значения. Запомни: говоришь с Ашаи в постели — она тебе доверяет.

— Понял. Это и с обычными львицами работает.

— Не совсем. Ты представляешь себе хаману моего возраста, которая тебе предложит поговорить в постели?

— Курьёзно, — ухмыльнулся Арад. — Мне надо немножко подрасти для такого.

— Всё ему одно. Кроме того, я не могу серьёзно говорить со львом за столом. Я пробовала, это невозможно, — махнула рукой Миресли.

— Полагаю, превосходная не раз испытывала трудности из-за этого.

— Ничуть, никогда не испытывала сложностей вдруг обнаружить нужного мне льва в постели. Почти.

— Значит, я нужный лев. Что наставница Симсаны попросит у меня?

— У меня есть важное дело к твоему отцу. Убеди его встретиться со мной, но вне службы, и чем раньше, тем лучше.

— Это не составит труда. Даже постараюсь убедить его, чтобы он принял Ваалу-Миресли как можно лучше.

— Не надо. Чем больше ты будешь его убеждать, тем хуже для дела. Просто договорись о встрече, это главное.

— Я могу поинтересоваться сутью дела?

— Это дело по Родовому Закону, — Миресли потрогала краешки рта, посмотрела, что там с кровью: всё, не всё. — Там нет ничего тёмного, незаконного, ничего плохого. Просто есть некоторые формальности, которые мы не можем соблюсти, в силу внешних обстоятельств. Поэтому нам нужна помощь такого льва, как твой отец.

— Хорошо.

— Естественно, что твой отец пожелает благодарности за свои хлопоты, и мы безусловно будем благодарны в самой различной форме, или формах. Это я обещаю, скажешь ему это.

— «Мы»? — удивился Арад.

— Я и Симсана. Дело касается Симсаны. Это важно для неё, Арад.

— Хорошо. Нет проблем, превосходная. Я сделаю это, он согласится, — уверенно сказал Арад. — Проблема только одна: где именно вам встретиться.

— Я ещё не уверена в месте. Возможно, у твоего отца будет предложение, я готова на любое.

— Ладно.

— Но есть ещё иная трудность...

— Пусть Ваалу-Миресли не беспокоится о трудностях. Мы их передумшим, как кроликов. Место выберется, время тоже, всё сделается, — он протянул руку за кое-чем, что заметил трезвым взглядом (ранее сегодня было не до того). — Вот, эта книга. Она мне так понравилась, — он раскрыл «Дисциплины и дисциплины» в свете свечей, — если Ваалу-Миресли разрешит мне войти в дом хотя бы ещё раз, то мы со Симсаной уже глупостей делать не будем. А просто её вместе почитаем, — он случайно нашёл ту страницу, со стрелами, что рядом с Ашаи ночного взгляда, и так и оставил. Показал это Ваалу-Миресли, раскрыв книгу вовсю: — Вот.

Она закрыла глаза, потёрла руки, словно умывая их. Потом застыла. Значит, открыла глаза, посмотрела на него, хотела что-то сказать — застыла.

— Мне тоже эти стрелы нравятся, — сказал Арад, и закрыл книгу. — Как это правильно назвать... Эстетическое поражение.

— Арад, у твоего отца будет первейшее требование, которое нам будет должно исполнить. Возможно, оно вообще будет единственным, ему не нужны будут ни деньги, ни услуги, ни остальное — ничего. Он потребует, чтобы Симсана перестала с тобой видеться, встречаться, говорить.

— Да ладно. Я с ним поговорю, — уверенно, поторопившись, сказал Арад.

Миресли не мешала ему перебивать. Продолжила:

— Не питай ложных надежд. Чем больше ты его будешь просить, тем неистовей он будет в этом требовании. Лучше не говори ему ничего, тогда есть ничтожный шанс. Но... я не думаю.

— Всё равно, — пожал плечами Арад. — А я приду к ней.

— В этом и стена, Арад. Да, мы пообещаем отцу, что Симсана к тебе не подойдёт и на выстрел. Но в тот миг, когда она тебя увидит, и ты к ней придёшь — всему конец, лёд разобьётся. Она не сможет противостоять, ты ей слишком нравишься, Арад. Слишком.

Экспрессивные, убедительные жесты. Арад чувствовал, как она склоняет его, прогибает, выискивает.

— Ну и пусть. Всё равно. Пусть отец злится, пусть хоть весь Галлен злится, — не сдавался он.

— Нет. Мы нарушим договор с твоим отцом. Это может иметь плохие последствия, в первую очередь — для Симсаны.

— Насколько плохие?

— Она может провалить Совершеннолетие, её не допустят. Видишь ли, она потеряла родометрику, спасая тонущего львёнка по дороге из Криммау-Аммау. Метрика находилась в тубе, туб у Симсаны был так, через плечо, она залезла в воду, туб уплыл, она не заметила. Без родометрики она не

пройдёт Совершеннолетие, а значит, уйдёт из сестринства. Если мы получим метрику от отца, но нарушим договор, и он узнает, что Симсана — дальше твоя львица, — так и сказала Миресли: «твоя львица», — то могут случиться очень нехорошие вещи.

— Она спасала тонущего львёнка? — удивился Арад, оставив книгу на комод, как и было.

— Да. Он больше испугался, чем тонул, Симсана вся измокла. Это года три назад произошло. Три...

— Она мне этого не говорила, — собрал гриву в кулак Арад.

— Полагаю, всё остальное она тебе рассказала, в общих чертах.

Арад ничего не ответил. Это ведь тайна.

Миресли склонилась, сняла свой амулет с шеи, повертела его в руках, как игрушку, поиграла, как маятником. И вдруг бросила Араду — он поймал. И сразу молвила:

— Арад, будь её настоящим Сунгом. Тебе нужно её бросить.

— Как это? — встала дыбом шерсть на спине.

— Просто взять и бросить.

— Когда? — встала дыбом шерсть, кажется, всюду.

— Сегодня.

— Но почему?

Умом Арад понимал, почему. Но вопрос задал не ум.

— Потому что она не сможет сделать этого сама. А ей будет приказано тебя бросить, что она, мучаясь, сделает. Или даже — представь себе — не сделает, но если ты послушаешь меня, то это будет не особо важно.

— Это бесчестно, — бездумно вертел он в руках амулет. — Я говорил, что люблю её.

Она села ровно на лапы, на кровати, чрезвычайно ровно. Араду показалось, что она помолодела, лет на двадцать. Или тридцать.

— Доблесть не идёт легко, без жертвы и усилия, — она смотрела ему с глазу в глаз, это делало невозможным оторвать взгляда. — Сегодня ты сказал, что стал верноверным Сунгом. Ты откажешься её знать, ты будешь страдать, но так ты сделаешь её Ашаи-Китрах и почтишь Ваала самым благородным образом. Всё вернётся: Ашаи тебе не забудут этого, поверь, — указала она прямо на него. — Когда придёт время, она узнает, что ты для неё сделал.

— А когда придёт время? — грустно и иронически спросил он.

— Не раньше её Совершеннолетия.

Арад взмахнул руками, бессильно опустил их на кровать.

— Ладно, можно я вникну? Я хочу рассмотреть всю позицию, — сел он на лапы, и начал перед нею жестикулировать, будто задабривая, — возможно, есть кто-то другой, кроме моего папы?

— Я пыталась. Иные судьи все и так связаны с твоим папой. Твой папа судит родовые дела. Всё на нём.

— Может, поможет сестринство? Сестринство ведь сила! — непонимающе улыбнулся он, ну же, вот он, ответ.

— Нет. Не в этом случае, — сощурила она глаза. — Сестринство здесь может сыграть очень злые шутки. Обстоятельства злобны.

— Хорошо. Может, папа не потребует расставания?

— Маленькая надежда есть. Но я так не думаю. Только не убеждай его, он будет лишь яростнее защищать тебя от нас. В его мире ты просто безвольная жертва, ничего не понимаешь, и не можешь ничего с собой сделать. А Симсана — хищница, что должна тебя отпустить.

— Но почему? — действительно удивился Арад.

— Потому что он в отношениях между львом и львицей понимает не так много, как в юстиции. Кроме того, ты его сын.

— Ладно, так. Потребуется у Симсаны от меня отойти. Она согласится. А я... А я... Мы будем встречаться тайно, — предложил он простенькое решение. Да что тут делать большое дело из их отношений! Ну же!

— Ужасная идея. Симсана не сможет. И ты, — медленно говорила она. — Она — мастерица жизни. Ты — сын судьи. Брось. Послушай: твой отец потребует этого, и Симсана согласится. Ей будет больно, но у неё не останется выбора. Она пообещает это, и я тоже. Ты можешь ничего не делать; можешь подойти к Симсане, и она нарушит свою клятву — а она нарушит; а можешь принять весь удар на себя.

Арад слез с кровати, встал на лапы. Смотрел на себя в зеркало в полный рост.

И вот тут Ваалу-Миресли сделала нечто очень точное, она точно знала, что сделать; она знала, что на него подействует самым безукоризненным образом. Она села рядом с ним и приложила обе ладони к его плечу, глядя снизу вверх:

— Помоги мне сделать из её Ашаи-Китрах, Арад. Это очень важно.

— Да, — смотрел он в зеркало.

— Будешь её Сунгом безупречной доблести?

— Да. Буду. Что мне делать?

— Как что, — уселась она обратно на лапы, на кровать. — Страдать.

— Нет, это само собой, но вот я сейчас выйду, и... что?

— Пойдёшь домой, а на следующий день займёшься своими делами. У тебя есть какая-нибудь симпатия, львёны на примете?

— Есть. Мальструна-Ленайна, род Инсай, мать хочет связать наши роды.

— Она тебе нравится?

— Она ничего. Я заходил к ней, когда не застал Симсану дома. Голодный я был. Я поцеловал её. Я пил с ней кофе. Она меня облила чаем. У неё шрам подо ртом. У неё были лунные дни. У неё жёсткий отец, он мне подарил меч. Я не знаю, зачем. Я меч притащил с собой сегодня. Я не знаю, зачем.

— Отлично, — это всё очень понравилось Миресли. — На следующий день ты идёшь к ней.

— Что лучше всего сказать отцу?

— Скажи, что мне нужна встреча, в его месте, на его условиях, что это по Родовому Закону, но деталей ты не знаешь. Скажи, что за мной будет огромная благодарность. Передашь ему мои извинения. Возможно, он потребует от тебя разрыва отношений со Симсаной. Можешь ему говорить всё, что угодно, это не будет иметь никакого значения. Я бы на твоём месте проявила сомнение, повиляла, уходила от темы.

— Что будет со Симсаной?

— Это я беру на себя. Ей будет непросто, она будет на тебя зла. Или, скорее всего, хуже... Но мы справимся.

— Что значит хуже? — резко обернулся он, требуя объяснения.

— Влюблена ещё больше. Поэтому, Арад, я тебя попрошу. Когда ты в следующий раз с ней увидишься... если она с тобой заговорит... то просто скажи, что у тебя появились родовые обязательства. Повторяй это, как заведённый, как полный дурак. И больше ничего. Морда стеной. Хорошо?

— Плохо, превосходная.

— Я знаю. Но ты сможешь. Симсана очень гордится быть Ашаи-Китрах, мастерицей жизни. Она никогда не показывает этого, но это всё, что у неё есть. Точнее было, до того, как пришёл ты. Она повреждена, она сирота. Всё, что она тайно желает: это тот, к которому можно прильнуть и совершенно безраздельно довериться. Ей придётся выбрать между первым и вторым. Она выберет первое, ей так должно. Давай поможем ей, Арад. Ты ведь хочешь видеть её мастерицей жизни?

Уверенно, словно читая приговор, он сказал:

— Это всё, что я хочу. Я ничего для себя не хочу. Меня не интересует «я». Меня интересует «ты», — но вдруг уверенность страшно подвела: — Ваалу-Миресли, я должен знать одно: мы поступаем правильно? Это ведь всё... нужно, да?

— Да. Нужно. И вижу, что правильно. Прости, что не могла придумать ничего лучше. Правда, не могу.

— Спасибо за всё, — весело и очень фальшиво сказал он. — Я всё сделаю. Я пошёл.

— Погоди. Держи. Это твоя часть символа.

Арад посмотрел на него в ладони.

— Почему он красный? — спросил.

— Розовый. Она его раскрасила. Думаю, это её детская поделка. Видишь, белые линии, кажется, стрелы, они аж стёрлись. Никогда не видела этой вещи, всё она от меня прятала, всю жизнь, она страшно стеснялась всего... своего. Вряд ли она желала в метанойе повседневности его тебе показать, тем более — подарить. А после бесконтрольной игнимары знаешь, становишься такая... ну как если очень много вина выпить. Дай мне свою часть. Смотри.

Ваалу-Миресли соединила обе части. Сошлись отлично.

— Такая вот сделка. Такой вот обмен памятью. Такая вот история. Такие дела, — она разводила символон, и снова воссоединяла. — На.

Отдала его часть, и встала с кровати в один мах, необычно для её возраста.

Арад подошёл, встал возле Симсаны. Она всё так же спала. В голове было пусто. Сел, подумал, что стоит сказать «Я люблю тебя, Симсана». Передумал. Подумал поцеловать её в щёку. Передумал. Потом ухо с кольцом мастерицы жизни, но оно далеко, внизу, она на нём спит — не достанешь.

— Ваалу-Миресли отдаст Симсане её часть символона?

— Конечно, — и сделала это прямо тут же: вложила ученице в ладонь.

Арад кивнул. Хорошо. Подумалось: надо поцеловать руки. Так даже завещали те самые львицы. Взял её ладонь, поцеловал, приложил к щеке. И это — в последний раз? Не хочу, не надо. Не может быть...

Схватил меч у её лап, надо идти, и Арад пошёл, надел кнемиды, Миресли преследовала его, и уже у двери обняла, пригладила по плечу, потягала за ухо, ничего не говорила, совсем, Арад избегал её взгляда и скользил вниманием по предметам. Но в какой-то момент ему не удалось избежать ловушки её взгляда в почти полной темноте, и теперь уже никто и никогда не мог его разуверить, что внутри Ашаи не сидит огонь, потому что её глаза отражали больше света, чем видели. А ещё он почувствовал себя голым, но не телесно, а духом, и это было куда как более неловко, чем тривиальная дневная нагота тела, это было очень ночное обнажение.

— Ты будешь очень сильным львом, Арад.

Она ещё раз подёрнула его за гриву, безнежный, нарочный жест, который заканчивался ласковым прикосновением; в этом был смысл.

— Ты хорош.

У него явилось такое чувство — уже знакомое — что его заклиняют. Где-то он такое уже испытывал, совершенно точно, но никак не мог вспомнить мгновений и момента.

— Спасибо, Ваалу-Миресли.

Она поцеловала его, и он даже не мог потом вспомнить, куда.

Пробуждение следующим утром осложнилось — Арад уставился в потолок, пытаясь понять, что ему приснилось, а что — нет.

Снились совершенно фантастические, изумительные, реальные сны. У него никогда таких не было, и он никогда таких не видел. Чего стоит та самая Ашай-Китрах (кажется, андарианские черты, эта бесстыдная плавность всех линий), перед которой тряс рыбой какой-то паяц, и из рыбы сыпались богатства: золото, империалы, рубины. Нечто из этого богатства упало Араду под лапы, и он нагрёб себе кое-чего, нечего добру пропадать.

— Арад, поднимай тушу, мать зовёт жрать, — так неуместно залез в комнату сновояви брат Дарзай, и бросил в него чем-то; это оказалась накидка Ленайны, которую с комода никто из домашних львиц так и не решился переставить на место. Они могли запросто спрятать меч за тысячи две империалов на кухне меж ложек и вилок; но такую реликвию, как накидка найсаграи, подаренная льву — никогда.

— Иди отсюда, — поднялся Арад и бросил в него подушкой, но тот увильнул. Накидку тут же спрятал.

— Тебе не копьё бросать, а х...

— Сейчас я тебе дам сосать! — Арад бросил в брата наручем. Без толку, тот снова увильнул.

— Придурок, — забавлялся Дарзай. — Давай, теперь яйца кинь.

Арад потёр нос.

— Давай, тяпни их своим мечиком. Кстати, где он?

— В жопе, — брат неимоверно раздражил Арада. Такие сны, такие сны, и всё под хвост, ну как всегда...

— То-то ты ровно сидишь. Я серьёзно, — осторожно пробирался к нему брат, готовый к опасности. — Дай им сегодня помахать, после школы.

— Нет. Ты что, дурак? У тебя ещё кисть слабовата.

— Да ладно тебе. Слушай, а ты мне дашь, если я тебе что-то скажу?

— Что? — без интереса спросил Арад.

— Давай, сначала ты пообещай, потом я.

— Так, — одевал тунику Арад, заодно выглядывая погоду в окно, — ну ты понял. Уползай.

— Слушай, короче, вчера мать с отцом говорили, что ты снова к той подружке-Ашайке пошёл. В столовой, я подслушал.

Арад выдержал тишину.

— Ну.

— Слушай, короче, они там злятся и всё такое, — сел брат на кровать.

— Слушай, расскажи, чё вы с ней делаете? И как?

— В игры играем, — надевал штаны Арад. — В прятки.
— Арад, ну хорош, давай реально.
— Не что мы с ней делаем, а что я с ней делаю, — снял штаны Арад, так как понял, что эти грязные. — Вот так правильно.
— Ну какая разница.
— У тебя ещё грива не растёт, когда начнёт, я тебе расскажу.
— Растёт, Арад, вот, ну ты что, слепой, вот же, растёт!
Арад цыкнул, посмотрел на брата, что пытался раздёргать в зеркале тёмный намёк на первые ростки гривы.
— Скажи, что ещё подслушал.
— Папа сказал, что это надо прекращать, — лёг на кровать Дарзай, ударя лапами в спинку кровати, но Арад жестом указал встать, — и он с тобой серьёзно поговорит. Хреново звучит, да. Ещё они что-то спорили, о какой-то свадьбе, я не понял. Слушай, ты ей под хвост заглядывал? — с надеждой посмотрел брат.
— Зачем, ты что. Львиц надо уважать.
— Я серьёзно!
— Вечером расскажу.
— Ты как всегда — ыыы, ыыы, тянешь. И натянешь.
— Ну я же сказал — вечером! Если будешь нормальный. И это, — похозяйски призадумался Арад, — если хлам из сарая вынесешь.
— Пошёл ты, — отчаялся брат.
— Как хочешь. У тебя и так ещё не стоит.
— У меня стоит, баран.
— Как скажешь, — выходил из комнаты Арад.
— Арад, — доверительно подступился на ходу Дарзай, — а это правда, что их можно прямо в... мама, мы уже идём, мы уже, вот Арад, он одевался.
— Давайте, заждалась уже, — мать подгоняла их неистовым жестом. — Ты опаздываешь, Арад. Умойся. Предки, что за утро.
Брат не обманул, как ни странно. Серьёзный разговор состоялся в тот же день, вечером 8-го дня 1-й Поры Вод 807 года Эры Империи. Расположение: таблиний Нергима-Синая, род Каризиан-Руст. Действующие: Арад, сын; Нергим, отец. Отец, как всегда, на своём месте, Арад, как всегда, зашёл и сел на своё место. Погода: хорошая. Балконные двери: открыты. Поэтому — холодно.
— Как твой день в гимназии?
— Ничего, пап, — ответил Арад, выглядывая на улицу. — Давай я дверь закрою, тянет, и свечи не угасятся.
— Холод полезен, — ровно ответил отец. — Тепло разнеживает, не даёт думать. А подумать есть над чем.

«Началось», — подумал Арад. Только все прежние времена, когда он думал «началось», он не был готов к разговору, или частично готов, или сомневался. Сегодня же — напротив — он готов, как никогда.

— Но прежде пара хороших новостей. Я их приберёг, не хотел раскидываться ими на ужине. Всегда надо начинать с хорошего, — поднял отец палец, с родовым кольцом, в своей манере нося его на указательном пальце. Мать никогда этого не одобряла, но отец всегда отвечал, что так привык. Но вот, к полной картине: Арад однажды нашёл упоминание в книге «История истинных восточных Сунгов и Андарики 1-4 ст. Э. И.», что так зачастую кольца носили главы семейств патрицианского происхождения (отсюда сочетания «припечатать пальцем» или «указать печатью», и так далее). Посвяительство! Они-то среднего рода.

— Первая хорошая новость: в Галлен заедет сир Вальрр, из рода Астал. Знаешь, кто это? Тот самый, нотабль Коллегии Судей в Марнской Обители Правосудия. Именно ему маасси Мальструна-Ленайна свезла письмо, за что ей надо сказать спасибо, — скептически вздохнув, но утвердительно закивал отец, отдавая должное. — Он не только ответил в ключе, который я нахожу, — Нергим-Синай пошуршал бумагами по столу, — очень позитивным, но ещё намерен зайти к нам гости.

— Невероятно, — ответил Арад, стараясь быть очень хорошим и внимать отцу изо всех сил. И вспомнил о Ленайне. Совершенно сразу после этого — о Симсане. И о её игнимаре. Ваал. На миг стало всё красным. Преклонение, хочется преклониться, прямо здесь...

— Вторая хорошая новость, — бодро продолжил папа, и даже улыбнулся Араду, — вчера поймали тех, кто, судя по всем имеющимся свидетельствам и уликам, а также по внутреннему убеждению судьи Самра, который... — папа посмотрел вверх, потом в сторону, зажав графис меж пальцами, — ...хороший, хороший, толковый защитник справедливости Сунгов, преданный делам Императора... эм, кто вздумал оскорбить Знамя Войны Империи.

— Да ладно, кто это? — аж привстал Арад. И внезапно ударил по краю стола.

— Спокойно, — поднял папа руку. — Это — два молодых дхаара, одному двадцать, второму, кажется, восемнадцать. Выгривки.

— Но я ведь дрался с какими-то подхвостнями под Вышем, но они не были дхаарами! — Арад весь подался вперёд, нервно забил хвостом.

— Ты уверен, что их было пять или шесть, как ты рассказывал?

— Нет. Да!

— Вот видишь. Приукрашиваешь. Понимаю. Возможно, это были тоже они. Или они были частью группы дхааров. Или частью группы Сунгов, не наших, галленских.

— А кто их увидел, какие доказательства?

— Одна хаману, кухарка Галленской стражи, видела, как они туда направлялись на Выш. Это же видела и Ашай-Китрах, эта, что жжёт чашки, Сизэ. Всё серьёзно: мы следопыта позвали, старый охотник Штеф, он не раз помогал страже. Следы, конечно, были уже стёртые, но он очень уверенно говорил: точно видел дхаарскую лапу.

Арад встал, прошёлся к балконной двери, потом сел обратно. Поставил руки на стол, уместился головой на них, потрогал свечку на столе.

— Что с ними будет? — почесал переносицу.

— Ты знаешь, как мы относимся к дхаарам. Если всё взвесить, от них больше пользы, чем забот. Их можно засудить к каторге, лет на семь, пусть строят форты. Но сир Самр любит Доктрину Сунгского Домината, думаю, он их отправит в дхаарский Нахейм, — посмеялся отец своей остроте.

«Надо ему сказать. Они дхаары, но они не виноваты, умрут зазря», — задумался Арад. — «Нет, сука, стой. Молчи. Ты туда привёл Симсану. Тебе придётся объясняться, это подставит её под удар. Тем более, сейчас надо за неё и наставницу просить. Её надо защитить. Не подставь. Защити, не подставь. Не вмешивай. Надо убить двоих дхааров — да не вопрос! Дхаары и так все мусор, полульвы; только Сунги — львы. Кроме нашей Седеси, она правильная дхаарка».

— Мда, — постучал когтями Арад. — Не стоит их всё-таки казнить, пусть по, по, по это, поработают во славу Империи. Должен же быть мотив, странное какое-то дело.

— Какой мотив, Арад, они же дхаары. Это эти, мстваашские серости — маэматы. Год назад Легата сожгла их целое поселение в Мствааше, за провинности и долги. Вот и заложили себе в головах тщетную враждезависть, обычное дело для не-Сунгов. Ну, с ними свершится правосудие, ибо так хотят Сунги!

И стукнул блокнотом — смена темы.

— А теперь о грустном.

— Папа, у меня к тебе очень большая просьба, — Арад взял стул и поставил его у стола отца. — Можно я её сперва выскажу? Очень большая, — сел.

Удивительно, но отец решительно встал, заботливо взял его за локоть и повёл к открытой балконной двери.

— Моё внимание, — порыв прохладного ветра развеял ему гриву.

— Пап, ты меня знаешь, скажу всё прямо. Я пообещал тебе передать просьбу от Ваалу-Миресли.

— Миресли? — быстро спохватился отец. — Эта повитуха? Почему ты говоришь «Ваалу-»? — держал он сына за плечо. — Мне можешь не говорить номена! Да и ей тоже, чтоб её. Что она хочет от тебя?

— Она хочет от тебя, не от меня. Я только передам просьбу. Она хочет, чтобы ты с ней встретился, в своём месте на своих условиях, она готова на любые.

— И зачем? — презрительно спросил отец.

— У неё есть дело по Родовому Закону, твоя сфера.

— Пусть приходит в Обитель Правосудия Галлена, — сделал отец небрежный жест в вечерний воздух, в мир за балконом, — там принимают Сунгов всех сословий.

— Там дело, которое требует особого подхода, ей нужно посоветоваться.

— Наследство надо зубками вырвать? — зло заулыбался он.

— Нет. Я всего не знаю, но это касается её ученицы.

Отец заходил по комнате, взвинчиваясь; так не вовремя затряслось пламя свечей.

— А я тебе говорил!

Взял блокнот свой, бросил. Взял ещё предмет, бросил. Ещё что-то взялось, чтобы сразу оказаться брошенным обратно.

— Я тебе говорил, что они от тебя хотят чего-то!

Но внезапно остановился, успокоился внешне. Подошёл к сыну, посадил его на своё место, за своим столом, а сам уселся возле, взяв себе иное кресло; закинул лапу за лапу, откинулся.

— А я тебе говорил, — нарочито спокойно начал, — что они чего-то захотят. В обмен на то, что её ученичка, скажем так, к тебе будет очень благосклонна. Она ведь к благосклонна, правда? Всё быстро, ладно, отказов никаких? Позволяет всякое, правда? — быстро нажимал он.

— Примерно так, пап, — кивнул Арад, и понял, что всё это — уже за хвостом. Не успев начаться — закончилось.

Ну её, эту жизнь.

— Тебе не кажется это подозрительным, — усмехнулся отец, — тем более: ты лев, юного возраста, одногодок, и вдруг она выбрала тебя? Не обижайся, не обижайся, ты не самочка, — поднял он руки, хотя Арад ничего не делал, и оставался спокоен.

— Пап, ты не понимаешь... — сказал Арад, и сказал искренне.

— Ну конечно. Расскажешь, что она тебе позволяла?

Арад подумал над этим вопросом. К делу не относится, делу не поможет.

— Не хочется уходить в такие откровенности.

— Ладно, неважно. Вот, стань холоден, включи разум, — сощурил отец глаза, постучал по голове, посередине, и Арад нашёл жест неприятным, — следи за нитью рассуждения. Смотри, я говорил, что им что-то нужно. Посмотри, что случилось: ты приходишь ко мне, убеждён, что просишь сам, добровольно, ты даже злишься на меня, что я «не понимаю».

— Так.

— Сынок, все Ашаи — шлюхи. И учатся быть шлюхами с самого нежного возраста. Эта их манипулятивная природа... ибо им ничего больше не остаётся делать — они обречены не выходить замуж, и они не могут заняться делами при льве, понимаешь? И домашним хозяйством — тоже, ибо это называется у них *саахри*! Смотреть за своим домом, за хозяйством — видите ли, добрые Сунги, это саахри, это не по нам. Слышал такое слово?

— Слышал.

— Послушай, я знаю о них больше, чем ты можешь предположить, — начал отец, и говорил он горячо, увлекшись: — Я никогда с тобой о них не говорил. Но я их знаю. Знаю. Уши наостро! Это же тысячелетний опыт, они ведь учатся этому с вот такой, вот такой львёны! Первое, чему их обучают — это контролю воли, умению воливать, — сжал он кулак, изображая волю, — чего не умеют обычные львицы, Арад. У обычной львицы, что ходит по улице, нету самообладания — она просто хочет вырасти, привлечь самцов получше, выйти замуж или обосноваться при хорошем льве, нарожать детей и умереть довольной праматерью. Для этого воля не нужна, она сама будет по жизни плыть. Сеструшки же научились контролю, Арад, и волят они прежде всего над самими собой. Если ей надо в тебя влюбиться — она влюбится, потому что так надо. Она тебя разлюбит за мгновение, если надо.

Арад промолчал.

— К тебе приходят с просьбами, и вот ты уже погряз! Для этого и существует Доктрина, Арад, её сам Император дал судьям, — распаялся отец, тема его жгла, брызги огня эмоций, — как ты этого не понимаешь, потому что все знают, как Ашайки всем любят крутить, всем, что сильное, и прыгают на кого угодно, чтобы только заполучить силу, деньги, власть. Они влияют на то, как ты думаешь, — показал он на Арада пальцем. — О, они хороши в обмане. Они хороши во внешнем виде. Знают, как пыль в глаза. Задумайся о том, что они делают.

Арад снова промолчал. Всё получается немного не так, и немного не туда. Папа слишком зол. Может не получиться.

— Задумайся о том, во что они верят. Есть некто, это божество Ваал, которого видят только они, и которое они никогда не называют божеством, ибо это только у варваров божества. Как удобно. И он — суть всё, что мы, Сунги, есть, и ты обязан в это верить, если только не имеешь честь быть в Доктрине, где ты обязан это «уважать», что бы это не значило. Позор... Когда-нибудь мы, Сунги, очнёмся от этого сна.

Но папа вдруг отстранился, успокоился, и очень буднично осведомился:

— Что они предлагали?

— Она говорила, что возможно многое: деньги, услуги...

— Ты всё знаешь — взятки не беру, — свободный жест отца, заложил ладонь вовнутрь туники.

— Всё-таки: может быть, это услуга за услугу, долг, полезная связь, — Арад раскладывал невидимые кубики доводов на столе. — Всё-таки — возможно — мастерица жизни, суть повитуха, нам пригодится?

— Это тоже взятка, — просто парировал отец.

— Пап, просто прими её, Ваа... Ва... Миресли, и послушай.

Он усмехнулся. И кивнул.

— Хорошо. Я встречу с ними, ради тебя. Я буду справедлив и открыт, я послушаю, что именно они от меня попросят. И обязательно тебе расскажу, чтобы ты убедился. Это будет крайне поучительно. Что они хотели? По Родовому Закону? Касаемо её ученицы?

— Да, что-то такое, — согласно закивал Арад.

Папа задумался, стал шевелить пальцами перед собой, рассуждать шёпотом, он так иногда делал; с чего-то соглашался, с чем-то спорил. Подёргал гриву, сдёрнул с неё три стяжки, поиграл ими в ладони.

— Я их приму в ближайший выходной.

— Спасибо, пап, — Араду сложно было сдержать вздох облегчения.

— И ты вчера весь день просидел у них дома? — как-то иронично спросил отец.

— Да.

— Кто там был?

— Я и Симсана. Ученица.

— Да, я понимаю, — закивал Нергим. — Видишь, как тебя поймали в когти — в твоём возрасте трудно с таким совладать. И сказать этому «нет».

Арад сжал край стола. Он вдруг ощутил очень, очень, очень сильную тоску за ней. Её не было сегодня целый день, она жила, как абстрактное понятие, как имя на бумаге; он держался хорошо, не думал о ней, уже смирился, что всё кончено. Вдруг он увидел её, такую живую, такую реальную, она к нему оборачивалась...

— Да, пап. Очень-очень трудно. Это невероятно трудно. Это меня разбивает, — Арад желал сказать совершенно иное, он продумал свою (выгодную для позиции Миресли) речь, но получилось вот это.

— Целый день она провела, чтобы попросить об этом, — кивал он. — Чтобы ты пожелал отплатиться. Отдать целый день! И это всё — только для самой глубокой суггестии и мерзкой индоктринации. Она была такой чарующей... Такой податливой... Да? Не удивлюсь, если она соблазнила тебя нарушить Родовой Закон. Даже если нет, — отец заметил отрицательный кивок сына, — то всё остальное — пожалуйста. Самые потаенные мечты становятся жизнью.

Арад подпёр кулаком висок. Твою же мать. У отца получается не хуже суггестировать, индоктринировать. Откуда он знает?

— Но ничего, я тебя вытащу из плена. И ещё, я ставлю радикальное условие: твоей лапы у них не должно больше быть. Даже не смотри на них.

— Ладно, я попробую, пап.

— Пробовать не надо, так и делай. Думаю, после моей встречи с Миресли их отношение к тебе немножечко изменится. Отличный будет урок.

«Миресли была права. Так всё и случилось. И папа тоже в какой-то мере прав, хотя бы в том, что... Всё-таки в чём?.. Такое впечатление, что они оба сговорились, папа и Миресли. Смешно...», — ухмыльнулся Арад.

Ему запрещена Симсана. Вскоре ей будет запрещён Арад. Она — Ашаи-Китрах, она захочет ею стать, она всё примет, все запреты. Конец. Хорошо было. Он даже не успел, правда, толком что-то понять, как уже всё. Ваал, почему всё такое короткое, ты что, издеваешься?

Так, не хандрить. Это — для всяких неудачников. А у него всё удачно. У него всё отлично. Даже если папа прав во всём — а это невозможно, нельзя подделать её любящий взгляд, это невозможно, — то всё равно всё отлично, потому что Ашаи устроили ему целый карнавал, чтоб он лишь договорился о встрече, ха-ха-ха. Львицы. Больше львиц. Стаи, прайды львиц, у его лап. Ленайна. Вот кто пригодится, вот кто будет полезен. Львица должна быть полезной, первое средство для зализывания ран и удовлетворения всего первейшего, в чём природа обязала нуждаться: пить, есть, размножаться, и так далее, всё все знают. Полезнейшее дополнение, живой инструмент. Не без особенностей и правил обхождения, но ничего. Идеализму — нет. Самкам — да.

Папа что-то писал в своём дневнике, оставив сына подумать.

Но, видимо, сын упал в слишком долгую летаргию раздумий, и отец вывел:

— Род Инсай будет приглашён на день, в который нотабль почтит нас визитом. Не хотел этого делать, но так будет даже лучше.

— Почему не хотел? — безразлично спросил Арад.

«Не хотел... Мать настояла, вот и захотел».

— Тебе ещё очень рано об этом думать. Мамины хлопоты ещё слишком преждевременны. Кроме того, их род вызывает у меня вопросы. Да и не хочу приносить тебя в жертву нашим интересам. Хотя да, мать хаману Мирны в столице — это очень заманчиво и выгодно, и тебе будет куда проще там учиться при таком содействии. И маасси Мальструна-Ленайна мне не очень нравится, но я тебе уже говорил. Жаль, что её не отдали в фан-синналл. Даже не знаю, чем она занимается. Дома сидит, что ли?..

— Она — счетовод у дела отца.

Нергим-Синай рассмеялся.

— О нет, львица-счетовод. Смешно.

Штрих к вечеру: мысль Арада, уже немного сонная, что у них в семье деньги считает мать. И не только считает, но ещё и распоряжается. У папы всё «нет времени».

И, по тому, что он начинал понимать и ощущать, мать считала не очень хорошо. Или распоряжалась. Или то, и другое. Ну, давать распоряжаться самке деньгами — это только папа может учудить. На то он и папа. Он даже во Ваала не верит. Чудак.

А вот о счёте... Он помнил летающие пальцы Лени, прикушенную губу, неподвижные уши. Он просто знал — та считает *хорошо*.

**

— Стой.

Здесь, на малохвостном углу улицы Ближней и Вышепути, Арад остановил дхаара, пнув его по животу мечом в ножнах, как дубиной.

Тот был сер, худ, то ли его одногодок, то ли уже совершеннолетний, если можно говорить о Совершеннолетии у дхааров, пёс их поймёт, им же нельзя отращивать гриву; вровень с Арадом ростом, но так-то Арад повыше среднего будет (спасибо, папа), и вообще плотный сложением (спасибо, мамин род). Тот встал в болото от неожиданности, прямо за ним.

— Что такое? — почти неуловимый акцент; значит, имперскорождённый, прямо местный, чуть не «свой».

Арад стоял и смотрел на него.

— Просто стой.

И ещё раз толкнул его концом ножен, по груди.

— Что я сделал?

— Да не знаю. Как ты думаешь, — посмотрел Арад влево-вправо, — дхаар должен отдавать жизнь за Сунга?

— Что?

— А за Сунгу?

— Чего юнсир хотите вы? — сломалась тому речь.

Проклятье, всегда они учат детей своим дурацким языкам, даже имперскорождённых, и вот оно — ему теперь мешаются слова в голове.

— Я ничего не делал.

— Да я знаю. Делал я, понимаешь? Это всё я начал...

Дхаар совершил попытку продолжить свой путь, но Арад снова не дал, и тот попробовал прикрыться от него каким-то очень самочьим жестом, закрывая себе грудь и живот руками.

— Ты знаешь, кто на Выше Знамя Войны осквернил?

— Нет! Я с ними не водился! Я весь в мерзении против них! Они отторгли Сунгское гостеприимство, наглость! — сообщал ему дхаар короткими выкриками, пятась (пфф, оказывается, он их знает — даже Арад это понял).

Мимо них прошла хаману, возраста силы, с траурной катеной, и даже ухом не повела. Ведь дурь в этих самцовых головах — бесконечна.

— Скажи — я говно.

— Я говно, — с готовностью определил дхаар.

— Хорошо. Молодец. Ты хороший дхаар, — снова пнул его ножами в живот.

Вдруг случилось немислимое: дхаар рыкнул, но как-то сдавленно, и сделал нечто настолько дурацкое, что просто опускался хвост — он попытался выхватить у Арада меч (зачем?), но цапнул его за ножны, и итог был предсказуем — он просто остался с ножнами в руке, а у Арада обнажился клинок. Вот так вот просто.

Наверное, дхаар застыл от страха, глядя на ножны. Потом решил сделать так — пал на колени:

— Юнсир, я не покушался! Пусть юнсир меня пощадит! Я работаю! Я ничего не делал! Я испугался!

— Ваал мой, это смешно. Это всё просто смешно, — короткими выдохами посмеивался Арад. — Давай, засунь ножны назад. Вот так. Да не бойся, ближе ты.

— Я больше не буду. Я больше не буду, — дхаар вернул меч обратно в слишком узкие ножны, так и стоя на коленях; последние расстояния он преодолевал старательными, двусмысленными толчками.

— Ты любишь Ваала?

— Только у Сунгов — превосходство верить, — заученно ответил тот.

— Ладно, встань, не сиди на коленях, чего тебе.

Дхаар встал.

— Не обижайся. У меня сейчас сложное время. Полмира хочется убить, полмира трахнуть, эта вся хрень не даёт думать, вся эта Радуга Крови, вся горячка. Брат разбудил, а у меня такой сон был. А ещё мне запретили иметь одну львёну, и я бы положил... но я же Сунг доблести, — растерянно сказал Арад последние слова.

— Простится мне, юнсир.

— Почему ты в Легату не пошёл?

— Моя спина, негоден, — согнулся он, показывая, как она болит.

— Жаль, лет десять, и стал бы Сунгом, женился бы и заимел жену, — сказал Арад, и замолчал.

— Да. Я пойду, юнсир, простите, юнсир.

— Я вот тоже иду к одной, наверное, я на ней женюсь через года четыре. Может, три. Или не женюсь, ну её, а просто придушу немножко. Но сначала поеду в Марну, и там буду прилежен. Хотя я вот гимназию стал пропускать. Слушай, ты меня прости, эта огнекровь действительно жёсткая штука, прямо спирт. Мне же шестнадцать. Понимаешь? Эй? Твою мать...

Дхаар воспользовался моментом, и убежал.

Через час, около того: тень тиса на крошечном, самом крошечном заднем дворике, который только видел Арад. Такой тесный, будто колодец, вверху небо в открытом квадрате, хотя дом Ленайны — всего два этажа. Сзади — дверь, вся в железе («Опасаемся нечистых рукой львов», — извинилась хаману Мирна, когда Арад толкал эту дверь). По бокам — оконца, какие-то цветы, растения, какие-то декоры, какие-то вещи, Ваал, как тут тесно и уютно. Напротив — миниатюрная копия садика, затем — решетка забора с истинными пиками в ограде (не шутка), затем — дорожка, затем — угрюмая, нежилая стена склада оружейки («Ленайна там полдня может бывать», — оправдывалась хаману Мирна).

Несколько любезностей, которые Арад вполне умел выдавать, если нужно, а если кто нравился, так прямо и забыть, и напирать с ними, что часто принимали за льстивость. Хаману Мирна ему очень нравилась. Всё просто: это была Ленайна через двадцатку лет, классическая найсагрия с картинки из книги «Прайды Империи, Великое Время» (то бишь последние двести лет), немного перепуганная жизнью, немного тревожная, даже уши её постоянно ходили, прислушиваясь.

— Я, невероятно, раньше упускал, что Ленайна есть, — частью напуская звёзд в глаза, как говорится, часть искренне делился он. — Нет, я её замечал, мы пересекались, много раз, даже вместе на свадьбе сидели. Давно.

— В самом деле? — хаману Мирна как бы удивилась, а как бы и нет.

— Да. Кстати, а кто обучил её счетоводству?

— Я. Мне и некогда уже, и глаза устают. Отдала ей всё — им с отцом полегче вдвоём, они понимают.

— Понимаю, — отпил Арад из высокого-высокого, узкого стакана нечто вроде мясного супа. «Под Марной такое любят», — снова извинилась хаману Мирна, когда его принесла, несмотря на жалкие протесты Арада, что он поел. Зря. Хоть сейчас езжай туда за добавкой. — Она в этом очень хороша. Спасибо, хаману Мирна.

— Да пустое... зачто? Нравится тебе марнский томленник?

— И он тоже. За Ленайну спасибо.

Как определил Арад, хаману Мирна совершенно растаяла, прямо совсем.

— Её шаги, — кивнула она в ответ на шум в доме, — вот и она. Ленайна! — крикнула. — Я тут.

— Мам? — услышал Арад её голос.

Но мать больше не объявлялась, предоставляя Араду право увидеть её обиденной, неподготовленной, пойманной врасплох. Даже тогда, в первый раз, она имела крошечное время подготовиться, пригладиться. А теперь вот зайдёт — а вот и он.

Ему хотелось вспомнить, как она выглядит, как она пахнет. Ему стало жутко интересно, словно в первый раз. Он помнил: никакой дивной красоты, что хорошо — такие львицы вредноваты, балованы, ну их. Он помнил, что у неё очень самоочья фигура, и самое лучшее впечатление этой детали хранил по многострадальному вечеру у магистрата — запомнил! Хотя, казалось, тогда он пренебрегал на неё смотреть, ибо вбил себе в ещё такую безопытную голову — она вроде колючая, и холодная, не подпускается, а кругом вроде так есть покрасивше (Аршайя! Аршайя!). Вот Симсана худая, тонкая, в ней всё изящество, её-то действительно чуть не взяли в дисциплирий Криммау-Аммау, а это тебе не просто так. А вот Ленайна...

А вот виновница и зашла, с усилием и интересным таким вздохом (теперь вздохи львиц представляли для Арада чуть иной интерес и окрас, чем луну назад).

— Вот мама где, — она его ещё не видит, из-за двери. — Этот урод меня уж... Арад! — в её глазах: радость и испуг одновременно.

«Ваал мой», — подумал Арад. Она рада. Это чувствуется. Первое впечатление, первый ответ, внезапная встреча — оно всё самое верное.

— Ленайна! — возмутилась мама, опасаясь нового конфуза.

— Сильный день, Арад, прости, я не о тебе! — её рука — на его плече, когда она садится рядом, слева.

— Я знаю.

В одной руке у неё была огромная связка ключей, во второй — бумажки, прижатые к дощечке. Сегодня на ней не было того серого, безликого балахона, прямого как столб и унылого, как дождь Поры Вод, в котором даже тогда, вся в лунных днях и смятении, Ленайна ухитрилась выглядеть очень ничего. Сегодня — синее платье с поясом, катеной, с найсагрийскими спиралями, большая накидка на плечах (ещё больше, чем та, что оставила Араду), её кольца в ушах, браслет на руке, золотое кольцо на руке. Одевание закрытое, аж под шею, как все наряды найсагриек, никакой хвостосвободы, и длинный рукав, пояс отлично затянут, и всё это было как-то так правильно, так подходяще, и так по-родному, что Арад сразу начал её мысленно раздевать. Что вот самое главное — у неё такая правиль-

ная, такая подходящая львице фигура. «У неё обязан, должен, предписан быть совершенно потрясающий зад», — прикрыл ладонью рот Арад, пока она садилась. Он очень её захотел, как львицу, прямо сейчас; надо её добиться, чтобы хотя бы увидеть, прав он или не прав (прав, конечно). Вплоть до того, что почти готов было сделать какую-то настоящую глупость: сказать её матери, что он хочет её дочь; сказать Ленайне, что он хочет её зад; прямо тут наброситься на Ленайну; от безысходной жажды разбить стол и убить уroda, о котором говорила Ленайна, да неважно какого.

Как оказалось, Игра — очень злая штука. Казалось бы, наигрался вволю, и должен успокоиться — так думал раньше Арад, так ему намекали, так утверждалось. Нет. Какое бессовестное враньё. Всё наоборот, понял Арад. Он понял невероятное коварство львиц. Они прямо подсаживают на себя, как на вещество, и ты что только уже делать не будешь, чтобы этого добиться; приманка у охотниц. Дают тебе вкусить, с юного возраста; показывают, что у них есть *это*; ставят в твоей молодой голове указатель, куда приходить, который и до этого там был очень даже немал, но теперь он весь в светящейся оранжево-красной краске, на все глаза, уши, нос и всё остальное. Нет, от Игры ты становишься не спокойнее, увы, это всего лишь на полчаса, ложная надежда, вечная иллюзия. Ты уже обречён бегать за их хвостами, уже точно зная, где тот самый замок, что способен разомкнуться и освободить.

Но Арад зол, хитёр и уже вполне опытен. И всё это коварство надо использовать, чтобы быстро, чётко и уверенно открыть замок Ленайны. И, как говорится, чтобы сделать быстро, надо не спешить.

— Да я знаю, о чём Ленайна говорит, о каких уродах, — уверенно сказал Арад, показал налево, на неё, большим пальцем. — Ей проходу не дают.

— Не обращай внимания, не обращай внимания, всякие крутятся, — хаману Мирна наливала ему игристого сока (Ваал, это тоже недешёвая штука), и вдруг отдала бутылку Ленайне, и та без промедления продолжила мамину работу.

— Я даже знаю, кто.

Обе львицы ошеломлённо посмотрели на него, уши — вверх.

— Левчуга-счетовод. Или притворяющийся счетоводом, чтоб за своего сойти. Наверное, этот, сын Марсан-Ашнари.

— Ваал великий, откуда ты знаешь? Ты видел? — ухватилась за щёку Ленайна, а уши матери встали на самое востро.

Арад пожал плечами, внутреннее совершенно поразившись, как он это угадал. Шанс ведь ничтожен.

— Но это больше не проблема, — захотел он стукнуться с Ленайной кружкой, и та торопливо себе налила, и так случилось. — Не видел.

— Он ко мне бегаёт сверять счета, это не то, что ты, наверное, подумал. И уже меня достал, у меня всё верно, у него верно, а он всё равно бегаёт, — возмущалась, жаловалась и оправдывалась Ленайна.

— Сверять счета... — улыбнулся Арад. — Ну ты понимаешь, какие счета его интересуют. Но не беспокойся, я ему помогу сверить, — посмотрел он на Ленайну, а потом — вдаль, многозначительно потормошив гриву.

— Вы побеседуйте, я сейчас, — классический приём матери. Старая мудрость: иногда не нужно ничего делать, чтобы дело пошло. И тем более — где-то присутствовать.

Ленайна подождала, пока закроется дверь, а она закрылась вплотную и хорошо, и сразу:

— Привет, — с выдохом молвила ему.

— Привет, — Арад подался к ней, и они лизнулись: быстро, обоюдно, даже без начальных неловкостей, мгновенно поняв телесный язык друг друга.

Коротенький поцелуй, очень. Не жадничай.

— Послушай, он реально...

— Да ну его. Шшшш. Что, как дела?

— Эм... — пожалала Ленайна плечами. — Ты почему не приходил?

— Был занят. Решал вопросы.

— И как? — посмотрела Ленайна вниз, пригладила себе одежды. — Все вопросы решил? — так мило нажала на «все».

— Да, — медленно сказал Арад. — Не без некоторых осложнений и сюрпризов. Но решил.

— Най, — одобрила Ленайна, и по-хозяйски заглянула ему в кружку.

Арад кивнул, и они встретились взглядами. Посмешились, произвольно, так бывает, если кто тебе привлекателен, это все знают.

— И что теперь? — вздохнула она, безусловно, ожидая от него свидания, совместного времени, внимания; в общем — направления.

О, у Арада всё это было, только он не планировал кружить вокруг добычи и страдать от долгих прелюдий. Нахватавшись бесконечной уверенности в себе, он хотел делать всё дерзко и только так. Тем более, подвернулся отличный повод.

— Теперь так, — растянул лапы Арад, покачивая сок. — Приезжает из Марны тот важный хвост, которому ты передала письмо. Будет у нас на ужине, и твой род — приглашается. Послепослезавтра.

— Ой, Арад, он важный.

— Да, да. Далее: наконец-то познакомимся родами по-настоящему, твой отец узнает моего отца. Раз уж такие дела.

— Ой, Арад... — заволновалась Ленайна.

— А мы с тобой будем сидеть и стараться быть хорошими. Мне, думаю, надо будет понравиться твоей маме...

— Ты ей нравишься.

— ...твоему папе...

Промолчала.

— ...и нотаблю.

Ленайна поёрзала, и добавила:

— А я — твоему папе.

— Всё будет хорошо, — пригладил Арад её ладонь, дальше качая сок. — Потом так: под конец ты подвернёшь лапу, очень больно, и останешься на ночь из-за этого несчастья. У нас есть на втором этаже, с восточной стороны, отличная гостевая. Сам бы там спал, жаль, львам второй этаж не по гриве.

Ленайна нахмурилась, отчаянно пытаясь понять сказанное. Потом посмеялась, мол, ну и шуточки на грани глупства. Арад невозмутимо покачивал сок, попивая, и вдруг она возмутилась:

— О, Арад, какая пошлятина, — прикрыла она рот ладонью. — Дешёвый трюк, старьё, как мир, и глупый, как... оно будет так не к месту, Ваал! Нет.

— Я маме скажу, — сказал он, словно не слышал возражений, — она подготовится.

— О Ваал, Арад, — опускались её уши. — Даже не вздумай это говорить, тем более своей матери. Это позор, нам обоим.

— Не служанке же мне говорить.

— Арад, нет, я не буду.

Вместо ответа Арад взял и снова стукнулся с нею кружкой, она в недоумении взяла свою, ответила, и поставила обратно.

— Мы... ты даже на свидание, даже прогуляться меня не взял! — обвинила его Ленайна.

— У нас ещё... — Арад притворился, что считает, взяв её ладонь и загибая её же пальцы. — Два дня.

Она стукнула его ладошкой по руке.

— А раньше я не мог. Решал проблемы, как ты знаешь.

— Что-то долго решал, — съязвила она. — Верно, не одну решал. Или по несколько раз решал.

Да, ей палец в рот не клади, и вообще ничего не клади.

— Нет, Арад. Так не пойдёт. Не так сразу. Ты прямо... очень спешишь. И это будет неприлично, перед твоими родителями, перед моими.

Будь он тем Арадом, что ходил по этой земле луну-две назад, то он бы наговорил в ответ кто знает чего. Выяснял. Убеждал. Лыстил. Угрожал. Обижался (Ваал, только не это...). Просил (о, фу, конец...). Но уж нет.

— Ладно, забудь. Просто идея пришла в голову.

Она вроде как победно кивнула; но прошло несколько мгновений:

— Арад, ты обязан понять, — повернулась она к нему, — это не та...

Не договорила, прекратила объяснять ему (что не так быстро, и потом, что если всё пойдёт хорошо, то всё ему будет, ну дай всё соблюсти, он ей интересен, но не надо так напирать, я же честная найсагрийка, прояви уважение, дай хоть перед подружками с тобой пройтись, давай друг друга узнаем, в конце концов), потому что в доме зашумело, и в дверь с грохотом и овацией ввалился Ленайнин папа, и за ним — мелькнула Ленайнина мама.

— Ой, папа. Привет, пап, — очень просто поздоровалась с ним Ленайна.

— Миран, — что-то от него хотела жена, не отступая, как хвост, — Миран. Миран.

— Привет, Ленюни, — сел он возле неё, справа, и погладил по голове.

Теперь он был в вычурной тоге, и напоминал сбежавшего из тюрьмы патриция без вкуса.

— К нам пожаловал юнсир Арад, — показала мать Ленайны на него, как на достопримечательность.

— Хорошего дня, сир Миран, — поднялся Арад, помыслив: пусть прибавится здоровья матери Ленайны, что так удобно напомнила его имя.

Тот молча пожал руку, и так же молча придвинул к себе — с шумом — стул жены, вместе, собственно, с самой женой, что только успела сесть.

— Дай поесть, — это жене. — Что делаешь? — это Араду.

— Добиваюсь дочери сира, — ответил Арад.

Он заметил, как Лени подобралась, напряглась, притихла. Она вдруг сама взяла его ладонь себе, покоившуюся на стуле, вроде как из нежных соображений; да ещё сделала так, что вроде как не она его держит, а наоборот.

— И как? — отец Ленайны что-то сосредоточенно искал на столе.

— Всё идёт отлично.

— Ммм... Да я не то. Что их там добиваться, — скривился Миран, не найдя на столе ничего по вкусу. — Хватаешь за сладкое, и всё. Что умеешь? — посмотрел на него.

«Наверное, именно так глядят бандиты, или там убийцы», — подумалось Араду. — «Только какие-то разбогатевшие».

— Бросать копье. Хорошо в Кругу стою. Могу арбалеты, луки делать, стреломёты. Могу свинарник построить. Юстицию понимаю, из истории что-то помню. У меня хороший почерк. Могу рисовать, только не природу, а там дом. Танцевать могу.

— Ты что, любишь танцевать? — кисло удивился Миран, и посмотрел на жену, что вернулась уже с кастрюлей.

— Да не то что бы. Это самки любят. Иногда надо, чтобы сделать им приятно.

— Запомни, если всё им делать приятно, то это всё будет катиться в жопу, — сир Миран очень зрелищно и реалистично показал, как всё будет катиться.

— Папа! — и Арад ощутил, как Ленайна впиалась коготками ему в ладонь.

— Ну что «папа», что ты папкаешь. Ты поела?

— Да.

— Ну так иди, посчитай наверху. Ты уже всё посчитала?

— Всё посчитала, папа. Я хочу тут посидеть. Ко мне пришли, — показала Ленайна на Арада.

— Да не убью я его, — раскинул руками Миран. — На крайний случай, нового найдём, похожего.

— Отец! — как могла, пыталась Ленайна.

— Миран, перестань так шутить! — добавила и жена, но он ущипнул её под хвост, она ойкнула и разлила суп ему по рукам, наливая в огромную миску. Его это очень позабавило.

— Я один такой, сир Миран. Не выйдет найти, — заметил Арад, допив игристый сок. Сладкий, вредный, но такой вкусный, проклятье, можно его обпить и умереть.

— Думал, ты скажешь — не выйдет убить, — махнул на него рукой Миран. — Какие у тебя ещё недостатки?

— Их у меня нет, сир Миран.

— Зря. Потому что у неё, — показал на Ленайну ложкой отец, сильно пригибаясь к миске, по манере простых голов, — они есть. Ты задумайся.

— Папа! — а вот теперь Арад ощутил в её голосе страх и беспокойство.

— Она слишком хитрая. Вывернется десять раз, как рыба — а своего добьётся. Рыбка. Нет, они все хитрые, потому что у них ещё, кроме сладости и хитрости. Но эта... Уууу. Львице душой надо быть, а эта почему-то слишком соображает, — истинно задумался о таком несоответствии сир Миран. — Подумаешь, что выкусил — и всё равно в дураках будешь, — махнул ложкой и продолжил кушать.

— Звучит отлично, — пожал плечами Арад. И в самом деле.

— Потом...

Хаману Мирна махала Араду: не слушай его, пусть мелет.

— Папа! Перестань. Най, что такое! Я всё ему сама скажу, если надо! — подалась к папе Ленайна, и закрыла ему рот. — Всё!

И всё так взволнованно, торопливо.

— Ну ладно-ладно. Навостряк, хочешь с оружием дело иметь? — просторечно выразился сир Миран, говоря навострить уши, то бишь внимать. — Продавать, покупать?

— Не думал, — признался Арад; коготки Лени в ладони начали чесаться, так она там уже разошлась.

— Послушай, он будущий судья, какое ему оружие? — показала на него хаману Мирна, очень возмущившись. — Глупости говоришь.

Сир Миран сгрёб её в охапку и поцеловал в щёку, она дралась, вырывалась, и состояла из сплошного нучтотыделаешь и ойкакнеудобно.

— Ничего не понимает, ничего эти ушеньки не понимают, — показал на неё Миран, мучая жену за ухо. — Но как же без неё?

— Без них никак, сир Миран, — кивнул Арад, и сделал нечто похожее, только в гораздо более аккуратном, ласковом варианте: обнял Ленайну за плечи и дотронулся к её уху. Та не дралась, не сопротивлялась, посмотрела на него, и начала себе накидку на шее гладить, сверху-вниз, сверху вниз, за драпировку.

Тот согласно кивнул и вернулся к пожиранию еды.

— Так что с оружием? — вдруг оживился.

— Пока иные планы, сир Миран.

— Лад. Но ты подумай, — кивнул, махая ложкой. — Подумай. Вместо бумажек — железо. Веселее будет.

Лени глубоко вздохнула, и в который раз налила Араду сока, и он не смог отказаться. Посидели, помолчали, хаману Мирна попыталась нарушить тишину, но муж не дал:

— Тебе как, сказали родовой союз заделать? Попробовать, да? А ты, понял, пробуешь, да? — качался сир Миран со стороны в сторону, и смотрел на него очень так специфично; у Арада не осталось сомнений в его преступном прошлом, или настоящем.

— Сказали, — согласился Арад. — Но Ленайна мне нравится.

— Почему? — немедленно спросил отец Ленайны. — Да ну тебя, не надо тут комедию, я актёров ненавижу. Влюбился, мол, вся эта херня. Да ты не это, — бросил он ложку с брызгами, Ленайна вытерла за ним, и что-то пожестикულიровала папе, — я вот по расчёту женился, и жена моя — тоже, да все кругом. И Ленюня выйдет по расчёту замуж, и ты тоже женишься так же, по-иному не выйдет.

Подумал.

— И вообще, я бы — на твоём месте — на всё это забил. Пусть твой папа там женит сына помладше, как он там хочет, как ему удобно, а ты, ты же хвостотяг, я по твоим глазами вижу, тебе гулять и гулять. Я слышал, ты Ашай за хвост таскаешь, это правильно. Ашай мудаков не любят, у них нюх

на мудаков ого-го, они мудакам не дают никогда, вот то... Дай ещё суп. Уже нет, что ли?

Хаману Мирна прикрыла пол-мордочки ладонью. Они переглянулись с дочерью.

— Ты уже всё съел, — вздохнула Мирна, с бесконечным бессилием глядя на Арада.

— Дела... — удивился Миран, но вмиг, и очень так цепко: — Так почему Лени нравится, чего ты к ней пристал?

Арад потёр нос, посмотрел вверх, на квадратик неба, подумал, причём думал долго, и начал:

— Был такой учёный, Хайгеран, он известен своими языковыми опытами, ну, пытался понять, что такое язык, не суть... Под конец жизни он выдал трактат, назывался он эм... эээ... а, вот, назывался «Опыты логические, языковые и философские», где пытался создать новую... новую терминологию для описания нашего, скажем так, присутствия в мире. Замечу на полях, что попытка оказалась скорее провальной, чем удачной, но он повлиял, эм, да... повлиял. Частью его терминологии стало понятие «Снаряда», то есть любого объекта, неважно, живого или неживого... который нам пригоден для какой-то цели, неважно сколь маленькой или самой важной, жизненной цели. Когда мы воспринимаем мир, то каждый объект в нём проходит сквозь мысленный процесс, скажем так, Снаряживания — то бишь определения, годен ли объект в Снаряды, и если да, то сколь он хорош для определённой цели. Мы смотрим на вещи не как на вещи, а имеем конечный результат в уме. Важно, что хорошие Снаряды мы, как правило, не замечаем. Пример Снаряда — торговка на рынке: мы подходим к ней же не просто так, и нам она не интересна, как живое сознание, а мы имеем в уме цель — купить у неё ткани, или там мяса на ножах. Мы её заметим, только если она не будет годна, как Снаряд, будет сломанным Снарядом — например, ударит нас по морде вместо того, чтобы продать, или там растворится в воздухе. Но самые важные снаряды, и это важно — самые важные снаряды, они сами по себе не поддаются полному Снаряживанию, они проявляют свои имманентные качества, невозможные для игнорирования, но не будем об этом... Подведём итог: и я вижу в Ленайне именно это — она превосходный Снаряд для всех тех целей и задач, для которых происходит помолвка, заключается брак, сплетается родовой союз и живётся совместная жизнь. Ей осталось понять, хорош ли я, как Снаряд для её целей, но уверен, что это произойдёт быстро, потому что я отличный снаряд, да я просто лев-Снаряд.

Он, наконец-то, посмотрел на свою аудиторию, и остался доволен эффектом. Ленайна, откинувшись, часто моргала, нахмурившись, и неплохо проявилась асимметрия её рта, которую она, видимо, контролировала все-

гда, кроме вот таких вот экстраординарных моментов. Хаману Мирна, поставив локоть под подбородок, отчаянно пыталась сделать то ли задумчивый, то ли понимающий вид, даже кивнула.

— Арад, ты такой умный, я ничего не поняла, — широко улыбнулась Ленайна, и он только теперь заметил, что — вроде как — у неё нету части зубов с левой стороны, где шрам, либо же они сломаны, что-то там было необычное; а вообще, не совсем понятно, понравилось ли ей, то ли она пытается сгладить неуклюжесть ситуации.

— Что за блошню ты несёшь? — сир Миран не оценил. А потом как зарычал: — Да ты с нас издеваешься!

Он резко встал, хаману Мирна ойкнула, и замахнулся на Арада неведомо откуда взявшейся железной палицей. Немного опоздав за развитием событий, но на Арада бросилась Ленайна, ему на грудь:

— Отец, не вздумай, что творишь?! Перестань! Он в гости пришёл! Отец... — её голос дрожал, она сейчас заплачет.

Арад вообще не испугался, и даже не сделал попытки пошевелиться. Даже бойцовой реакции не было, а Ленайне на груди он закрыл рот ладонью.

— Что ты делаешь, Лени? — сказал Арад ей, причём так, словно кругом никого не было. — А если бы удар? Ты не должна меня закрывать от удара, тем более страшного, понимаешь? Ты должна прятаться за меня, не я за тебя. Сзади. Не спереди. Сзади. Договорились? Договорились, — стучал он ей пальцем по носику, а она слушала, с открытыми мокрыми глазами и накрепко закрытым ладонью ртом. А потом прижал к себе и прямо так поцеловал; удивительно, но даже в столь чрезвычайной ситуации она не оставила всё безответным — её язык быстро, скромно, незаметно прошёлся по его носу, оставив запах. И потом пришло впечатление, что она потеряла сознание (нет, конечно) от избытка всяких приключений — ибо так и осталась безвольно у него на руках, закрыв глаза.

Хаману Мирна, тем временем, выхватила у мужа оружие:

— Я тебя сейчас... как... стукну! Миран, сколько можно пить!

Тем временем Арад поднялся ровно на лапы (Ленайна оказалась живее всех живых, и теперь уцепилась в него где-то сбоку). Кто же бьёт сидячего.

— Прошу, сир Миран. Могу вон туда выйти, — показал Арад в маленький садик.

Отец Ленайны смотрел на него, вообще не обращая внимания на жену, которая одновременно и била его по груди, и шипела на него.

— Хорошо, — кивнул он, наконец. — Нормально.

Арад уж думал, что это приглашение выйти, но вместо этого Миран уделил внимание Мирне, легко забрал у неё палицу. Он её обнял за талию,

причём довольно нежно, несмотря на её сопротивление; Арад не ожидал, что он такое нежное вообще способен делать. — Идём, дела есть.

— Что, сейчас? — изумилась хаману Мирна, перестав его бить по груди (Арад, внимательный, отметил — по морде ни одного удара). — Нет, некогда!

— Уже, — тащил он её к двери.

— Да они... Я... Ненавижу. Идём, не рви меня уже, идём! Ленайна...

— Да, мам, — понятливо отозвалась дочь.

— Мать-Ахлия, мать-Ахлия... — причитала мать Ленайны за дверью, утаскиваемая Мираном. — Скандал, позор, ненавижу, ты всё испортил...

Арад обнаружил, что стоит, а где-то сбоку, слева, есть Ленайна; она бессмысленно переставляла предметы на столе.

«Ну и хорошо», — подумал он. — «И морда цела, и с Лени побуду».

— Тут у вас не соскучишься, — сел он обратно, и схватил её сзади за твёрдую талию, а твёрдую, потому что пояс, и усадил себе на колени. Арад ожидал некоего сопротивления, но она буквально разлеглась на нём всем телом, доверительно, расслабленно, а одну лапу поставила прямо на папин стул; уложила голову на его плечо.

— Арад, ты прости. Это так нелепо, — сказала Ленайна, глядя вверх. — Он перед тобой показывает не пойми что. Вот такой у меня папа, без крыши.

Он задумчиво потёрся щекой о её ухо.

— Я его люблю, ты не подумай. Он хороший, ты поймёшь. Не знаю...

— Весёлый он, — Арада, скорее, всё забавляло.

— Думала, он тебя ударит. Как когда-то... — и по тону голоса Арад понял, что Ленайна может заплакать. — Хочу вырваться.

— Что, он уже кого так на тофет отправил? Бедный львина, — пошутил он, и снова потёрся о её ухо. — Да всё хорошо, Лени. И вырвемся мы, и всё остальное сделаем.

Она глубоко вздохнула и притихла.

— Предвижу: на ужине с этим нотаблем будет интересно.

— Я боюсь этого вечера. Папа может нормально вестись в приличном обществе, я знаю! Знаю! Он с тобой ведётся, как со своими этими придурками с оружейки или с заёмщиками, со всеми этими... даже не хочу о них.

— А куда они ушли? — поинтересовался Арад.

Равнодушный, неопределённый жест Ленайны, куда-то вверх. Её слова после глубокого вдоха (снова): «Сейчас поймёшь». Затем Арад ощутил её движение, разворот, её порыв, и он ощутил его двусмысленность; нет, неверно; он ощутил его совершенную недвусмысленность, великолепное подтверждение чувств: она вдруг когтями, махом, уцепилась ему где-то сзади, то ли в одежду, то ли в сам загривок, и очень требовательно ткнулась

ему носом куда-то в шею; Арад, естественно, не стал медлить, подтянул её всю повыше, и она даже мурлыкнула, вот это в ней было хорошо, умение мурчать, какое-то точное чувство, и посмотрел на неё на мгновение, предвкушая её сладость, а она — на него (хороша, хороша, найсаграя, всепрощающие глаза, полуулыбка), и вот уже первое мокро и горячо (Араду вообще очень полюбились поцелуи, стыдно признаться в таком льву, не правда ли), как тут махом, словно выбитая, снова открылась многострадальная антиворовая дверь, и оттуда явилась — кто бы мог подумать — сестра Ленайны, Мейсала. И ещё: кто бы мог подумать, что такой пинок может выдать столь юное создание.

Её первой увидел Арад, так как сидел напротив двери, а Ленайна — соответственно — не могла увидеть.

— Пффф, Ленька, — засмеялась та, и уселась на свободном месте.

Ленайна выдохнула и уткнулась Араду носом в шею. Он ощущал, как её пальцы продолжали нежно гладить ему загривок, тянуть за короткую ещё гриву; ну, без отчаяний — грива таки растёт каждый день, и тем более, когда её вот так гладят самки.

— У Леньки полизушки, на родовой дворушке, замуж очень хочет, а он хвостню лопочет.

— У маасси талант к стихам, — искренне заметил Арад. — Но бесталанность к деликатности.

— Сам дурак, — Мейсала уже упорно грызла твёрдый, тягучий сыр, найденный на столе.

— Но почему? — снова искренне удивился Арад.

— Ленюньку только дурак может хотеть, она скучная, как её бумажки с циферками. Ленька, он тебя налжёт, потом под хвост залезет, а потом бац — и всё.

— Мейсала, уйди ты уже, — обернулась Ленайна, чуть отпрянув от Арада.

— Нет-нет, — вдруг Арад спихнул Ленайну с коленей, и почти что усадил на руках в кресло слева, оставив её в большом таком недоумении и даже — чуялось — обиде (ну ещё бы). А сам придвинулся к Мейсале: — Слушай, Мейсали, а сколько тебе? Пятнадцать?

— Ну почти, — ухмыльнулась та, кусая сыр.

Он откинулся.

— А вы с ней родные сёстры? — небрежно показал на Ленайну.

— Ну вроде, — пожалала она плечами, и сыр грызть-таки перестала. — А что?

— Дай руку, — и протянул ей руку.

— Что ты хочешь? Эй, Ленька, что ему надо?

Ответа со стороны Ленайны не последовало, но он и не был нужен. Мейсала смотрела то на сестру, то на него, и становилась всё более заинтересованной и серьёзенькой.

Самки любопытны. Самки любопытны. Самки любопытны. Даже такие маленькие. Она возьмёт руку, хотя бы из любопытства. Арад поражался. Арад изумлялся. Сам себе, своим поступкам. Он знал, как они думают. Он всё знал. Да не могло это с ним произойти само. Откуда? Ну откуда он стал всё знать?

Осторожно и словно в шутку дав ему руку, Мейсала встала, ведомая им и подошла к нему:

— Ну?

Вместо ответа — стальной капкан ладони ей на мордочку, а вторая рука схватила ухо, натренированная на младших братьях. Теперь вот так: тянешь вниз за ухо, и она следует за ним, вот так, да, это на ней намного легче, чем на мелких самцах.

Естественно, Мейсала стала пицать, но это получалось негромко, сдавленно из-за капкана на мордашке. Хвост удачно выглянул из-под юбки, и на него Арад тоже не преминул наступить.

— Арад? — забеспокоилась Ленайна, привстав и выглядывая за стол, куда опустилась Мейсала.

— Хе-хе, — очень мерзко засмеялся Арад, он так умел, — а кого-то натянули. Как просто.

— Ей больно, перестань, — обходила стол Ленайна.

— Теперь у неё есть новый дружок Арад, хе-хе, — крутил он ей ухо. — С которым можно отлично пошутить, хе-хе-хе. Со львами всегда весело. Уй, уй, что, что, не понимаю, говоришь «прости»?

— Арад, пусти её! — толкнула Ленайна Арада, всерьёз.

Он отпустил сначала мордашу, потом хвост, потом ухо.

— Забери его, Ленайна! Урод! — бросилась младшая сестра к Ленайне, плача. — Уууу! — ревела на её груди.

— Ну всё, всё, — гладила её Ленайна.

— Тебя папа убьёт! Он из тебя фарш сделает! — вся с мокрым носом, обернулась к нему Мейсала.

— Что, как реветь, так к сестре? — сел Арад обратно, сцепив пальцы. — Уже не «Ленька»? Уже «Ленайна»?

— Пошёл ты! Ты уже сдох!

— Ей же больно! Она ещё маленькая, — гладила младшую сестру Ленайна, со взглядом «Да как ты мог?».

— Маленькая? Посмотри на неё! Вы должны научить её скромности, иначе...

— Скажи ему убираться, Ленайна! Брось, брось его! — удивительно, но Мейсала начала бить сестру ладонью по плечам, груди, даже по шее попала, кажется. — Он просто урод! Скажи! Я скажу папе! Я всё скажу! Пусть уйдёт! — показала на него пальцем, не глядя. — Ненавижу! Ленайна? Ленайна! Прямо сейчас его выгони! Я его ненавижу! Что ты молчишь? Уууу, — и побежала в дом.

Из дома вдруг раздался рык льва.

— Кажется, из меня таки будет фарш, — развёл руками Арад, и определил на всякий случай, где палица, и как ему сбежать через садик. Ленайна же разбито села в кресло, не обратив внимания. Она смотрела глубоко вниз, играя двумя внешними шнурами катены.

— Не будет, — её негромкий голос прозвучал очень неожиданно, Арад не ждал от неё слов. — Это они в спальне.

— А, — всё понял он.

— Арад, зачем ты это сделал? Я была о тебе не такого... мнения.

— Думаю, твоё мнение стало только лучше, — вытянул он лапы. — Надо уметь ставить на место сестёр, особенно младших, особенно вредных. Кому-то, знаешь ли, надо сделать грязную работу. Защитить, воспитать — это всегда грязно.

Она хмыкнула и продолжила гладить свои шнуры.

— Добро пожаловать в дом Инсай, — с нервным, сорванным смехом сказала Лени, — и это ещё не всё. Это ты видел лишь пол... поло... — вдруг она развернулась к креслу и начала плакать, и Арад понял, тем самым чутьём на самок, что столь странным образом пронзило его существо, что это мгновение слабости — не игра.

Подняв её из жалкого состояния одиночества, от плача на спинке стула в ненадёжном укрытии собственных рук, он вернул её, куда и надлежало — укрыл у себя на груди, там не страшно, там можно реветь сколько угодно, вволю. Обняла его, немного повисла на нём, искала получше приют у него на груди.

«Какой, однако», — подумал Арад, глядя её, — «интересный день. Прямо на целый год драмы хватит».

— Прости, — молвил он.

— Прости, — ответила она.

— Нет, ты.

— Ты.

— Нет, ты.

Что же, последнее слово — за львом, так и быть.

Из окна, над дверью, выглянула Мейсала:

— Если ты его не бросишь — ты мне не сестра! — и захлопнула окно.

Лени посмотрела туда, вверх, и дальше укрылась в нём.

— Арад?

— Да?

— Я подумаю.

— Над чем?

— Най, ни над чем, — бессильно и нежно хлопнула его по плечу.

Даже такие сообразительные, как Арад, порой не могут вот просто взять и всё понять.

**

Они, львицы, тем более — Ашаи-Китрах — конечно же, опоздали.

Во-первых, сообщение пришло короткое, внезапное и ультимативное: *«Сад моего родового места. Утро, 9-й час 14-й Д. 1-й Луны Вод, 807 Э. И. Не распространяться. Не опаздывать. Вещей и бумаг, относящихся к делу, не забывать. Н.-С.»*. То бишь завтра. Оно нашло их дома, поздно вечером, когда, во-вторых, они терпеливо ждали учащения схваток у беспокойной, испуганной первородки, возрастом в девятнадцать; она была тяжёлой, изматывающей, требовала внимания, бывают трудные львицы, которым нужно давать, давать, давать внимание, они выматывают, мастерица жизни рождает вместе с ними; из-за этого Миресли выгнала до утра двух её родственниц, мать и сестру, ибо те только галдели. Получив сообщение, принесённое сыном служащего Имперской почты, Миресли вздохнула и посмотрела на Симсану, что всё делала, как положено: помогала стоять и топтаться на месте львице (и роженице легче, и роды подстёгиваешь), и укладывала на кровать, давая ей кучи подушек с разных сторон (Симсана знала, с каких, и роженицы быстро понимали, что та сечёт дело), а большую такую дала меж лап.

Миресли сказала ученице:

— А ну войди, проверь, как там.

Немножко ещё помучились: Миресли уболтала первородку лечь на спину, та не хотела и капризничала — больно, неприятно. Симсана же, имея идеальное сложение для мастерицы жизни — тонкую кость, худое всё, длинные пальцы — вошла в неё без известных трудностей и протестов, ведь всё-таки большинство львиц очень не любят, когда в них входят пальцами.

— Где-то наполовину, — хмурясь и глядя на свечку, вынесла вердикт Симсана.

Ваалу-Миресли вздохнула, решила нарушить своё правило — не торопить здоровых первородок — и сказала Симсане:

— Давай, подгоним воды.

Та немного удивлённо посмотрела на наставницу и кивнула.

— Как, снова? — пожаловалась львица. Опять там пальцы. Мать-Ахлия, да за что ты заставила дочерей так мучиться, рожая.

— Потерпи, родишь быстрее, — строго сказала Миресли. И только пошла набрать ещё чистых тканей и снять уже давно перекипевшие кастрюли с печи, как тут услышалось:

— Что-то случилось, ой, что-то идёт, — беспокоилась роженица.

— В порядке, Майса, в порядке наши дела, пошла вода, — успокаивала её Симсана, неповторимым голосом, вселявшим спокойствие и бесстрашие. — Легко идём, легко. Как сказку читаем, в облаках летаем.

Симсана умела говорить с роженицами совершенно исключительно, когда надо. Самое удивительное, что Миресли не учила её этому. Вот всему учила, а вот этому голосу — нет, потому что даже не знала, что так можно; пожалуй, это как-то связано с её талантом к усыплению. Так они и разделились со временем: Миресли была строгой, плохой, пресекала споры и отнекивания; Симсана была хорошей, понимающей, всепрощающей.

Конечно же, всю ладонь Симсана обмакнула в водах, как смогла. Понюхала, посмотрела, дала наставнице сделать то же самое, подставив ей ладонь.

— Хорошие, — вынесла она решение.

— Хорошие, — подтвердила наставница, сказала ей на ухо: — Её надо до утра разрешить.

— Всё хорошо идёт, должна — тихо ответила Симсана, глядя, кабы роженица не подслушала, но у той было своё дело. — А что так?

— Завтра с утра к Нергиму идти, Арад его уговорил.

— Вот молодец. Ваал мой, так быстро... Ваал, снова не посплю.

— Не выбирать, — пригладила её по спине наставница. — Как родит, спать пойдёшь сразу.

С утра всё пошло тяжело: одной львицы, на которую можно было оставить роженицу, Симсана дома не застала, пошли по вторую, та заболела, пошла по повитуху Нинью, склочную и недолголюбивающую Ваалу-Миресли с Ваалу-Симсаной, и та захотела предоплаты, а у Симсаны денег не оказалось. В итоге оставили на родственниц, хотя этого Миресли тоже не очень любила делать — тем всегда лезет в голову что-то дурное. С одеждой тоже не сразу сладилось: Симсана разоделась, как в Дом Сестёр или там поход в Палату Дел Ашаи-Китрах и Охранения Веры или там на формальный поход в магистрат — в общем, надела всё лучшее, что имела, а это всё был единственный, но настоящий пласис, точнее, подпласис, или полупласис, как его зовут, ибо сталлам, как все знают, пласис не положен.

Кстати, в нём её Арад не видел! Вот упущение.

— Да ты что! Ты должна выглядеть несчастной, замученной жизнью львёнкой! Он же терпеть Ашаи не может! — запричитала Ваалу-Миресли.

— Давай, в мастерину, и никаких украшений, никакой тентуши. Амулет мне, сирну мне.

— Это будет просто — замученная жизнью львёна. Даже не успела уши к подушке приложить.

— Ваал, мы же опаздываем, — рылась в сундуке Ваалу-Миресли. — Великие Сунги...

В десятом часу, около того, они всё-таки пришли к дому рода Каризиан-Руст, не смея войти вовнутрь и не зная, как правильно попасть в сад; служанка Седеси немногословно провела их, обходя дом, словно большую опасность, и Симсана даже смешливо фыркнула оттого, как этот дом боится даже случайной лапы Ашаи. В саду под вишней оказался стол, довольно большой, прямоугольный, им было предложено сесть на кресла и подождать; стол был накрыт тканью, под ней что-то находилось, на ткани покоилось несколько увядших листиков, которые Ваалу-Миресли подобрала и начала ими вертеть, Ваалу-Симсана тем временем вытащила пилку и начала придиричиво пилить когти — мастерицам жизни твёрдо положено иметь короткие, идеально гладкие когти. Наконец, из листиков наставница собрала натюрморт, а ученица подправила все когти, но Нергима-Синая всё не было.

— Может, он не придёт? — первой за всё это время нарушила молчанку Симсана.

— Придёт, — ответила наставница, дёрнулся угол рта. — Мы опоздали — вот и он опаздывает. Воспитывает.

— Может, энграмму на вызов ему почитать? — вроде даже серьёзно предложила Симсана.

— Он анваалист, ещё разозлится, — засмеялась Миресли. — Да мы обе в энграммах никакие.

Но всё-таки он показался и без всяких энграммных фокусов. Нергим-Синай шёл триумфально, гордо и неспешно, как настоящий судья; держал в руке писчие принадлежности, в другой — то ли книгу, то ли что. Сел, сдёрнул ткань со стола (тут оказались ещё книги, ещё писчие принадлежности, всякие бумажки, три гирьки и бюст нынешнего Императора Акаша Второго). Посмотрел на обоих Ашаи, вздохнул, развёл руками, улыбнулся:

— Полагаю, хорошего дня, добрые Сунги.

— Сильного дня, сир Нергим. Спасибо за то, что мы здесь, — Миресли говорила очень кротко и плавно, Симсана аж пошевелила ушами; она такого тона, считай, вроде никогда от наставницы не слыхала.

— Сир Нергим... — отозвалась Симсана. — Сир Нергим, мне честь познакомиться с отцом Арада.

Он глубоко кивнул, но ничего на это не ответил.

— Полагаю, вы понимаете, почему я не принимаю дома, — небрежно показал он назад. — Доктрина. Стол в саду, стало быть, это компромисс между невозможностью принять вас дома, и вашей просьбой не принимать в служебном месте, в служебное время.

— Это очень эстетский компромисс, — сказала Миресли, и Симсана поглядела на неё.

— Хорошо, — он крутил графисом, и рассматривал обоих, поочерёдно. — Но я всё равно удивлён вашему визиту. И я всё равно остаюсь Имперским судьёй. Всегда. И везде. Даже когда сплю.

— Нам и нужны качества Имперского судьи для нашего дела, — это Миресли.

Все её жесты были невероятно самоuchi, почтительны, покорны.

— Хорошо... — выдохнул с рыком Нергим. — Воспринимайте это, как выездное заседание, — улыбнулся он. — Полагаю, вводная часть закончена. Итак, диспозиция: сын попросил встретиться с вами. Уверен, вам стоило некоторых усилий, чтобы убедить его, и отмечу — вы достигли успеха. На этом, я полагаю, его роль можно считать законченной, во всех смыслах. Я думаю, мы все это хорошо понимаем, — постучал он перстнем о стол. — Итак, я здесь, я готов выслушать.

Миресли поглядела на ученицу, но Нергим вдруг добавил:

— Обещаю быть непредвзятым, справедливым, даже понимающим, — фундаментально, словно вбивая столбы, произнёс он.

— Ценим, сир Нергим.

Симсана набрала воздуха, как тут Нергим снова:

— Доктрина, и вы это знаете, предписывает мне быть нейтральным. Но также предписывает уважительное отношение к вере Ваала, которой следуют... аааа... девяносто шесть из ста Сунгов, а остальные пользуются той или иной формой вольности. И — конечно же — уважительное отношение к жрицам этой веры.

— Мы понимаем, сир Нергим, — кивнула Миресли. — Мы благодарны. Мы покорны Доктрине.

— Хорошо... Да, вот что, важное: как вы предпочитаете, чтобы я обращался к вам? — и указал сперва на Миресли.

— Ваалу-Миресли.

Симсана проиграла битву со сонливостью и сладко, длинно зевнула, тщетно пытаясь это укрыть.

— А предобращение?

— Любое. Можно и без него.

Показал на Симсану, графисом, что облизывалась после своего сонного преступления.

— Ваалу-Симсана, — ответила она, волнуясь.

— Предобращение?

— Не надо.

Всё это Нергим зачем-то записал, или не это. Непонятно. Что-то он, в общем, записал.

— Хорошо... Предварительно известно, что дело по Родовому Закону, и что оно неким образом касается Ваалу-Симсаны. Прошу, — пригласил он к речи Миресли, но та снова поглядела на Симсану, и та неуверенно начала:

— Три года назад мы с наставницей шли из дисциплинария Криммау-Аммау, и по дороге я потеряла родометрику. С тех пор у меня нету родометрики, и чтобы пройти Совершеннолетие, — пригласила Симсана уши (столь родной Араду жест), — мне нужна новая, — и замолчала, посмотрев долу.

— Так, — выждал Нергим. Он был явно удивлён. — Это всё?

— Да, — ответила Ваалу-Миресли.

— Хорошо, — обескураженно сказал Нергим, записав что-то в своём пресловутом, известном всей семье, очень тайном блокноте. — Предполагаю, создавшаяся канва нашего полилога предполагает мой детальный распрос, потому что деталей, обстоятельств и фактов явно недостаточно.

— Любые вопросы — мы ответим. Но дело так-то простое, — сказала Миресли.

— Хорошо... — снова что-то записал Нергим. — Каковы были обстоятельства утраты метрики?

— Мы шли через речку, по мосту. Там тонул львёнок, — показала Симсана вниз-вниз, словно толкала кого-то под воду, — ну вроде тонул, я побежала его вытаскивать. С меня слетел туб, в нём находилась метрика, а я не заметила. Туб уплыл по течению... Найти не смогли.

— Понятно. Родометрика случайно утратилась. Почему вы ждали три года? Сколько сейчас Ваалу-Симсане лет?

— Пятнадцать, — ответила за неё Миресли. — Да скоро шестнадцать. Мы постоянно были заняты, очень много дел. Кроме того, есть одна особенность, что не позволяла нам ничего сделать, — сцепила она пальцы на груди, и Симсана видела, как она выискивает его взгляд. — Поэтому мы и не пошли в Обитель Правосудия, а пришли посоветоваться к сиру. Мы не смогли найти трёх свидетелей её родового происхождения.

— А скольких смогли?

— Не смогли, — показала Миресли жестом. Кружок. Ноль.

— Родственники? Кто-нибудь? — подался вперёд Нергим, глядя на Симсану.

— Симсана — полная сирота, — говорила Миресли. — И в живых нету никого из её рода, и я не смогла найти никого из родственников, кроме вроде как одной нишани в Сунгкомнаасе. Но та, кажется, умерла. Родилась

она в тобрианском посёлке Далегоры, где её родители оказались проездом. Возможно, там есть какая-то запись о её рождении, но очень вряд ли, и это далёкая дорога...

— Мне жаль. Что с родителями?

— Убиты разбойниками, — резко и драматично сказала Миресли.

— Жаль. Родовая книга, родометрики родителей?

— Нет.

Нергим записывал всё, долго.

— Хорошо... Мне нужны подробности о гибели родителей: когда, где, почему. И ещё: кто воспитывал Симсану?

— Они так необходимы? — попросилась Миресли, поглядев на Симсану. Та сидела, опустив уши, подперев ладонью скулу. Глядела на траву. Трогала себе платье.

— К сожалению, да, если вы хотите продвинуть это дело.

— Её родители, они... они... погибли, когда ехали по дороге в Тобриане. Бандиты! И там... и там... ой, не могу... — закрылась Миресли рукой, облокотившись о кресло. — Взять Симсану оказалось некому, она попала в приют, а оттуда её забрала... ой, не могу...

Симсана смотрела на наставницу, а потом резко подалась ближе, сложила руки на столе и посмотрела отцу Арада в глаза:

— Сир Нергим, история такова: мои родители, мама — Саяна, папа — Амон. Моя мама — найсаграя, папа — тобрианец. Они были торговцами, переезжали с места на место...

Миресли смотрела на неё из-под пальцев, потом на Нергима, потом на неё, потом снова на Нергима, затем чихнула.

— Ехали в караване, с ними была я, ещё маленькая, — продолжала Симсана. — Мне был год. Их ночью встретили бандиты, и убили всех. Я выжила. Затем меня подобрала Легата, или стражи, не знаю точно. Они забрали меня и мою родометрику. Внизу, моя родометрика, она была такая... тёмное пятно на ней. Это — кровь матери, метрику забрали с её тела. Потом меня отдали в...

— Ваал мой, Симсана, я не могу этого слушать! — пустилась в рыдания Ваалу-Миресли, слёзы покатались ручьями. — Дитя моё! Ваал, дай мне сил!

— Мне жаль. Ваалу-Миресли, сейчас принесут пить, — и Нергим высоко поднял руку, не обернувшись. — Ваалу-Симсана пусть найдёт в себе силы продолжить. Возможно, позволишь обращаться на «ты»?

— Да, сир Нергим... — Симсана держалась и не плакала, смотрела только на отца Арада. — Меня отдали в Альмсанский приют. Там меня нашла наставница Миресли, и она отдала меня одной добрейшей хаману, кормилице Ланри. Затем, когда мне исполнилось семь, наставница забрала

меня, потому что ощутила ко мне *хламай*, и провела со мной Вступление на путь. Это значит, что она увидела, что я могу стать Ашаи-Ки...

— Не беспокойся, я понимаю значение слова «хламай» и словосочетания «Вступление на путь», — мягко сказал Нергим. — Давай сосредоточимся на твоём родопроисхождении. За все эти годы ни один родственник не нашёлся?

— Нет, — ответила Симсана.

— Хм... Вы бывали в тобрианском посёлке, где ты родилась?

— Я была, — ответила Миресли. — До того, как метрика потерялась.

— Зачем? — мгновенно спросил Нергим.

— Хотела найти родственников, — сказала очевидность Миресли, утирая слёзы, утирая мокрый нос, очень жалобное зрелище, — но выяснилось, что родители были там проездом. Её мать родила — и поехали, считай, сразу дальше. Какая жестокая жизнь... — дрожал её голос. — Видит ли сир Нергим, львице нельзя путешествовать сразу после разрешения, и вообще нельзя, очень вредно, очень, мучения...

— Грустно, Ваалу-Миресли. Принеси воды, Седеси, — это пришла служанка. — И разбавь мне ещё хустрианского вина. Итак: значит твои родители ехали караваном в Тобриане, верно?

— Да, — ответила Симсана.

— Они были торговцы?

— Наверное, — повела ушами Симсана.

— Почему ты ехала с ними?

— Не знаю. Переезжали, наверное.

— Переезжали, скорее всего, у них там было всякое добро, нехитрое. Мне так рассказывали, — вставила Миресли, вся разрёванная.

— Хорошо. Если они переезжали, то должны были везти и Родовую Книгу, и все свои бумаги. В том числе — свои родометрики. Их нет? — смотрел он то на одну, то на вторую.

— Нет, не оказалось. Только её метрика. Не взяли, наверное, — ответила за Симсану наставница.

— Если караван действительно обнаружила Легата или — тем более — стражи, то они должны были обнаружить бумаги, разбирая ценности.

— Забыли, это ж рубаки, что им до бумаг, — махнула Миресли.

— Нет, — покачал головой Нергим, — есть циркуляры, и для Легаты, и для всех стражей: бумаги сохранять, отдавать командирам. Странно, что Альмсанский приют — кстати, известный приют, под опекой Приближённых сестёр — не попытался достать эти бумаги, — похлопал себя по загривку. Непростое дело. Непростое.

Ваалу-Миресли глубоко вздохнула, и развела руками:

— Нашли её родометрику. На том и успокоились.

— Хорошо. Ваалу-Симсана, ам... когда тебе исполнилось семь, то вы ещё и переехали сюда?

— Где-то так, семь-восемь, — снова ответила за неё наставница.

— До вас там жила другая Ашаи-Китрах...

— Да, Ваалу-Яная, по возрасту она прошла Возвышение, решила уехать к дочери на старость, и недавно сгорела на тофете, Ваал укажет ей Нахейм, — последнее в унисон сказали наставница и ученица, их уши поникли.

Уши у Нергима не поникли.

— Вы получили дом через Палату? — поинтересовался, деловито.

Миресли торопливо ответила:

— Нет, через сестринство. Меня навернули на служение в Галлене мастерицей жизни, сказали, тут есть нужда.

— Почему есть нужда? — снова, так же деловито, поинтересовался Нергим.

— В мастерицах жизни всюду есть нужда, даже в Марне, Кафне. Наверное, только возле Сидны и Сармане их в достатке.

— Повитух мало? — кажется, Нергиму было смешно, но он приглушал эмоцию.

— Повитухи есть, — сощурилась Ваалу-Миресли, — мастериц мало.

— Резать детей некому? — ещё веселее спросил Нергим.

Установилась тишина.

— Мы их не режем, — наконец, ответила Ваалу-Миресли.

— А что делаете? Как это происходит? Душите?

— Мне невольно об этом говорить, — отрезала наставница Ашаи-Китрах.

— Ваалу-Симсана, может, ты скажешь?

— До Совершеннолетия и моих собственных родов мне запрещено об этом знать, — отрезала ученица Ашаи-Китрах.

— Но ты ведь знаешь, — блаженно протянул Нергим, улыбаясь, — не вижу удивления. Как там Герод писал: «Приветственницы жизни, оглашательницы смерти. Кровь на их руках, кровь на их голове, кровь на их рту, мастерицы дочерей Сунгов, служанки Ваала, повитухи Ахлии». Хорошо, вернёмся к рассматриваемому делу. Итак.

Нергим-Синай поорудовал на столе и вынул из-под груды книг сложенную карту Империи, очень недурную качеством, а то всякие бывают.

— Хорошо, — развернул он карту во весь стол. — Вот Альмсан. Значит, в нём Альмсанский приют. Значит, возле него, ну льенов так двадцать-тридцать — всё и случилось. Разумное предположение.

— Я этого не знаю, сир Нергим. Симсана могла ходить из рук в руки, и так мне поведали в Приюте. Её туда принесла какая-то хаману, имени уже не помню.

— Принесла вместе с метрикой и историей о караване? — откинулся Нергим, снова взяв графис в руки.

— Да, но историю потом подтвердили ещё и стражи, как-то так. В общем, она не сама пришла, с нею ещё были служивые. Но львица в приюте, что принимала Симсану, не умела отличить стражей от воинов Легаты.

— Тогда разумность предположения, что всё случилось возле Альмсана, вполне имеет место быть. Дали дитя первой попавшейся львице, ну не львам же её нести, пришли и сдали в ближайший приют. Случись всё в Андарию — попала бы в семью, та львица забрала бы себе. Но Тобриан — не Андария. Караван! Слушайте, там проходит известный торговый путь, вот он. Вот Альмсан, на границе с Яамри. Вот... А возле него, и прямо по Альмсану, идёт Мстваашский тракт. И Альмсан как раз на развилке: одна дорога дальше идёт через Хустру в Андарию, вторая ведёт в Марну. Там и бандиты, и всё, что хочешь.

Симсана невольно приблизилась к карте. Ей стало любопытно: что, где и как с нею случилось. Отец Арада умен. Надо послушать.

Нергим вертел графис. Думал, что-то тыкал по карте, водил по ней пальцем, сам себе болтал под нос не разбери что. Чесал гриву, дёргал на ней стяжки, чесал ухо, чесал щёку, тихо угукал. Кусал губу, нижнюю, верхнюю.

Записал.

— Значит, никаких родственников так и не нашлось? Что с той нишани в Сунгкомнаасе?

Ваалу-Миресли ответила не сразу. Симсана смотрела на неё: почему это наставница молчит? Та сидела. Облизалась. Поглядела в сторону. У неё блуждал взгляд, она думала. Наконец:

— Да это оказался ложный след. Я уже думала... Но не хотела расстраивать Симсану, сказала ей: «Кажется, мы твою праматерь нашли». А потом поняла, что всё — не то. Дура я. Я очень большая дура, Нергим. Я ужасная дура.

— Хорошо, — согласился со всем Нергим. — С родометрики, наверное, никогда не снимался текст, не делалась копия. Хотя стойте, — Нергим вдруг поднял обе ладони, — её должны были переписать в Криммау-Аммау, куда Симсана пыталась поступить, и не поступила.

— Не поступить, а войти. В дисциплирий входят. Сир Нергим, вот, я сняла копию в своё время, даже две, — Миресли вытянула две большие бумаги, — я всё переписала и всё сохранила, как там, всё дотошно, вот, вот, вот.

— Оооо, — обрадовался отец Арада, — это хорошо, дайте-ка сюда. Кстати, Ваалу-Симсана, ты почему не пост... не вошла в Криммау-Аммау?

— Я не знаю, можно ли об этом говорить, сир Арад. Ой, сир Нергим, прошу прощения, — Симсана закрыла рот ладошкой, а потом — так невпопад — прыснула от смеха.

— Можно, — разрешила наставница.

— Можно, — подтвердил Нергим-Синай.

— Можно, — ещё раз добавила наставница, — потому что там не говорят, почему не приняли. Она не знает.

— Забавно, — с усмешкой покачал головой Нергим. — Итак, родометрика.

Родовое свидетельство Сунги

Симсана, из рода Вирд, дочь Амона и Саяны, рождённая утром 20 дня 2-й Луны Вод 791 года Э. И., в посёлке Маарсаль, земли города Ааграу провинции Тобриан, принимавшая — львица веды Бахди, из посёлка Далегоры:

рождённая здоровой и без известных трудностей, нареченная именем по согласию родителей;

признанная отцом своего рода, признанная матерью своей крови;

происхождения ясного и бесспорного;

без врождённых увечий и уродств.

Родословная по известию родителей, по Родословной Книге, подтверждённая двумя свидетелями: отец Амон, принятый Сунг, Тобриан, чина не имеющий, по делу — торговец, возрастом в 25 лет, домом не владеющий, мать Саяна, истинная Сунга, Найсагри, чина не имеющая, по делу — торговка, возрастом в 20 лет, праотец по отцу — не оглашён, праотец по матери — не оглашён, нишани по отцу — не оглашена, нишани по матери — Хельза, из рода Норой, найсагрийка. Вывод по родословной:

Истинная Сунга Прайда Найсагри

Определённое денежное достоинство рода — нижнее.

Родометрика издана 27 дня 1-й Луны Вод 791 года Э. И. Родометрика соответствует Родовому Закону Империи Сунгов и Уложению о Метриках Прайда Тобриан. Запись в Родословной Книге рода Вирд совершена.

*Именем Императора Тисса-Аррдана Первого,
для будущего потомков,
во Славу Сунгов*

*ярл посёлка Маарсаль,
Худ-Рренай, из рода Маар*

— Угум. Вот какую мне предполагается выдать тебе метрику, Ваалу-Симсана. Угум. Значит, Родокнига была, но пропала. Родилась ты в Далего-рах, по всему, а метрику дали в Маарсале. Бывает, бывает, — кивнул Нергим. — Так что, Ваалу-Миресли была в Маарсале?

— Была. И в Далего-ры ездила.

— И что?

— В Далего-рах эта повитуха умерла, а в Маарсале, — наставница пожалала плечами, — я не знаю. Как я рассказывала: тогда ещё метрика не пропала, когда я туда приехала, я родственников искала.

— Ну надо было ещё раз поехать, — пожал плечами Нергим.

— Очень трудно, сир Нергим, — прижала уши Миресли. — Это далёкая дорога.

— Понимаю. Понятно. Но есть детали... нюансы... надо бы их выяснить, надо бы во всём разобраться, по справедливости...

— Симсан, — дотронулась к ученице наставница, глядя на Нергима, — оставь нас на мгновение.

Ученица поднялась, совершила отцу Арада книксен, и пошла себе гулять по саду, на почтительное расстояние. Ваалу-Миресли терпеливо ждала, пока та отойдёт подальше.

— Давай на «ты»? — предложила мастерица жизни.

— Давай, — легко согласился Нергим.

— Скажи, чего хочешь.

Нергим думал, глядя на неё и постукивая графисом о стол.

— Вижу, тебе не составило труда подложить её под моего сына. А ей не составило труда лежать.

— Нергим, они подростки: просто познакомились и просто играли.

— Брось меня за дурака держать! — зло и радостно сказал Нергим. — Даже не думай. И не испытывай свои эти штуки. Не смотри так. Я этого не куплю, — и поглядел в сад, дабы её взгляд не сыграл шуток.

— Так что ты хочешь?

— Всех бы вас, сеструшек, взять и разоблачить, в один день. Мечтаю об этом дне. Ничего, он ещё настанет.

— Непременно настанет, Нергим, — полностью согласилась Ваалу-Миресли. — Я могу тебе устроить дисциплину из Криммау, которая знает своё дело. Не пожалеешь, ещё никто не жаловался. Разоблачишь, как надо.

Нергим посмеялся, но хорошее ухо могло уловить натянутость смеха.

— Шлюха не даст любви. У меня с женой всё отлично.

— Она будет лучше, чем шлюха, она тебя полюбит на день. Поверь. И с женой станет всё ещё лучше.

Он чуть подумал. Покосился на неё, потом снова в сад поглядел, небо, куда-то туда, не на неё, кабы чего не вышло.

— Как же ты это устроишь?

— У меня там связи. Всё красиво, и никаких проблем не будет, ни с кем, даже с женой, даже если узнает.

— Откуда у тебя там связи? — скептически спросил он.

— Я была дисциплиной в Криммау, сама служила сестринству куртизанкой, так мне определили.

— Вот так история! — очень оживился Нергим. — А теперь ты мастерица жизни. Сначала шлюха, потом — повитуха. Радикальная карьера. Это так у вас делается?

— Нет, — спокойно ответила Миресли, — в двадцать я уехала из Криммау-Аммау в Сидну, и стала учиться там делу жизни.

— Это как, что за чушь. Ты что, в двух дисциплинах училась?

— Да.

— Я думал, это у Симсаны проблемы с прошлым, а у тебя, вижу, тоже. Этого ведь не может быть, невозможно! — уверенно сказал Нергим. — Ты думаешь что, я ничего об Ашаи не знаю?

— Я — редкое исключение. Так получилось.

— Ложь, не может быть, — впал он в раздражение. Показал на неё пальцем: — Не обманешь.

— Нет, не лгу. Вот, смотри, это стамп и сирна, они криммайские. Вот амулет, он сидновский. Если умеешь, можешь провести Церемонию Признания, — бросила она ему всё на стол.

— Ладно, ладно, не бросай тут свои цацки. Ну, и когда ты мне всё предоставишь?

Миресли так и сделала — всё забрала.

— Пару лун точно займёт. Полгода.

— Это смешно. Полгода ждать на шлюху.

— Ну давай с деньгами договоримся.

— Да мне хватает, — соврал Нергим.

— Давай с деньгами, и меня задушишь. Хочешь меня отыметь, как суку? Знаешь, яровыеб. Ты же меня ненавидишь, самое то, тебе понравится. Что может быть лучше, чем изнасиловать дочь врага.

— Какая из тебя дочь, скорее, праматушка. Ты старая, — неуверенно сказал он.

— Да будет тебе, разденешь — посмотришь.

Нергим подумал. Рассмеялся.

— Я же говорю — шлюхи шлюхами.

— Ладно, — не обиделась Миресли. — Тебе ведь ещё две мастерицы жизни здесь, в Галлене, будут вечно должны. Этого ты не оценишь, но львицы твоего рода найдут это полезным.

— Слушай, не проще ли поехать туда, в Маарсаль, и найти там запись в реестре метрик?

— Это далеко, я ведь не могу, Нергим. Ну я тебя прошу. Ну я тебя очень прошу. Сделай это, буду тебе вечно должна.

— Та всё ты можешь. Не хочешь просто. Проще, как говорится, хвост поднять, чем дело сделать. Самки! — засмеялся он.

— Ну будет тебе, Нергим. Ну ты нас ненавидишь, я понимаю, ну дело у тебя такое, и умён ты слишком. Давай уже определимся со всем, ну же.

Симсана трогала ветку дерева, не удержала, и та хлестнула её по мордашке.

— Она — хорошее дитя. Правда. Ну помоги ей, Нергим, очень прошу. Это же подружка твоего сына, — просилась Миресли.

— Слушай... — задумался Нергим, и впервые внимательно поглядел на Миресли, а потом — на Симсану. — Ты — это такое. А вот она... А что насчёт неё?

— Что насчёт неё? — взмахнула рукой Миресли, не понимая.

— Насчёт неё. Ты её научила под львов ложиться, видать.

Взгляд Миресли стал холоден; Нергим очутился среди снегов и севера.

— К чему ты ведёшь? — страшно спросила она.

— Да к тому, что она... развратная! — впал в яростную панику Нергим, но говорил он тихо. — Вот как ты её воспитала! — потом встал, стукнул стулом о землю, сел обратно. — Никакая она ему не подружка. Она никогда не должна к нему подходить! Как и ты. Никогда.

— Хорошо. Нет проблем, — обычным голосом молвила Миресли. — К твоим сыновьям ни я, ни она не подойдут, сами не заговорят, ничего не будет, совершенно ничего. Стенка. Нет проблем.

— Хоть что-то толковое из всего этого разговора, — хмыкнул Нергим, утирая нос. Нервно вздохнул.

Успокоился.

— Хорошо. Давай ещё детали кой-какие довыясняем. А там посмотрим, как договоримся. Но мне нужно поговорить с ней, наедине.

— Что ты ей хочешь сказать? — снова лёд в голосе Миресли.

— Буду расспрашивать о прошлом, — постучал Нергим по столу.

— Зачем? Да всё уже рассказали.

— Послушай, мне надо будет заполнять бумаги, я же вам новую метрику буду делать. Мне надо будет придумать вам трёх свидетелей, да. Или даже всё сделать без них, но на это нужны очень веские причины, море писанины. Я должен с ней поговорить, это безусловно.

— А если просто посижу рядом, и не буду вмешиваться? Буду молчать. Мммм? Она ведь всё равно мне потом расскажет.

— Договорились.

Нергим помахал Симсане:

— Ваалу-Симсана! Можно твоё внимание?

Та оставила в покое ветку вишни и уселась снова; что-то она себе надумала, ибо слегка улыбалась, и вообще внешне пребывала в хорошем духе.

— Хочешь есть, пить? — мягко спросил её Нергим. Миресли чуть сощурилась, погладила себе запястье.

— Я попила воды, сир Нергим. Спасибо.

— Может, есть что такое, что не рассказала? Постеснялась рассказать?

— Мне нечего добавить. Не думаю, что моя жизнь у кормилицы, а потом у наставницы, представляет тут интерес.

Нергим кивал, да-да, да-да.

— Ты что-то помнишь? Маму, отца? Приют?

— Мне кажется, что немножко помню приют. Я помню, что было страшно, одиноко, и всё серое.

— Да? Что именно серое?

— Всё.

— Почему тебя забрала наставница из приюта? — с большим интересом спросил Нергим. — У неё ведь были свои дети, верно?

Симсана пожала плечами и посмотрела на Миресли, а та — на неё.

— Наверное, потому что она добрая.

— Она ведь тогда не могла знать, что из тебя выйдет Ашай. Ваалу-Миресли?

— Нет. Нет, не могла, — ответила та, продолжая смотреть на ученицу.

— Я её увидела и забрала, — развела руками Миресли, а потом будто сдалась, отвернулась и схватилась ладонями за глаза, словно в большом горе, пытаясь сдержать всё в себе.

Симсана глубоко, судорожно вздохнула, придвинула стул к ней и обняла.

— Там, где львицы, там и эмоции, — посмеялся Нергим, и начал просматривать свои записи, очень внимательно, что-то подчёркивая, что-то добавляя. — И никого из родни ты никогда не видела? — очень внезапно спросил, в процессе.

Симсана отрицательно покачала головой.

— Пусть наставница... ну... дай ей... ну... придвинься ко мне, ближе. Вот так. Ещё. Вот тут, прямо возле меня поставь стул... Ты можешь закатать рукава и показать руки? Чем выше, тем лучше, — просил Нергим.

Сидя перед ним, Симсана закатала рукав левой руки аж до плеча, Нергим очень осторожно подержал её ладонь, повертел. Оставил в покое.

— Зачем? — спросила она, опустив рукав.

— Смотрел твой окрас, шерсть, — с улыбкой сказал он.

— Думаю, серость от папы взяла.

— Да-да, хорошо. Вот наши обстоятельства не позволяют рассмотреть, но ты худенькая? — тихо спросил Нергим.

— Да, — почти шёпотом ответила Симсана.

— Лапы длинные? — улыбался Нергим.

— Да, — чуть помедлила Симсана.

— Полоски есть у основания хвоста, такие, знаешь, чёрненькие, поперёк?

— Нет, — удивилась Симсана.

— Пятна? — улыбался Нергим.

— В детстве. Теперь нет, — подумала Симсана.

— Полоска чёрная по спине идёт?

— Да, есть.

— Холодно тебе бывает, под толстым одеялом спишь? — обычным голосом спросил он, роясь среди книг на столе. — Где он, где этот...

— Да, — даже смешливо ответила Симсана, посмотрев на наставницу, у которой уж кончилась слабость чувств, и она утиралась обычной белой тканью, что везде и всегда таскают с собою мастерицы жизни. — Вон в мастерине, в этом платье, вот сейчас — наставнице жарко, а мне — хорошо. Мерзлюка я, сир Нергим. А почему сир спрашивает такие вопросы?

— Да так, — закивал он головой, как игрушечный. — Спросил, просто спросил, — подмигнул ей. — Вернись к наставнице, ей будет скучно без тебя.

Симсана взяла своё кресло и с некоторым усилием вернула его обратно, возле наставницы.

— Что ты можешь рассказать о ваших отношениях с Арадом? — спросил Нергим, записывая, очень служивым тоном.

— Они есть, — немного сжалась Симсана, насторожившись. Ответила не сразу.

— Ты знаешь, что такое Доктрина Просвещённой Вольности? — не смотрел на неё, писал.

— В общем, да, — посмотрела на наставницу.

Та смотрела на Нергима, без эмоций, отрешённо.

— Ты знала, что тебе не одобряется из-за этого вступать в отношения с моим сыном? Тебе наставница говорила это?

Было тихо, спокойно, тишина, в Галлене не шумели, и даже птицы пели негромко.

— Да, — пригладила Симсана уши, посмотрев вниз.

— Более того, он будет судьёй. Значит, тоже возьмёт Доктрину. И ты всё это знала. Как всегда, самки думают только о себе: о том, как получить метрику, деньги, внимание, или там новое платье. Солипсизм... Солипсизм, моя дорогая. А у вас, Ашай-Китрах, он в квадрате. Даже в кубе.

Симсана пожалала плечами. Солипсизм. Какой ещё солипсизм. Какие квадраты.

— Он лев, он решил, что хочет, — вдруг сказала она.

— Что? — очень удивился Нергим.

— Он лев. Он так решил. Захотел со мной быть — и был.

— Значит, во всём виноват он?

— Он ни в чём не виноват, — решительно молвила она.

— Конечно, моя дорогая. Что может быть проще, чем заманить юнца его возраста, взмахнув хвостом.

— А я его люблю, — ещё решительнее, даже злее сказала она.

Но Нергим не оценил. Он рассмеялся.

— Ой, ладно... Дела. Времена и нравы! Подождите, я вернусь.

И ушёл, в хорошем настроении, к дому.

— Что он делает? — сощурилась Симсана, глядя ему вослед.

— Набивает цену, — Ваалу-Миресли делала то же самое.

Милосердные облака, наконец, прикрыли капризное, назойливое тепло солнца Поры Вод.

— Наставница, нам надо отсюда уходить, — сказала Симсана, очень значительно, обречённо. — Он мне не нравится.

— Не надо, — решительно ответила Миресли, уверенная, как знамя победы. — Дожмём. Дай ему поиздеваться, он всю жизнь этого хотел.

Симсана презрительно выдохнула, фыркнула, обнажив зубы.

— И он не отец Араду.

— Когда это ты эмпатию успела развить? — веселовато удивилась Миресли; вся оживившись в мордашке и приподняв брови, глядела на стол; столь значительный факт, столь ужасное обвинение, кажется, вообще не подействовали на неё, а интересным оказался лишь вырвавшийся, как рассветный луч, дар духа ученицы.

— Я вот теперь поняла, — равнодушно отмахнулась Симсана, приглушив, выбросив тему, даже не интересуясь.

— Не вздумай Араду это сказать, — подсуетилась Миресли, аккуратно и осторожно роясь у Нергима на столе, пытаясь что-то там выискать. — Или

ему. Поняла? Это запрещено, поняла? Никогда, ты обязана с этим умереть. Это запрещено Кодексом и аамсуной.

— Да, наставница. Умереть, — безжалостно удушила себя жестом Симсана.

— Славно. Будь хорошей. Потерпи.

Помолчали. Симсана почему-то засмеялась. А за ней — Миресли.

— А что, наставница, я верно поняла?

— Так, а ну хватит проказничать! — Миресли шлёпнула себя по колену, и хозяйски поправила позитуру Симсаны, запретив той сутулиться. — Если ты не любишь сира Нергима, это не значит, что надо ему отцовство тут отменять. Тихо, — наострились ей уши, — вот он вышел. Ничего ты не поняла! А если поняла, то забыла. Но ты не поняла. Так, всё, всё. Сейчас... Если мы его не уговорим, то и ладно, что поделывать, — её голос всё тишал, и тишал. — Будем искать иные пути. Устроил тут комедию, скучно ему жить.

Сир Нергим не вернулся с пустыми руками. Он снова принёс книги (ещё четыре, словно было мало), а ещё очень странную штуковину, в которой Симсана отдалённо узнала циркуль, только очень большой, и с какими-то очень кривыми, дугообразными ножками. Такой же — вспомнила — видала в Криммау-Аммау, таким её измеряла одна сестрина, и она помнила, что почему-то было щекотно.

— Ну, — суетился он, раскладывая книжки по столу, — ещё чуть, и мы определимся с нашим делом. Ещё чуть. Рассмотрим всё справедливо... честно... и закончим... — усаживался он. — Ваалу-Симсана, можно тебя снова попросить, подойди, пожалуйста.

Она так и сделала, и встала перед ним, ровно, как полагается; он тоже встал, и очень аккуратно измерил ей ширину переносицы.

— Сир Нергим, зачем её мерять-то?

— Ваалу-Миресли, — даже извиняясь, ответил отец Арада, пытаясь совладать с выскальзывающим инструментом, — так в дело же надо будет записать хоть что-то. Свидетелей-то нет.

— Да не чистая она найсагрийка, само собой понятно.

— Само собой... — теперь в ход пошла ширина носа, высота, подбородок. — Так, так, дай мы это... запишем... аксиально. Ага.

— Меня такой штукой в Криммау щекотали, — пошутила Симсана.

— Что говорили?

— Да ничего, — пожала она плечами, посмотрев вверх. Потом на наставницу.

Теперь пришла очередь ширины меж ушей, потом меж висков, ещё, и ещё. Всё измерял и всё записывал Нергим-Синай, потом сел что-то считать, жестом пригласив Симсану сесть.

— Двадцать три разделить на восемнадцать. Эхехе, — почесал он голову.

— Да один и одна треть где-то, сир Нергим.

— Где-то так, — согласился он. — Но точнее бы... Ладно, — очень радостно посмотрел он на обоих. — Симсана, ещё один вопрос, и мы на сегодня закончим с расспросами, перейдём к решению дела.

— Хорошо, сир Нергим, — согласилась Симсана.

Ваалу-Миресли смотрела на него последние несколько мгновений, и вдруг её исказила то ли гримаса боли, то ли отвращения. Она встала и отошла на пару шажков, держась пальцами за виски. Симсана поглядела, но не удивилась — у наставницы бывали головные боли.

— У тебя хвост, как у ласточки? Кончик надвое?

— Не говори ему! — резко обернулась Ваалу-Миресли, показывая на него.

— Что не говорить? — испугалась Симсана.

— Не говори с ним!

— Можешь мне показать кончик хвоста? — не обращал внимания Нергим.

— А... — совершенно растерялась Симсана.

— Это же неприлично! — вернулась на своё место Миресли, её обвиняющий палец с когтем указывал на Нергима. — О чём ты её просишь? Что это такое?

— Просто кончик хвоста, чисто ради записи, больше ничего, львинометрические данные, — поднял руки отец Арада, но вид у него сиял очень довольный.

— Разговор окончен, мы уходим, — снова встала Миресли, взяв Симсану за руку, как совсем маленькую львёну.

— Ваалу-Миресли, — вкрадчиво, медленно сказал он. — Не надо уходить. Ты это знаешь. Пусть покажет хвост. Иначе смотреть буду уже не я.

— Что происходит?! — потребовала Симсана.

Долгое молчание.

— У сира Нергима, видишь ли, очень странные просьбы — показать хвост. Это, знаешь ли, очень неприличное обращение, — сказала ей Миресли. Но не уходила.

— Так покажешь? — спросил Нергим.

— Нет, — отказалась Симсана.

— А кончик раздваивается? Просто скажи. Не показывай. Чего себя стесняться? Ты что, стесняешься того, что он такой красивой формы?

— Нет.

— Так он раздваивается?

— Да.

И вдруг нагло, резко продемонстрировала ему, достав хвост из-под подола, повернувшись боком.

— И никогда не стеснялась. С таким родилась.

— Тиамат... — обречённо молвила Миресли.

— Спасибо, Ваалу-Симсана. Вот и выяснили.

Нергим начал быстро искать что-то в какой-то толстой книжке. Симсана посмотрела на наставницу — та выглядела воистину растерянной, наверное, впервые в жизни.

— Вот, — начал поворачивать Нергим книгу, но Миресли не дала — быстро прихлопнула её к столу.

— Ну я тебя прошу, не делай этого. Я тебя прошу. Зачем ты это делаешь? Зачем?

— Потому что Родовой Закон. И Радуга Крови.

— Я тебя умоляю. Не делай этого, — просилась Миресли.

— Чего? Что там такое? — пыталась высмотреть Симсана, что там в книжке.

— Я тебя очень прошу. Я тебе всё отдам, — просилась Миресли.

— Я не беру взяток, — зло, превосходно ответил Нергим. — Да ты и не захотела всё отдавать.

Миресли держала книгу.

— Маэматы, — начал отец Арада, глядя на Симсану. — Ты — маэмата. Ты, Симсана, родилась не от Сунгов, а от дхааров Нижнего Мствааша — маэматов. Ты — не Сунга. Ты — дхаари.

Подождал. Пусть подумает.

— Не может быть, — отозвалась Симсана. — У меня ведь есть игнимара. Игнимару могут жечь только Сунги.

— Аргумент дара духа не пройдёт. Видимо, нет. Знаешь ли, в Кодексе написано: каждая Ашаи-Китрах может и должна жечь игнимару. Но отсюда не следует, что каждая, кто может жечь игнимару — Ашаи-Китрах. И Сунга. Это логика. Ты ехала в караване по пути, по которому полно торговцев-маэматов, они едут из Мствааша. На него напали бандиты, а всё почему? Да потому что они по ночам ездят, ибо в гостдворах не спят — дорого, и дхаарам не всюду позволено. Твоя пропавшая метрика была поддельной, о, не волнуйся, это очень обычное дело, поддельные метрики; у поддельщика оказалась плохая фантазия на имя рода. Вирд. Это же выдумать надо: «судьба». Ты маэмата, Симсана, и по... прошу прощения, — Нергим вытащил книгу из-под безвольной руки Миресли, — по всей львинометрии, снятой с тебя, надлежишь к ним идеально.

Показал ей. На развороте слева — зарисована типичная маэмата. На развороте справа — маэмата-дхаари, танцующая с тамбурином. Это их любимый инструмент. Вот, о раздвоенном кончике — тут. Все маленькие самки

маэмаатов прямо после рождения проходят через это — им разрезают кончик хвоста надвое и не дают срastись. Так красивше, они думают. Они называют это — ласточкин хвост.

— Вот такие у нас с тобой дела, Симсана. Сегодня ты о себе кое-что узнала. Это полезно, на самом деле, о себе что-то узнать, — он вдруг быстро взял копию метрики и спрятал у себя меж бумагами. — Ты не Сунга, ну ничего, ты не Ашаи-Китрах, ну тоже ничего. Посмотри на вещи с иной стороны: можно признать себя такой, какая ты есть, по крови, ты хорошо говоришь по-нашему и знаешь все наши устои. Тебе не составит труда выйти замуж и стать принятой Сунгой. Ну.

Миресли уже стояла ровно сзади Нергима. Симсана смотрела то на него, то на неё; она видела, что Миресли держит руку у правого бока, а вот теперь, через миг — уже заносит её.

«Это не выход, это не выход, это смерть, это нельзя, это бессмысленно, нет, нет, Арад, нет!».

— Нет, нет, не надо, Арад же, нет! — бросилась Симсана на Нергима, глядя на наставницу — та оскалилась; наставница уже замахнулась сирной, чистая ярость, не думая ни о чём, кроме мести.

— Ой, ой, эмоции, всё эти штучки, — благостно смеялся Нергим, отпихиваясь. — Оставим обниматься, дхаарочка, оставим, оставим. Давай, давай, садись обратненько, на хвостик. Давай, слезай с шеи, на меня это не действует, все эти слёзки. Давай-ка лучше подумаем, что со всей этой грязненькой историей делать. Ваалу-Миресли? Где там львица, сзади-то, — обернулся он. — Львица сядет обратно, зачем эти драматические этюды? Прошу садиться. Подумаем.

Симсана вернулась обратно, и села; с сирной в рукаве вернулась и Миресли. Без слов она встала сзади ученицы и поставила ладони на её плечи, незаметно вернув сирну в ножны.

— Сегодня я нарушу закон и поступлю нечисто. Об этом случае мне положено сообщить Палате Дел Ашаи-Китрах и Охранения Веры, ещё и сестринству Галлена сообщить, да и прокурору — тоже. В общем, вся эта рутина, вы поняли. Но вы у меня вызываете истинную жалость. И я этого не сделаю, и забуду о вашей грязной истории, делайте что хотите, — но с одним условием. Никогда. И нигде. Вы больше не подходите. К моим сыновьям. Да, и копия фальшивой метрики останется у меня, на всякий случай, если вы вздумаете нарушить договор. И ещё, бесплатный совет — не пытайтесь подкупить Имперского судью. Или перехитрить.

Симсана тронула наставницу за ладонь.

— Какая жалость. Сделать дхаарку Ашаи-Китрах, — заметил Нергим.

— Она — Сунга. Потому что может жечь игнимару, — спокойно, очень обыденно отозвалась Миресли.

— В вашем выдуманном мире. Да если и может — это не легальный аргумент.

— В Кодексе... — начала Миресли.

— В Кодексе не написано, — перебил Нергим, — что каждая, кто жжёт игнимару — Ашаи-Китрах. Там наоборот: каждая Ашаи-Китрах жжёт игнимару. Это не одно и то же, логика. Увы, Кодекс имеет силу Имперского закона. Пока ещё. Но даже он не на вашей стороне.

— Я никогда не пойду на это, — сказала Симсана.

— На что это ты не пойдёшь? — ухмыльнулся Нергим, словно ждал этой фразы.

— Если Арад подойдёт ко мне, то я обниму его. Я перестану быть Ашаи не тогда, когда вздумал сир, а тогда, когда... скажу ему... не скажу... — она не смогла договорить. Но не плакала. Нет.

— О. Вот как. Тогда представь себе, что с тобою будет. Ещё лучше, представь, что будет с твоей наставницей, если узнают, что она подсунула дхаарку в Ашаи-Китрах. Разоблачение, или даже Изгнание. Дело ваше, вы что так, что так — повитухи. Да и Араду ты не нужна, у него другие есть, у него сейчас, это самое... есть маасси, с которой, может быть, и выйдет родовой союз. Ну, этого тебе не надо. Я вот благородное предложение даю, а ты свинячишь, — резко сказал он. — Подумай не о себе, эгоистка. Подумай о ней, — показал на Миресли. — Так что, ещё хочешь пойти на это?

Симсана не ответила.

— А твоя наставница? Тоже хороша. Ведь нельзя несовершеннолетних Сунгов совращать дхаарками, ну нельзя, ни по Родовому Закону, ни по Радуге Крови, никаких Игр, никаких этих самых... туда-сюда. Теперь мой сын — невольный преступник, спасибо вам обоим.

Хлопнул о стол ребром своего дневника.

— В общем, увижу вас возле сыновей — сразу вспомню вашу историю, где надо и когда надо. Прошу вне службы больше не беспокоить, никогда. Всё, строгий суд Императорской Обители правосудия Галлена на выездном заседании решил быть, хех, милостив и присудил не подходить, не беспокоить, не охмурять, и не это, и не вот это всё... Все свободны, приятного дня. Ибо так хотят Сунги!

**

Терраса дома Каризиан-Руст, задний двор.

Араду и Ленайне дали сюда сбежать, на этот маленький одинокий островок, и уж полчаса их пока никто деликатно не трогал.

— Это Пора Вод, — убеждала Ленайна, зевая и прикрываясь ладонью.
— Сейчас ещё ничего, но к вечеру похолодает. И будет дождь, твоя же

матушка говорила. Сильный, говорила, — приглаживала хинастру, поёживалась, хотя ещё вполне тепло. — Сильный.

Арад улыбнулся про себя — найсаграи всегда «матушкой» называют мать мужа. Он развлекался тем, что сидя напротив неё, трогал её когтями лапы внизу: то за её когти, то за низ подола. Ленайна делала вид, что не замечает.

— Не выпалась?

Араду хотелось посадить её на колени, вообще проделать с ней много интересных штук, но событие и всё семейство рядом, увы, делали это затруднительным.

— Выводила полночи, не сходилось.

— Выводила? Денежные итоги, да?

— Да.

— Но сошлись же, правда?

— Сошлись.

— У тебя иначе и быть не могло. Дашь мне когда-нибудь урок счетоводства?

— Дам, если хочешь. Тебя что, это интересует?

— Деньги всегда интересны, во-первых. Но главное: ты будешь сидеть на мне, и твоя левая рука будет вот так, на счетах, — показывал он, как будет, — а вторая будет держать графис, и ты будешь стараться не отвлекаться, и отчаянно пытаться писать цифры, а вот я...

— Перестань, — Ленайна тихо зашипела на него, оглянулась, опасаясь чужих ушей; и снова зевнула, и никак не забыла прикрыться ладонью, а потом облизалась, и это очень понравилось Араду; его пристальный взгляд её смутил, и она заулыбалась, а потом решила заболтать, заплести сеть разговора, увести, чтобы он вдруг не вздумал прямо тут приставать. — Волнуешься?

— Почему?

— Не знаю. Этот судья, наверное, оценивать тебя будет: годишься ли в университет Марны, замолвить ли за тебя словечко, или нет.

— Я гожусь, как никто в Империи, всё пройдёт идеально.

Она ничего не ответила, лишь задумчиво глядела в сад.

Все ждали того самого, очень важного гостя, без которого никто никогда ничего не может начать. Отец Ленайны, внутри дома, рассказывал какие-то невероятные байки братьям Арада, и они им нравились. Матери и отца не было — они ждали у входа, выглядывали. Буквально. Это важно.

— Если ты годишься, как никто в Империи, то зачем тебе его помощь? — наострились её ушки, интересничала Ленайна.

— Идея помощи — отцовская. Идея матери — письмо, которые доставила ты, за что я тебя ещё не раз поблагодарю, — он ухитрился поймать её

ладонь, она попробовала забрать, но так, неохотно. — И не два. И не три. И не четыре, — он загибал ей пальцы, а она с опаской глядела на террасную дверь, чтобы упредить чей-то несвоевременный приход. — И не пять. А по мне: большой судейский чин просто в гости придет, поросёнка по-галленски попробует. Сунги ведь меритичны, Ваал мой, только мы знаем меритократию, это у варваров не пойми что. Потому я всё равно войду в Марнский университет, потому что я — лучший.

— Предки, — захихикала Ленайна, голос тоньше, чем обычно, — какой ты хвастун. Какая самоуверенность, — посмотрела на него, и снова захихикала, словно стыдно стало ей.

— Я сильный, умный, привлекательный. И всё это открыл я.

— Арад... — закатила она глаза.

— И на самоуверенность нужно решиться.

На ней — то платье, что и в первую их встречу. Вместо серой хинастры, которую подарила Араду, иная — ещё больше, с ещё большей драпировкой; в ней, наверное, можно львёнка приспать, подумал Арад, и вспомнил — так уместно, и так неуместно — о Симсане. Красный огонь. Ваал. Сунги. В её катене он видел красные и чёрно-золотые шнуры; отметил, что непременно надо будет спросить о значении такой катены, но потом, потом, он выберет время.

— Каковы твои намерения насчёт Марны? Каков план? — спросила она, чуть склонив голову.

— Поехать, отучиться, войти в юстицию, потом стать судьёй — после тридцати.

— Кажется, плану не хватает деталей.

— Детали дойдут по ходу дела. Что бы я ни делал, я буду делать это хорошо.

— Хм, — хмыкнула Ленайна, и сложно было сказать, одобряет ли она или держит скептический нейтралитет.

— Смотри. Мне в любом случае туда ехать через, — Арад сощурил глаз, — семь лун, потому что в Марне самый лучший университет в Империи Сунгов, а значит — во всём мире. Если у нас всё сложится за это время, то мы используем возможности твоей праматери, и где-нибудь освоимся. Может, даже сразу сами. Я буду учиться, отращу себе коготь, а Марна будет без ума от такой счетоводицы, как ты. Стать судьёй имеет смысл, я готов. Я дам всему порядок и направление.

— Кажется, ты продумал всё куда дальше, чем я подумала. Получается, в этих планах я даже в Марну с тобой еду.

— Только так, если у нас получится за эти луны. А всё получится — это самая тривиальная часть плана.

Это невозможно было оспорить. Каждое слово Арад высекал на камне, Ленайна не могла ничем это смыть; она так и застыла с поднятой рукой и полуоткрытым ртом.

— Ну чтобы ты не думал, что всё так просто, — сказала Ленайна, поводя плечами, и где-то внизу бился её хвост, — то лапа сегодня у меня совершенно здорова. И сегодня ей ничего не грозит.

— Какая самоуверенность, — не мог не улыбнуться Арад с превосходством самца.

— Даже если невозможное случится, а я так не думаю, — надменненько говорила она, а потом вдруг покатила голосом вниз, — потому что это не то событие, не тот повод, Арад, я не смогу сегодня остаться на ночь, — перешла она на торопливый, объясняющий шёпот, — меня убьёт моя мать, меня убьёт твоя мать, а потом мой отец, а потом твой отец. Первая серьёзная встреча родами, этот чиновник приедет, целое действо, и я такая в конце — делаю комедию с лапой? Я же сгорю от стыда, Арад.

«Даже слова об этом не говорил», — хотел было сказать он, но внутреннее чувство — где ты спало все эти пятнадцать-шестнадцать лет? — не дало.

— Сначала им придётся убить меня, а это посложней.

— Почему тебя? — наострились её ушки в непонимании (наигранном или действительном — уже не разобраться).

— Если я жив и с тобой, ты — неуязвима. Не страшны ни удары, ни стрелы, ни злая молва, ни напасти, ни дурацкие решения, ни бедность, ни богатство, ни собаки, волки, фирраны, ни варвары и дхаары, ни...

Внутренний список был прерван служанкой Седеси:

— Приехал важный лев, хозяин. Приехал! — она торопливо вбежала, а потом так же торопливо выбежала.

Уютную веранду на двоих пришлось бросить (жаль), и зайти в столовую, ну или атриум, как всегда очень настаивал отец (ну какой это атриум, всегда мысленно смеялся Арад); Арад, кстати, застал вчерашний яростный спор отца и матери: как им делать ужин — по-высокому, скосив под патрициев, возлегать, или по-среднему — за стол? Папа держался за первый вариант, потому что нотабль если и не был патрицием, что маловероятно, то являлся им ровней по достоинству рода. Мать убеждала отца, что они будут выглядеть провинциальными простаками, и принимающая сторона всегда должна придерживаться своего достоинства рода, не пытаясь прыгнуть выше — это очень не одобряется по этикету, она знает, она фансиальная львица, не забывай. Мать выиграла, как всегда. Да и она права была, так-то. Как всегда.

Предполагалось, что во главе стола будет сидеть нотабль — самое почётное место для гостя, которое вообще можно придумать. Рядом было

место для его помощника, о нём прослышали, к нему подготовились. Потом Арад, потом Ленайна (!), потом отец и мать Ленайны. С иной стороны — отец Арада, мать Арада, братья Арада.

Но предположения и планы разрушились, когда в атриум с разбитым видом зашла мать, а за ней — растерянный отец, с глупой улыбкой. У матери на руке висело большое, белейшее полотенце с большой, небрежной кровавой полосой наискось — традиция для встречи важного гостя у истинных Сунгов Средней Империи, как её называют, вроде андарианцев, найсагрийцев, ашнарийцев.

Сир Миран хмыкнул со знающей ухмылкой, и во всеобщей настороженности это оказалось заметно, слышно. Получил локтем под бок от жены.

— Не получилось, ему не вышло, должен ехать, — повторял отец Нергим. — Очень занят.

— Он говорил, что придёт в гости, а тут — видят ли добрые Сунги — срочные дела, — в голосе Эвсуги душился гнев, Арад чуял это. — Даже за ворота не зашёл, — медленно села она на своё место, и посмотрела на хаману Мирну, — не зашёл!

— Най, най, — сочувствовала хаману Мирна маме Арада. — Как же так.

Нергим подошёл к Араду, держался за его стул и приговаривал:

— Мы поговорили. Мы поговорили. Он записал тебя, он записал, написал — Арад, род Каризиан-Руст, — это предназначалось Араду, а заодно стул терпел удары по спинке, — считай, ты уже поступил, всё прошло отлично.

Мать Арада быстро сложила полотенце себе на колени и хлопнула по нему:

— Это оскорбление.

— Перестань! — оскалился на глупую жену Нергим. — Занятость!

— Он руки вытер? — поинтересовался сир Миран.

— Нет.

— Давай его сюда, хаману Эвсуга, за него всё сделаем.

Гостю надо вытереть руки о кровавое полотенце. Традиция.

Мать Арада подошла к отцу Ленайны, и он смотрел на неё, и корчил ей какие-то интересные морды:

— Все мы ждём чуда, а оно — уехало, даже не зашло, — вытирал руки.

— Да, — живо согласилась она.

Отец Арада на ухо убеждал сына и себя, что всё прошло отлично. Его записали. Быть в юстиции, и быть судьёй. Ленайна предупредительно отодвинулась; да и вообще — когда сажались, то Арад снова за своё — начал её трогать.

— Итак, чего пропадать месту? — показал сир Миран на почётное место для почётного гостя, в главе стола. — Если никто не возражает, то на

нём водрузюсь я. Сир Нергим? Чего тебе, что ты? — это он сказал жене, что приставала с какими-то резонами и объяснениями.

Арад наблюдал за ней, за хаману Мирной. Ну точно Ленайна. Придвинул её обратно, вместе со стулом, подсмотрев эту манеру у отца Ленайны. Та укоризненно посмотрела на него, привстала, тихо заметила:

— Стул сломаешь.

Первой на объявление нового важного гостя ответила мать Арада, всё ещё стоя возле него с полотенцем:

— Конечно, сир Миран, просим. Если такое дело, то теперь сир — самый почётный гость.

Папа Арада, сидя на своём месте и глядя перед собой:

— Да-да, имеет смысл, да-да.

— Первый и единственный, — довольно уселся сир Миран на новом месте, и жестом велел хаману Мирне перемещаться ближе.

— Почему единственный? — поинтересовался Арад, вежливо показав на хаману Мирну (не пальцем, а ладонью, тылом вверх).

— Ну сына же у меня нет, — посмотрел на него Миран.

— Есть получше, есть дочки, — потрогал Арад Ленайну за предплечье, за рукав, за браслет, наглядно показывая сиру Мирану, кто у него (а теперь и у него — тоже) есть.

Тот отмахнулся.

— Получше ему... Дочери, жёны, матери. Где лев, там и его львицы. Да, Арад? — спросил, и не дождался ответа. — И что? Будем поросёнка-то... приговаривать? Меньше столичным, больше нам! — засмеялся.

— Сейчас готов. Сейчас готов, — оживилась Эвсуга, и ушла на кухню — проверить, как там дело у служанок: одна своя и две, взятые в помощь.

Отец Арада развёл руками, словно подводя итог:

— Вот так получилось. Так бывает. Но ничего, Арад, — в десятый раз сказал ему, — с тобой всё улажено.

Придирчиво рассмотрев кувшинчик, Ленайна наливала Араду виносока.

— Это точно, сир Нергим, всё бывает в жизни. Не захотел он к нам, нечего расстраиваться. Сейчас умнём, выпьем, поговорим — и порядок, — говорил сир Миран, словно сам с собой соглашаясь.

— Развернуться на пороге — это очень-очень странно, сир Миран, — не могла успокоиться Эвсуга, только вот входящая обратно в столовую.

— Перестань! — вдруг ощерился на неё Нергим.

— Он должен был остаться у вас? — поинтересовался сир Миран.

Эвсуга со вздохом села:

— Нет. Он к преподобной Ваалу-Сизэ поехал, которая любезно согласилась дать ему приют.

— Откуда ты это знаешь? — сказал отец Арада, словно защищая нотабля.

— Услышала, пока ты с ним любезничал, — Эвсуга потрогала своё ухо.

— Значит, он не в Доктрине, — горестно заключил отец Арада.

— Ва-Сизэ? Аааа, ясно, — махнул рукой Миран, и даже хаману Мирна чему-то понимающе ухмыльнулась. — Где наш поросёночек-то?

Арад посмотрел на Ленайну, чтобы понять, что там такого ясно; та ответила чуть смущённой улыбкой, пожала плечами. Служанки принесли поросёнка, Ленайна оживилась, отвлеклась, и помогла им сделать место на столе.

— Боюсь, что этот... этот план насчёт Марны может нае... неа... не войти в это самое, в жизнь, — вдруг сказал Миран, взяв вилку.

— Почему? — с подозрением спросила Эвсуга.

Арад видел, как сир Миран вздохнул, потёр нос, будто ему задали некий детский вопрос, на которой можно ответить односложно, а можно исписать всю бумагу мира.

— Он туда поехал не просто так.

Но никто ничего не понял, и Миран продолжил:

— Если этот большой, важный судейский чин там вдруг проболтается об Араде, или что-то такое, то Ва-Сизэ намолвит его не принимать Арада в Марне.

— Почему? Зачем? — уже со страхом спросила Эвсуга, пострунившись.

— Из вредности, — резал себе поросёнка Миран, с помощью Ленайны.

— Она ненавидит судей в Доктрине. Например, честь Сунгов, сира Нергима.

— Что, правда? — угасла Эвсуга, даже уши чуть прижались.

— Снова Ашаи-Китрах, — сжал кулак на столе отец Арада. — Снова от них неприятности.

— Почему он поехал к этой Ашаи, почему не в почётный гостдом, у магистрата же есть такой? — непонимающе посмотрела Эвсуга на мужа.

— Как почему, — чудовищно жевал сир Миран, истинно как фирран. — Известно почему. У нас — родовое собрание, и он бы на нём, так сказать... скучал. А там... Арад, закрой Ленайне уши.

Арад так и сделал.

— А там — оргия.

— Миран, перестань, это ни к чему! — умоляла его Мирна.

Тот пожал плечами.

— Оргия в каком смысле? — с трудом спросил отец Арада.

— Будут нюхать чашку с аррой, опиум, ну и далее, прости Ваал, ниже по списку, да. Ва-Сизэ понимает толк в вечеринках, с этого и живёт.

— Не может быть, он же нотабль, приехал по делам, едет дальше в Муур, осмотр Обителей Правосудия... Ты что-то не то расслышала, — махнул Нергим на жену. Потом вдруг задумался: — Вот так. Где Ашайки, там неприятности и низость. Оргия. Не может быть...

— Ва-Сизэ да, та годна на одно. Но есть и хорошие. Вообще, сир Нергим, зачем страдать от этой Доктрины? В таком захолустье, как у нас, сир не оберётся проблем из-за этой штуки, мелких и больших. Самые глупые неприятности, в неожиданных местах.

«И правда», — подумал Арад.

— Так просто от убеждений не отказываются, просто потому, что будут какие-то, видите ли, «проблемы», — отрезал отец Арада.

Сир Миран шмыгнул носом и крикнул.

— Я лев практичный. С Ашаи проще дружить, чем враждовать. Да и Сунги это же и есть Ваал, как можно Сунга отделить от Ваала, не пойму.

— Это неправда.

— Как же неправда, сир Нергим? Ваал в нас, мы — в Нём. Все с детства знают. Огонёк на ручках у сестрёнок же не просто так, — он подмигнул Араду, тот ухмыльнулся и задумчиво отпил.

— Отделить можно и нужно, — упорствовал отец Арада. — Отсечь предрассудки.

Сир Миран повертел вилкой.

— Да, — сардонически дакнул он. — Но со всем этим веселее жить. Вот Арад скажет, — показал Миран на него, — он с этой, малой мастериной подружился, да?

— Миран! — ужаснулась хаману Мирна.

— Что, весь Галлен об этом знает. Ленюня, Ленюня, не дуйся, он же львина, ему же походить надо, ну, ну... Вот они двое очень хорошие, Ва-Миресли и её эта Ашаюшка, маленькая такая, худенькая, я её однажды за нос поймал, и...

— Ей запрещено к нему подходить! — показал отец на Арада. — Он же сын судьи в Доктрине!

Арад заметил, что папа действительно злится, какой-то бессильной, одинокой злобой. Посмотрел перед собой. Ухмыльнулся.

— Да? — почесал гриву сир Миран. — Прямо запрещено? Серьёзно? — развёл руками, и важно добавил: — Они в дом заходят, и львицы сразу — бац! — рожают, прямо в ведро. А на второй день наново готовы львят делать, а? Ну скажи, Мирни, такая молва?

— Ваал, какое ведро, Миран, что ты несёшь, я же тебя просила, я так и знала... — казалось, хаману Мирна сейчас растечётся про креслу от позора.

— Ну из ведра, как из ведра, ну, не злись.

— Запрещено! Я им запретил, запрещено, серьёзно! И они, сир Миран, — распаялся отец Арада, — не такие идеальные, какими могут выдаться. У них есть, есть свои грязные тайны!

— Да у всех есть, — отмахнулся вилкой Миран, и начал резать ухо поросёнку.

Арада пронзило.

— Отец, ты что, с ними уже виделся? — спросил он, повернувшись, выглядывая взгляд отца.

— Да, но это не разговор, потом, — отмахнулся Нергим.

Араду не понравилось, что отец так отмахивался. И вообще, он хотел знать всё сейчас. И вообще.

— И как прошло? Как тот вопрос?

— Потом! — рыкнул Нергим, и все затихли. — Тебе не понравится, если я всё здесь расскажу. Никому не понравится! Понятно?!

— Давайте сменим тему, — отчаянно предложила Эвсуга после неприятной молчанки.

Ленайна поглядела на Арада, в украдку. Глядит перед собой, намёк оскала, стиснутые зубы. Он посмотрел на неё, улыбнулся ей, не выказывая слабости, не выдавая тайн; но она ответила серьёзностью, загладила себе ладонь, уселась поудобнее, вздохнула. Они так и сидели друг возле друга, и глядели прямо, в никуда.

«И всё равно», — подумал Арад, поглядев в белизну потолка, — «я сделал, что мог. Теперь единственное, что осталось: не дать к себе подойти, не дать к себе дотронуться, не пригладить её, не обнять, не поцеловать, ничего не, ничего. Красный огонь Ваала. Забыть».

Выдохнул. Кругом кто-то что-то говорил.

«Неужели всё зря, неужели он им не помог? Ваал мой, какая будет напрасность. Говорила мне, суке, Симсана — не иди с этим к отцу. Не слушать Миресли. Или отец им помог?».

Ленайна наблюдала за ним, уже не очень и украдкой, отчаянно вертя кольцо на пальце. Арад посмотрел на это изливание беспокойства, и вдруг поставил на него руку; всё прекратилось. Обошёл ладонь снизу, сжал её, посмотрел ей в глаза. Она немного помедлила. А потом положила вторую ладонь сверху, на его, поймав в мягкий плен своих рук.

— Что случилось? — тихо задала она сложный вопрос.

— Ты случилась, Лени.

Она не то что бы не поверила. Это прошло проверку правдивости — лжи не было. Это даже прошло проверку чувства — самка знает, когда близка самцу. Он понял, что она поняла, что это только один из ответов. Очень красивый кляп.

Седеси торопливо, и как-то боком подошла к матери Арада — не в её манере, она старая служанка, цену успела заработать. Мать сильно наклонилась к ней, вывернулась, её рука длинно и опасно держала Седеси за плечо, пока та что-то говорила ей на ухо. В воздухе завитала угроза — Арад учуял её; кажется, только он один; а вообще, вроде как она разлилась на весь этот день, он чуял. Он увидел перемену в матери, эту смесь непонимания и подозрения, и в конце всего мать дала ему взгляд, стоящий тысячи слов — и он всё понял. Арад не знал, как — но понял.

Эвсуга встала, очень ласково извинилась и молвила, что лишь на мгновение отлучится, затем вышла в коридор, и вывела за собой Седеси; там завела с нею неслышный разговор.

Арад поглядел на Ленайну.

— Что-то случилось? — всё-таки она хорошо читала его; разве это не хорошо?

— Лени, пойдём, — тихо сказал ей.

И тоже встал, извинился (отец даже не заметил — всё спорил со сиром Мираном, на этот раз — о магистрате Галлена), и пошёл к матери и Седеси. Встал подле, почувствовал сзади и слева присутствие Ленайны, хотя не слышал (или не помнил, что слышал), как она вставала, как извинялась, все эти детали; и даже не обратил внимание, пошла ли она вообще (можно ведь не расслышать, спросить «Зачем идти?», отмахнуться, все понимают, как это бывает).

— Мам, это она?

— Хозяин Арад, пришла сестра Ашаи-Китрах, очень молодая, и просит хозяина Арада, — всё выболтала Седеси, непрерывно прыгая взглядом то на него, то на невидимую Ленайну, пока мать мудро молчала.

В итоге все мудро замолчали.

— Я ей говорила, что в дом нельзя, дом хозяина Нергима-Синая, мне не велено пускать. Она не слушала, просила хозяина Арада, — обвинительно продолжила Седеси.

— Ты что, сказал ей придти? — остро поставила мать вопрос.

— Конечно нет, мам. Мам, мы, — показал он на себя, на невидимую Ленайну сзади-слева, — сейчас всё уладим, она уйдёт. Я не знаю, что это.

Мать вздохнула.

— Иди, уладь. Уладьте.

— Только не говорите отцу. Мама, Седеси? Я серьёзно, не надо, он будет в гневе, давайте этого избежим.

Кажется, те охотно согласились.

— Мы быстро, — и он кивнул уже видимой, реальной Ленайне, мол, идём.

Предстояло сделать всего каких-то двадцать шагов к предвхожей и закрытой входной двери. Арад не знал, как он преодолет этот путь. Зачем она пришла? Может... очень глупо... но за готовой метрикой? Нет, это смешно, отец бы никогда... Зачем она пришла?

— Арад, а я там нужна? — вдруг схватила его за руку Ленайна.

— Ты нужна мне там, как никто никогда.

— Ты уверен?

— Совершенно, — и забрал у неё лампу, предупредительно поданную ей Седеси.

Арад открыл ставшую тяжёлой, непослушной дверь, и в дождливом, совсем умершем вечере, перед ним предстала Симсана. Никогда он не видал её такой красивой. Он впервые в жизни видел на ней нечто похожее на то самое, настоящее одеяние Ашаи-Китрах; сброшенный назад капюшон, падающие капли с него; её позитурa, полубоком; её блестящие глаза от света лампы. Она была так трагически, так влажно красива.

«Всё в кровь победы. Всё в кровь победы», — заклинал себя Арад. — «Я обещал, Ваалу-Миресли. Я всё сделаю, Ваалу-Миресли. Я люблю тебя, Ваалу-Симсана... Идиот...».

— Привет, Арад.

— Красивый вечер, Симсана.

Её мокрый взгляд перешёл влево. Она смотрела туда. Арад не видел, смотрели ли оттуда на Симсану.

— Мне надо с тобой поговорить, — взгляд обессиленно вернулся на него.

— Говори, — сдавленно сказал он. В висках стучало. Это оказалось очень трудно.

«Не говори с ней. Не говори. Ты не выдержишь. Что-то сломается, что-то случится. Красный пожар из огня Ваала. Всё ради победы».

— Между нами всё кончено, — поторопился он, упреждающий удар. — Мы об этом говорили, — наглая ложь. — Ты это знаешь, — ещё одна. — У меня есть планы. Между нами всё кончено. Ты это знаешь. Планы.

Он опустил лампу, и так они смотрели друг на друга, свет падал на неё снизу.

— Он помог вам?

Симсана не ответила.

— Он тебе помог?! Всё было не зря? — нажал на неё Арад, будто выбивая из пленницы признание.

— Конечно не зря, — ответила Симсана, медленно развернулась, и медленно начала уходить.

Он подскочил, схватил её за руку, развернул; это сделал другой Арад, без воли первого.

— Я же говорила тебе, — у неё катилась вода по щекам, и Арад убеждал себя, что это — только вода. — Говорила — откажи наставнице.

— Я поступаю правильно! — отчаянно оправдался он.

— Конечно. Ты ведь поступаешь, как сказали другие. Пусти.

Он не пускал.

— Пусти, я сказала.

Вдруг Арад ощутил острое у плеча — это Симсана угрозила ему сирной.

— Арад, у неё нож! — предупредила Ленайна. Видит. Всё видит. Всё наблюдает.

— Слышал? — ухмыльнулась, оскалилась, выдохнула на него. — Пусти меня. Поступи правильно.

Арад очень просто схватил её за кисть, так просто вывернул, очень просто выдавил из неё кинжал, очень просто его забрал; нечто очень злое, очень древнее, очень насильное проснулось в нём (да всегда в дрёме, разбудить легко), и схватил её за подбородок, скулы: как пленницу, или варварку, или рабыню, или дхаарку.

— Значит, всё было не зря? — потряс, потребовал полной сдачи и определения вещей. — Он помог?

— Не зря, Арад, — во всём призналась пленённая Симсана, ласково дотронувшись к его руке, в ответ на его насилие.

Он чувствовал, как она вся тает, ослабляется в его хватке. Нельзя. Нельзя. Ваал мой, она уже ухитрилась ему вскочить в руки. Этот коварный самочий род! Всё, что угодно, но только не это! Увидит отец! Она не станет Ашай! Уговор будет сломлен. Он предаст всех и всё. Так нельзя. Надо поступать правильно.

— Тогда иди, — отбросил её прочь. — Тебе нельзя здесь быть. И не подходи больше сюда, ко мне. Сюда. Ко мне.

— Нет, — Симсана скрестила руки, подняла голову, — это ты... Это ты больше не... Никогда! — сцепила зубы, развернулась и ушла в ночь.

Арад постоял, посмотрел ей вслед. В руке чуялось нечто чужое, он поглядел — сирна. Её сирна, сирна Ваалу-Миресли. Ну дела. Не думая, бросил себе за ворот, за пазуху.

Поднялся по каменной лестнице (даже не помнил, как спускался, совершенно), поднял лампу, оказавшуюся почему-то на одной из ступеней (тоже не помнил, как); опираясь о перила, на него глядела Ленайна, пытаясь выглядеть насмешливой, да, кажется, насмешливой.

— Кажется, я вам немножко помешала.

Арад, ничего не ответив, опёрся на перила напротив неё.

— Я знала, что это будет жестоко. Только не думала, что ко мне.

— Как видишь, я её прогнал. Ей нельзя было сюда приходить, но она всё равно пришла.

— Хоть не порезала-то? — посмотрела ему на плечо.

— Кого? Меня? У неё не было шанса, да она и не стала бы.

Ленайна ухмыльнулась, и обернулась к перилам хвостом.

— Ничего не случилось, — уверенно сказал Арад.

— Да, кроме того, что теперь меня ненавидит мастерица жизни, и что я для тебя лишь правильный поступок. В самом лучшем случае. Знаешь что, Арад. Ты — подлец и пятахвост.

— Ты не знаешь всего, — встал он перед ней.

— О да, о да, — закивала она, глядя в сторону.

— Лени, всё куда сложнее.

— Так расскажи, — повела ушами, подняла голову.

— Остайся на ночь, я всё расскажу.

— Пффф... — фыркнула она. — Най, нет уж. Её ты выгнал, а вот я уйду сама.

— Ты не уйдёшь, — он перекрыл ей путь с обеих сторон, зажав её в тюрьме меж собою, перилами и руками.

— Пусти, мне больно, — пожаловалась Ленайна, хотя он не давил, даже не дотрагивался.

— Нет. Тебя — не пущу.

— Я сейчас зарычу, — ещё раз пожаловалась Ленайна, отворачиваясь от его приближения.

— Рычи.

— Я тебя укушу, — она отвернулась в иную сторону, словно это могло помочь, а потом поставила ладонь себе у рта.

— Тем лучше.

— Нет. Не хочу. Не буду, — вырываясь, она тёрлась мордочкой о его, тщетная попытка жертвы отвернуться. — Ты мной пользуешься. Не хочу. Мммм... — поймал, поймал, овладел её ртом. — Тебе... нужно... только одно, — воспользовалась передышкой.

— Если бы я хотел лишь одно — сюда бы не привёл, — сказал ей на ухо. — Я же говорил: ты мне здесь нужна. Ты нужна мне. И ты уже моя.

Удачно, подействовало. Почувствовал: смягчилась, рука на плече, а вот и вторая. Точно скажи точную вещь, и всё тебе будет, очень простая игра, что может быть проще.

— Зачем взял её за руку? — быстро зашептала она, глядя ему из глаза в глаз. — Надо было выйти со мной, сказать «Всё кончено», развернуться и уйти. Так ты должен был сделать. Это всё так странно, это всё было жестоко. Арад! — громко зашептала она ему, он аж ощутил тепло её дыха-

ния. — Она странная, и ты... — стукнула его по груди. — Ты мог меня не брать. Было бы лучше, для всех.

— А я хочу, чтобы ты шла со мной. Лучше, хуже — мне всё равно.

— Думаешь... вот так это делается? Взял — и сказал «моё»? Нет, — торопливо, горячо говорила она, невольно закидываясь назад, пока он лизал ей щёку, скулу, возле уха; в ней побеждала отзывчивость: повыясняли отношения, и будет, это всё только в радость.

«От львицы лечат только львицы», — думал он, исцеляясь запахом, прикосновением, обладанием, присутствием Ленайны.

Вдруг распахнулась дверь, и выглянула мать Арада, объятого Ленайной у шеи по самый верх; фансиальная львица, да и львица вообще, она определила, что такие объятия приговаривают отношения к донельзя ясной тропке. Сложно поверить, но те настолько увлеклись, что не услышали открывающейся двери.

Эвсуга деликатно скрылась за ней, пока не заметили, и:

— Арад, Ленайна, вы здесь? Най заходите, холодно.

— Да-да, мам, мы идём. Мы ночь посмотреть, — добавил он, с очевидным озорством, и получил от Ленайны толчок бедром.

**

Удивительно, но сир Нергим и сир Миран не разругались, как справедливо, очень справедливо опасались обе супруги. Безусловно, помогли увещевания хаману Мирны, предписывавшие строго не пить, отбросить кабацкие замашки, и вспомнить средне-стратные манеры, которыми, как ни странно, сир Миран обладал, но презирал донельзя, и ничего не разбить; хаману Эвсуга же убедила мужа быть «открытым» и «понимающим» к «неоднозначности» сира Мирана. Они нашли слад в том, что играли в кобей — сложную, филигранную версию флиса, оставив политику, военные успехи, гельсианский вопрос, северный вопрос, дхаарский вопрос, нынешнего Императора, прежнего Императора, нынешний Сенат, деньги, ваализм, Ашай, натурфилософские размышления, а особо разговоры о фансиальных шлюхах, сортах пива и оргиях у Ваалу-Сизэ (а сир Миран повидал одну воочию), которые так чесались сиру Мирану, — в сторону.

Ленайна и Арад сидели и занимались совершенно ничем, кроме как сидели друг подле друга и слушали матерей; братья давным давно сбежали в дом. Арад умирал от скуки, но не хотел присоединиться к отцам, ибо ждало ещё одно важное дело.

Между прочим, Ленайна, вдруг ни с того ни с сего, шепнула Араду на ухо:

— Мне её жаль.

— Что? — нахмурился он.

— Мне её жаль. И странен её поступок, этот приход, так львицы не поступают. С ней что-то не то.

«Ох уж эти самки. Жаль ей. Соперницу надо вывалить в грязи, не оставляя ни пятнышка шанса», — подумал он.

— Это Ашаи-Китрах, у них непросто, с ними непросто, — пространно сказал он, и отмахнулся, дав понять, что тема развита не будет.

В конце-концов он понял, что у него осыпется грива, если он ещё пару мгновений просидит между пустой самочьей болтовни, и пошёл смотреть игру своего отца и отца Ленайны. Притворившись, что наблюдает, Арад погрузился в мысли, заодно пытаясь не упустить, когда хаману Мирна отметит, что уже поздно и пора честь знать.

Мысли лезли только дурацкие, и какие-то тёмные, поэтому начал их подслушивать, поприжав уши.

Хаману Мирна и хаману Эвсуга ладили отлично. Мирне нравилось старонайсагрійское воспитание Эвсуги, перемешанное с фансиальной гибкостью; Эвсуге импонировали остатки высокородности в Мирне и её соглашательство со всем сказанным, а ещё её близость к большим деньгам и простота обращения с какими-то дикими суммами.

— Я всегда с деньгами сладу не давала. У нас как: мужу — некогда, а я — как могу. Всегда бардак, всегда бардак, не могу дать порядка, — посмеивалась Эвсуга, говоря об этом, как о милых недостатках.

Арад украдкой посмотрел на хаману Мирну — та только кивала «да-да».

— Возможно, у Арада будет кто получше с распорядком деньгами, чем его мать, — многозначительно добавила Эвсуга.

— Распорядок должен быть у него, — вдруг сказала Ленайна, доселе больше молчавшая, удобно расположенная, закинув лапу за лапу, и уминавшая оливки, целую грудку оливок, — а счета — у его супруги. Или, най, тоже у него, если захочет всё сам.

Эвсуга поспешила с объяснениями:

— У нас примерно так же: Синай, то есть сир Нергим, он отдал мне счёт, и доверил распоряжение деньгами. Это с его решения, как главы семейства, — заключила она.

Ленайна — Арад её неплохо видел, если покоситься — легко кивнула, и ничего не ответила; Арад откинулся, оперся о подлокотник и тоже закинул лапу за лапу в своём тёмном углу. Папа и сир Миран играли молча; вдруг сир Миран негромко предложил «Идём, выйдем», и они тотчас бросили карты и вышли, очень быстро, даже не сговариваясь зачем и почему, и Арада это немало удивило.

— Вот в своей семье, ты бы по-иному определила? — вдруг задала интересный вопрос Эвсуга.

— Определил бы он, — чётко ответила Ленайна, даже не задумавшись.
— Да ну! И что, всё отдадим им, львищам, на растерзание и решение?
— А зачем выходить за такого, что не может решить и растерзать?
Хаману Мирна посмеялась.
— И то правда, — со вздохом согласилась Эвсуга. — Но не оставлять же всё ему?
Кажется, Ленайна думала. Арад снова покосился — да, думает.
— Я влияю на него, он распоряжается, я считаю. В итоге я и сверху, и снизу, и он думает, что всё сам, что всё само ему выходит.
— Умничка. И так, он — решает, ты — считаешь?
— Да, — согласилась Ленайна, разглаживая хинастру.
— Я слыхала, ты счетоводица, помогаешь маме, — приложила мама палец к щеке, облокотившись о стол.
— Она уже всё переняла, всё, я почти ничего не делаю, — вставила Мирна. — Она всё делает, она хорошая дочка, — вдруг очень взволнованно добавила она.
— Я вот ничего не понимаю в счетоводстве, — вздыхала мама, — это для меня — как северный язык. Все эти доходы, расходы, и столько арифметики... Когти о счета сломаешь.
— Длинные когти помогают со счетами, — заметила Ленайна со знанием дела.
— Ленайна, а ты могла бы мне помочь с подсчётом? — вдруг впрямую спросила мама.
Арад поёжился, как от зубной боли. Ну право, мам. У неё есть эта манера: выискивать предпочтения, услуги, работы, возможности, связи, и подешевле, и задаром, и за спасибо, и за красивые глазки.
— Можно составить баланс, но счетоводство — это рутина, нельзя взять, всё сделать за раз, а потом забыть.
— Давай хоть что-то составим, а то уже лада нет.
— У вас много обязательств?
— Это?.. — растерялась Эвсуга. — Это?
— Долгов, долгов она имеет в виду, — вмешалась Мирна.
— А, да, вот с ними надо разобраться, — кивнула Эвсуга. — И с доходами, расходами.
— С этим будет сложнее, хаману Эвсуга.
— Почему?
— Баланс делается на день, берёшь всё, что есть, и считаешь. А доходы и расходы — это ведь промежуток времени.
Арад смотрел на Ленайну. Она точно чувствовала его взгляд, не подавала виду. На мгновение ему показалось, что это сидит Симсана.

«Интересно: если бы пришла Симсана, как моя львёна, чего бы мать от неё хотела?», — задумался Арад. — «Наверное, много дешёвого олеамора. Или вообще даром. Ну не будет же ещё рожать, мне и так братьев хватает».

— Давай хоть этот баланс сделаем. Окажешь услугу?

— Хорошо, хаману Эвсуга, — кивнула Ленайна, скромно потирая руки у груди. — А когда?

— Да когда не будешь занята.

— Это может быть на целый день, прошу хаману учесть и подобрать день, чтобы удобно...

— О, конечно. Спасибо, Ленайна. И ещё...

Арад понял, что момент — хороший; да он и немного пересидел, выжидая нужное мгновение, надоело. Он поднялся, прошёлся несколько шагов, и уселся возле Ленайны, как ни в чём ни бывало — словно уходил, но вот только вернулся.

— И... Най, Арад? Так даже лучше. Арад, раз ты тут, то я спрошу обоих: и как у вас дела? — спросила мать.

Сложно было сказать, что повадило мать спросить это: то ли её огромное, несдержанное, безудержное любопытство к чужим романам и устройкам; то ли холодный расчёт и желание знать, кто на чём и как стоит; испытание возможной жены сына; то ли они чего там договорились с хаману Мирной. Скорее всего. Та вообще не удивилась, и ухом не повела, и глядела на Арада; а Эвсуга, в свою очередь — на Ленайну.

— Превосходно, — Арад даже пикнуть Ленайне не дал. — Мне кажется, мы сходимся самым наилучшим образом. Мама, я тут услышал, тебе надо деньги подсчитать, поэтому очень хорошо сделать так: Ленайна сегодня останется на ночь, а завтра с утра вы всё посчитаете.

Три самочьих взора. Уууу. Раньше было бы страшно.

— Арад, мне сложно извинить такую прямоту, это немного... слишком... ты ведь даже не спросил её мнения! — мама, право, растерялась.

— Это ничего, это ничего, ничего такого, ничего, — это мать Ленайны.

Ленайна же закрылась от Арада рукой, потирая висок, ухо.

— Ладно, но что думает Ленайна, вдруг она не желает оставаться? — смотрела мама на Арада.

Та тянула тишину, долго.

— Это крайне неожиданно. Да и я не хочу так ужасно злоупотреблять гостеприимством. Такое неожиданное предложение от... Арада.

— О, Ленайна, наш дом тебе всегда открыт, — заверила Эвсуга.

— Благодарю. Если это входит в планы хаману Эвсуги, мы можем составить баланс завтра. Тем более, что. Вроде как. Я потянула. Лапу. Так. Некстати.

Арад не смог удержаться, и почесал загривок от удовольствия. «Если уж лечиться, так по полной», — озорно подумал он, прошла знакомая волна, морда сама расплывалась в довольной улыбке. Вот и отлично, вот это дело, сломал, уломал, не отказала. Сегодня-то мы её и погрызём.

Потом, как в сагах, пришлось преодолевать символические трудности. Пришлось дожидаться, пока родители Ленайны окажут честь уйти, и приходилось делать вид, что тебе совершенно всё равно; сир Миран всё-таки не преминул испустить несколько грязных шуточек, но благо, сообщил их только Араду, и ещё не совсем понятно сообщил, что оставляет ему дочь уже насовсем, без права возврата, раз он посмел её так внаглую и вбыструю прибрать к рукам. Ленайна была явно пристыжена и сконфужена — то ли играя роль, подобающую маасси в таком ужасном, принуждённом положении, то ли всерьёз (наверно, и то и другое одновременно); Арад почему-то ждал, что в этом измерении она будет то ли поспокойнее, то ли побойчее. Затем мать спрятала, увела Ленайну, как большую драгоценность, увела на второй этаж, и больше с ней не показывалась, указав служанкам убраться. Папа, если и был недоволен, то не выказал ничего, и просто ушёл спать. Арад, вмиг помывшись, ловко выудил момент, когда мать с Ленайной ушли в балинейную, и пробрался в гостевую комнату, где уже мать всё ей ранее наготовила, и всё это заняло у них там добрый час, и совершенно очевидно — они не только стелили постель и мать не только объясняла неожиданной постоялице обстановку, сколько о чём-то говорили. Осмотрел окно, ставни, посмотрел вниз: возникла мысль о запасном плане — пробраться через окно, если вдруг Ленайна закроется изнутри, но тогда надо или открыть окно вместе со ставнями, или сдать на её милость, чтобы открыла сама. Передумал, и украл на всякий случай запасной ключ у Седеси, выбить ключ ключом — должно получиться. Вернулся к себе, подле немного повертели притихшие братья, удивлённые, озадаченные неожиданной гостьей.

В конце-концов, Арад по слуху определил, что львицы вернулись из балиinei, и Ленайна уже у себя. Надо чуть выждать, и можно выдвигаться. Чтоб не терять время, выложил перед собой, на столе, собранные артефакты: меч сира Мирана (или — правильнее — вроде как уже его собственный), часть символа от Симсаны, накидка Ленайны, и — самое необычное — изношенная, выдавшая всё сирна Ваалу-Миресли, отобранная у Симсаны в смертельно серьёзной драке. «Верну её наставнице», — подумал он. — «Только не ей. Только не Симсане. Хорошо, что всё получилось с метрикой. Всё не зря, она же сказала, что всё не зря. Надо поблагодарить папу, завтра поутру. Спасибо, папа. Уважил».

Её образ почему-то померещился на потолке. Игра светотени от свечи, знамо. Арад вертел сирну Ашай-Китрах в руках, иногда делал выпады в воздух, лёжа на спине, словно кого-то убивал. Молодец, Симси. Теперь ты

станешь Ашаи-Китрах, Ваал мой, какой же ты станешь хорошей мастерицей жизни. Молодец, Арад. Ну ты сам знаешь, почему. Очень жаль, что так бесславно, вдребезг, грязно расстались. Как говорится, без крови к столу не будет. Но он умен и прагматичен. Он делал то, что должен. Самки не могут, они делают, что им чувствуется, думают нижним, как он однажды услышал среди друзей. А самца то и отличает — делает то, что надлежит. Надо было сказать ей «спасибо». Прогнал с порога... да ещё с Ленайной... несчастная Симси. Вот она, тогда, в первый раз, перематывает тебе руку. Вот она на Выше. Вот она только что, мокрая, продрогшая, ей было холодно. Вот она в маске Ахлии. Сука, как же так, как же так... Я сделал всё правильно. Что это из глаз течёт, что это такое? Ваал, да мне сейчас к Ленайне идти, надо утереться, и...

Арад порезал сирной руку, утираясь.

Вдруг вошла мать и без предисловий села у подлапия кровати.

— Как ты мог!

Арад спрятал чуть кровоточившую руку вместе с сирной под одеяло.

— Мы же хорошо тебя с отцом воспитывали!

Он почесал нос.

— Ты поставил её в неудобное положение.

Арад подумал о том, что Ленайну надо будет поставить ещё во многие неудобные и удобные положения.

— Не тот повод, не та обстановка, ты очень торопливый, так неправильно. Она мне на тебя — пожаловалась! Не делай такие невинные глазки!

— Мам...

— Если ты честный лев, то не зайдешь к ней сегодня. Прояви выдержку, уважение. Подожди. Я ей дала ключ — она запрётся.

— Мам, а тебе нравились такие вот ждуны?

— Ты даже, оказывается, ни разу толком на свидание её не водил! — обрушила мать чудовищное обвинение, вообще не слушая. — Арад, ты должен быть с ней предупредителен, внимателен, аккуратен. Это — вполне возможно — твоя будущая жена. Это же не эти твои случайные подружки. Мы с ней поговорили — такая хорошая маасси, нам она так подойдёт. Благоразумная. Бедняжка, она не знала куда деться от стыда... А если она считает так же, как её хвалят... Ой, Арад, смотри мне! Будь хороший, не подведи.

— Не подведу, мама.

Мама посидела, поглядела на него. Потом безнадежно махнула рукой, очень двусмысленно пригрозила пальцем и ушла, не пожелав спокойной ночи.

Только услышав, что мать скрылась на втором этаже, он прокрался наверх. Хищное, игривое возбуждение, превосходное чувство. Дверь

открылась, как он и думал, без надобности в ключе — всё-таки Ленайна, не будучи душой, не надеялась, что спасётся таким образом.

Закрыл дверь на ключ, попробовал. Порядок.

**

Ленайна, растянув лапы, сидя на краю кровати, снимала кольца с ушей. Она совершенно не удивилась тому, что оказалась теперь взаперти, и что вдруг очутилась не сама; она мельком поглядела на него, а потом продолжила глядеть прямо, с занятым видом наклоняя голову для своих колец. Он встал перед ней, чуть сбоку, она снова мельком бросила взгляд, и почему-то подобрала лапы под кровать, будто это первое, на что он набросится. Простая ночная сорочка с острым вырезом — с его матери — была ей великовата и длинновата, ровно в пол. Где-то в складках простыни спрятался хвост.

Арад прошёлся по комнате без слов, потрогал свечки. С полукруглого стула для львиц, который Ленайна приспособила под ночной столик, он взял длинную бежевую ленту, но не проявил бережности — развернувшись, та раскатилась по полу.

Они вместе смотрели, как лента мягко растекается. Ленайна вздохнула, и поставила все кольца с левого уха на стул.

— Что это? — Арад обернул себе эту ленту кругом шеи и без стеснений понюхал её, поиграл ей.

— Нахвостная лента, — мягко объяснила Ленайна, и задумчиво принялась за другое ухо.

Нахвостная лента оказалась хорошей штукой — она пахла Ленаиной, и ещё чем-то, поэтому Арад её так и оставил на себе. Миг подумав, он решил, что львицу, совершающую ночной ритуал разоблачения, не надо атаковать спереди, лучше подкрасться, а это делают как? Правильно, сзади. Вылез на кровать, очутился позади неё, сидя на лапах, снял то единственное из одежды, что было на нём. А, да, осталась ещё лента на шее, а вот это кстати.

— Твоя мать очень добрая львица, — тихо начала Ленайна говорить, и Арад с невероятным удовольствием отметил, что она волнуется, даже боится.

— Лестно, Лени, — положил он ей руки на плечи.

— Но твой отец, — продолжала она, как ни в чём ни бывало, — теперь совершенно уверен, что я маасси не самых высоких достоинств. Спасибо, Арад.

— Мой отец известен тем, — снял он ленту с шеи, — что справедливо отличает хорошее от плохого. Беспокоиться совершенно не о чем.

— Я на тебя зла, — пожаловалась она ему, домучивая последнее кольцо на правом ухе; и тут ей потемнел мир — он закрыл ей глаза лентой. Она хихикнула, потом вздохнула, пальцы на кольце стали нервными; он очень хотел, чтобы она замурчала, но она пока не пускала это оружие в ход. Осторожничает, боится. — Не так всё должно быть. Вот не так.

— Зато тут прекрасное местовремя послушать историю, как я обещал, — взял он её за подбородок, повернул к себе, вправо-вверх, ощутил знакомый уже шрам; из любопытства, а также из полной вольности, которую он уже приобрёл с телом львицы, он исследовал его наощупь, рассмотрел, беззастенчиво залез ей меж устами, ощутив провал.

— Да. Нет четырёх зубов внизу. И челюсть побита. И шрам.

— Как это случилось? — оставил он знак её стыда (знала бы она, как ему на самом деле неважно!).

— Досталась побитая львица, а увидел только сейчас, — нервно посмешилась она, не ответив на вопрос; ожил её хвост и ударил о кровать, и он поймал его и протянул себе меж лап. — Списать, взять новую.

Он поцеловал её там, в уязвимое место, не давая свободы мордашке и не убирая ленту с глаз; он не делал тут ничего второпях, тут нельзя, торопливость тут сделает хуже, а хуже не надо — надо лучше. С плеча совершилось плавное путешествие по спине к талии, обходной манёвр — и ладонь на животе.

— Моя счетоводная красавица, — ей в ухо. — Я же тебя узнаю по твоим глазам... по твоему голосу... по твоему запаху... а теперь — и по этому знаку, — Арад дотрагивался ко всему, что упоминал.

— Агам... — вздохнула она, и он узнал этот вздох, слышал, не понаслышке. — Но это ещё не всё.

Он прижал её, заставляя растечься спиной по себе, выгнуться, но Ленайна решила своевольно развернуться, и лента спала ей с глаз. Арад дал ей это сделать, хоть такое ломало уже проверенные планы по ласкам за ушами, и получилось вот что: он, нагой, полулежит, а она — сверху. Ленайна, непредусмотрительная, явно не представляла, что ей надлежит делать в таком положении, да ещё со львом без всего, не продумала последствий, поэтому оставался один выход — покорно перекатиться, даже без его разрешения, и очутиться на спине под ним, с совершенно прижатыми ушами — знаком послушания.

— Если тебе придётся спать... со мной в одной постели... если вдруг такое случится... — шумно вдыхала она, глядя на него большими глазами. — Знай, что я — сноходка. У меня снохождение, с детства, — Ленайна так волновалась, что ему вроде даже ощутилось, что она дрожит. В голосе и дыхании точно были нотки дрожи.

— А это что? — поинтересовался он, и даже прекратил скользить по ночнушке, по бедру.

— Я могу встать среди ночи и начать говорить, — сказала Ленайна, и сглотнула, её пронзила, словно болью, мгновенная улыбка, а потом вернула обратно в серьёзность. — Могу походить по комнате. Могу выйти из комнаты, — она острасно наблюдала, как он ровно садится на бёдра её плотно сжатых лап. — Но чаще я сажусь на кровати, и начинаю говорить.

— Что именно говорить? — заинтересовался Арад, наострив уши.

— Всё что угодно. Всякие глупости.

— Ты потом помнишь что-то? — разговаривая, он делал стратегически важную вещь — собирал подол, чтобы задрать его повыше, под самый верх, под саму её морду. Сейчас, сейчас, ещё немного, ещё чуть.

— Нет, — покачала она головой, прикрыв глаза.

— Я не могу поверить такому подарку. Счастье-то какое. Я хочу это увидеть. Я даже с тобой побеседую.

— Если я встану, ты меня назад укладывай. Если начну бродить по комнате, веди к кровати. Я засну. Говори любые спокойные слова, я послушаюсь, — сказала Ленайна и попробовала облокотиться о кровать, но не тут-то было — Арад мягким толчком вернул её назад, в стройную растянутость на спине. И с плотно сжатыми лапами.

— Неа. Урок усвоен. Ты встаёшь — укладываю обратно.

Она ничего не ответила, только вздохнула.

Он не быстро, но и не медленно обнажил её — план воплотился в жизнь, подобрав всё её одеяние у шеи. Конечно, света мало, он слаб, но так даже лучше; нет, на это можно смотреть вечно. Хорошая львица. Как надо.

— Арад, я сниму. И...

— Не надо, — согнул он её лапы и повёл их повыше, делая её ещё более беззащитной.

— Ночнушка — от твоей матери.

— Так тебе и надо, — пленил он её обе руки, прижав ладони к кровати. Защититься невозможно.

— Я дост... Арад. Най, Арад, — пыталась она сказать в те мгновения, когда ей удавалось вырваться из плена его поцелуев. — Мы забыли... Под кроватью... Смазку возьми, — и он прервал её, просто закрыв рот ладонью; повернув мордашку, прижал её к подушке, исследуя поцелуями грудь (не мог не сравнить, что тут исследований надо куда больше, чем у Симсаны), шею, плечо, ни в чём себе не отказывал. Освободившейся рукой она слабо пыталась то ли прижать его к себе, то ли оттолкнуть, сквозь зубы и закрытые глаза она умоляла:

— Не надо... Я не буду... Задушишь... Ну дай же мне... Что ты делаешь... Я же взяла, я ведь всё знала... — и вдруг смешок на выдохе, а потом

вдох, а потом она кусает его за ладонь, запрещающую свободу слова, но кусает так аккуратно, так...

Но это неважно, всё неважно, потому что Арад сделал небольшое, но важное открытие — в её межлапье можно скользить, не проникая, получая невероятные, аж колючие ощущения, точно так, как было со Симсаной, только та лежала на животе, а эта львица — на спине. Оно совершенно поглотило его, он даже на миг забыл её целовать и исследовать наощупь. И отпрянуть не надо, и соединять вместе бёдра-лапы не надо, и хвостом прикрываться не надо, и олеамора не надо; просто скользить на поверхности, не проникая, тем более, он только приблизительно представляет, как и куда там проникать, но это же и так нельзя. Ощущение обладания, опасной игры и страшное напряжение.

Обратил за мордашку к себе, сильно сжав, чувствуя пресловутый провал в челюсти, второй рукой потянул за ухо; Арад знал, что стоит встать, спокойно взять олеамор из-под кровати (где же ещё она могла его спрятать, они все одинаковы), измазать ей там всё и кончить. Но он просто не нашёл сил отказаться от этого колючего, дразнящего скольжения по холмам и впадинам её межлапья, тайны, её ножен.

Держа её за морду, не давая говорить, сам подарил её горячую волну в ухо:

— Ты моя. Ленайна, ты моя. Ты надлежишь мне. Мальструна-Ленайна — моя. Я забрал.

А потом снова повернул, молча приказывая смотреть себе глаза; хоть она ничего и не видела, но всё поняла, и встретила его взгляд, потом негромко мурлыкнула, и снова укрылась в тумане, не желая смотреть. Её запах стал таким острым и дразнящим, он был невероятно наглым, он требовал от него самых решительных, самых ужасных мер.

Коварство самок. Никогда не забывай о нём. Арад безусловно полагал себя полным её хозяином, хозяином положения, этой комнаты, хозяином всего. Он знал, что сейчас может повернуть её как угодно, поглядеть на что угодно, и делать с ней всё, что угодно — что не воспрещает Игра. Так и было, всё правда. Он чувствовал, что мягкое скольжение вскоре превратится в яростную быстроту, и всё закончится — и это было хорошо. Но он вдруг почувствовал, что Лени совершила маленькое, зазывное движение бёдрами, основой тела, точное и гибкое — точность и гибкость инстинкта — и без ошибки подставилась ему.

В следующий миг он ощутил, что проник, и это подтвердил её испуганно-томный вдох; там оказалось очень горячо и мокро. В его одичалом уме пронеслась мысль, что так — нельзя, но вскипевшая кровь потребовала лишь одного: проникнуть так быстро, глубоко и сильно, как никто, нигде и никогда. Он сжал её всю, чтобы не шелохнулась, не вздумала забрать от

него это. Он устрасил её, схватив за многотрадальный подбородок, а второй рукой до боли сжав ей плечо. Кажется, он оскалился, и тихо рычал на неё. Кажется, он обозвал её несколько раз, очень пошло. Прекратить это было невозможно. У него не было времени на лишнее, поэтому слюна медленно сошла на её щеку, шею. Сейчас ей будет конец. Сейчас я её прикончу. Сейчас я её сделаю.

— Давай на меня... на меня... ну давай... — плохоразборчиво умоляла она его, уже невесть сколько времени (мгновение? всю ночь?)

Всё-таки львиц нужно иногда послушать, он смог отказать себе в последний момент, но за такое самка должна заплатить, за свою неготовность дать до конца, её должно наказать, или же наградить (одновременно) — он вышел из неё, сильно и беспорядочно подался вперёд, отдавив ей то ли хвост, то ли руку, то ли бок, и закончил ей прямо в морду и шею.

После оргазмической смерти и шумящего возрождения он обнаружил себя над нею; оказалось, она не отвернулась ни от чего, не смогла защититься или сочла это бесполезным — подняв руки ладонями вверх, возле ушей, она лежала с закрытыми глазами, превосходно и щедро осквернённая, помеченная им. Она ничего не делала, только сильно дышала, и на ей читалась самая удивительная смесь эмоций и отрешённости одновременно.

— Много крови, больше крови, — сказала, вся запятнанная.

Не забыла.

Львиц рано или поздно надо спасать из всех беспомощных положений, особенно если ты — виновник. Он слез с неё, подумав, что придавил ей живот и грудь, подняв за обе руки, усадил, и единственное, что она сделала сама — так это нашла ими опору о кровать; взяв первую попавшуюся тряпку под руки (этой оказалась его туника), небрежно утёр ей мордашу, расправил ей ночнушку вниз, скрыв груди и живот, а потом, держа загривок, поцеловал её. Целовалась она очень живо и отзывчиво, она пахла собой и им одновременно, и Арад с недовольством подумал, что для неё, вообще-то, всё закончилось, только начавшись. Ну, самочья доля, потом что-нибудь придумаем.

Они смотрели друг на друга, долго, сопрягая это с ласковыми опытами: он гладил её по ушам и загривку, она ему расчёсывала когтями гриву. У неё был укоризненный, выразительный взгляд; но укоризна была хорошего качества, довольная, это недовольство львицы, что надлежит льву совершенно. Знала бы она, как эти взгляды — вместо того, чтобы поселить в нём чувство сожаления — уже наново горячили его. А может, и знала.

Затем, как это заведено и всегда бывает, им пришлось разделиться. Ленайна, поднявшись, уселась на краю кровати, спустив лапы, но всё проделала как-то очень осторожно и неспешно, и зачем-то подтянула к себе лёгкое накрывало, повыше; Арад уселся у края кровати и наблюдал за ней,

за её церемонией очищения: в комодке нашла для этого подходящую ткань, и тщательно утирала шею; львицы, они имеют полезное свойство находить вещи. Из желания просто увидеть её хвост, который снова терялся где-то на кровати, Арад забрал накрывало прочь, и удивился — постель оказалась совсем мокрой, там, где лежала Ленайна. Он даже на миг задумался, почему так, и дотронулся к мокрому, а заодно посмотрел на неё; её настороженный взгляд не оставил сомнений о виновнице, тем более, предавал еле заметный влажный след от хвоста. Она не нашла ничего лучшего, как смутиться, всё прикрыть обратно, цепко забрав у него покрывало, а потом бросить в него его же тунику.

Вот что получалось: у неё есть уже три особенности, и третья — Ленайна, наверное, самая мокрая львица в Империи.

— Обалдеть, — выразил восхищение Арад.

— Да, вот так. Теперь и это знаешь, — с отчаянием и стыдом молвила она.

— Слушай, когда я тебя буду лизать, то это выйдет весело.

Кажется, она совершенно растерялась от таких перспектив, и не нашлась с ответом, даже не нашлась сразу с эмоцией: то ли возмутиться, то ли посмеяться, то ли осторожно выразить своё «я не против».

— Рисковая у нас Игра, Арад, — наконец, сказала, чуть откинувшись назад, и скрестив внизу лапы.

Он кивнул, согласился.

— Ты может, с иными так и привык. Но давай всё правильно делать.

Он ещё раз кивнул.

— Выходить замуж слишком рано и по нужде — это так неприлично, — закачала она головой.

— Нет проблем.

— В нашем роду львицы беременеют очень легко.

— Отлично.

— Знаешь, — встала она и взяла кувшин с комодка, — некоторые тёмный олеамор берут, и так играют. Но тёмный олеамор нерожавшим вреден. Вообще, говорят, что он вреден, — дала ему кувшин.

— Я тебе запрещаю тёмный, только светлый. Впредь будем правильно играть, — ответил он, когда попил; вода оказалась тёплой. Отдал кувшин ей.

— Что же ты, в этот раз решил меня бросить в реку?

Он поцеловал её, не зная, что ответить. А потом нашёлся:

— Помнишь, как ты облила меня чаем?

— Аааа. Месть, — сощурилась она.

— Да. А ещё запах.

— Что запах?

Не ответил. Снова поцеловал, отпустил.

— Помыться бы, — сказала она.

— Да какое мыться, ложись.

Так и получилось: он пошел, задул весь свет и улёгся на спину, а она — справа, возле него, и — конечно же — вся вылезла на него, обвила рукой, закинула лапу, хвост, прижалась с его помощью посильнее.

— Ой, Арад, если я залечу, то я даже не знаю... — тихо, укоризненно и весело сказала ему.

— Я знаю. Всё будет хорошо.

Погладил её по спине, попутешествовал ниже спины, неописуемое удовольствие; без особых сантиментов взял основание хвоста, захотел залезть меж лап, снова вспомнил совет Миресли, и не стал.

— Най... Ну, — заурчала.

В этом была вся Ленайна: сама же приподняла хвост, чтоб не упустил, а потом — возмущение, обвинения.

— Шшшш. Так надо, — и снова он удивился он её мокрым способностям. Даже хвост мокрый.

Вот так львица досталась, ну дела.

— Надо ему... — ответила, прижалась сильнее, выгнулась, и вдруг мурлыкнула, просто так. — Ну, мой Арад, рассказывай те свои истории.

— Слушай, моя Лени, я тебя обожаю, — поцеловал её в нос, и уложил себе под шейю, уставившись в плохо видный, серый потолок.

— Я тебя тоже... люблю... как ты уже понял, — со смешками ответила она, глядя его по груди. — Наверное.

Пощекотала его по шее.

— Так что там? Или штука с историей — обман? Обманщик.

— Не. Там так, Лени. Меня её наставница, Ваалу-Миресли, попросила устроить встречу с отцом. Ну, ты знаешь, он не любит Ашай, Доктрина, все дела. Но встреча, вижу, произошла. Папа им помог, они всё получили, и думаю, она пришла ко мне домой... не знаю, зачем она пришла, — сбивчиво, пространно говорил он, глядя её подбородок, как глядят кошек, чтобы вызвать мурчание.

Ленайна поцарапала ему немного грудь коготками, и спросила:

— Что-то я ничего не поняла. Ты с ней порвал?

— Да. Её наставница настояла, чтобы мы больше не виделись, мой отец протестовал, моя мама меня грызла.

— Ты с ней говорил, что вы — всё?

Арад сделал непозволительное — растерялся.

— В некотором роде...

— В некотором роде? — подняла Ленайна голову, потом опустила. — Это в каком же?

Арад думал долго, и коготки Лени на груди превратились в ритмичное постукивание, так-так-так.

— Смотри, давай я тогда всю правду расскажу. Только это будет наш секрет, ладно?

— Слушаю.

— Я пришёл к ней домой, хотел сказать, что мы расстаёмся. Но...

— А, ну ясно, — перебила Лени, и вздохнула. — Но получилось «но». Ну?

— Вместо неё открыла наставница. Сказала: «Её нет. Она спит». Так и сказала. А потом сказала, чтобы я её бросил, и она мне очень это советует, и очень этого просит. И ещё сказала, чтоб я попросил отца устроить встречу с ней. Я говорю: «Ладно, но мне надо ей объявить, что мы расстались». Ваалу-Миресли ответила: «Не утруждайся, сама всё скажу. Больше она к тебе не подойдёт».

— Тогда понятно, чего она приходила, — понимающе хмыкнула Ленайна. — Ты же с ней не порвал лично, она хотела всё выяснить.

— Вот я ей и сказал, что надо расстаться. Ты сама всё слышала.

— А почему все хотели, чтобы ты порвал с ней?

— Ну папа из-за Доктрины, он ещё Ашаи не любит. Мама — вслед за папой, переживала, чтобы он не злился, и чтобы у него неприятностей не было. Её наставница — всё то же самое, им ведь запрещено беспокоить Сунгов в Доктрине. И я тоже хотел этого.

— А что случилось, почему ты этого захотел? — очень поинтересовалась она, прижавшись к нему чуть сильнее.

— Случилась ты, Лени.

— Ты меня лжёшь.

— А ну подумай, — поцеловал он её. Потом ещё. — Хорошо подумай, — взял за хвост, потянул за него. — Подумала?

— Лжёшь, — очень тихо молвила она на ухо, посмеялась, подлезла к нему выше. Он её немножко помучил: за мордашку, за уши.

— Мурлычь. Мурчи, немедленно.

Она ему помурлыкала, чтобы удовлетворился, снося и дальше всякие мучения.

— Но всё равно это странно, — вдруг сказала, — так львицы не делают. Тем более — Ашаи-Китрах, они ведь гордые, бегать за львом для них унижительно вдвойне. Бежать ко льву домой... Что-то ты мне недоговариваешь, Арад.

— Я всё рассказал, — почесал он загривок, и закинул её лапу себе повыше, насильно задрал ей рубашку — захотел её жар прямо на своём бедре, непосредственно.

— Мне её жаль, — покрутилась она поудобней, подстраиваясь под него. — Странное с ней что-то творилось. Такое, знаешь... отчаяние. И что ты с ней только сделал? Прогневил ты мастерицу жизни, Арад. Да и я с тобой заодно, ненавидит она меня, — озадаченно сказала она.

— Да ладно, будет тебе, что ей тебя ненавидеть. Лев решил расстаться, у него другая. В чём твоя вина? — сцепился он с ней пальцами.

— О нет, Арад, так оно не работает, — вздохнула она ему на ухо, вся потянулась, и он с удовольствием почувствовал её напряжение от этих потягушек. — Ненавидит.

Зевнула, облизалась, он тоже её облизал, ради интереса (как это — облизать львицу, когда та зевнёт?), а Ленайна вдруг и себе его облизала, что его застало врасплох и дало неприятнейшее чувство; вообще, Ленайна иногда точно, расчётливо давала ему меру нежности, и это очень привязывало.

— Тем более, хлётко ты её. Прямо отхлестал. Я бы тебе выцарапала глаза за такое.

— Наверное, плохо, что она тебя ненавидит. Не знаю, что тут поделать.

— Да что уж тут поделаешь, — с будничной меланхолией молвила она. — Как есть... Сам меня туда привёл, — он почуял в её голосе всё что угодно, но не сожаление.

— И меня она ненавидит.

— Другой ненавистью, — уверенно сказала Ленайна. — Она тебе даже ножик оставила, чтобы повод был. Верни-то хоть его, только осторожно. Хочешь — вместе вернём.

— Думаешь, она нарочно кинжал оставила?

— Пффф, — засмеялась Лени. — Нет, случайно! Так получилось!

«Как она ухитрилась заметить, что я спрятал сирну, ну как?», — изумлялся Арад.

— Вернём, вместе, только не ей, а наставнице.

— Ещё лучше, — согласилась Ленайна. — Кстати, а что им было нужно от твоего отца?

— Что-то по Родовому Закону, какой-то документ. Судя по всему, папа им помог, всё удачно.

— Почему так думаешь?

— Ты же слышала: она сказала, что всё не зря.

Арад заметил, что избегает называть её по имени. И Ленайна — тоже. Она. Она, она, она.

— Чего гадать, не проще ли спросить твоего папу? Это хорошо, что он помог мастерицам жизни, нам на руку. Она злиться будет, неизбежно, но мастерица подберет — Ашай знают благодарство.

— Завтра утром и спрошу. Сегодня некогда было, — перевернул он свою Ленайну, решив, что пришло время попробовать её на вкус.

— Некогда ему было... Арад? Ой, Арад. Ты что, ещё хочешь?.. Ну пусти, дай олеамор взять. Только не вздумай меня снова, это... Давай всё правильно. Стой, я же там вся, дай я пойду... Ваал, Арад, ну что ты со мной делаешь... — приложила Ленайна ладонь к глазам, а второй схватила его за гриву, совершенно не представляя, что будет, потому что с ней никогда такого не делали, и она даже не думала, что сделают.

**

Проснулся Арад от того, что его небрежно толкали чем-то твёрдым.

— Я так и знала, — над ним стояла мать, трогая его палкой для штор.

Арад оглянулся, и Ленайны не обнаружил.

— Как же ты на него похож, — в отчаянии сказала она, и махнула рукой.

— На кого?

— Как на кого. На моего праотца, — и ушла что-то делать по комнате.

На самом деле, встал он как обычно; мать всегда встаёт рано, так заведено кругом; и Ленайны тоже не было, она ухитрилась встать, не разбудив, а у него чуткий сон. Он узнал, что по причине чудного, необычно тёплого утра отец сидит на веранде, завтракает, у него выходной день, и Арад почему-то подумал, что Ленайна будет сидеть там, как положено гостье — не особо много мест в доме, где может пребывать гостья, верно? Но её там не очутилось, и Арад, приодевшись в своей комнате на выход и стянув гриву бронзовыми стяжками (ещё не надо, на самом деле, но так все делают), присоединился к неспешному завтраку отца на веранде. В саду брат Аярр стрелял из арбалета, сделанного Арадом, и проклинал всё на свете — что-то ему не получалось. В иное время Арад бы заехал ему по ушам, что ломает оружие, но теперь было хорошо сидеть напротив отца, откинувшись в плетёном кресле.

— Сегодня мы с тобой, — важно сказал отец, держа руку на дневнике и делая ненужные паузы, — пойдём к сиру... как его там... мастер цеха кровельщиков, нам надо перекрыть полкрыши. Потом к сиру Хайли-Селасси.

— Ростовщику?

— Банкиру, сынок. Он — представитель банка. Тебе давно с ним надо познакомиться. Он ещё и недвижимостью занимается. А потом пойдём в магистрат.

— Имя, как у львицы.

— Он хустрианец. Что за простецкие суждения, что с тобой.

— Плохая шутка, пап. Как там с Ашайми? Я так понимаю, ты встречался?

Папа аккуратно потёр двумя пальцами подбородок, пригладил гриву.

Арад услышал цокающие коготки, но это не была мать, и не Седеси, обоих он прекрасно знал по походке, как и отец. В унисон обернулись — это оказалась Ленайна, с огромным маминым подносом; Арад удивился ещё тому, что её она передела в небрежное домашнее платье, великоватое на неё. Сначала ночнушка мамина. Теперь — это. С другой стороны — а что ей ещё носить?

— Доброе утро, сир Нергим. Сегодня сир хорошо поспал? — приятно и бесстрашно спросила Ленайна.

— Доброе. Да, неплохо. Я вообще хорошо сплю, вот мне всегда жалуются на плохой сон, а я... Чистая совесть — вот лучшее снотворное. Ты же гостья, почему ты всё это?.. — смотрел он за ней, пока она ставила супницу, наливала ему чай, ухитрялась смотреть на него.

— Я рано встала, пошла помочь на кухне, что мне ещё делать. Хаману Эвсуга разрешила, — обошла она стол.

— Я с ней поговорю, это неприемлемо, — размахивал рукой отец, — ты гостья.

— Не надо, я сама напросилась. Привет, Арад. Чаю будешь? — и, не спрашивая, дала ему чашку, налила туда чаю и поставила подле чайник. — Сир Нергим, — встала перед ним, книксен. — Спасибо, что сир дал ночь в своём доме. Сир очень добр ко мне.

— Конечно, конечно.

— Мне неловко злоупотреблять добротой сира. Лапа моя уже в порядке, и как только помогу хаману Эвсуге с одним делом, то перестану обременять.

— Ты можешь оставаться сколько хочешь и когда хочешь.

Папу купить легко, нужно знать как. Ленайна мгновенно поняла как — самой простой, неизысканной лестью и прислужением.

— Сир Нергим, к своему стыду, не знаю, чем заслужила.

— Ты очень хорошая маасси, Мальструна-Ленайна.

— Спасибо, сир Нергим.

— Привет, Лени. Эм, — отозвался Арад.

— Арад, надо говорить «Ленайна», маасси надо уважать, — то ли с деланной, то ли реальной строгостью сказал отец.

— Да... — почесал Арад гриву. — Да, пап. Только так.

Вот это хитра. Ай да хитра, восхитился Арад. Кто ей сказал, как обернуть папу в союзники? Мать, наверное. Она знает папины слабости. Но ведь надо решиться, надо всё продумать, и вообще... Ай да хитра.

Папа хмыкнул и взял чай. Что-то покрутил себе рукой в воздухе, внутренне рассуждая. Обернулся, уверившись, что Ленайна ушла.

— У меня для тебя плохая новость, Арад. Ты — нарушитель Родового Закона и осквернитель Радуги Крови, — посмотрел он на него, болтая ажурной чашкой.

— В каком смысле, пап?

«Твою мать, как он узнал, что я Лени трахнул?».

— Смягчающее обстоятельство: ты сделал это невольно, и даже не ведая.

«Это точно, она сама подставилась, да она сама дала!»

— И немаловажная деталь: твой папа — судья, поэтому, так и быть, некоторые преференции и спуск дела на дно тебе обеспечены.

— О чём ты, пап?

— Принял я этих Ашай, сынок. Принял. Что мы имеем? Они хотели новую метрику, для этой Симсаны. Или не Симсаны — кто знает, как на самом деле нарекли её родители-маэматы. Она дхаарка, Арад, маэмата. Нижний, восточный Мствааш, ну и туда дальше, вниз-вниз, по побережью. Вряд ли ты знаешь её жизнеописание, ну да неважно. Её забрала из приюта эта Миресли, и — чудеса волюнтаризма — сделала из неё Сунгу, нарисовала метрику, воспитала, как Сунгу, даже провозгласила её Ашаи-Китрах, смешно сказать. Лучшие из дочерей Сунгов! Какой анекдот... И они пришли меня просто насадить на заборчик, как дурачка. Дай им метрику, дадим, что хочешь, будут тебе деньги, шлюхи... Знаешь, можно скрыть многое, но и не краниальное соотношение челюсти и плече-ушного расстояния, а ещё — цык-цык, — показал он, как режут ножницами, — раздвоенный хвост.

Арад молчал, глядя на найсагрийские узоры скатерти стола.

— И ещё этот серый короткошёрстный окрас. И ещё эти уши. Ну, можно снизить, что это мстваашская полукровка, но вот раздвоенный хвост — нет уж, уволь. Вижу, ты удивлён. Не переживай, они будут молчать, пусть себе делают, что хотят.

— То есть, Симсана — дхаарка? — медленно спросил Арад.

— Да, точно так, — довольно подтвердил отец.

— Они что, в этом признались?

— Ну они не такие дуры, отнекивались. Кричали так смешно «нет-нет-нет», на шею бросались. Эх... Обычной львице, знаешь, достаёт соображения не тягаться со львом умом. Ашаям — нет, больно самоуверенные.

— Может, у неё мать была дхааркой, а отец — Сунг?

— Ну какой отец-Сунг позволит раздваивать хвост? И какой отец-Сунг будет в дхаарских караванах ездить? Как в её фальшивой метрике написано... подожди... сейчас, копию принесу, помотришь, посмеёмся. Я у них копию забрал.

Папа ушёл, Арад остался. Бессильно развёл руками, глядя, как брат и дальше мучается с арбалетом. Брат вдруг озлился, всё бросил, и скрылся с виду, на южную сторону.

«Она оказалась права», — подумал Арад. — «Не надо было слушать Миресли». И вчера она пришла к нему домой, рискуя всем, уже совершенно разбитая отцом, чтобы только увидеть его с Ленайной и быть прогнанной, как псина. Она так просила тебя не слушать наставницу... Неужели она всерьёз дхаарка-маэмата? Из этих никчёмных, грязных, смешных полувов? Это невозможно.

Это невозможно, потому что она имеет дар игнимары, дар от Ваала, и какой дар — он сам видел, своими глазами, свидетельствовал. «Ваал, на что я рассчитывал, отдавая их на растерзание отцу? Я же знал, что это глупая затея. Старая дура Миресли. Отец — идиот. Встретились два недоумка», — сжал чашку в ладони.

— Всё хорошо, Арад?

Это подошла Лени, а он даже не заметил.

— Мёду хочешь в чай? Вкусно будет.

Он смотрел на неё, плохо понимая, что она говорит.

— Что? — мотнул плечом.

— Какой-то ты задумчивый, — улыбнулась она, копнув ложкой в горшке. — На вот медку в чаёк, — он ощутил её запах, когда она прижалась животом к его плечу, прохладная ткань слишком большого, маминого платья, — не хмурься.

Он поднялся.

— Дай горшок.

— Что, ещё хочешь? — смотрела Ленайна, как от неё забрали сладкое.

Арад залез деревянной ложкой, набрал засахаренного мёду, схватил Ленайну за талию, за пояс, перекочевавший со вчерашнего нарядного платья на это домашнее, с очень большими навесными карманами, в которых уже чувствовались через ткань всякие вещи, совершенно ужасно вымазал ей ложкой рот (Ленайна всё это время цепенела), а потом поцеловал — спокойно, сладко, не спеша.

— Я тебя люблю, Лени, — слизал ещё, что увидел, у края её рта.

Ленайна издала смешок, облизываясь и трогая себе рот, нос. Захвачена безоружной.

— Я тебе его в чай вкинула, — оправдалась. — Я липкая теперь, — всё, что смогла сказать.

— Ещё не раз такая будешь, — отдал ей горшок и провёл рукой под хвостом, подгоняя. — Ступай, сейчас отец придёт, у нас разговор серьёзный.

Очень озадаченная и (совершенно удовлетворённая) Ленайна, чуть-чуть помедлив, толкнула его в плечо (безуспешно). Укоризненно заметила:

— Какое ужасное отношение, — необычно высоким голосом, так-то у неё хороший, грудной. — Гадость.

Забрала поднос со стола.

— На моего папу насмотрелся?

И гордо удалилась, задев его плечом, хвостом; Арад на лету пригладил её по животу, талии.

— Прощу прощения, сир Нергим, — встретила у входа отца, прошла первой, взметнулась занавесь. — Спасибо.

Оборачиваясь ей вослед, глядя на колыхающуюся занавеску, Нергим уселся обратно.

— Старается, — щёлкнул пальцами отец, показав в сторону дома. — Хороший признак. Смотри, Арад. Что за книжка?

— «О дхаарах Империи: позволенные породы, сомнительные, запрещённые», — монотонно прочитал Арад.

— Маэматы. Позволенная порода, юго-восток. Смотри, — показал разворот книги.

Нарисованная львица там была очень похожа на повзрослевшую Симсану. И тамбурин, и даже эта поза — он всё помнил с того самого, длинного дня. Помнил её взгляд. Любовь к танцу, да, любовь к танцу. Её тонкая стройность. А тогда, вот тогда, когда он оторвал ей кольцо мастерицы жизни. Надо было не возвращать, объявить, что она больше не Ашай-Китрах, привести домой, сказать, что по дороге нашёл дхаарку, и теперь она будет у него жить. Это невозможно, она не может быть дхааркой — она зажигает самую страшную игнимару в мире. Ваал принял её. Ваал, приди же к помощи своей юной жрице.

— А вот тут о раздваивающемся хвосте, ласточкин хвост.

— Понял, — сказал Арад. — Знаешь, мстваашские львицы похожи на маэмат, нет?

— Похожи. Но мстваашские львицы никогда не уродуют хвоста, чтобы их случайно не спутали с маэматой. А он был раздвоен, поверь.

— Поверю.

Нергим без слов передал сыну копию метрики.

— Вот, сын, я тебе говорил — они что-то от тебя хотели. Ты, не зная, нарушил Родовой Закон, играя с дхааркой, но ничего. Что будет с правосудием и Родовым Законом, если пропускать такие вещи? Что будет с кровью Сунгов, если нарекать Сунгой кого угодно?

— Да, пап. Это возмутительно, — задумчиво смотрел Арад на метрику, подложив ладонь под подбородок. — И чем всё кончилось?

— Сказал им больше никогда к нашей семье не подходить. Пусть делают, что хотят. Или сдать их прокурору и Палате Дел Ашай? — задумчиво посмотрел отец. — Доказательства есть, львинометрию я записал, их слова я записал, копия подделки есть.

— А что с ними тогда будет? — с мастерским равнодушием спросил Арад.

— Старую разоблачат, или даже изгонят. Ашай суровее карают за Родовой Закон. А малую, ну что, будет неплохая дхаарка кому-то в хозяйстве, она же, считай, прекрасно по-нашему говорит, всё такое. Читать умеет, писать. Замуж какой-нибудь Сунг попроще возьмёт, она станет принятой Сунгой, хорошие перспективы.

Арад очень многозначительно смотрел на родометрику, трогал переносицу и допивал чай. Папа устал ждать его ответа и насмешливо посмотрел в сад.

— Нет. Всё-таки Ваалу-Миресли может отомстить. Кроме того, ты им сказал, что дело трогать не будешь, в обмен, что они нас трогать не будут. Нехорошо нарушать слово чести Сунгов.

— Да, согласен, — легко согласился папа. — Ну что, поехали?

— Слушай, пап. Давай я останусь, в иной раз зайду к банкиру. И кровельщику. И всем. Или зайди за мной попозже.

— Что это ты так?

— Я обещался Ленайне кое-что помочь. Мать дала ей одну работу.

— Она что, её за служанку держит? Я с ней поговорю. Такая хорошая маасси, такая хорошая, а она уж работу ей подсунула... — начал уходить папа, но вспомнил, что забыл книги, блокнот и копию совсем фальшивой метрики.

— Я занесу, — успокоил Арад.

Он немножко обманул. Всё он занёс в таблички, кроме копии метрики. Проследил, чтобы отец ушёл. Поглядел, что там Ленайна — она сидела с матерью в столовой, среди кучи бумаг. Пошел к себе, поставил сирну, символ, метрику рядом, на столе. Задумался.

— Лучше бы я тогда истёк кровью, Симсана, — он безжалостно стучал сирной по недешёвому столу. — Лучше бы ты меня не знала. Наделал я тебе, испортил я тебя. Сколько дала ты мне, а сколько — я?

Он подумал о том, что она действительно маэмата.

А потом стала Сунгой и Ашай-Китрах, почему нет. Её принял сам Ваал, а не какой-то чинуш выдал бумажку, не кто-то взял замуж, или ещё какая пошлость. На Совершеннолетия она зажжёт игнимару, и её сразу примет сестринство, и не надо будет никакой бумажки.

«Надо будет пойти и без смятения им так и сказать. Ответ — прямо под носом. Итак, Ваалу-Симсана, Ваалу-Миресли: идите без метрики, пусть

Симси покажет свой красный огонь. Там будут Ашаи — они *все* поймут, они же сёстры понимания. И чтобы голая — трюки невозможны, чистый дух... Я всё видел — всё правда. Всё истина».

Но он обещал, что у неё будет метрика. Ну, где же одна? Где твоё слово?

«Судьи не вариант. Надо... Надо... Надо её подделать! Как в первый раз. Но как? К кому идти? Ваал... Как там? Как правильно надо говорить, сука, почему я Сунг, но не знаю, как правильно говорить, да за что я родился сыном судьи, да за что мне это?! Ваал, укажи мне путь».

Надо найти. Он найдёт, к кому идти. Но перво-наперво надо переписать метрику, сейчас же. Схватив её, Арад торопливо пошёл в таблинный, и — неожиданно — застал там Ленайну, за своим столом.

**

Увидев Арада, Ленайна мило мурлыкнула ему, и продолжила что-то писать. Рядом с ней — мамины счёты, бумаги на полу и даже маленький, ручной мамин сундучок, в котором она скопом хранила деньги, драгоценности и всё, что считала дорогим, например, кольцо, подаренное отцом в помолвку.

— Знал бы папа, что его шутки о львице в таблиннии обрели живой смысл.

— Мне матушка сказала, что это — твоё место.

Он встал сзади неё, погладил по плечу, загривку, она ответила прикосновением ладони. Арад подошёл к балконной двери, открыл её, впуская больше света.

— Ты же не против?

Он не ответил.

— А то у вас негде больше писать, — что-то старательно писала она. — И считать. Разве в столовой. Но это не дело.

— Да.

— Ты всегда по утрам такой серьёзный?

— Только если не успел тебя нацеловать, — подошёл он к папиному столу, — и наестся твоего запаха, — взял оттуда графис, посмотрел на него, остёр ли, — если я встаю, а тебя рядом нет.

Снова он сзади неё, ладони на щеках, на скулах, лизнул меж ушей, в переносицу. Ленайна пахла собой, кухней и мылом.

— Ну пусти... Ну сейчас кто-то зайдёт... Перестань, — глядела на него в искаженной перспективе, вверх лапами, снизу-вверх. Потом обернулась, вылезла коленками на стул.

— Най, признавайся, я ведь вижу, — обняла спинку, снова смотрит снизу-вверх.

— Мой отец не помог мастерицам жизни, — поглядел Арад в сторону, на улицу. — Он им отказал. И запретил им подходить к роду Инсай.

Бросил метрику ей на стол, прямо на все её записи и бумаги. Ленайна не посмотрела.

— Что ты можешь поделывать. Ты сделал, что они просили.

Арад вздохнул, провёл пальцем по стене. Потом когтем.

— Плохо, конечно, — добавила Ленайна. — А почему он им отказал?

— Сказал, что Симсана — дхаарка. Мол, метрика ненастоящая.

— Что? — с издевательским удивлением спросила Ленайна, так спрашивают о глупой шутке.

— Да, вот так. Но этого не может быть, — спокойно, уверенно сказал Арад. — Она же Ашаи.

— Какое оскорбление, — приложила она ладонь к щеке. — Это плохо, Арад. Ваш род вконец разругается с Ашаи, — схватилась за ухо. — Ой, с мастерицами. И ты тоже. Это плохо для нас.

— Само собой. Она жгла огонь Ваала, я своими глазами видел. Дхаарки так не могут, это невозможно. Никакая она не дхаарка...

Арад отошёл снова к балконной двери.

— А я думала, что это у меня папа с особенностями, — почесала она загривок. — Ну, есть как есть. Ты попытался ей помочь, не вышло.

— Я обещал её наставнице, что у неё будет метрика, — смотрел он в мир.

— Откуда ты мог знать, что твой отец так поступит?

— Надо было догадаться, — ухмыльнулся он. — Надо было её послушать, — оскалился. — Она говорила мне не делать этого. Лучше бы она меня вообще не знала.

Кажется, Ленайна сошла с своего места и подошла сзади, слева, но Арад не смотрел. Он всё так же смотрел на серые, спокойные облака.

— Ну что ты можешь поделывать? Ты всё сделал, как просили, нет твоей вины.

— Я вот и думаю, что могу поделывать.

— Ты что, только об этом теперь и будешь думать? — кажется, Ленайна злилась. Или возмущалась. Или ревновала. Или всё вместе.

Арад не повёл ухом. Скрестив руки, он теребил тунику на плече. Но вместо идей, планов, тактики в голове темнела полная пустота.

— Я говорила, что она тебя так просто не отпустит, — видимо, Ленайна сзади прохаживалась влево-вправо. — Видишь: она пришла, рискуя нарваться на твоего отца, нож оставила. Видишь?

Арад понимал, к чему она клонит.

— Знаешь что, Арад?

Она встала перед ним.

— Что, моя Лени?

Ленайна молчала, и смотрела ему в глаза. Она требовала чего-то. Она хочет, чтобы он всё оставил? Да, она этого хочет. Это логично. Это неизбежно. Она хочет склонить его к правильному решению, пустить по своему руслу. Это понятно, она даже вправе, учитывая всё их положение.

Но ещё больше, чем исполнение своих желаний, львица хочет иного: его решений и его принципов.

— Я должен это сделать. Дело не в ней, я решил убить наши с ней отношения, и я сделал это. Дело в принципе. Я — верנוверный Сунг, Лени, и я пообещался Ашаи-Китрах. Я должен исполнить то, что обещал.

— И как ты решил исполнить? — сощурившись, с подозрением спросила Ленайна.

Она была очаровательна, на самом деле. Склонив голову набок, нервно стуча графисом о лапу, она мотала хвостом; её добрые глаза пытались быть строги и серьёзны.

— Ещё не решил. Буду думать. Но я достану эту метрику. И дело с концом. Она должна стать Ашаи-Китрах, она должна гореть во славу Сунгов, — очень жёстко сказал он. — Наш с тобой дом, Ленайна, будет верноверен. И мы с тобой будем растить детей, как настоящие Сунги.

Она пошла по кругу, а центром был он.

— Как ты всё решил, — сказала слева.

— Это что, предложение? — сказала справа.

— Это данность. Хоть в чём-то определённости, слава Ваалу.

— Всегда и везде, — остановилась напротив него, и дотронулась к его руке. Он же взял её за ладони и укрыл её в объятиях.

Ленайна побыла у него немножко на груди, а потом подняла голову, и посмотрела на него снизу-вверх; трогая когтем шею, доверительно сказала ему:

— Подойдём к моему папе, он знает всяких хвостов, что документы рисуют.

— Думаешь, знает таких, что родометрики делают?

— Всё рисуют, — облизалась она. — Наделали вы дел, ты, и твой отец. Нехорошо с мастерами ругаться. Надо от них откупиться: сдержим слово — на пользу будет.

Арад подумал. Хорошо. Очень хорошо.

— Тогда надо переписать её метрику. Возьму и сразу пойду к твоему отцу. Он у себя в оружейке?

Разлучили объятия, пошли к столу.

— Должен быть. Ищи в подвале, поспрашиваешь. Да не садись, — остановила его, — я сама перепису. Где она там, метрика-то... так... Симсана, из рода Вирд...

— Перепиши всё точно, ничего не упусти, — указывал Арад.

— Как скажешь.

Как обычно, встал сзади неё и начал мешать писать.

— Пойдём вечером гулять, — теребил её за плечи, — а вскоре поедem в Муур.

— Хорошо.

— Я ещё начну продумывать, как и что с Марнским университетом, — под руку ему попались её уши, он играл с кольцами, она прижимала уши, чтобы хоть как-то спастись. — Что-то я гимназийные дела забросил совсем. Я там уже не первый, а второй, или — унеси Ваал — третий. Непорядок.

— Ты что правда там был первый по учёбе?

— Был, есть, буду.

— Знаешь, всё хотела тебе сказать, — увёртываясь, пытаюсь совладать с его приставаниями к шее. — Для архитектора ты слишком непоседливый. Для судьи ты слишком прямолинейный. Тебе бы что иное.

— Например? — спокойно поинтересовался Арад, ища способ схватить её за хвост.

— Чтобы ты стал львом дела. Тебе бы пошло. Очень. Арад, я тебя умоляю, не надо. Я ошибку сделаю. Пятно, пятно сейчас будет, всё испорчу, бумагу испорчу. Да перестань! Ну Арад... Сейчас кто-то зайдёт... Твоя мама зайдёт, — яростно держалась она одной рукой за подол, честно пытаюсь писать. — Ты невыносим, так нельзя жить, ненавижу тебя. Ай, я же говорила! Пятно осталось! Переписывать наново?

— Ничего, пусть так будет, — утвердил Арад.

**

— Только для заказчиков, — остановил Арада тёмный, старый, сухой лев перед низкой, окованной дверью.

— Я к сиру Мирану.

Лев оценивающие поглядел на него, на меч в ножнах правой руке, и отодвинул крохотную заслонку на двери.

— Как юнсира представить?

— Арад.

— Скажи, что Арад пришёл! — прорычал он кому-то в окошко, и захлопнул.

Мотнув хвостом, Арад поправил плащ, осмотрелся по сторонам. Не сразу он нашёл этот Подвал. Именно так: все называли это место не просто подвал, не что-нибудь, а именно Подвал — со значением. Из четырёх опрошенных три отказались показывать, где это, считая, что тот, кому нужен Подвал — знает, где Подвал. И только один — очень молодой лев, кажется,

подмастерье кузнеца, и возможно, даже тот самый коняга — молча показал направление. Ленайну можно понять — будь Арад львицей, он сам бы такому дал поиграть, чисто из интереса.

Ну, теперь это в прошлом, теперь она — частная собственность.

— Если меч продать или пожаловаться на работу, то это навёрх. Хотя не знаю, на что тут жаловаться, — сторож двери кивнул на оружие.

— Хороший, правда? — подкинул Арад ножны в руке.

— Где ты такой достал? Тысячи три стоит, норрамаркская сталь.

— Мне сир Миран подарил.

Не в силах скрыть удивление, лев ещё раз открыл окошко:

— Ну что там?!

— Впускай, выпускай его, — торопливо, глухо кто-то отозвался из-за двери, потом она открылась, Арад вошёл и стал ведомым у большого льва южного вида, облачённого в кожаный передник, как мясник, с большой связкой ключей. Арад шёл по длинному коридору, и справа-слева были двери, некоторые — открыты, некоторые — нет; некоторые помещения вообще не имели дверей. Так, в этой склад, мешки. В этой — четыре льва рубятся в кости, при свечке. Из закрытой двери неслась страшная брань. Ещё одно помещение пребывало пустым. И все помещения были случайного размера, даже формы. В одном он увидел кучу старого железа, видимо, на переплавку, или Ваал знает зачем.

Почти в самом конце коридора его завели в комнатку с двумя колоннами, и меж ними подле широкого, большого стола сидел сир Миран; по комнате хаотично торчали подсвечники, и ещё немного света скудно вато пробивалось через верхнее оконце. Возле сира Мирана сидел ещё львина, тоже худой, высокий, с гладкой и блестящей, как шерсть хустрианки, гривой; злой и скептический вид.

— Что, Арад? Ты чего пришёл? — очень удивился сир Миран, даже встал. — С мечом что не так?

— Добрый день, сир Миран. С ним всё так.

— Так зачем ты его притащил? — показал ему Миран садиться, пожал руку.

Второму льву Арад тоже протянул руку, и тот пожал её, но крайне нехотя.

— Я всюду с ним хожу.

— Что, и в свою гимназию — тоже?

— Нет, там нельзя.

— Так какое это «всюду». Любое место, куда лев не может зайти с оружием — говно.

— Как ты зайдёшь в блядский дом с оружием? — спросил злой лев.

— Это что, по-твоему, хорошее место? — скривился сир Миран

— Отличное, — утвердил тот.
— Так что тут торчишь, вали туда работай.
— Как ты зайдёшь в больницу? — не впечатлился лев своим увольнением.
— Это что, тоже хорошее место?
— Как ты зайдёшь в стаамс дисциплинария? Как ты зайдёшь в Круг?
— Ну всё, всё, хватит. Так что там? — спросил сир Миран у Арада. — Я так понял, ты за дочь спрашивать решил. Ну ты даёшь! Рановато, будешь ехать в это... в Марну... тогда и приходи.
— Сир Миран, я... — попытался Арад.
— Да бери, бери, приданое будет. Поедете там в Марну или куда хотели, там есть её праматерь, мать жены, такая, знаешь, обедневшая полублагородная. У неё нихера нет, только связи. Она вам с жильём вроде поможет, только не слишком её слушай, она стерва. Там устройтесь и хоть на голове ходите, только свадьба в Галлене, только тут. И хорошо за ней смотри! Она за тобой будет, она такая, как мать.
Тёмный лев почесал затылок, не выражая эмоций.
— Нет, я не о том. Я пришел к сиру с просьбой.
— Ну?
— У меня есть проблема.
— Проблема?
Арад поставил перед ним текст метрики, переписанный Ленайной.
— Ленюня писала, — сразу узнал почерк дочери Миран. — А где она, там проблем нет.
— Сир Миран, мне нужно эту метрику... — и Арад многозначительно смотрел тёмного льва, тот посмотрел на Мирана, Миран посмотрел на Арада. — Как бы это объяснить...
— При нём всё можешь говорить, вообще всё, — понял сир Миран. — Давай, рассказывай.
— Мне надо такую метрику сделать, неофициально. Я пообещал это сделать одной Ашаи-Китрах. Мой отец хотел помочь, но не получилось.
— Почему не получилось? — очень цепко спросил Миран, щурясь на метрику и заодно показывая её тёмному льву. Тот смотрел безучастно, сучая.
— Бюрократические сложности.
— Кто это, Ва-Симсана? — спросил черногрив у Мирана.
— Маленькая Ашаи у Ва-Миресли. Миресли ты хоть не забыл, а?
— Забудешь тут. Так ты знаешь Ва-Миресли? — реально заинтересовавшись, спросил друг (подчинённый? партнёр?) Мирана.
— Да, я её знаю, — кивнул Арад, поставив локти на стол. — Я ей обещал это сделать.

Черногрив закивал головой:

— Я знаю эту тему. Она ко мне подходила с этим, год назад.

— Ну? — насторожился Миран.

— Ты же сам сказал, что художества только для Подвала. Сказал ей, что без понятия.

— Симсана жжёт игнимару, сир Миран. Она — Сунга. Я сам всё видел, — вдруг сказал Арад, прильнув поближе, и край стола сдавил грудь.

— Само собой, сынок. Конечно, Сунга, в чём вопрос. Ашай-Китрах — самые чистые самки, — просто согласился сир Миран.

— Как это ты видел её игнимару? — со знанием дела поинтересовался темногрив. — Ашай до Совершеннолетия игнимару простым не показывают.

— Она его подружкой была, — поднял палец Миран, вторым водя по метрике.

— Ого, да ты ходок. Развести Ашаю на такую тему — это не два пальца, — с завистью посмотрел он на Арада. — Всегда хотел такую херню, — сказал он Мирану и горестно вздохнул.

— Что, она без метрики так и бегала? — посмотрев на Арада, сир Миран безжалостно растёр себе морду и подёргал усы.

— Нет, потеряла года три назад. В речке утопила.

Темногрив иронично заулыбался, Миран, и далее дёргая ус, посмеялся.

— Что, она тебе не подружка уже? — любопытствовал друг Мирана. — Она себе постарше, посильнее нашла?

— Вроде того, — уклончиво ответил Арад.

— У него же Лени есть, — ревнительно возразил Миран.

— Да какая разница, — махнул рукой злой лъвина. — Львицам полезно ревновать. Что ему, семнадцать лет, восемнадцать, он на всё должен класть.

— Не-не-не, не учи его, с Ленюней надо ласково, она очень хорошая, с ней в говно не наступишь.

Черногрив пооблизывался, ничего не ответил. Арад тоже ничего не сказал. Миран изучал копию копии метрику, очень внимательно, прямо как истинный бюрократ.

— Знаешь, когда дело касается дочерей, то мы всегда делаемся придурками, — заметил вдруг черногрив.

— Ладно, я понял, — не обратил Миран внимания. — Что ж. Ашаям помочь — это правильно. Они потом отдадут, — сир Миран бросил метрику на стол и цыкнул.

Установилась тишина, прерываемая гоготом из коридора и глухими ударами сверху. Сир Миран спокойно, изучающе смотрел на Арада. Потом кивнул черногриву, тот нагнулся, что-то выслушал, наставив порванное ухо. После этого — молча вышел.

— Любить Ашаю это угодно Ваалу, это правильно. Всегда так хотел, но они мне не давали. А ты ушлый, они тебе доверяют. Это хорошо. Это значит, что ты — нормальный. Понял?

— Да, сир Миран, — кивнул Арад.

— Можно помочь этому делу. Метрику можно придумать, — сказал он, неотрывно глядя на Арада. — Но это тихое, и сравнительно недешёвое дело.

— Сколько надо заплатить, сир Миран?

Он покусал губы, потом крякнул, полез под стол, достал бочонок, взял оттуда же липкие кружки, и одна поехала к Араду.

— Пивко любишь?

— Нет, сир Миран. Но можно налить.

Тот громко рассмеялся, и всё-таки налил ему, немного. И себя не обделил.

— Так сколько надо заплатить? — настаивал Арад.

— Тут даже вопрос не сколько. Тут вопрос — чем.

— И чем? Если у меня этого нет, то я сразу скажу. Но попробую достать.

— Доставать не надо. Мне нужна, — отпил, — твоя жизнь.

Арад погладил переносицу, щеку, потянул ус.

— Если это игра слов, то меня не хватило её понять.

— Нет, не игра. Эту услугу я могу сделать только для своего. Это подделка документов и нарушение Родового Закона. Сам знаешь. Мне нужно, чтобы кто-то перенял мои дела. Сына у меня нет, точнее, есть, но это так... случайности случаются. Мне нужен тот, кто будет ходить за мной, лапа в лапу, и всему учиться. Нужен уже вчера. Ты мне вроде подходишь. Ты смышлён и... — сир Миран не договорил комплиментов. — А у твоего отца ещё два сына, пусть любого делает судьей или что там он хочет. Мне бы так! Мне жена должна была пять детей дать. Или шесть. Смогла только двоих, и то вторая шлюхой будет. Но первая... Везучий ты львина, отдаю тебе, отдаю даром, потому что ей ты понравился, а у неё чутьё, как у лисицы. Никого никогда к себе не пускала! Сделай ей детей в её восемнадцать, и быстро делаем свадьбу, такую, чтобы я напился, и не останавливайтесь, делайте лвьят много, чтобы я ими налюбоваться смог, чтобы они по мне лазили, понял? Свои учёбы ты бросаешь, идёшь сюда, как на работу, каждый день.

Сир Миран нагнулся к нему, подозвал быстрым жестом.

— И с Ленайной — тут ты не прогадаешься, — почему-то хрипло зашептал, — бери её. Не прогадаешь, я тебе дело говорю. Да, рано женишься, по расчёту, не набегаешься, но хорошо будет, не хреново. В тюрьму легче смолоду, — подмигнул. — Ты не смотри что у нее пары зубов нет...

— Кстати, а что это с ней стало?

Отец Ленайны поелозил кружкой.

— Да ей было лет семь. Или девять. Я пьяный пришёл очень, ничего не помню. Жена сказала: этой, палкой для белья, ей зубы выбил. Думал что собака. Она же ещё сызмалу сноходит, шляется ночью по дому. Я ночью пришёл, и вот...

— Что? — изумился Арад, растопырив ладони.

— Ну каюсь я, каюсь... ну было! Правда! Я выбил! Я не хотел! Дурак. Я ей теперь всегда и денег даю, и подарки покупаю. А она мне помнит. Думаешь, я этого не знаю? Ну я люблю её! Ваалом тебе клянусь! Я ей лапы целовал, понял, я!

Помолчали.

— Ну что ты смотришь? Ты же не в зубы будешь ей смотреть? Это не видно!

— Да всё равно на зубы, она мне и так хороша. Что за поступок такой?

— Такой вот. Плохой. Не переживай, она всё умеет: готовить, прислуге по ушам давать, может тебе штаны... как это сшить, сделать, да? Считать, вот считать она молодец, её мать научила. Она сама счетоводница, Мирна, моя жена. Знаешь, как я с ней познакомился? Зашел, значит, в школу счетоводов, есть такие, в Мууре есть такая, ну как школа швей, ткачих там, понял, мне сказали, мол, там есть маасси, и все не замужем, понял, а мне было двадцать один, и отец меня загрыз уже: «Женись и женись, мне помирать скоро, а ты ещё не женат и не в Легате, а сам уже в деле вовсю, это нехорошо для дела», и я значит захожу — смотрю: так, какая мне нравится, о, вот эта нравится! Подхожу, щипаю ее за жопу, и говорю — «Выходи за меня». Ой...

— А она что? — Арад заинтересовался.

— Дай договорить, а она, дура, как разбила счета, у нее в руке счета были, понял, о мою голову, прямо вдребезги, и такая: «Ты сволочь, я из-за тебя счетов лишилась, теперь за них платить надо!», а я говорю: «Пошли, красавица, я тебе сто счетов куплю», и пошёл, заплатил, или купил новые, не помню уже.

— А что потом?

— Да что потом, покрутила хвостом немного, ну ты знаешь, как они крутят, и вышла, куда деваться. Ну, давай, за то, чтоб самки были обильны.

Арад не против, чтобы они были обильны. Сир Миран за такое выпил всю кружку, и сразу долил себе ещё.

— Как только не выкручивайся — всё равно мир кругом них вертится. Только никому не говори, а особо им. Понял?

Арад кивнул.

— Родометрика — дело щекотливое. Но реальное. Но не своему делать не буду, даже ради Ашай.

Арад крутил кружку в руке.

— Ну что, договорились? — нажал сир Миран. — И не нужна никакая Марна, вся эта херня. Продолжишь моё дело. Деньги у тебя будут! Дочь себе заберёшь. А она всё умеет, всё знает, всё тебе поможет. Нахейм! Да ты меня грабишь! — стукнул он кулаком по столу. — Всё будет... — он обхватил голову ладонями, словно в большом горе.

Арад встал, прошелся. Надо бы подумать, но думать совершенно нечего. Поздно думать. Он обещал, вот и всё.

— Меня сюда привёл Ваал. Я согласен.

— Хорошо, — мгновенно ожил сир Миран. — Давай, колемся, дело вроде простое, но так-то серьёзное. Блядь, где мой ножик... — шарил он по поясу, оборачиваясь, потом полез щупать кнемиды.

— Кровоклятва? Вот, прошу, — протянул ему Арад сирну Ваалу-Миресли. У него есть свой нож. Но он решил шикануть.

— Ну таким хер уколешься, только резаться. Эй, что это... Где ты достал сирну Ашай?

— Это сирна Ваалу-Миресли. Я ей отдам, вместе с метрикой.

— Ты, Арад, всю жизнь с ними накоротке будешь. Что-то ты им полюбился. Далеко пойдёшь, — сказал сир Миран, и порезал себе ладонь.

То же, молча, сделал и Арад. Было не больно. Прямо вообще.

— Ну, дочку к лапам, дело в руки. Я тебя научу.

— И метрика. Договорились.

Пожали друг другу руки, кровь пролилась каплями на стол.

— А что за дело, сир Миран? Оружием торговать? Или что-то ещё?

— И что-то ещё, сынок, — кивнул сир Миран, скалясь ему от большого удовольствия.

**

— Знаешь, моя мать впервые прогадалась с погодой, — сказал Ленайне Арад, протягивая ей руку из двуколки. — С утра говорила — дождя не будет. И вот, словно небо перевернули.

— Удачная погодка, — ей падали с капюшона крупные капли.

— Не говори.

Дождевая накидка, дождевой плащ — на ней. Лизнулись, её горячий язык, тепло её дыхания, сладкая львица на вкус, домашний запах.

— Ты всё взяла?

— Да, — уселась она и спрятала ладошки в рукавах. — Не знаю, как ты его убедил, Арад.

— Убедил что? — тронул Арад двуколку. — И кстати, покажи метрику.
Теперь всё было своё: и лошадь (Цайка, она выздоровела, прямо в один день, как в сказке), и двуколка, или, как её называл Арад да братья — тачка.
— Убедил сделать метрику, — шмыгнула Ленайна мокреньким носом.
— Он делал её у одного серьёзного льва, к нему редко обращаются. А метрику потом глянешь, дождь ведь.
— Я знаю. Через Смону. Я у него был. Он здесь. В Галлене. Пять сотен шагов от дома Миресли. Ирония, — меланхолично заключил он.
— Ого, папа тебя даже к Смону пустил... — даже через капюшон видно, сколь навостро встали её уши.
— Мы с твоим папой договорились так: я бросаю гимназию и остаюсь в Галлене, он будет учить меня делам, я буду всё потихоньку перенимать.
Только цокали копыта по дорожке, установилась тишина, все спрятались по домам или возле домов от дождя: негустого, но с огромными каплями.
— Что? Почему ты мне не говорил? — драматично сказала Ленайна и схватила его за мокрый рукав.
— Я ещё никому не сказал, — он поправил руку, — пока метрика не готова. Но вот, она с тобой, поэтому... ты уже знаешь.
— Ты отказался ехать в Марну? Ты не станешь судьёй, не будешь архитектором? — она очень пыталась найти его взгляд, но Арад ведь смотрел на дорогу.
— Похоже, что нет, — склонил голову к ней, и выразительно поглядел, а потом даже подмигнул.
— Но это же всё меняет, — Ленайна и себе поглядела на дорогу.
— Да, жизнь будет другой, это несомненно. Мои родители будут не в восторге, огромные коррективы, но что поделать.
Ленайна помолчала, и каким-то неизвестным львам, но известным львицам способом давала знать, что её молчание — крайне многозначительно.
— Знаешь, Арад, — ревностно, даже яростно начала она, — я вижу, ты ни перед чем не остановишься, чтобы ей угодить. Вижу, ты на всё готов ради неё. Ваал, я думала, вы с моим отцом о деньгах договорились, а тут прямо вся жизнь наизнанку...
— Нет. Это не ради неё, — очень спокойно ответил он, поворачивая налево. — Это ради меня. Я пообещал, и не ей, а наставнице, что у неё будет метрика. Моё слово, и мой принцип.
Издавала смешок и сразу вставила, быстро:
— Теперь тебе ничего не мешает снова с ней связаться, раз ты порвал с марнскими планами и судьейством.
— Зачем мне она, если у меня есть ты, — ещё спокойней ответил он.
— Но ты едешь к ней, делаешь поступок ради неё. Даже я с тобой еду. Даже меня ты взял, — зло и разбито сказала Ленайна.

Но Арад уже понимал, что в мире львиц к чему. Всё им надо пробовать на зуб, в том числе таких вот Арадов, как он; всё-то они пробуют, просто так не верят. Проверяют — тот ли? Хорош ли?

— Потому что пообещал. Наши отношения с Симсаной прекращены, я так решил. Но я даю львице шанс стать Ашай-Китрах, во славу Сунгов, исполняю обещание, связываю себя дружбой с мастерицами жизни, перенимаю дело твоего отца и люблю тебя, и теперь ты едешь со мной, чтобы быть там со мной. Я всё делаю из принципа, я дал обещание, и воля Ваала, чтобы я его исполнил. Чувства неважны. Я мог ничего не делать, но сломал бы обещание. Если ты с чем-то не согласна и не желаешь дальше ехать, то скажи. Я сразу остановлюсь. Если ты не согласна хоть с чем-то: с тем, что я лев принципов; с тем, что Ашай — нужны; с тем, что так указал Ваал; с тем, что едешь туда со мной; — считал он на пальцах, — с тем, что перенимаю дело твоего отца, а не делаюсь судьёй; с тем, чтобы быть моей львицей; с те...

— Встань тут, — потребовала Ленайна, необычно тонким для неё голоском.

Арад исполнил просьбу, встал с правой стороны и подумал, что если Лени сейчас выйдет, то может оступиться и упасть в канаву. Надо бы ей помочь с иной стороны, что ли... Но тут когти на плече с левой стороны, с правой, её мокрый плащ, мокрая накидка, мокрая она — всё подалось, её мокрый нос встретился с его, и Арад, верно, впервые в жизни увидел, чтобы львица так отчаянно требовала внимания. От её объятий капли попали на щеку, скулу.

— Арад... Арад... Арад... — заклинала она, тепло дыша на него, требуя от него действия, любого, что угодно.

Он поцеловал её, но она точно хотела ещё, даже ещё больше подалась к нему; пришлось, чуть нажав, усадить её обратно, ровно на хвост, и сжать сильнее ей руки-плечи, ибо так не доедешь никуда. Ленайна, словно устыдившись порыва, поджала ладони у шеи, находясь в капкане его рук, испуганно и радостно блестела глазами.

— Лени, мы же на улице, — оглянулся он.

— Что, Арад, правда? Примешь папино дело? — не изменив ни положения, ничего, горячо и тихо спросила она.

— Да. И всё будет, как надо, — кивнул ей, не отпуская.

— Я тебе помогу, — приложила ладони к его груди. — Я тебе в чём хочешь помогу.

— Я знаю, — успокоил её поцелуем (самый тающий, самый мягкий, который доселе ощущал), отпустил, и поехал дальше.

Немного проехали молча, Арад подождал чуть, но его львица молчала, потому начал в голове репетировать: «Привет, Симсана, я принёс тебе сирну и метрику». Нет. «Симсана, это мы. Это метрика. Это сирна». Хм...

— Да, хорошее отношение с мастерицами жизни, с Ашаями вообще — большой такой плюс, — как ни в чём не бывало отозвалась Ленайна. — Прямо прибыль!

Арад кивнул.

— И что ещё вы с папой договорились? — так же буднично поинтересовалась она, расслабленно глядя по сторонам, чувствуя приятность от катания.

— Что ты выйдешь за меня пораньше.

— О, значит у меня нет выбора, — громко вздохнула. — Брак по расчёту.

— Да. Родовой союз, — подтвердил Арад. Потом себе под нос добавил, неслышно: — Правда, чуть не такой, как представлял мой род.

«Поломанная жизнь, поломанные планы, поломанное всё. Войска бегут на другую войну», — насмешливо думал он.

— Бедная я. Родовой союз, как же ещё. Нежеланный, противный львина, которому даёшь, сцепив зубы, и которого даже не боишься. Домашние заботы. Бесконечные проблемы, глупые служанки, что всё крадут и ставят где попало. Злая матушка, недовольный отец мужа. Одна отрада: шитьё, дети да сплетничать. Вышью на все стены, и на все двери, и на все столы.

— И деньги считать, — напомнил важное Арад.

— И деньги считать, — снова вздохнула она.

Теперь место выбрал он, поудачней. Она прямо напротив окон трехэтажного дома остановила, он же — возле глухой стены склада мастерских, что делали повозки.

— Да я пошутила, мой Арад, най, — примирительно, мягко сказала Лени.

— Всё. А теперь сцепи зубы. И не бойся, — и Арад полез ей, утерев руку о морду, по лапе вниз к щиколотке, к подолю платья.

— Что ты задумал? — насторожилась она, и на всякий случай сжала лапы, но не очень помогло. — Ай! Холодный, мокрый, Арад, ну отстань! Я же всё раздавлю, все бумаги, что в карманах... Ай! Хватит! — бесконтрольно смеялась она, пытаясь не пустить его выше колен, забившись в уголок. — Ну пожалуйста! Пусти мне хвост! Арад, ну дождь!

— А ты сцепи зубы и не бойся. Смеяться нельзя, бояться нельзя.

— Я больше не буду, ну сжался. Пожалуйста. Ну всё, всё.

— Лапы расслабь.

Лени доверилась, обмякла. Он отпустил коленку, и неожиданный трофей, который поймал по дороге вверх — хвост.

— Гадость! — заявила, когда тронулись.

Эффекта это не возымело, и Ленайна добавила, разглаживая себе одежды:

— Никакого уважения. Мы с тобой ведём себя, как... Как...

Вместо ответа он взял и поцеловал ей ладонь изнутри.

— Арад, мы так не доедем.

— Тогда не дразнись. Сидишь и дразнишься собой тут.

— Я же ничего не делаю.

— Тем более. Вон, почти доехали. Вот их дом.

Ленайна притихла.

— Заеду с поля, — сказал Арад, и почувствовал волнение.

До этого не волновался. Сейчас... Вспомнил, как пришёл сюда в первый раз. Похожее ощущение. Захотелось, чтобы дома никого не было. Или — самое лучшее — только Ваалу-Миресли. Дать сирну, дать метрику, откланяться. Или... Или чтобы пропали все, все на свете, чтобы были только он и она.

Арад резко, нервно привязал лошадь к дереву со стороны поля; она, Цайка, пила из лужи; Ленайна сошла с двуколки сама. Кивнул ей, пошли. Пропутешествовали по извилистой тропке, встали оба прямо под дверь, попрятавшись от неприятных струек, что капали с крыши.

— Как думаешь, кто-то есть? — поправила Ленайна свои большие, хозяйственные поясные карманы, глядя на него.

— Ном повёрнут к нам, значит — есть, — ответил Арад, и постучал — громко, даже слишком; вспомнил, что могут быть новорожденные, роженницы, и вздохнул со стоном.

Никто не открывал. Арад оперся о стену, скорчив фальшивую скептически-заскучавшую гримасу, Ленайна стояла ровно, спокойненько, смотрела то на него, то на дверь. Он волновался. Постучал ещё раз; подумать только — теперь он переживает, как его примут в этом доме, тая опаску. Эта жизнь, да что с ней не так.

— Кто там?

Конечно же, это оказалась не Миресли. Конечно же, это была Симсана. Голос у неё странноватый: отстранённый, потухший.

— Это я. Это мы.

За дверью подумали. Потом открыли.

Симсана — не в мастерине, как обычно, а в самом простом, коричневом домашнем платье, даже немного помятом — держала у носа платок, утирая его; глядела не на него, а ему под лапы.

— Привет, Симсан.

Кажется, Ленайна сбоку кивнула, но Арад не смотрел.

— Зачем ты пришёл?

— Мы кое-что тебе принесли, — с лишней радостью сказал он.
Она втянула носом воздух, спрятала платок. Посмотрела на него.
— Что это с носом? — спросил Арад. Надо же чем-то заполнить пустоту.
— Простыла. Заходи, — и отошла от двери, прочь, внутрь дома.
Ленайна и Арад переглянулись, и он вошёл первым.
— Кажется, наставницы нет, — тихо сказал Арад.
Ленайна кивнула.
— И рожениц тоже. Никого нет, — добавил.
Чуть посомневавшись, Ленайна начала снимать плащ, и Арад помог ей. Помыли лапы, руки, поутирались. Лени держалась рядом, близко. Он вытащил из-за пазухи сирну Ваалу-Миресли, он носил её только скрытно, сзади и за одеждой.
— Метрика у тебя где? Я думал, она у тебя за пазухой. Или как.
— В кармане, — постучала Ленайна по большому поясному карману. — Всё есть.
Он зашёл в главную, столь знакомую комнату. Было темновато и прохладно, Симсана стояла к ним хвостом, возле стола. Арад увидел, что её уши отошли назад — она их услышала; всё верно, услышала, Симсана развернулась, снова удерживая платок одной рукой у носа, второй же держала локоть. Оперлась боком о стол.
Арад подошёл к ней ближе; он как-то себе представлял, что Ленайна останется сзади, но нет, она неотрывно следовала за ним. Протянул Симсане кинжал-сирну, рукоятью к ней.
— Ахам. Думала, что себе забрал, — саркастично сказала Симсана, дальше глядя ему под лапы, в живот, куда-то туда. — Трофей...
Потянулась за ней, заткнула её за матерчатый пояс, сбоку.
— Наставница ругала тебя за сирну? — примирительно, спокойно спросил Арад.
— Какая тебе разница, — холодно ответила Симсана, снова спрятав платок.
— Она ко мне не подходила. Думал, при случае отдам.
— Не волнуйся, к твоему дому мы уже подходить не станем, — Симсана поглядела в окно, гладила стол ладонью. — Да и тебе к нам нельзя. Ты что, забыл?
Араду было жаль видеть её такой холодной. Впечатление далось ему непросто: вчера ты видел кого-то столь тёплой, живой; сегодня — такой вот лёд, север.
— Симсана...

— Почему ты пришёл с ней? — живе́й, куда живе́й спросила она, голос её изменился, он словно наново узнал её; и глядела Симсана уже на него, в глаза. — Ты что, меня боишься?

— Нет, не боюсь. Она — моя львица, мы сплетём наши роды.

Симсана ухмыльнулась, а потом засмеялась.

— Какая нелепость — найти себе жену в шестнадцать, — пригладила себе уши.

Арад скрестил руки, перевёл вес на левую лапу, правую подал вперёд.

— Не знала, что ты такой подлапник, — окинула его взором, зачем-то пошла к главной кровати посреди комнаты, и там, бросив, оставила сирну.

Он ничего не ответил.

— Спасибо за сирну, Арад, — обернулась. — Что-то ещё? — запахивала она ворот платья потуже.

Арад заметил, что Ленайна молчит. Это было правильно. Это было чрезвычайно правильно. Ему это очень понравилось. Он боялся, что она будет что-то говорить; но она делала всё самое верное — молчала.

— Я знаю, что произошло между тобой, отцом и наставницей.

— Нет, не знаешь, ты там не был! — подошла к нему на два шага, указывая на него пальцем.

— Симсан, прости мой род, — развёл он руками. — Я не знаю зачем мой отец так поступил, — он махнул Ленайне рукой, и та с готовностью полезла вовнутрь кармана, за метрикой, и быстро ему передала. — Вот, возьми, — протянул он Симсане документ в свертке, который Ленайна заботливо завернула в писчую бумагу и перевязала синим шнурком. — Это родометрика, в точности такая, какую ты потеряла.

Она взяла и умостила её себе под локтем скрещённых рук, не поглядев.

— Зачем ты извиняешься? — прижала уши. — Может, он прав. Я — маэмата, представь себе.

Повела бровью, голову повыше.

— Грязнокровка. Вне Радуги Крови, — добавила ещё, зло, с изломом. — Что, как тебе такое?

— Не говори глупостей, — уверенно сказал ей Арад. — Я же видел твою игнимару.

— Когда это ты видел мою игнимару? Где? — нажала Симсана.

— Здесь, — показал он на место возле печи. — Тогда.

— А, — приставила она пальцы к виску, играя драму, — тогда, когда я была без всего, и ты как раз меня отыграл, вот тогда, да? Давай рассказывай всё, при всех, — махнула рукой в сторону Ленайны. — Всё-всё расскажи, ничего не упусти. Никаких. Тайн, — обошла кровать и облокотилась о её спинку.

— Симсана... У тебя был красный огонь. Дхаары не могут жечь огонь Ваала. Ты найсагрийка по матери, тобрианка по отцу, — уговаривал её Арад, даже сам не понимая, зачем.

— Что ты об этом знаешь... — прижала она уши и скрылась в ладони.

Арад посмотрел на Ленайну, она ответила взглядом и чуть пожала плечами. А потом очень осторожно села на скамью у стола, сложив у живота руки.

— И как ты убедил своего отца? — воистину непонимающе спросила Симсана, глядя в сторону. — Думаешь, я что-то приму от него?

— Мне помогла Ленайна, и её род. Эта метрика, она... она как настоящая. Ты с ней пройдёшь Совершеннолетие, и станешь... и станешь... — Арад забыл, кем именно она должна стать после Совершеннолетия, а он любил точность в выражении слов. Проклятье, то ли ученица, то ли свободная ученица, то ли сталла, то ли дисциплира. Запутался. — Это не от моего отца. Это от нас.

Это нечто изменило в Симсанае.

— Ты что, выискал способ сделать метрику? — с любопытством и даже уважением поинтересовалась она. — Даже после этой встречи с твоим отцом? Будь она неладна, — фыркнула.

— Да.

— Я же тебя не просила.

— Ваал указал мне, где искать. Я поклялся, что найду. Я поклялся твоей наставнице. Я хотел тебе помочь, — искренне заключил он.

Симсана повертела метрикой в руке, рассмотрела свёрток со всех сторон, как диковинку, потянула за синенький шнур. Поглядела на Арада, опустив мордашку. О, нет. Он знает этот взгляд, он помнил его. Стоит уходить. Ретироваться, отступить, прямо сейчас. Но её глаза не давали; Арад понимал, что он суёт лапу в капкан, стоит на краю пропасти, но не мог ей отказать, потому что он не мог ей отказывать — это ведь его Симсана. Она залезла себе под ворот и вынула свою часть символона, на простом шнуре — носила его у шеи; затем взяла сирну и срезала шнур.

Затем подошла к нему, без боязни, близко, куда ближе, чем положено, куда ближе, чем все ожидали. Арад хотел что-то сказать Ленайне: или чтобы как-то прекратила это; или чтобы как-то поняла это; или чтобы присоединилась ко всему этому; или — даже — может быть, может ушла, хотя бы на мгновение, на чуть-чуть.

— Ты думаешь, я была с тобой ради этого? — её голос так хорош.

— Нет, я точно знаю, нет, — хрипло сказал он.

Она подала вперёд руку, и он — просто по её взгляду, глазам, внутри себя — понял, что она хочет и его часть символона.

Арад носил свою часть при себе. Никто этого не знал, и Ленайна — тоже; даже какая-то его часть старательно забывала об этом каждое утро.

Он достал её.

— Ты знаешь, почему я была с тобой, — взяла она его половинку.

— Да.

— И ты тоже любишь меня? — соединила их части вместе, символон стал един.

— Да, — с мучением сказал он, ощутив её объятия, как она прильнула к его лапе телом.

— Как мне безразлично всё это. Метрика... Маэмата... Что со мной будет... — улыбалась она при каждом слове, и он тонул всё хуже при каждом движении её рта, её блестящие зубы, её язык, её безусловно тёмные, чувственные уста. — Я тебе докажу.

Такие странные слова, они будто поселились внутри Арада, стали его собственностью, это он теперь должен доказать, не она; приказ, который он сделал своим, ибо всё, что идёт от Симсаны — его, своё, родное. «Конец», — подумал он, но уже было поздно, и он поцеловал её. Она подвижна, она растекается в руках, она пахнет мёдом и Симсаной, по ней проходят восхитительные волны, которые переходят на тебя, она горяча, она так горяча, ладони на его плечах так ласковы, так горячи, очень сильно, до огня... даже слишком... очень... аж больно, и волна колючей воды прошла по его телу... Жарко! Надо отпрянуть, надо, немедленно.

В следующее мгновение он ощутил, что его кто-то окатил мокрым и холодным сзади, по спине. Это привело в чувство, в трезвость, он оттолкнул Симсану, но несильно.

— Ты загорелся. Ты загорелся сзади, Арад. Ты загорелся, — повторяла Ленайна, растирая ему спину и буквально оттаскивая его от Симсаны. — И бумага сгорела, — заключила она, и ещё добавила из кувшина ему на спину, для верности.

Арад обернулся вокруг себя. Метрика валялась на полу и вся почернела; взял в руки — хаотично рассыпалась на чёрные хлопья. Сильно, нервно хватанул себя по спине, и обнаружил дыру в тунике. Посмотрел на ладони с тёмными следами. Потом поглядел на Симсану. Та стояла с потерянным видом, потирая запястье правой руки.

— Ей загорелась рука, — подсказала Ленайна.

И показала на юную мастерицу жизни, дабы ни у кого сомнений не явилось, у кого тут горят ладони.

— Симсана! — зло и отчаянно прорычал Арад, пройдясь во кругу.

— Что? — боязливо спросила та, словно львёна после непослушания.

— Зачем ты это сделала?! Всё теперь зря! И что ты... зачем ты... повлияла на меня!

— Чтобы ты всё понял! — с плачем ответила ему, и жалко уселась на главной кровати.

— Я же... всё сделал правильно, я ведь постарался, я даже изменил свою жизнь ради этого, а ты всё сожгла! Кто теперь станет Ашаи-Китрах, что теперь будет, как её достать снова? — подошёл к ней, и в безвыходной ярости схватил её за мордашку, вроде несильно, рассчитывая силы, но кто знает. — Ты, ты ведь сделала из меня верного Сунга! Ты знаешь, что я люблю! Т... Э... её! — указал на Ленайну. — Зачем так поступила? — сжал её за плечо.

Ленайна подошла и мягко забрала ему руку, и Симсана укрылась в кровати, чтобы никто не видел.

— Не брани её, не бей, — отвадила его Лени, хоть он и не бранил, и не бил, вроде. — Нельзя её унижать, — хотя Арад и не унижал, вроде.

Он отошёл, схватился за уши, гриву, выглянул в окно.

— Всё дело под хвост. Как теперь всё это решить...

Обернувшись, увидел, что Ленайна покровительственно обняла лежащую, спрятавшуюся в ладонях Симсану; она уже не плакала, только немножко содрогалась.

— Успокойся, Ваалу-Симсана. Всё хорошо. Я не злюсь на тебя, — гладила её по плечу, голове. — Мы пришли к тебе с добром. Ты Ашаи-Китрах, ты мастерица жизни, ты очень нужна нам. Даже если бы ты оказалась дхаари, мы бы приняли тебя. У меня дома дхаарка маленькая живёт, я её учу читать. Мы никому не скажем.

«Какая же Лени добрая, нежная душа», — подумал Арад.

— Прости, Арад, — поднялась Симсана, утирая глаза. Кажется, она не очень принимала успокоения и внимание Ленайны, но и не отбрасывала её. — Прости. Я не хотела. Я только хотела... Я проиграла.

— Что проиграла?

Симсана бессильно опустила ладони на бёдра, с хлопком.

— А, ничего. Борьбу с собой, — обыденно, даже чуть насмешливо молвила она, и шмыгнула носом.

Ленайна держала её за плечо, сидя рядом. Арад развернулся к окну, закинул руки назад.

— Мда... Мне немало стоило достать тебе родометрику, Симсан. Я заплатил за неё цену. И кто бы мог подумать. Мой отец, конечно... — и Арад не договорил. — Но ведь я за него не в ответе. И теперь — ничего нет.

— Ничего страшного, — вдруг сказала Ленайна. — Я где-то так и думала, что ты её порвёшь, — это она сказала Симсане, — или ещё что. Потому я дала тебе сначала лишь копию. Вот, это настоящая.

Арад резко развернулся, и увидел, что Ленайна даёт Симсане похожий свёрток, но уже с красным шнуром.

— Не сожги её, пожалуйста. Возьми.

Та осторожно взяла её, развязала шнур, освободила от писчей бумаги, развернула. Ленайна обняла Симсану; та же положила ей руку на плечо, и поглядела на Арада. Ленайна этого не видела.

— Ты дала ей сначала копию? Это настоящая? — радостно спросил Арад у Ленайны, глядя на Симсану.

Её глаза из-за плеча Ленайны. Красный огонь Ваала.

— Да, — прозвучал голос Лени на всю комнату.

— Значит, всё хорошо?

— Да, Арад. Всё хорошо, — убедила она.

— Ты станешь Ашаи-Китрах, Симсана. Слышишь? — прямо присел перед кроватью на колени Арад.

— Я уже, — слабо улыбнулась мастерица жизни. — Пройду Совершенное — вот что ты хотел сказать.

— Да-да, — плохо слушал Арад. — Ты будешь самой лучшей Ашаи, самой лучшей мастерицей. Правда?

— Вы добры ко мне. Мы этого не забудем. Извините за... — Симсана не знала, как назвать то, за что надо извиниться. — Иногда у Ашаи бывают сложные дни.

— Всё не зря, — радостно заключил Арад.

— Пойду метрику спрячу, подальше, а то третьей, наверное, нет, — отпрянула Симсана от Ленайны и ушла к сундуку.

— Нет, — подтвердила Ленайна.

«Победа. Всё ради победы. Ай да Лени, ай молодец, ай умница», — восторгался Арад и показал ей жестом, мол, превосходно. Она ему улыбнулась, повела ушами; пока Симсана разбиралась с метрикой, к ним хвостом, показал Ленайне на неё жестом, потом провёл по рту пальцем, потом развёл руками, мол, я не знаю, что на неё нашло, да и что и на меня нашло. Затряс руками в воздухе — ну непонятно, как так получилось, я не хотел. Ужасно, непредвиденно.

Ленайна кивнула, прикрыв глаза. Она всё понимает. Силы Ашаи.

— Спасибо тебе, Арад, — обернулась Симсана, успев уловить самое окончание отчаянной жестикуляции Арада. — Спасибо вам, добрые Сунги, — подошла к ним, ровно осанясь.

— Хорошо, что всё хорошо. Думаю, нам имеет смысл пойти, — ответила Ленайна, и встала. — Арад, как решишь?

— Да. Конечно. Симсана, мы пойдём. Я рад, что мы сделали это. Я сдержал слово. Скажешь наставнице, что мы были.

— Естественно. Что ж...

Встали друг напротив друга, в некоторой неловкости, дождь за окном прекратился, выглянуло где-то солнце, всё хорошо. Арад стоял в некотором

напряжении, пытаясь выглядеть победно и радостно; Ленайна спокойно пребывала подле него, с тихим достоинством найсаграи. Симсана — напротив: с чуть мокрыми глазами, серьёзная, с полуоткрытым ртом.

После некоторого, невидимого трения, Симсана и Ленайна сдержанно обнялись, сделав друг другу навстречу по паре шажков. Потом Симсана поглядела на Арада; он впервые в жизни не знал, как ему поступить с нею. Видимо, она тоже не знала, как ответить или что ей совершить.

— Можешь обнять его. Я понимаю, — вдруг сказала Ленайна.

Что Симсана, чуть помедлив, и сделала. Арад заметил, что у неё дёрнулся хвост. «Перенервничала», — заключил он.

— Спасибо за метрику, — провела ему ладонью по спине.

— И выкинь из головы всё, что тебе наговорил мой отец, — приказал ей Арад, сжал её посильнее. Но Симсана оказалась неподатливой, угловатой, плохопослушной.

— Как скажешь.

Ну, разошлись, потоптались. Арад пошел в предвхожую, за ним последовала Ленайна. Он не мог совладать с ремнём кнемиды, даже тихо ругнулся. Наконец, со всем справился, всё победил.

— Пока, — сказал он ей напоследок, Ленайна кивнула, укрылась в плаще.

Симсана помахала вослед, закрылась дверь, она защёлкнула за ними засов. Зашла обратно в комнату, медленно дошла до главной кровати, аккуратно села. Ухмыльнулась, потом ещё посмеялась, чему-то своему. Вдруг резво пошла к сундуку, вытащила обратно метрику, всю прочла, потрогала, даже понюхала. Ваал мой, как настоящая. Она даже потёрто выглядит, как настоящая — только крови матери внизу нет. Ещё раз ухмыльнулась, отставила её в сторону.

— Я понимаю, — с издевкой сказала в пустоту.

Нахмурилась, что-то ей уши наострились, начала искать по кровати. Нашлась сирна, вернулась на пояс, но не то. Поискала под кроватью. Взяла, бережно скрутила метрику, занесла к себе в комнату на тумбу, пришла обратно. Снова обыскалась по кровати, по простыням, перевернула подушку, провела рукой по себе и шее, даже попробовала найти несуществующие карманы на этом домашнем платье. Застыла, на четвереньках, на кровати, изрекла с оскалом:

— Паскуда!

Приговаривая «вот паскуда, вот же паскуда», пошла к себе в комнату. Схватила за уши, выглянула в окно, выдохнула, походила по комнате, мучая себе уши, дёргаясь за кольцо мастерицы жизни. Затем резко уселась напротив зеркала сновидиц, вытащив сирну из ножен, распахнула себе ворот, до конца. Приставила сирну к шее. В горлу. Спереди, сбоку.

— Паскуда. Сука.

Ухнули двери. Сглотнула. Отвадила оружие. Уселась, безвольно свесив руки, сирна чуть не выпала из ладони, устало гляделась на себя. Слёзы потекли сами, хоть она и не хотела, честно, пришлось закрыть глаза, чтобы не видеться в зеркале — слишком оно большое, не убежишь, не спрячешься.

Вдруг зашла наставница, скрипнув дверьми («Обещался двери смазать», — невпопад подумалось Симсане, невольно улыбнулась); не удивившись положению и виду ученицы, подошла к ней.

— Всё болеешь, грызёшь хвост?

Заметила метрику на комодe, взяла; подойдя к окну, изучила, прищуриваясь и отводя вдаль руку.

— Вот это да! Тебе Арад принёс? — живо спросила Ваалу-Миресли.

— Это он, — сказала и тяжело всхлипнула: очень уж мешал простуженный нос, да ещё эти слёзы, чтоб их. — Только что. С Ленайной приходил.

— С Ленайной? Прямо как прежняя. Ну чисто, — восхитилась наставница родометрикой. — Как это он ухитрился её сделать... Вот так львина, сдержал слово, всё нам сделал.

— Хах, — издала смешок Симсана, и тайна: то ли презрения, то ли одобрения, то ли ревности, то ли ненависти, то ли любви.

— А это что у тебя в руке? Сирна?

— Да.

— Это Арад случайно нашёл в болоте, в котором ты случайно её потеряла? — забрала свою сирну Ваалу-Миресли, но незлобно, не ругая.

— Да, вот так получилось, — разлеглась Симсана на кровати. — Вот так бывает.

— Ясно. Ляг, — наставница жестами указывала ей раздеться. — Сновидеть нельзя. Думать нельзя. Спи из аумлана.

— Мне после аумлана всякие дурацкие сны снятся, постоянно. Всякая гнусь. Пыльные комнаты, ужасные лестницы, — обернулась Симсана к стенке, нервно и жестоко сняв с себя платье.

— И Ваал, который хлещет тебя по мордасам, — Миресли забрала от неё платье.

— И душит, и трахает, — смачно, выразительно дополнила Симсана.

— Ну, не это самое... не это мне тут.

— А что, — с вызовом воскликнула Симсана в стенку, держа обе ладони под ухом, чуя твёрдость кольца мастерицы жизни и мягкость подушки. — Теперь Арада нет, теперь это всё вернётся.

— Ты радуйся, а то потекаешь себе в дурном, — склонилась к ней Миресли. — Хорош, Арад, хороший выбор. Молодец, — складывала она платье Симсаны, одобрительно кивая. — Видишь, толк со всего был! Дело

теперь в кармане, делом меньше, слава Ваалу. Всё волей Ваала, дела разрешились...

— Эта паскуда всё забрала у меня. Даже память о нём, — куталась, пряталась Симсана в кровати, ближе к стенке.

— Эта паскуда — добрая Сунга, и будет супругой доброму Сунгу. Она к нам ещё и рожать придёт, ты смотри. Симсана, — наставница приложила ей ладонь к плечу. — Аамсуна. Тебе он всё дал, и ты ему всё дала. Всем всё поделом. Смотри мне, — пригладила её. — Что, он знал всё от отца?

— Да, всё знал.

— И о том, что тебя дхааркой обозвали?

— Да, обо всём знал.

— Видишь. Не поверил гнусной лжи, отцу своему не поверил. Вот этот Нергим, до каких оскорблений додумался.

— А вдруг — правда?

— Симсана, — очень строго молвила Миресли, погрозив пальцем. — Ты — Ашай-Китрах. У тебя руки горят. Это невозможно. Сколько раз мы об этом говорили? И о хвосте я тебе безмерно раз рассказывала. Или заноешь, как в детстве: «Наставница, наставница, а чего это у меня мамы и папы нет?», «Наставница, наставница, а кто меня любит?».

Симсана немножко посмеялась — больно хорошо Миресли паясничала детским голоском. Посмеялись вместе. Утихли.

— Наставница мне неправду говорит, — посмотрела на неё Симсана лёжа, отрешённая, блестящие глазки. — Но ничего. Я не злюсь.

Миресли уселась на кровать, протянула руку к ученице, взяла за подбородок. Посмотрела в глаза, так, сяк. Оставила, вернула созерцать стенку, пригладила по плечу.

— Вот и не злись. И не гневи Ваала. Некогда нам — работы много. Была теперь вот у Ниньи, та разрешала дхаарку на Югконце, сказала, все они теперь по домам сидят, боятся очень, и своих хозяев боятся, и на работы идут неохотно. Погром может быть.

— Почему погром? — шмыгнула Симсана носом.

— Да какие-то два дхаара осквернили Знамя Империи, или что-то такое, говорила, даже что кровью полили, потоптались. Говорила, казнь скоро, уже решено.

— Страшные дела прям, — равнодушно молвила Симсана, и снова шмыгнула носом.

— Ладно, к нам вечером приведут одну, ты поспи. А завтра — ещё одну.

— Много, — отметила Симсана.

— И третья будет.

— Ваал!

— Нинья говорит — подсобите, не могу.

— Как всегда. Если мы, так «подсобите». Если к ней, так «где деньги?».

— Ну, она деньги зарабатывает, — развела руками наставница, и встала, забрав с собой родометрику Симсаны. — Деньги, денежки.

— А мы? Нам тоже отдариваются.

— Да что мы, — снова развела руками наставница и пошла к двери. — Аумлан, Симсана. Или лучше поспи.

— Нет, что мы делаем? Вот что мы делаем?

— Или спим, — указала метрикой наставница на Симсану, держа дверь, — или в аумлане висим. Во славу Сунгов, волей Ваала! Ну!

— Да, наставница.

Хлопнула дверь, Симсана поднялась и подлезла к спинке кровати. Глядела в окно, капли на стекле. Снова начала реветь, но махнула рукой, не стала сдерживаться. Иногда надо. Надо.

— Всем всё поделом, — тонким шёпотом протянула, и всхлипнула.

Утёрлась шемизой. Терпеливо и равнодушно наблюдала серость за окном, шевелился кончик хвоста (виновник всему). В комнате тепло. Поглядела — надо бы пыль вытереть, много где, особенно на той недосыгаемой полке.

— Её выбрал? Ну и ладно. Ты ещё... — оскалилась окну. — Ты ещё!.. Ненавижу.

Поглядела в зеркало.

— Нет. Мне всё равно, — оскалилась зеркалу. — Подлапник. Ещё и её притащил. Уцепилась — не отцепишься. Да, Арад? Да?

Поутиралась снова, ещё хлеще и злее.

— Она тебе не станет Ахлией, не покажет огня Ваала, — говорила она зеркалу, даже не заботясь, слышит ли кто-то. — Она тебе не... Это ты всё виноват. Это всё ты. Ты, ты, ты... Я и ты. Ты меня солгал. Ты меня... Всем всё поделом. Никто не виноват. Никто ни в чём не виноват, никто, ни в чём, нигде, никогда, ниоткуда... Ниоткуда. Родом ниоткуда. Смешно, серьёзно. Ничего, ничего.... Ансиан.... Ансиан саахиим. Ансиан саахиим. Ансиааан саааахиииим...

Если бы кто был в той комнате, то увидел, что через мгновение Симсана уснула поперёк кровати, покоровшись капризному дару её духа (жрица Ваала, во славу Сунгов), который сыграл шутку с хозяйкой; вся сжалась, обвилась хвостом, и ей не жарко, не холодно, ни грустно, ни весело, ей — ничего; никто не ощутит спокойное тепло её дыхания, и никто не увидит, как особенно красив изгиб тёмного рта Ашаи-Китрах, что нечаянно усыпилась собственной силой.

Когда вышли из дому Миресли-Симсаны, то Арад понёс Ленайну на руках, дабы не вступила в болото и не загрязнила подола, и прямо так её и усадил в двуколку, как полезный, тёплый, умный, хитрый, мягкий, ласковый трофей. Приятная, вкусная тяжесть её тела. Отвязал лошадь, сели, поехали.

— Ну ты представляешь! Мы же сирну, метрику принесли, а вдруг вот это вот всё! Я просто смотрю на неё, и такой... знаешь... туман в голове, и просто ничего не соображаешь. Как это у Ашаи называется... Ну, — щёлкал он пальцами, — ну когда влияют на разум, как эта штука называется? — нервничал он.

— Да-да, мрачное дело, — соглашалась Ленайна. — И обжётся сзади, и дырка-то какая, я тебе всё зашью. Ты же чуть не сгорел! Опасно. Бедненький, тебе, верно, голова кружилась от всего этого.

— Не называй меня «бедненьким», я этого не люблю, чтоб ты знала.

— Най-най, не ярься, дай я тебя утру.

— Да это встать надо!

— Ну остановись. Вот так, — утёрла она его подолом, чтобы снять ему нервы и плохое.

— Ты моя умница. Ты моя умница, — приговаривал он. — Как же ты догадалась дать ей копию, а потом — настоящую?

— Да всё как обычно, — мягко согласилась Ленайна.

Араду стало куда лучше, и поехали дальше. Он и дальше что-то рассказывал, о том, что такого не ожидал, и что теперь Ваалу-Миресли с ними в дружбе, но надо переждать, пока его отец немного поостынет, и что как-то надо будет рассказать его родителям, что Марна отменяется, и что Симсана, на самом деле, не хотела его целовать, просто они Ашаи-Китрах, у них там всё сложно, непонятно, и что Лени так прекрасно всё продумала и позаботилась обо всём, ну настоящая львица, не львица, а находка, и Ленайна соглашалась со всем, только отметив, какая стала чудная, превосходная погода — добрый знак.

— И символон, вон он, — вытащил его Арад, протягивая ей, отдавая, чтобы Ленайна подсказала, что с этим делать. — Это от неё, подарок. Был нынче со мной, так уж получилось, так уж получилось...

— Оставь, оставь, это память, — сжала она ему ладонь. — Это ничего, пусть будет.

Она посмотрела в сторону от Арада, мягко опустила руку в большой карман на поясе, справа, проверив, на месте ли вторая часть символона, вовремя добытая ловкостью руки и хитростью ума. В глазах Ленайны — красный закат, как Знамя Войны Сунгов. Она чуть усмехается, поднимает

голову навстречу ветру и заходящему солнцу, и неслышно, невидимо говорит себе под нос: «дхаарка».

2020 г.
ms0